

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская история

В номере:

Из истории политических партий и движений социального протеста: конец 1917 – начало 1930-х гг.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. и демографическая ситуация в России

Повседневная жизнь российской провинции в XVII – начале XX в.

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

МОСКВА
НАУКА

4

июль
август
2010

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ (*главный редактор*),
А.В. ГОЛУБЕВ (*зам. главного редактора*), **Д. ДАЛЬМАНН** (*Германия*),
А.Е. ИВАНОВ, А.В. ИГНАТЬЕВ, А.П. КОРЕЛИН, В.А. КУЧКИН,
Л.Н. НЕЖИНСКИЙ, Е.И. ПИВОВАР, Ю.С. ПИВОВАРОВ,
В.Н. ПЛЕШКОВ, Н.М. РОГОЖИН, А.Н. САХАРОВ,
Д. СВАК (*Венгрия*), **С.С. СЕКИРИНСКИЙ, В.А. ТИШКОВ, В.В. ТРЕПАВЛОВ,**
ДЖ. ХОСКИНГ (*Великобритания*), **В.В. ШЕЛОХАЕВ**

Адрес редакции:

117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41
Наша электронная почта:
otech_ist@mail.ru
otech_ist1@mail.ru

Ответственный секретарь **М.А. Новикова**
Тел. 8-499 723-69-10

EDITORIAL BOARD

A.N. MEDUSHEVSKY (*Editor-in Chief*),
A.V. GOLUBEV (*Deputy Editor-in-Chief*), **DITTMAR DAHLMANN** (*Germany*), **A.E. IVANOV,**
A.V. IGNATIEV, A.P. KORELIN, V.A. KUCHKIN, L.N. NEZHINSKY,
E.I. PIVOVAR, Yu.S. PIVOVAROV, V.N. PLESHKOV, N.M. ROGOZHIN,
A.N. SAKHAROV, GYULA SZVÁK (*Hungary*), **S.S. SEKIRINSKY,**
V.A. TISHKOV, V.V. TREPAVLOV, GEOFFREY HOSKING (*United Kingdom*),
V.V. SHELOKHAEV

Address:

19, Dm. Ulianova, Moscow, Russia. Tel. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41

Managing Editor **M.A. Novikova**
Tel. 8-499 723-69-10

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ЧЕТЫРЕХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ, ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА), А ТАКЖЕ В ЭЛЕКТРОННОМ ВАРИАНТЕ (ДИСК И РАСПЕЧАТКА НЕ БОЛЕЕ 1,5 ПЕЧАТНОГО ЛИСТА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ МАТЕРИАЛА РУКОПИСИ И ДИСКИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

МНЕНИЯ, ВЫРАЖЕННЫЕ В СТАТЬЯХ, ОТРАЖАЮТ ЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ АВТОРОВ И НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО СОВПАДАЮТ С ТОЧКОЙ ЗРЕНИЯ РЕДКОЛЛЕГИИ И РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА.

Из истории политических партий и движений социального протеста: конец 1917 – начало 1930-х гг.

© 2010 г. М.А. АНДРЕЕВ*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИИ ЛЕВЫХ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В НАРКОМПРОСЕ РСФСР

Начало советского государственного строительства и сопутствующие этому процессу межпартийные отношения традиционно остаются одним из важных сюжетов отечественной историографии. В советский период вышло немало работ, посвященных исследованию истории и деятельности неболшевиcтских партий, в том числе и Партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР)¹. Предметом большинства исследований выступала не история данных партий как таковых, а история борьбы большевиков с ними, или же «история эволюции и банкротства мелкобуржуазного социализма»². В подобных исследованиях, как в разбитом зеркале, отражались не деятельность рассматриваемых партий, а лишь отдельные, вырванные из общего контекста ее фрагменты – попытки неболшевиcтских партий противодействовать решениям большевиков. В результате, до настоящего времени о конструктивной деятельности ПЛСР в рамках социалистического строительства и формирования государственного аппарата новой власти было практически ничего не известно. В отдельных монографиях появлялись те или иные фамилии представителей ПЛСР, получивших высокие посты в государственном аппарате, сопровождаемые лишь указаниями на их расхождения с большевиками и стремление проводить собственную, не отвечающую интересам РСДРП(б), политику³. Ситуация в историографии начала меняться сравнительно недавно⁴. Цель данного сообщения – обратить внимание на некоторые новые факты, связанные с участием представителей ПЛСР в налаживании аппарата Наркомпроса РСФСР во взаимодействии с его большевиcтским руководством.

Включение левых эсеров в состав советского правительства стало для большевиков вынужденной крайней мерой уступок по отношению к соперничающей с ними партии. Положение РСДРП(б) в этот период было критическим, и для удержания власти требовалась дополнительная поддержка, было необходимо урегулировать положение хотя бы на внутреннем, межпартийном фронте. Союз с левыми эсерами, на котором так настаивал В.И. Ленин, был на руку большевикам. Руководство же ПЛСР колебалось между желанием участвовать в государственной власти и создать единую коалицию социалистических партий⁵.

Точкой отсчета в сотрудничестве большевиков и левых эсеров в рамках государственного аппарата принято считать постановление ВЦИК «Об изменении состава Совета Народных Комиссаров» от 17 ноября 1918 г., согласно которому во все коллегии при СНК левые эсеры могли вводить своих представителей⁶. Не стал исключением в этом вопросе и Наркомпрос РСФСР, весь штат которого в связи с острой нехваткой сотрудников в тот период составлял лишь нарком просвещения А.В. Луначарский и несколько его коллег по партийной и просветительской работе⁷.

Указанная проблема для Наркомпроса оказалась далеко не единственной. Помимо нее на работе ведомства негативно сказывался отказ от сотрудничества с новыми вла-

* Андреев Михаил Александрович, аспирант Историко-архивного института РГГУ.

стями большинства деятелей искусств Петрограда⁸ и, что было даже более важно для формирования нового государственного аппарата, чиновников Министерства народного просвещения. А в свете вышедшего 15 ноября 1917 г. постановления СНК о переезде народных комиссариатов в здания министерств⁹ перспектива у наркома просвещения и его коллег была просто удручающая – нужно было любой ценой захватить здание Министерства народного просвещения и организовать работу его аппарата, не зная даже, с чем им предстоит там столкнуться.

В этой ситуации одну из ключевых ролей в процессе формирования ведомства сыграл левый эсер В.В. Бакрылов¹⁰. Только благодаря его стараниям и настойчивости был разрешен конфликт с чиновниками Министерства, отказавшимися общаться с большевиками. После этого руководство Наркомпроса во главе с Луначарским смогло, не применяя вооруженную силу¹¹, «захватить» здание Министерства народного просвещения и привлечь к сотрудничеству большую часть низших служащих и небольшую группу руководителей среднего звена¹². При этом вся заслуга данного «захвата» в советской историографии была приписана Луначарскому¹³, а о Бакрылове сохранилось лишь упоминание в воспоминаниях того же наркома¹⁴ и в работе американской исследовательницы Фицпатрик¹⁵. К числу достижений Бакрылова, утвержденного в середине ноября 1917 г. в должности правительственного комиссара по организационному отделу¹⁶, можно отнести также его участие в формировании ведомственной канцелярии, редакционно-издательского, финансового и организационного отделов¹⁷. Кроме того, в ноябре–декабре 1917 г. он занимался решением большинства кадровых вопросов ведомства и выполнял еще несколько важных поручений Государственной комиссии по просвещению РСФСР (ГК)¹⁸. Однако после 1917 г. сведений о нем и его деятельности в документах не обнаружено¹⁹.

Благодаря межпартийному сотрудничеству и давлению со стороны ПЛСР в состав Наркомпроса было введено еще несколько левых эсеров. Так, 9 декабря 1917 г. на должность заместителя наркома был утвержден Г.Д. Закс²⁰, а вслед за ним в состав Наркомпроса вошли А.П. Барышников, А.П. Кудрявцев, Д.Ю. Элькина и Терентьев²¹. При этом большинство из них получило должности не ниже заместителя заведующего отделом, что позволило им участвовать в заседаниях ГК с правом решающего голоса²². Еще одним представителем ПЛСР, вошедшим в состав Наркомпроса в тот же период, стала С.В. Азанчевская, занявшая первоначально должность заместителя заведующего финансового отдела²³. Наконец, во главе Народного комиссариата имуществ Российской Республики, в компетенцию которого входила смежная с Наркомпросом функция – заведование театрами, музеями, историческими дворцами, парками и т.п., 12 декабря был назначен левый эсер В.А. Карелин²⁴. 16 декабря 1917 г. он вместе с Луначарским подписал постановление, в котором определялось совместное управление всеми смежными учреждениями²⁵, что в дальнейшем и предопределило судьбу этого небольшого по штату, но очень разностороннего по своей компетенции ведомства. Наркомпрос в конце лета 1918 г. поглотил его, сформировав в рамках своего разросшегося аппарата отдел имуществ Республики²⁶.

В начальный период формирования Наркомпроса левые эсеры занимались преимущественно административной работой. Им чаще поручались организация ключевых отделов, подбор новых сотрудников и помещений, что стало особенно актуальным в марте 1918 г., когда Наркомпрос вслед за СНК переехал в Москву²⁷. При этом часть опытных сотрудников осталась в Петрограде²⁸, тем самым еще больше осложнив процесс формирования ведомственного аппарата в Москве, но и выявив блестящие организационные способности отдельных сотрудников Наркомпроса – левых эсеров Элькиной и Азанчевской²⁹. Следует также отметить, что образовательный уровень представителей ПЛСР, входивших в руководящий состав Наркомпроса, не уступал соответствующему уровню представителей РСДРП(б). Так, например, Элькина, Закс и Н.А. Полянский получили высшее образование, Бакрылов – среднее³⁰. В то же время при сопоставлении с общими данными по руководящему составу Наркомпроса с начала его деятельности до осени 1918 г., приведенными в таблице М.Б. Кейрим-Маркус,

можно выявить достаточно схожую картину – из 37 человек, ответивших на вопрос об образовании, 22 имели высшее, 4 – неоконченное высшее и 10 – среднее образование³¹. Практический же опыт работы в органах государственной власти, и у большевиков, и у левых эсеров был минимален³², и им сообща приходилось осваивать новую профессию.

Однако во взаимоотношениях между двумя партиями в рамках Наркомпроса уже с самого начала совместной деятельности сказывалось их неравное положение. Левые эсеры были лишь допущены большевиками к управлению ведомством, но они не могли определять основные направления деятельности и ближайшие задачи Наркомпроса. Большевики постоянно оказывали давление на коллег по ведомству, старались продвигать свои решения общим числом голосов на заседаниях ГС, обвиняя левых эсеров в затягивании решения вопросов³³, шпионаже в пользу собственной партии и пособничестве саботажникам³⁴. Кроме того, как уже было сказано, представители ПЛСР выполняли в большинстве своем чисто административные функции. Это позволяло большевикам сконцентрироваться на решении более важной, с их точки зрения, задачи – проведения комплексной реформы народного образования. Так в разделенной на 3 секции Декретной комиссии Наркомпроса, левые эсеры участвовали лишь в заседаниях 2 секций: административной и текущих дел и по финансовым вопросам, в то время как секция по подготовке реформ осталась полностью в руках большевиков³⁵.

Наиболее видные представители ПЛСР в Наркомпросе и Наркомате имуществ ушли со своих постов как в результате планомерного давления со стороны большевиков, ограничения их инициативы, так и вследствие несогласия левых эсеров с ратификацией на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов Брест-Литовского мирного договора³⁶. Однако на этом история взаимоотношений и сотрудничества двух партий в рамках Наркомпроса не закончилась. До начала лета 1918 г. продолжали работать на ведущих должностях и участвовать в заседаниях ГК левые эсеры А.П. Барышников, Д.Ю. Элькина, С.В. Азанчевская и А.П. Кудрявцев³⁷. Однако уже 3 июня в связи с отъездом Кудрявцева в Петроград и длительным отпуском по болезни Барышникова, на заседании ГК было принято решение делегировать на их место в ГК других однопартийцев: бывшего председателя Херсонского Совдепа И.И. Гливенко, вошедшего также в коллегию Отдела единой школы, Н.А. Полянского, занявшего пост заместителя заведующего того же отдела, и Д.А. Магеровского³⁸. Таким образом, хотя и ненадолго, но было восстановлено представительство ПЛСР в рамках ГК.

Спустя месяц был убит посол Германии в РСФСР барон Мирбах. Это событие радикально изменило сложившуюся политическую обстановку, обострило отношения некогда союзнических партий³⁹. Большевики, обвинив ПЛСР в предательстве интересов народа и попытке развязать войну⁴⁰, начали открытую борьбу с ними, которая привела к окончательному вытеснению левых эсеров из государственного аппарата. Многие левые эсеры, желавшие сохранить свою должность и работу, вышли из состава ПЛСР и пополнили многочисленные ряды беспартийных сотрудников, либо перешли в стан большевиков⁴¹. Так завершилась история участия представителей ПЛСР в формировании Наркомпроса РСФСР.

Примечания

¹ Астрахан Х.М. Большевики и их противники в 1917 г. Л., 1973; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970; Гусев К.В., Ерицын Х.А. От соглашения к контрреволюции: Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров. М., 1968; Спирин Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России: 1917–1920 гг. М., 1967; и др.

² Гусев К.В. Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. М., 1975. С. 5.

³ Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства: 1917–1918 гг. М., 1987. С. 178–179; Ирошников М.П. Создание советского центрального государственного аппарата: Совет Народных Комиссаров и Народные комиссариаты: октябрь 1917 г. – январь 1918 г. Л., 1967. С. 59–61, 261–262, 269–270; и др.

⁴ К числу современных исследований, в которых был проанализирован кадровый (в том числе и партийный) состав ведомств, можно отнести следующие работы: *Капчинский О.И.* ВЧК: Организационная структура и кадровый состав: 1917–1922 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; *Морозов Б.М.* Формирование органов центрального управления Советской России в 1917–1918 гг.: на примере Народного комиссариата путей сообщения. М., 1995; *Садков В.Н.* Наркомат юстиции и советское законодательство: 1917–1922 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

⁵ *Городецкий Е.Н.* Указ. соч. С. 114–130.

⁶ Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 102–103.

⁷ *Ирошников М.П.* Указ. соч. С. 227.

⁸ *Аймермахер К.* Политика и культура при Ленине и Сталине: 1917–1932 гг. М., 1998. С. 27.

⁹ ГА РФ, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 2.

¹⁰ Рекомендацию Бакрылов получил от друга Луначарского большевика Д.И. Лещенко (*Луначарский А.В.* Как мы заняли Министерство народного просвещения // *Луначарский А.В.* Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 181), хотя в анкете указал, что рекомендовал его непосредственно Луначарский (ГА РФ, ф. А-2306, оп. 36, д. 193, л. 126).

¹¹ Для захвата государственных учреждений большевики часто использовали фактор устрашения – брали с собой оружие или десяток революционных матросов, как это произошло, например, при захвате Министерства государственного призрения и Государственного банка. (Петроградский Военно-революционный комитет: Документы и материалы. Т. 3. М., 1967. С. 72, 92.)

¹² *Луначарский А.В.* Указ. соч. С. 182–183.

¹³ *Ирошников М.П.* Указ. соч. С. 227; *Кейрим-Маркус М.Б.* Государственное руководство культурой. Строительство Наркомпроса: ноябрь 1917 г. – середина 1918 г. М., 1980. С. 22–23; *Кернацкая Т.М.* Из истории образования Наркомпроса РСФСР в октябре 1917 г. – августе 1918 г. // Труды МГИАИ. Т. 19. М., 1965. С. 101–102; и др.

¹⁴ *Луначарский А.В.* Указ. соч. С. 181–182.

¹⁵ *Fitzpatrick S.* The commissariat of Enlightenment: Soviet organization of education and arts under Lunacarskij: 1917–1921. Cambridge, 1970. P. 15.

¹⁶ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2728, л. 4.

¹⁷ ГА РФ, ф. А-2306, оп. 2, д. 10, л. 3–4, 11.

¹⁸ Там же, л. 6, 7, 9 об., 11, 19.

¹⁹ В последний раз он участвовал в заседании ГК 29 декабря 1917 г. (Там же, л. 35).

²⁰ Там же, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 34.

²¹ Там же, ф. А-2306, оп. 2, д. 10, л. 36.

²² В частности, Кудрявцев получил должность правительственного комиссара по Библиотечному отделу, Элькина – первоначально должность заместителя заведующего внешкольным отделом, а с апреля 1918 г. – должность временного заведующего инструкторского отдела, Барышников – должность заместителя заведующего низшей школы (ГА РФ, ф. А-2306, оп. 65, д. 24, л. 2; оп. 1, д. 35, л. 31).

²³ ГА РФ, ф. А-2306, оп. 2, д. 10, л. 40. В марте 1918 г. Азанчевская была утверждена сразу на 2 должности: заведующей организационным отделом и пенсионной кассы учителей (Там же, л. 157).

²⁴ Декреты советской власти. Т. 1. С. 215.

²⁵ Из истории строительства советской культуры: 1917–1918 гг. Документы и воспоминания. М., 1964. С. 53–54.

²⁶ ГА РФ, ф. А-2306, оп. 1, д. 114, л. 3.

²⁷ Декреты советской власти. Т. 1. С. 578.

²⁸ В.И. Ленин и А.В. Луначарский: Переписка, доклады, документы // Литературное наследство. Т. 18. М., 1971. С. 59–60.

²⁹ ГА РФ, ф. А-2306, оп. 2, д. 10, л. 42–52.

³⁰ Там же, д. 193, л. 124; оп. 54, д. 432, л. 3; оп. 65, д. 24, л. 1; *Красовицкая Т.Ю.* Российское образование между реформаторством и революционаризмом: февраль 1917–1920 гг. М., 2002. С. 107–108.

³¹ *Кейрим-Маркус М.Б.* Указ. соч. С. 180–181.

³² Там же. С. 171–174.

³³ Это служило поводом для неоднократной (17 и 31 марта 1918 г.) постановки вопроса о предоставлении левым эсерам права решающего голоса на заседаниях ГК, обсуждение которого все же приводило к утверждению данного права за левыми эсерами (ГА РФ, ф. А-2306, оп. 2, д. 10, л. 52; оп. 1, д. 35, л. 14).

³⁴ Так, например, предоставление заместителю наркома просвещения Заксу права присутствовать во время приемов различных делегаций и гостей наркомом (ГА РФ, ф. А-2306, оп. 2, д. 10, л. 34) было воспринято целым рядом сотрудников как открытый шпионаж в пользу ПЛСР (*Поланский В.* Как начал работать Наркомат просвещения // Пролетарская революция. 1926. № 1–2. С. 51).

³⁵ ГА РФ, ф. А-2306, оп. 2, д. 10, л. 38.

³⁶ Карелин вышел из состава правительства вслед за ратификацией мирного договора, а Закс ушел со своего поста заместителя наркома просвещения чуть позднее, перейдя на работу в ВЧК в апреле 1918 г. (Из истории строительства советской культуры... С. 54; Левые эсеры и ВЧК: Сборник документов. Казань, 1996. С. 58).

³⁷ ГА РФ, ф. А-2306, оп. 1, д. 35, л. 2, 14, 30, 34, 41, 47, 87, 93, 99, 110, 117, 128, 140, 143, 152, 158, 164, 169, 175, 180, 187.

³⁸ Там же, л. 187 об.; оп. 36, д. 16, л. 17.

³⁹ Левые эсеры и ВЧК... С. 9–28.

⁴⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 518–519.

⁴¹ В качестве примера можно привести двух сотрудников Кинематографического отдела Наркомпроса РСФСР (заведующего технической частью В.В. Петрова и заведующего отделом съемки и фото-бюро Н.П. Тихонова), которые ранее состояли в партии ПЛСР, но в своих анкетах уже относили себя к категории беспартийных (ГА РФ, ф. Р-3524, оп. 1, д. 30, л. 100, 134).

© 2010 г. Д.И. ЧЕРНОВ *

АНАРХО-УНИВЕРСАЛИСТЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ начала 1920-х годов

Анархистскому движению в России в послереволюционные годы посвящено много исследований, однако некоторые связанные с ним эпизоды остаются малоизученными. Если тема повстанческих анархистских движений, вероятно, исчерпывающе освещена в исторической литературе, то легальным послереволюционным анархистским организациям уделено гораздо меньше внимания. В особенности это касается анархистских течений, существовавших в начале 1920-х гг. Между тем в этот период, несмотря на крайне неблагоприятный политический климат, не только продолжали функционировать возникшие ранее анархистские течения и группы, но и появлялись новые. Одному из подобных течений – анархо-универсализму и его ответвлениям, до сих пор не подвергавшимся подробному рассмотрению, и посвящена данная статья.

Послереволюционное анархистское движение представляло собой причудливую и запутанную сеть всевозможных союзов, кружков, организаций, постоянно дробящихся, сливающихся друг с другом, распадающихся и возникающих вновь. Попытки объединить представителей всех анархистских течений предпринимались постоянно, однако результат их неизменно был один – созыв якобы общего анархистского съезда, в котором принимали участие представители лишь малой части имевшихся анархистских течений и создание им очередной анархистской организации, которая, как правило, вскоре распадалась¹. В послереволюционные годы было создано множество самых различных анархистских теорий – изощренных, экстравагантных и явно оторванных от жизни. В начале 1920-х гг. едва ли было возможно разработать новую анархистскую систему взглядов, которая обладала бы стройностью, романтическим ореолом, а также сочетала бы полную лояльность к большевистскому режиму с позиционированием себя в качестве более левой революционной теории.

Однако попытка создания подобной теории все же была предпринята в августе 1920 г. Ее автором стал Абба Львович Гордин, к тому времени уже весьма известный

* Чернов Данила Иванович, кандидат исторических наук, редактор издательства «Дрофа».

теоретик анархизма. В 1918 г. вместе с братом Владимиром Гординым он разработал идеологию пананархизма, согласно которой главное общественное противоречие заключалось в противостоянии *организуемых* и *организующих*, сохраняющемся и при социализме. Объединение, созданное братьями Гордыными на подобном идейном основании, с самого начала было крайне малочисленным. Вскоре А.Л. Гордин разочаровался в пананархизме, пожелав развить и усовершенствовать его. В декабре 1919 г. он вступил в ряды Московского союза анархистов – плода очередной неудачной попытки объединить анархистов различных направлений. Являясь членом этой организации, Гордин разработал систему взглядов, названную им интериндивидуализмом. Этот термин означал стремление к такому обществу, которое, основываясь на принципах самоорганизации, уничтожит противоречие между индивидуализмом и коллективизмом, так как воля и творческие потребности отдельной личности будут полностью совпадать с волей и творческими потребностями общества². 26 августа 1920 г., когда Московский союз анархистов окончательно развалился из-за отсутствия единства в своих рядах, Гордин выступил перед оставшимися его членами с докладом, содержавшим основные тезисы новой анархистской идеологии, названной им анархо-универсализмом.

Краеугольным камнем этой идеологии должно было стать представление об анархо-универсализме, как завершающей общественно-экономической формации, следующей за социализмом. Анархо-универсализм характеризовался Гордыным как уничтожение всех форм разделения человечества – национального, государственного, языкового, экономического; создание единого мирового правления, основанного на самоорганизации общества и единой мировой экономической системы (космоэкономизма), основанной на упразднении всех форм собственности (не только частной, как при социализме). Возникновение подобного общественного строя объявлялось возможным лишь после победы во всем мире социалистических революций, уничтожения деления общества на классы и других пережитков капитализма. Попытки же приблизить осуществление этого анархистского идеала, минуя социалистический строй, объявлялись Гордыным авантюристическими и решительно отвергались³. Таким образом, ему удалось совместить верность общим анархистским идеалам безвластия с лояльностью существующему режиму и оправданием даже самых непопулярных и противоречащих анархистским взглядам действий этого режима.

Идеи Гордина многим его соратникам показались действенным способом придать анархистскому движению второе дыхание. Бывший анархо-коммунист и редактор газеты «Анархия» Г.К. Аскаров и бывший член союза анархо-синдикалистской пропаганды «Голос труда» А.М. Шапиро составили вместе с Гордыным секретариат созданной вскоре Московской секции анархо-универсалистов (МСАУ)⁴. Ближайшими задачами МСАУ стали разъяснение идей и принципов анархо-универсализма, а также активное участие в социалистическом строительстве. Советское правительство отнеслось к появлению МСАУ благосклонно, рассматривая ее как противовес антибольшевистски настроенным анархистам.

Деятельность МСАУ в первые месяцы существования была весьма активной. Ею было создано издательство, опубликовавшее осенью 1920 г. брошюры Гордина «От юридического анархизма к фактическому» и «Анархо-универсализм – к обоснованию программы», организованы лекции на заводах и в учебных заведениях, основаны клуб, столовая и библиотека. Наиболее плодотворной оказалась деятельность по созданию секций анархо-универсалистов в провинции и объединению их во Всероссийскую секцию анархо-универсалистов (ВСАУ). Осенью 1920 г. о принятии идей анархо-универсализма объявила Ассоциация анархистов Урала, возникли анархо-универсалистские секции в Брянске, Рязани, Минске, Самаре, предпринимались попытки создать их и в других регионах⁵. Влияние ВСАУ распространилось даже за пределами советского государства – в сентябре 1920 г. в Варшаве возникла Польская секция анархо-универсалистов⁶. Для анархистского объединения в Советской России 1920-х гг. создание столь разветвленной организационной сети можно считать успехом. Однако далеко не все вступившие в ряды ВСАУ были детально знакомы с теоретическими трудами Гордина

и полностью разделяли его идеи. Среди мотивов большинства анархо-универсалистов преобладало абстрактное стремление вдохнуть в анархистское движение новую жизнь. Это и предопределило раскол, постигший ВСАУ менее чем через 3 месяца.

28 декабря 1920 г. Гордин на VIII Всероссийском съезде Советов огласил программную декларацию, составленную им от имени ВСАУ. Анализируя современную политику советского правительства, он полностью оправдывал все ее аспекты, в том числе столь неприемлемые для любых анархистских течений, как всеобщая трудовая повинность, милитаризация труда и планирование производства из единого центра⁷. За несколько дней до этого декларация была представлена на обсуждение общему собранию МСАУ, однако большинство его участников не заходило столь же далеко, как Гордин в своей лояльности советскому режиму. После бурных прений общее собрание большинством голосов не пожелало принять декларацию в качестве своей официальной программы⁸.

Впоследствии сторонники Гордина объясняли свое поражение тем, что в состав МСАУ незадолго до этого была принята группа недавно освобожденных из заключения анархистов, которым, несмотря на их плохое знакомство с теоретическими материалами анархо-универсалистов, на общем собрании, вопреки уставу МСАУ, было предоставлено право голоса⁹. Судя по всему, подобное объяснение соответствовало действительности: рост рядов ВСАУ в первые месяцы ее существования действительно во многом был обусловлен притоком выпущенных на свободу анархистов, до этого зачастую являвшихся членами антибольшевистских анархистских объединений, вплоть до таких радикальных, как Конфедерация украинских анархистов «Набат». Именно в обмен на согласие примкнуть к ВСАУ они получали свободу, чем, естественно, многие воспользовались, не будучи в полной мере согласны с ее программой. Этот факт еще до раскола ВСАУ не остался незамеченным большевиками, на него, в частности, обращал внимание сотрудник Секретного отдела ВЧК М. Бренер, возражавший против имевшего место покровительства ВСАУ со стороны властей и предсказывавший ее переход на антисоветские позиции¹⁰.

После того, как Гордин все же огласил свою декларацию на съезде Советов, он попытался укрепить свои позиции в МСАУ, вновь созвав общее собрание с целью переизбора секретариата и настаивая на том, чтобы недавно принятые члены МСАУ имели лишь совещательный голос¹¹. Состоявшееся в первых числах января 1921 г. общее собрание вновь заняло враждебные Гордину позиции. Представленная им декларация была признана отражающей только его личную точку зрения, а переизбранный секретариат ВСАУ состоял теперь из Аскарова, Шапиро и В. Бармаша – все трое являлись противниками Гордина¹². Через несколько дней его сторонники объявили о том, что руководство ВСАУ захвачено малограмотными авантюристами, и провозгласили создание собственной Организации анархо-универсалистов (интериндивидуалистов), сокращенно именовавшейся ОАУ(И)¹³.

Обе организации анархо-универсалистов объясняли этот раскол теоретической безграмотностью своих оппонентов. Однако с точки зрения властей, раскол имел вполне конкретную причину – отход ВСАУ от провозглашенного ею вначале принципа лояльности советской власти. На подобную оценку раскола анархо-универсалистов не последнее влияние оказал тот факт, что после Кронштадтского восстания ОАУ(И), единственная из всех анархистских организаций, выступила с заявлением, осуждающим его в то время, как ВСАУ этого не сделала. Более того, в ее рядах, согласно данным осведомителей ВЧК, находились люди, сочувствовавшие кронштадтским мятежникам¹⁴.

Истинные же причины раскола анархо-универсалистов не сводились к разногласиям в оценках существующего режима. Различия между организациями бывших единомышленников становятся заметны при сравнении журналов «Универсал» – органа ВСАУ и «Через социализм к анархо-универсализму» – органа ОАУ(И), первые номера которых вышли одновременно в апреле 1921 г. Если Гордин и его соратники, сплотившиеся вокруг журнала «Через социализм к анархо-универсализму», сосредоточились исключительно на дальнейшей разработке теории анархо-универсализма, а от собст-

венно политической деятельности фактически устранились, то позиция ВСАУ была иной. Она придавала меньшее значение теоретическим разработкам, хотя и не пренебрегала ими. Зато ее лидерам было свойственно стремление к активной деятельности, к максимальному расширению своих рядов, даже ценой их идейной разнородности. Поскольку гординцы в отличие от ВСАУ почти не уделяли внимания организационным вопросам, все их единомышленники в провинции после раскола московских анархо-универсалистов практически поддерживали ВСАУ, а не ОАУ(И)¹⁵.

Журнал «Через социализм к анархо-универсализму» из номера в номер публиковал пространные тексты Гордина и его соратников, посвященные разъяснению концепции интериндивидуализма, прогнозам будущего развития социалистического государства и критике взглядов теоретиков классического анархизма¹⁶. Немалое внимание уделялось обзору текущего политического положения, которое оценивалось с совершенно несвойственных анархистам позиций. Гординцы приветствовали политику нэпа, немало не смущаясь противоречием между ней и социалистическими идеалами и утверждая, что грядущее социалистическое общество будет соответствовать социалистической идеологии не более, чем капиталистическое идеалам ранних буржуазных революций. Авторы журнала «Через социализм к анархо-универсализму» призывали всецело поддерживать советское правительство в предпринимаемых им мерах по восстановлению хозяйства и укреплению положения советского государства на международной арене, уверяя, что в недрах строящегося социалистического общества неизбежно созреют предпосылки для победы анархо-универсализма¹⁷. Согласно их концепции, социалистическое плановое хозяйство было призвано стать предпосылкой для единой мировой экономической системы, а социалистическая демократия, основанная на власти советов – предпосылкой политической самоорганизации общества. Для полноты характеристики журнала «Через социализм к анархо-универсализму» следует упомянуть постоянные выпады в адрес ВСАУ, без которых не обходился ни один номер, а также литературный раздел журнала, представлявший собой публикацию лирических стихов и поэм Гордина, написанных в футуристическом стиле.

Материалы журнала «Универсал» отличались большим разнообразием. Его главное теоретическое кредо было сформулировано в статье Г.К. Аскарова «Вопросы анархо-универсализма», которой открывался первый номер «Универсала». Согласно утверждениям ее автора, главной задачей анархо-универсализма является преодоление изживших себя догматов и сектантской ограниченности прежних анархистских течений¹⁸. Так же, как и в журнале гординовцев, в «Универсале» присутствовала критика классического анархизма¹⁹. Что же касается оценки текущей политической действительности, то ВСАУ, подобно ОАУ(И), признавала победу социализма в мировом масштабе и защиту завоеваний произошедшей социалистической революции в качестве необходимой предпосылки наступления эры анархо-универсализма. Но она совершенно по-иному оценивала внутри- и внешнеполитические перемены, случившиеся в течение последнего года в связи с началом перехода к нэпу. В статье «Продналог и свободная торговля» Аскаров констатировал опасность реставрации капиталистических отношений и закабаления Советской России иностранным капиталом, возникшую в результате принятия закона о концессиях и введения свободной торговли²⁰. Исходя из этого, ВСАУ предлагала программу социально-экономических преобразований, альтернативную как политике военного коммунизма, так и нэпу. ВСАУ выступала за передачу промышленных предприятий в собственность свободных от государственной опеки профсоюзов, проведение на селе свободного кооперирования, основанного на инициативе снизу, и замену свободной рыночной торговли организованным обменом между профсоюзами и органами кооперации²¹. Ничего принципиально нового в этой программе не содержалось – она была почти полностью заимствована у левых эсеров и максималистов. Таким образом, в отличие от ОАУ(И), ВСАУ нашла свою нишу в лагере критиков большевиков «слева».

В первой половине 1921 г. ВСАУ, во всяком случае ее московская секция, действовала достаточно активно. МСАУ организовывала частые лекции и выступления на

фабриках, в учебных заведениях и клубах идейно близких политических организаций (левых эсеров, максималистов, Всероссийской федерации анархо-коммунистов). В апреле она приняла участие в выборах в Моссовет, проведя туда 3 своих представителей, в том числе Аскарова²². Активное участие в деятельности МСАУ приняли члены Креатория биокосмистов – литературного объединения, основанного ВСАУ 17 апреля 1921 г. Эта организация, возглавляемая поэтом А.Ф. Святогором (Агиенко), проповедовала метод «творческого омоложения слов» – выход за пределы их логического смысла – позиционируя себя в качестве самого левого течения в искусстве²³. Стихотворения Святогора и других биокосмистов публиковались в каждом номере «Универсала». Кроме того, Святогор активно участвовал в организуемых ВСАУ лекциях и диспутах, а в ноябре 1921 г. он стал членом секретариата ВСАУ²⁴.

Деятельность ВСАУ в провинции была, по-видимому, гораздо менее активной, чем в столице. Во всяком случае «Универсал», информировавший читателей о деятельности своей организации в мельчайших подробностях, в отношении провинции упоминал лишь о Минской секции анархо-универсалистов, при которой был создан клуб и «школа анархизма», а также предпринимались попытки создания секций в уездных городах²⁵. ВСАУ пыталась создать секции в Самаре, Симбирске, Янауле и Ижевске, однако местные власти отказались предоставить им помещения и признать их легальную деятельность²⁶.

15 мая 1921 г. состоялось Всероссийское совещание ВСАУ²⁷. Его итоги окончательно выявили переход этой организации от лояльности большевистскому режиму к его критике с левых, синдикалистских позиций. Констатируя непосредственную опасность реставрации капитализма, совещание заявляло о необходимости устранения частного капитала и государственной власти посредством передачи управления экономикой независимым профсоюзам и кооперативным объединениям, а политической власти – сначала обновленным советам, затем – Всероссийскому совету рабочих и крестьян, объединяющему органы производственно-потребительской кооперации в масштабе страны²⁸.

Отход ВСАУ от своих изначальных принципов лояльности большевистскому режиму не остался без внимания. В ночь с 1 на 2 ноября 1921 г. в Москве произошли массовые аресты анархо-универсалистов, которым подверглись почти все их наиболее видные лидеры, в том числе Аскаров, Шапиро и В. Бармаш, были закрыты все их клубы²⁹. К концу 1921 г. активность ВСАУ была уже столь незначительна, что изданная в 1922 г. в Берлине брошюра «Гонения на анархистов в Советской России» утверждала, что ВСАУ после своего ноябрьского разгрома окончательно прекратила существование³⁰. В действительности ВСАУ продолжила свою деятельность как минимум до мая 1922 г., ее члены время от времени выступали в клубах дружественных политических организаций, выпускали свои воззвания. Однако, в конце концов, ВСАУ сошла на нет. Этому способствовал ряд факторов и обстоятельств: осознание бесперспективности продолжения работы в условиях репрессивного режима, смерть в начале 1922 г. Аскарова³¹, а также новый раскол в декабре 1921 г., в результате которого от ВСАУ отделился Креаторий биокосмистов.

Еще в качестве весьма деятельной части ВСАУ биокосмисты наряду с идеями анархо-универсализма активно пропагандировали свою собственную философию. Их кредо – утверждение неограниченной свободы личности, конечным итогом которого должно было стать достижение всеми людьми физического бессмертия и свободы передвижения в космосе. При этом биокосмисты объявляли себя последовательными материалистами, намереваясь добиться своих фантастических целей на основе современной науки³². Несмотря на принадлежность Креатория биокосмистов к ВСАУ, его позиция по отношению к большевикам была гораздо ближе к гординцам. Исходя из оценки большевистского социализма как переходного этапа на пути к совершенному обществу, биокосмисты, как и гординцы, признавали необходимость на данном этапе всех атрибутов существующего режима, даже находящихся в полном противоречии с их идеями. Поводом к расколу послужило общее собрание МСАУ 26 декабря 1921 г.,

на котором Святогор, констатируя идейный разброд и организационный упадок ВСАУ, предложил принять в качестве ее официальной идеологии сформулированные им принципы биокосмизма. После того, как эта инициатива была отвергнута большинством участников собрания, Креаторий биокосмистов провозгласил себя самостоятельной политической организацией, призванной выполнить ту задачу, которая оказалась не под силам ВСАУ – обновление анархистской идеологии в соответствии с требованиями времени.

Обстоятельства оформления на базе Креатория биокосмистов самостоятельного анархистского течения во многом напоминали создание ВСАУ полтора года назад. Биокосмисты также уверенно заявляли о наступлении новой эры в истории анархистского движения и пользовались такой же благосклонностью властей, как и ВСАУ в первые месяцы своего существования. Им было позволено издавать свой журнал, их заявления часто публиковались в «Известиях», власти санкционировали захват биокосмистами издательства и другого имущества ВСАУ³³. Однако, если лидеры анархо-универсалистов в 1920 г. еще могли иметь иллюзии о дальнейшей востребованности своих идей и создании широкого анархо-универсалистского движения, то в случае с биокосмистами подобных иллюзий уже не мог иметь никто. И сама изощренно-нелепая идеология биокосмистов, и все более ужесточавшийся политический климат в стране, – все говорило о том, что единственное, на что может рассчитывать Креаторий биокосмистов, это существование в качестве немногочисленного кружка оригиналов, эпатирующих окружающих своими экстравагантными идеями. И лидеры биокосмистов, несмотря на все свои громкие заявления, едва ли надеялись на что-то большее. Поэтому неудивительно, что если ВСАУ в 1920 г. удалось создать относительно широкую сеть своих провинциальных организаций, то биокосмисты сумели добиться лишь появления своей организации в Симферополе и заполучить несколько разрозненных сторонников в Сормове³⁴.

Как бы то ни было, в первые месяцы своего существования Креаторий биокосмистов вел достаточно активную деятельность. Биокосмисты принимали участие в различных политических, религиозных и философских диспутах, используя для их проведения те же места, что и анархо-универсалисты, – клубы левых эсеров, Вольную философскую ассоциацию. Однако выступления биокосмистов практически не касались вопросов текущей политической жизни и были посвящены исключительно их теоретическим изысканиям и фантастическим проектам будущего. Очень скоро биокосмисты пришли к мысли о том, что им вообще не нужно претендовать на статус политической организации и относить себя к анархистскому движению. Уже осенью 1922 г. Креаторий биокосмистов без всяких видимых причин прекратил свое существование, а вместо него возникла группировка, именовавшая себя Свободной трудовой церковью, идеи которой были все те же – провозглашение достижения всеобщего бессмертия единственно оправданной целью человечества; сочетание религиозно-мистической риторики с позиционированием себя в качестве твердых материалистов; полная лояльность большевистскому режиму³⁵. О своей приверженности анархизму эта группировка больше не заявляла. Свободная трудовая церковь просуществовала недолго. В марте 1923 г. Святогор объявил о том, что он полностью порывает с прежними как анархистскими, так и мистическо-биокосмистскими заблуждениями и признает единственно верной идеологию РКП(б)³⁶.

Из всех течений в анархо-универсализме дольше всего просуществовала группа Гордина. ОАУ(И) с самого начала являлась немногочисленным кружком, занятием исключительно теоретическими изысканиями. Хотя власти относились к ОАУ(И) гораздо благосклоннее, чем к ВСАУ, первые признаки упадка проявились в организации Гордина раньше, чем у его бывших соратников. Так, журнал «Через социализм к анархо-универсализму» перестал выходить уже в августе 1921 г. Какое-то время продолжало функционировать издательство ОАУ(И), выпустившее в 1922 г. книгу Гордина «Интериндивидуализм», излагавшую его идеи в наиболее полном и развернутом виде. К концу 1922 г. прекратило существование и оно. ОАУ(И) превратилась в крайне мало-

численную группку поклонников Гордина и идеологии интериндивидуализма, сплоченную исключительно энергией своего лидера, и в таком виде просуществовала до 1924 г., когда Гордин был арестован. После этого организация полностью распалась³⁷.

Программы обеих организаций анархо-универсалистов, не говоря уже о биокосмистах, страдали полной оторванностью от политических реалий Советской России начала 1920-х гг. В утопичности проектов анархо-универсалистов сказалось их нежелание признать поражение того пути русской революции, по которому пытались направить ее анархисты, нежелание смириться с тем фактом, что установившийся политический режим оказался диаметрально противоположен их идеалам. Это и явилось причиной парадоксального смещения лояльности к большевистскому режиму с проповедью идеалов, не имеющих с ним ничего общего. Искусственность подобной позиции ярко иллюстрирует отход от нее ВСАУ – единственной из рассмотренных организаций, пытавшейся хоть как-то вписаться в практическую политическую деятельность. Впрочем, каковы бы ни были программы не только анархо-универсалистов, но и любых современных им независимых политических организаций, их участь была предрешена.

Примечания

¹ Канев С.И. Октябрьская революция и крах анархизма. М., 1974. С. 37.

² Через социализм к анархо-универсализму. 1921. № 2. С. 41–47.

³ Гордин А. Анархо-универсализм: К обоснованию программы. М., 1920. С. 18–21.

⁴ Гонения на анархистов в Советской России. Берлин, 1922. С. 35, 46.

⁵ Канев С.И. Указ. соч. С. 48.

⁶ Универсал. 1921. № 3–4. С. 28.

⁷ Гордин А.Л. Московская организация анархо-универсалистов. М., 1921. С. 7.

⁸ Универсал. 1921. № 1–2. С. 27.

⁹ Через социализм к анархо-универсализму. 1921. № 1. С. 46–47.

¹⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 141, л. 14–15.

¹¹ Там же.

¹² Универсал. 1921. № 1–2. С. 27.

¹³ Через социализм к анархо-универсализму. 1921. № 1. С. 46–47.

¹⁴ Павлов Д.Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. М., 1999. С. 189–194.

¹⁵ Канев С.И. Указ. соч. С. 49.

¹⁶ Через социализм к анархо-универсализму. 1921. № 2. С. 43.

¹⁷ Там же. С. 48–50.

¹⁸ Универсал. 1921. № 1–2. С. 5–10.

¹⁹ Там же.

²⁰ Универсал. 1921. № 3–4. С. 3–6.

²¹ Там же.

²² Универсал. 1921. № 3–4. С. 29–30.

²³ Биокосмист. 1922. № 3–4.

²⁴ Биокосмист. 1922. № 1. С. 2–3.

²⁵ Универсал. 1921. № 1–2. С. 20–30.

²⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 274, л. 27.

²⁷ Канев С.И. Указ. соч. С. 49.

²⁸ Универсал. 1921. № 3–4. С. 24–29.

²⁹ Павлов Д.Б. Указ. соч. С. 67.

³⁰ Гонения на анархистов... С. 19.

³¹ Там же. С. 35.

³² Биокосмист. 1922. № 3–4. С. 3–22.

³³ Там же. С. 27–28.

³⁴ Биокосмист. 1922. № 1. С. 6–7.

³⁵ Свободная трудовая церковь // Известия. 1923. 10 января.

³⁶ Анархисты: Документы и материалы. М., 1999. С. 505.

³⁷ Ермаков В.Д. Анархистское движение в России XX века. СПб., 1997. С. 191.

«МЫ БРОСИЛИ РАБОТУ. ПРИДИТЕ К НАМ НА ПОМОЩЬ....»

Документы Центрального архива ФСБ России о забастовках московских текстильщиков в 1923 году*

На протяжении многих десятилетий советская историография рисовала бесконфликтную картину взаимоотношений между властью и ее главной опорой рабочим классом, изображая чуть ли не всех рабочих сознательными строителями социализма. При этом любая критика действий власти трактовалась как проявление несознательности и результат влияния политических врагов большевизма. С 1990-х гг. появилась возможность объективного изучения этой проблемы. Однако освоение огромного массива документов, оказавшегося доступным благодаря беспрецедентному открытию архивов, потребовало столько усилий и времени, что историки вынуждены продвигаться вперед поэтапно, шаг за шагом. Вслед за многочисленными публикациями в научной периодике вышли в свет первые сборники документов¹ и монографии², в которых раскрываются особенности протестных выступлений рабочих на различных этапах строительства социализма. Однако процесс накопления фактических данных для формирования целостной картины данного социального явления еще далек от завершения. В связи с этим особый интерес представляют документы о массовом забастовочном движении в первой половине 1920-х гг. как основной форме отстаивания рабочими своих экономических интересов в условиях перехода к рыночной экономике. Они содержат информацию о причинах протестных выступлений, механизме их организации, а также о высказываниях и поведении рабочих на различных стадиях конфликта, действиях администрации и низовых организаций на предприятиях. Кроме того, публикуемые документы отражают широкий круг макропроблем и процессов, проявившихся в экономической, общественно-политической и внутрипартийной сферах.

Как показывают исследования последних лет, переход к нэпу во многом произошел под давлением мощных крестьянских выступлений и забастовок рабочих весной 1921 г. Стараясь выйти из создавшегося идеологического тупика и объяснить, почему объявленная опора власти, рабочие, массово выступили против нее, Н.И. Бухарин сформулировал новый тезис. Теперь союзником большевистской партии признавался не весь пролетариат, а его наиболее сознательная часть – авангард. Практическим следствием пережитого властью потрясения стало и усиление контроля над настроениями в обществе. Для этого в учрежденном на основе реорганизации ВЧК 6 февраля 1922 г. Государственном политическом управлении (ГПУ) при НКВД РСФСР был создан информационный аппарат, в который стекалась информация о настроениях различных слоев общества на всей территории страны.

Допуская элементы рыночной свободы в начале 1920-х гг., большевики, следуя принятой схеме, полагали, что за этим последует обострение классовой борьбы в частном секторе. Забастовочное движение среди рабочих госсектора, масштабы которого на практике не шли ни в какое сравнение с выступлениями на частных предприятиях, официально увязывалось с другой важной проблемой – бюрократизацией госаппарата. Это явление, существовавшее и в годы военного коммунизма, в новых условиях было признано угрозой для диктатуры пролетариата. Все эти положения стали основой для официального признания права на забастовку³. На профсоюзы была возложена задача вести переговоры между администрацией и рабочими и удерживать рабочий протест в дозволенных рамках. К началу 1920-х гг. подавляющее большинство профсоюзов находилось под контролем большевистской партии и проводило ее директивы.

* Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН, проект «Наследие прошлого и социально-культурные практики современной России».

Одновременно в соответствии с новым Кодексом законов о труде 1922 г. создавались различные органы по разрешению трудовых конфликтов, действовавшие на основе соглашения сторон. Однако всевозможные оговорки и процедуры, продиктованные общей установкой на затягивание конфликта, приводили на практике лишь к обострению ситуации и к объявлению рабочими забастовки. Ключевым фактором недовольства являлась неудовлетворенность заработной платой, которая не успевала за ростом дороговизны и не покрывала даже минимальных потребностей рабочих. К тому же денежные выплаты то и дело задерживались. «Как может жить работница или рабочий на 1 700 рублей в месяц с семьей. Ведь это медленное умирание. Это в 1923 г., когда наши ответственные работники получают по товарному рублю и живут бок о бок с нашими рядовыми товарищами, которые даже вынуждены обращаться в кассу райкома, так как бюджет их меньше, чем пища. Ведь экономика определяется сознанием и им очень трудно не озлобляться», – множество такого рода записок о тяжелом материальном положении поступало высшему руководству на митингах⁴.

Следует отметить, что уровень заработной платы в разных отраслях промышленности существенно различался. Зарплата в легкой промышленности была значительно выше и росла быстрее, нежели заработок, по терминологии того времени, «настоящего пролетариата», трудившегося в тяжелой промышленности. Но даже в легкой промышленности зарплата не достигала дореволюционного уровня, а по всей промышленности в 1923 г. составляла в среднем лишь 58% довоенной. В обстановке кризиса сбыта ее рост вообще остановился. Кризис сопровождался также ростом дороговизны, и рабочие требовали соответствующего увеличения зарплат. Еще одна важная причина, повлиявшая на всплеск забастовочного движения осенью 1923 г., – негативные впечатления рабочих, побывавших во время летних отпусков у родных в деревне. В это время в Центральной России крестьянин должен был за пару сапог отдать корову, да еще овцу в придачу. А на Украине за ту же пару сапог – 300 пудов ржи. К тому же, время отпусков совпало с налоговой кампанией, и рабочие оказались очевидцами выколачивания налогов и обусловленных этим настоящих трагедий, разворачивавшихся в семьях родственников. Текстильщики среди лидеров забастовочного движения в тот период оказались не случайно. Отрасль была тесно связана с деревней и быстро ощутила влияние кризиса: крестьяне не могли покупать продукцию текстильной промышленности. В связи с этим большой резонанс получили забастовки на крупнейших фабриках Краснопресненского хлопчатобумажного треста (бывшая Э. Циндель и Трехгорка).

Подробная картина развития настроений накануне и во время забастовки, ее причины, хроника событий по дням и часам, – все это содержится в публикуемых документах из Центрального архива ФСБ России. Примечательно, что администрация и профорганы не шли на уступки забастовщикам не потому, что отстаивали свою позицию. Как показывают документы, твердость администрации и профорганов диктовалась указанием Московского комитета РКП(б), за которым и было последнее слово. Высокая степень «откровенности» документов связана с тем, что все события, о которых сообщается в них, мы видим «глазами» сотрудников Московского губернского политотдела ГПУ: от рядового состава информационной службы, занимавшегося сбором сведений для информационных сводок Мосгубполитотдела ГПУ (документ № 3), до руководящих сотрудников ведомства (документы № 1, 4). Как свидетельствуют резолюции, информация об этих забастовках докладывалась заместителю начальника секретного отдела ГПУ Я.С. Агранову и главе ведомства Ф.Э. Держинскому.

В документах показан и механизм слома забастовки: превентивный арест, объявление локаута. Правда, слово «локаут» не употреблялось даже в этих «совсекретных» документах, вместо него говорили о перерегистрации рабочих. Но увольнение всех рабочих с последующим приемом части из них по спискам и означало локаут. Примечательно, что активное участие в увольнениях забастовщиков принимали профсоюзы, которые за редким исключением занимали единую позицию с большевистской властью. Так, если до октября 1917 г. профсоюз текстильщиков боролся против локаутов, в том

числе и на Трехгорке, то на 6-м году революции, по иронии истории, он сам объявлял увольнение текстильщиков.

По всей видимости Дзержинскому поступали и другие документы. Так, выступая 20 сентября 1923 г. на совещании в ЦК о зарплате, он сообщил не только о событиях на бывшей фабрике Циндель и Трехгорной мануфактуре, которые изложены в публикуемых документах, но и о том, что цинделевцы имели связи с Рязано-Уральской железной дорогой. Дзержинский обратил внимание еще на один момент, который был характерен для многих забастовок и не мог не тревожить руководство: возглавлял забастовку на Цинделе бывший член РКП(б). Кроме того, по словам руководителя ГПУ, активную роль сыграли рабочие, недавно пришедшие на фабрику с биржи труда. Таким образом, Дзержинский, по всей видимости, не разделял версию, изложенную в аналитической записке о причинах забастовки на Краснопресненской Трехгорной мануфактуре, согласно которой забастовки были будто бы инсценированы для дискредитации советского хозяйства (документ № 4). К сожалению, автор этой записки неизвестен, но, несомненно, он относился к руководящему составу ГПУ. Обращают на себя внимание и характеристики буржуазных специалистов, сформулированные им в духе непримиримой классовой вражды. Пройдет всего несколько лет и подобных оценок будет вполне достаточно для обвинения во вредительстве.

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии кандидата исторических наук Л.В. Борисовой (Институт российской истории РАН)

Примечания

¹ Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг.: Сборник статей и документов. М., 1998. Питерские рабочие и «диктатура пролетариата», октябрь 1917 – 1929: Экономические конфликты и политический протест: Сборник документов. СПб., 2000; Трудовые конфликты в СССР. 1930–1991: Сборник статей и документов. М., 2006; Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрание уполномоченных фабрик и заводов: Документы и материалы. М., 2006; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1–10. М., 2001–2007; и др.

² Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России: 1918–1924 годы. М., 2006; *ее же*. Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М., 2000; Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России: 1917–1918 годы. М., 2004; Яров С.В. Горожанин как политик: Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб., 1999; *его же*. Пролетарий как политик: Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999; и др.

³ Формально официальное разрешение забастовок в большевистской России произошло раньше, чем во многих демократических государствах. Например, американские профсоюзы добились такого права в законодательном порядке лишь в 1935 г., когда был принят «Национальный закон о трудовых отношениях» (Закон Вагнера). Но у советских рабочих не было организации, отражавшей их интересы, так как профсоюзы лишь формально являлись общественной организацией, а по сути – частью государственных структур. См.: Забастовки: Зарубежный и отечественный опыт. М., 1996. С. 97.

⁴ РГАСПИ, ф. 76, оп. 3, д. 296, л. 46.

№ 1

Краткий доклад начальника Московского губернского политотдела ГПУ Ф.Д. Медведей¹ о возникновении и ходе забастовок на ситценабивной фабрике, бывшей Циндель, и на Прохоровской трехгорной мануфактуре

14 сентября 1923 г.²

До августа месяца положение на указанных фабриках, как равно и на других предприятиях текстильной промышленности г. Москвы, было довольно устойчивое. Значительное ухудшение началось с момента возвращения рабочих из летних отпусков.

На Пресненской трехгорной мануфактуре 7 августа состоялось общее собрание рабочих по вопросу о зарплате, на котором присутствовало около 3 тыс. человек с участием представителя треста. Собрание носило бурный характер. Устройство собрания было вызвано следующими причинами: при представлении рабочим месячного коллективного отпуска им был выдан аванс в счет июльской зарплаты в предположении, что товарный рубль в цене повысится на 50%, в действительности же повышение товарного рубля имело только на 39%, вследствие чего с рабочих производился вычет переплаченных им 11%. Недовольство этими вычетами усугублялось низкими ставками (в июле в среднем получали около 2 тысяч рублей). После выступления представителя треста тов. Черетаева, указавшего, что Краснопресненский хлопчатобумажный трест отказывается удовлетворить требование рабочих о невычете 11%, причем это заявление было сделано в нетактичной форме, большинство рабочих покинуло демонстративно собрание. В последние дни настроение рабочих всей фабрики продолжало быть довольно спокойным. В более резкой форме недовольство выражалось среди рабочих Ткацкого отделения, среди которых наблюдались разговоры о том, что в случае неувеличения ставок придется начать забастовку. Администрация увеличить ставки Ткацкому отделению отказалась, указывая на то, что оно бесприбыльно и в случае забастовки Ткацкое отделение будет закрыто месяца на полтора.

На ситценабивной фабрике, бывшей Циндель, брожение рабочих началось несколько позже и особенно ярко выявилось 22 августа, когда состоялось общее собрание рабочих по вопросу о новом коллективном договоре, согласно которого ставка для 1-го разряда увеличивается с 5 товарных руб. на 5 руб. 10 коп. с выплатой по индексу товарного рубля на 7-е и 22-е число. Собрание прошло очень бурно, и в результате была вынесена резолюция с требованием установления заработка для 1-го разряда в размере 7 руб. 50 коп. товарных с выплатой по индексу на 15-е и 1-е число последующего месяца. Было также постановлено ждать ответа от профсоюза и треста в продолжение трех дней, после чего, в случае неудовлетворения требований рабочих, приступить к забастовке.

25 августа в завкоме состоялось делегатское собрание рабочих, на котором присутствовало 42 человека с решающим голосом и еще человек 100 рабочих, интересующихся. Кроме того, на собрании присутствовали представители губотдела союза текстильщиков тов. Стариков, Рыцев и Шишкин, представители треста, заводоуправления и завкома. На этом собрании тов. Стариков огласил постановление ЦК текстильщиков, где сказано, что ввиду тяжелого материального положения треста в силу происходящей заготовки сырья и топлива для работы фабрики в зимнее время, происходящих ремонтных работах, а также ввиду плохой реализации продуктов, за отсутствием массового покупателя-крестьянина, не представляется возможным в настоящее время увеличить заработную плату. ЦК текстильщиков предлагает разъяснить рабочим, что приняты все меры к тому, чтобы с октября месяца, когда улучшится реализация продуктов, вопрос о повышении заработной платы был разрешен в пределах возможности. Со стороны делегатов выступала главным образом та группа, которая впоследствии встала во главе забастовки. Группа эта во главе с ...ковым³ настойчиво требовала немедленного улучшения, указывая, что в противном случае забастовка неизбежна. Однако на этом делегатском собрании все-таки была принята резолюция при 4-х против и одном воздержавшемся, что в данный момент до перезаключения коллективного договора удовлетворить предъявленные требования рабочих невозможно и поэтому рабочие призываются к спокойному труду, который и даст возможность в недалеком будущем улучшить материальное положение рабочих. Данная резолюция должна быть вынесена на общее собрание рабочих, которое состоялось 27 августа. Указанное общее собрание прошло весьма бурно, после доклада представителя профсоюза Старикова, прочитавшего резолюцию ЦК текстильщиков, из инициативной группы рабочих (персонально известной) выступало 10 человек, требовавших увеличения ставок и призывавших к забастовке. В результате после бурных прений было принято решение начать забастовку. 28 августа с утра работа не производилась. Почти все рабочие, собравшись около фабрики, по-

требовали от завкома созыва общего собрания для выяснения дальнейшего положения. Завком собрание в помещении клуба фабрики разрешил, но на собрании ни завком, ни ячейка, ни администрация не участвовали⁴. На этом собрании был организован стачечный комитет, в состав которого вошли: Тягунов, Жуков, Золотов, Царев и Синюк. Стачечный комитет как во время выступлений на собраниях, так и вне собраний, все время разжигал рабочую массу требованиями и настаивал на том, чтобы к работе не приступать до окончательного удовлетворения требований рабочих. Однако благодаря неуступчивости администрации, с самого начала брожения проводившей линию МК⁵ – ни на какие уступки не идти, – настроение массы вскоре изменилось. На второй же день [забастовки] с утра большинство рабочих согласно объявлению заводоуправления начало записываться на работу и после обеденного перерыва фабрика вновь возобновила работу полным ходом⁶.

В период забастовки и брожения рабочих стачечный комитет поддерживал связь с рабочими Трехгорной мануфактуры, где 29 августа группой рабочих была произведена попытка сагитировать рабочих на предмет поддержки забастовки рабочих фабрики, бывшей Циндель. В Ситценабивном отделении были расклеены записки с призывом к рабочим поддержать «цинделевцев»⁷. Однако эта агитация успеха не имела. Сочувственное отношение к цинделевцам наблюдалось также на фабрике «Карнац»⁸. 30 августа в 11 часов утра в Ситценабивном отделе Трехгорной мануфактуры по четырем отделениям прошла группа рабочих (персонально известных), предлагавшая немедленно остановить машины. В результате в Чесальном отделении были остановлены 2 машины на несколько минут. В остальных отделениях работа продолжалась нормально. Инициативная группа, однако, не прерывала своей деятельности и, например, даже 3 сентября среди рабочих Ситценабивного отделения наблюдалось распространение слухов, что сегодня или завтра будет забастовка всей фабрики на почве низких ставок. К вечеру этот слух распространился по всей фабрике. С согласия МК Московским губотделом ГПУ были арестованы: член стачечного комитета фабрики Циндель Синюк и с Прохоровской мануфактуры – Сорокин, Ткачев, Авдокушин и Муравьев, пытавшиеся задержать машины в Ситценабивном отделении. К тому времени настроение рабочих Трехгорной мануфактуры значительно улучшилось вследствие того, что они узнали о том, что 4 сентября Краснопресненским хлопчатобумажным трестом, с одной стороны, и профсоюзом текстильщиков, с другой, был перезаключен коллективный договор на сентябрь месяц, согласно которому ставка для 1-го разряда увеличена до 6 руб. 50 коп. товарных. Этот договор не был согласован [с] МК и последним отменен. Улучшившееся было настроение рабочих резко ухудшилось к моменту выдачи жалования за вторую половину августа, т.е. 10 сентября. Многие рабочие получили только по 700–900 руб., а некоторым совсем ничего не пришлось получать. Вызванным на этой почве брожением инициативная группа (главным образом Ткацкого отделения) воспользовалась для того, чтобы на следующий же день вызвать забастовку 1-й смены Ткацкого отделения, которая должна была приступить к работе в 6 часов утра. Указанная смена к работе 11 сентября не приступила, 2-я смена Ткацкого отделения также не приступила к работе. В обеих сменах рабочих около 2 500 человек. Состоявшееся делегатское собрание Ткацкого отделения совместно с представителями от профсоюза и райкома ни к каким результатам не пришло. С 2 часов в продолжении 15 мин. не работало Механическое отделение (350 чел[овек]) – рабочие этого отделения, очевидно, хотели обсудить вопрос о создавшемся положении. После того, как к ним пришел секретарь комячейки, работа в отделении была возобновлена. В 1 час 30 мин. прекратила работу 2-я смена Прядильного отделения (800 чел[овек]). В общем, настроение рабочих было таково, что следовало ожидать к следующему дню приостановки работ на всей фабрике – как оно и случилось.

12 сентября обе смены Ткацкого отделения опять не приступили к работе. Заводоуправлением было вывешено объявление, что рабочие, желающие работать, могут зарегистрироваться и что Ткацкое отделение в случае не возобновления работы будет закрыто и рабочие будут считаться уволенными. К 10 часам утра не приступила к работе 2-я смена Ткацкого отделения и та часть Прядильного отделения, которая работала

с утра. С 12 часов дня происходило общее собрание рабочих Ткацкого и Прядильного отделений, на котором были приняты следующие требования: увеличить заработную плату, уравнивать в отношении заработной платы с рабочими прочих предприятий текстильной промышленности, удалить из Ткацкого отделения приемщика-уточника Алексеева (члена РКП) за несправедливое отношение к рабочим. С 2 часов дня началась забастовка на всей фабрике, так как рабочие остальных отделений не приступили к работе по новой смене. Всего рабочих 7 тыс. человек. После начала общей забастовки рабочие всех отделений разошлись по домам, лишь в Ткацком отделении оставалось 600 человек рабочих до 9 часов вечера, то есть до того времени, когда должна была окончиться работа их смены.

13 сентября, то есть вчера, забастовка продолжалась. С утра происходило общее собрание рабочих совместно с представителями от профсоюза. Вследствие того, что собравшиеся рабочие вели себя весьма бурно, собрание было сорвано. В 12 часов дня состоялось второе собрание, которое также не дало никаких результатов, так как представители от профсоюза требовали на разрешение конфликта 7-дневный срок, а рабочие соглашались только на 3 дня, обещая на эти 3 дня приступить к работе. После собрания часть рабочих разошлась, остальные остались на фабрике. После того, как делегация от рабочих, выбранная для переговоров по телефону с тов. Калининым⁹ и приглашения его на фабрику, не добились соединения, была выбрана делегация в составе 10 человек для личных переговоров с тов. Калининым и передачи ему прошения. Ожидая возвращения делегации, рабочие оставались до 10 часов вечера на фабрике. Вернувшаяся делегация сообщила, что тов. Калинин обещал приехать сегодня в 4 часа дня с тов. Кутузовым¹⁰ на общее собрание рабочих.

Инициативная группа сегодня 14 сентября¹¹ с утра созвала общее собрание рабочих, на котором была выбрана комиссия рабочих в составе 10 человек для проверки производительности фабрики. В состав этой комиссии вошли 3 человека, бывшие вчера в числе делегатов у тов. Калинина. Кроме того, на собрании были выдвинуты следующие требования: первое – чтобы председательствовал на собрании, которое будет в 4 часа, свой рабочий; второе – чтобы этот председатель был обязательно русский по происхождению; третье – чтобы были даны гарантии в том, что этот председатель не будет арестован; четвертое – добиться, чтобы были уволены некоторые рабочие, нежелательные для общей массы рабочих (члены РКП); пятое – чтобы была составлена подробная опись имущества фабрики; шестое – чтобы была введена постоянная контрольная комиссия рабочих над производством фабрики. Комиссия в составе 10 человек, а именно: Косарева, Орлова, Голубева, Селезнева, Александрова, Мотана, Борисова, Ражева, Силаева и Лобудицкой, выбранная на этом собрании, приступила к работе, ведет себя вызывающе и относится весьма недоверчиво к администрации. По полученным в момент печатания сведениям общее собрание рабочих, на котором участвовал тов. Калинин и тов. Богуславский¹², приняло следующее решение: «По предложению тов. Калинина и тов. Богуславского приступить к работе и ожидать выполнения экономических требований через профсоюз и Моссовет».

Следует добавить, что на фабрике, бывшей Циндель, наблюдается определенно сочувственное отношение к бастующим «прохоровцам». Ведутся разговоры, что, как только будет выдано жалование, они также забастуют для поддержки «прохоровцев». Кроме того, намечается стремление отчислять в пользу бастующих однодневный заработок. Кроме того, говорят о том, что если «прохоровцам» увеличат жалование, то они также потребуют увеличения ставок, причем это требование будут поддерживать вплоть до забастовки.

Начальник МГПО Медведь.

Рукописные пометы: «Доложено тов. Агранову¹³. Доложено тов. Дзержинскому¹⁴.

Доложено тов. Шалыгину к сведению 14/IX». *Подпись неустановленного лица*¹⁵.

Центральный архив ФСБ России (далее – ЦА ФСБ), ф. 2, оп. 2, д. 835, л. 240–245.

Подлинник. Машинопись.

Заявление рабочих Трехгорной мануфактуры председателю ЦИК СССР М.И. Калинин

13 сентября 1923 г.

От Трехгорной мануфактуры Краснопресненского района.

Тов. Калинин. Протягиваем к Вам десятки тысяч рук, измученных тяжелой работой. Наши силы истощились, и мы при всем своем желании послужить Советской Власти, поддерживать ее до конца нашей жизни мы должны, но так как оклад нашего ничтожного жалования нам не позволяет здраво смотреть на наш долг. Мы бросили работу. Придите к нам на помощь, помогите нам, будьте у нас на собрании, мы ждем Вас как человека, любящего трудящуюся массу, с нуждами которых Вы хорошо знакомы.

Мы просили свою близкую администрацию, но она не отозвалась на наш зов.

Собрание рабочих уполномочивает рабочих фабрики тов. Ражева, Касанецкую, Силаева, Борисова, Ординарцева, Седелкина и Сидорова вручить настоящее заявление лично тов. Калинин.

13/IX—1923 г.

Собрание рабочих и работниц Красно-Пресненской Трехгорной мануфактуры.

Фабзавком Красно-Пресненской Трехгорной мануфактуры список делегатов в количестве 7 человек печатью заверяет.

ЦА ФСБ, ф. 2, оп. 1, д. 835, л. 247. Копия.

Из информационной сводки Московского губернского политотдела ГПУ № 210 за 15 сентября 1923 г. к 14 часам

Совершенно секретно

Красно-Пресненский р[айо]н. Прохоровская Трехгорная м[ануфакту]ра. В дополнение к сведениям от 14/IX сообщается, что забастовка, начавшаяся 11/IX и продолжавшаяся 4 дня, ликвидирована. Вчера в 4 часа началось общее собрание рабочих с участием т. Калинина и т. Богуславского. После вступительного слова т. Калинина выступил от имени рабочих Лазарев, который в заключение выставил следующие требования: 1) приравнять тарифную сетку профсоюза текстильщиков к тарифам других союзов, 2) выдавать жалование в товарных рублях по курсу дня выдачи, 3) освободить арестованных рабочих, 4) уволить с ф[абри]ки члена РКП т. Алексеева за нетактичное обращение с рабочими, 5) никого не увольнять и не арестовывать после забастовки, 6) выдать деньги за время забастовки. После выступления представителя от профсоюзов и еще некоторых рабочих т. Калинин внес следующее предложение по пунктам: по пункту первому – выкинуть этот пункт, ибо если приравнять профсоюз текстильщиков по оплате к другим профсоюзам, то это будет бить по карману рабочих, так как, например, жел[езно]дорожники получают меньше, чем они, а выставить другой пункт, именно: добиваться организованным порядком через профсоюз и Моссовет улучшения материального положения и увеличения зарплаты. По второму пункту он с требованием рабочих согласен, если только будет твердо стоять рубль, и жалование можно будет даже выдавать червонцами. По пункту третьему он ответил, что если арестованные не замешаны в каком-либо преступлении или не являются членами какой-нибудь анти-советской партии, то он примет все меры к их освобождению. По пункту четвертому он сказал, что сразу решить вопрос не может, а предлагает избрать для расследования комиссию в составе представителей от ячейки, завкома и рабочих, причем от рабочих предложил Лазарева, каковой и будет председателем комиссии. С пунктом пятым он вполне согласен и примет все от него зависящие меры, чтобы никто не увольнялся и не арестовывался за забастовку; что же касается последнего пункта, то он с таковым в корне не согласен и предложил весь полученный от забастовки убыток разделить пополам между рабочими и ф[абри]кой. В заключение выступил т. Богуславский, который

от имени Моссовета заклеил позором рабочих за забастовку, но вместе с тем сказал, что Моссовет примет все зависящие [от него] меры к улучшению положения рабочих Трехгорной м[ануфакту]ры. При голосовании было единогласно постановлено: приступить сегодня к работе и ждать выполнения требований рабочих через профсоюз и Моссовет. Собрание прошло вполне спокойно, рабочие остались довольны результатами собрания; после собрания рабочие обступали коммунистов, спрашивая, будет ли произведено увеличение заработка в ближайшие дни. В 7 час. 30 мин. рабочие разошлись по домам. Сегодня с утра работа на всей фабрике возобновлена полностью. Настроение рабочих спокойное. Всего рабочих 7 тыс. человек.

ЦА ФСБ, ф. 2, оп. 1, д. 839, л. 216. Заверенная копия.

№ 4

*Аналитическая записка о причинах забастовки на Краснопресненской Трехгорной мануфактуре*¹⁶

Сентябрь 1923 г.

Ознакомившись с вопросами «забастовки»¹⁷ на Прохоровской фабрике, считаю своим долгом сообщить нижеследующее: Причины забастовки нужно искать поглубже и так 1) требование рабочих об увеличении заработной платы, аннулирование договора Президиумом ВСНХ¹⁸ (в частности, правление треста виновным в этом считает Пятакова¹⁹). Нужно учесть следующие мотивы:

1. Старый колдоговор истек 1 июля 1923 г.

2. Правление заблаговременно не подготовило новый договор, несмотря на то, что при правлении треста существует специально для этого отдел тарифно-нормировочный, а делает отсрочку старого договора до 1 сентября.

3. В сентябре или немного раньше наспех готовится новый колдоговор и при докладной записке пересылается в ВСНХ, который в лице Пятакова (как указывает правление) договор этот не утверждает ввиду высоких ставок: разница в 1 руб. на 1 руб. 40 коп. товарных, 5 руб. 10 коп. – 6 руб. 50 коп. товарные²⁰.

4. После чего рабочие об этом каким-то образом узнают и объявляют забастовку (забастовка длится с 11 сентября). Из этого можно заключить, что Правление треста, сидя под боком фабрики и Президиума ВСНХ, не проявило никакой бдительности и чуткости в отношении такого важного вопроса как колдоговор с рабочими основной фабрики треста и не предприняло заблаговременно серьезных шагов к заключению договора при наличии специального при Правлении тарифно-нормировочного отдела.

Наличный состав треста (бывшие совладельцы Прохоровской фабрики), их определенно неблагонадежная политическая окраска (даже враждебность в отношении Советской власти), наличие только двух коммунистов (активных) дает основание предполагать, что здесь не обошлось без злого умысла. (Забастовка на фабрике – выставка под боком²¹, приезд иностранцев в Москву вообще и на выставку, в частности.) Кроме этого, по-моему, еще нужно учесть одно обстоятельство – то, что забастовка вспыхнула в отсутствие Фролова (зампреда Правления, уехал вграничную командировку), которого заменяет теперь коммунист Черетаев, не специалист дела и не проявляющий относительной активности в работе и которого вся свора прохоровцев желает так или иначе выжить из треста. Это обстоятельство заставляет думать, что здесь может иметь еще место инсценировка забастовки или пожелание ее вызвать ради компрометации и во имя вообще дискредитирования советского хозяйства. Это мнение усиливается благодаря наличию такого определенно-враждебного Советской власти элемента (Кольцов, Энгельгару, Ковальский, Горяинов и т.д.).

Нужно усилить парторботу на фабрике и увеличить коммунистический состав Правления. Руководит тарифно-нормировочным отделом инженер Горяинов, бывший директор Ярцевской фабрики в старое время. Горяинова из Ярцева рабочие выгнали. Рабочие как Ярцевской, так и Прохоровской фабрики его не любят, и он у них никаким

доверием не пользуется. Политическая окраска Горяинова определенно скрытно-враждебная к Советской власти. Личность это хитрая и двуличный человек.

Резолюция после текста записки: «Тов. Марковичу²² согласно резолюции тов. Артишевского».

ЦА ФСБ, ф. 2, оп. 1, д. 835, л. 248. Копия.

Примечания

¹ Медведь (Медведев) Ф.Д. (1890–1937), ответственный работник ВЧК/ОГПУ, в органах ВЧК с весны 1918 г. В 1919–1922 гг. член коллегии ВЧК/ГПУ, с ноября 1921 г. председатель Московской губчека, в 1922–1923 гг. председатель Московского губернского политического отдела ГПУ, в дальнейшем занимал различные руководящие должности в системе ГПУ/ОГПУ. В декабре 1934 г. был арестован в связи с убийством С.М. Кирова и осужден на 3 года лишения свободы, вновь арестован 7 сентября 1937 г., 27 ноября 1937 г. осужден в особом порядке к высшей мере наказания и в этот же день расстрелян. В 1957 г. реабилитирован.

² Датируется по содержанию документа.

³ Начало фамилии неразборчиво.

⁴ Собрание началось в 5 часов вечера. В нем участвовали около 1 400 рабочих. В свою очередь заводоуправление вывесило объявление: «По постановлению общего собрания рабочих от 27/VIII фабрика считается закрытой. 30/VIII с.г. будет производиться расчет рабочим». Таким образом, в ответ на забастовку был объявлен локаут. Утром 29 августа было вывешено новое объявление, в котором сообщалось, что все желающие могут записываться для возобновления работы. По сообщению информсводки МГПО № 195 за 29 августа, к 9 часам утра этого дня рабочие стали активно записываться и приступать к работе, а после обеденного перерыва заработала вся фабрика. В итоге забастовка продолжалась полтора дня (см.: ЦА ФСБ, ф. 2, оп. 1, д. 839, л. 199, 200).

⁵ Московский комитет РКП(б).

⁶ 5 сентября на фабрике выдавалось жалование с вычетом за один день забастовки. В связи с этим стали раздаваться высказывания рабочих, что не нужно было надеяться на обещания администрации (Там же, л. 206 об.).

⁷ Утром 29 августа в помещении Ситценабивного отдела были обнаружены расклеенные записки, написанные от руки чернильным карандашом: «Товарищи, фабрика Циндель встала, рабочие требуют 7 тов. руб. и выплаты 15-го и 1-го числа, а потому мы должны поддержать их и требовать того же». Листовки были изъяты, а читавшие их рабочие оставались спокойными (Там же, л. 200).

⁸ Карандашная фабрика «Карнац» треста Мосполиграф располагалась, как и фабрика, бывшая Циндель, в Замоскворецком районе, насчитывала в это время 211 рабочих. По фабрике ходили толки, что цинделевцы избрали стачечный комитет и, если их требования не будут удовлетворены, то рабочие Карнаца с плакатами выйдут на улицу (Там же).

⁹ Калинин М.И. (1875–1946), государственный и партийный деятель. С марта 1919 г. председатель Всероссийского Центрального Исполнительного комитета, с декабря 1922 г. председатель ЦИК СССР. Пользовался большим авторитетом среди населения. Рабочие многих предприятий в конфликтных ситуациях обращались к нему за помощью.

¹⁰ Кутузов И.И. (1885–1943), один из организаторов профсоюзного движения текстильщиков. В 1917 г. был председателем правления Московский городского союза мануфактуристов, на основе которого в июне 1917 г. был создан Московский областной профсоюз текстильщиков, с 1918 г. председатель ЦК профсоюза текстильщиков – единого централизованного союза, построенного по производственному признаку; член Президиума ВЦСПС, с 1920 г. член Президиума ВЦИК, затем ЦИК СССР. В 1920–1921 гг. примыкал к группе «рабочая оппозиция».

¹¹ Дата вписана в машинописный текст от руки.

¹² Богуславский М.С. (1886–1937), партийный и профсоюзный деятель. В июле 1920 г. по поручению ЦК занимался организацией в Москве красного профсоюза печатников, который затем возглавлял до 1921 г., в 1921 г. избран членом Московского комитета партии и членом президиума Моссовета, как представитель московской власти выступал на рабочих собраниях во время протестного движения весной 1921 г.; с 1922 г. по 16 января 1924 г. заместитель председателя Моссовета, одновременно член МК партии, член ВЦИК и Малого Совнаркома, в дальнейшем занимал различные ответственные должности в системе правительственных органов, участвовал

в троцкистской оппозиции (1923–1928), исключался из партии (декабрь 1927 г.), восстановлен в 1930 г. В 1936 г. арестован, в качестве обвиняемого проходил по фальсифицированному процессу по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра», приговорен к смертной казни, расстрелян. Посмертно реабилитирован.

¹³ Агранов (Соринзон) Я.С. (1893–1938), ответственный работник ВЧК /ОГПУ/ НКВД. В ВЧК с мая 1919 г., в 1923 г. заместитель начальника Секретного отдела ГПУ, в дальнейшем занимал различные руководящие органы в системе госбезопасности. 20 июля 1937 г. арестован, 1 августа 1938 г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

¹⁴ Дзержинский Ф.Э. (1877–1926), государственный и партийный деятель. С декабря 1917 г. председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности (ВЧК), с февраля 1922 г. председатель Государственного политического управления (ГПУ НКВД РСФСР) и Объединенного госполитуправления (ОГПУ), одновременно занимал ряд других крупных государственных постов.

¹⁵ Пометы расположены в верхнем левом углу первой страницы документа.

¹⁶ Автор в документе не указан.

¹⁷ Так в тексте.

¹⁸ Высший совет народного хозяйства.

¹⁹ Пятаков Г.Л. (1890–1937), государственный и партийный деятель. В 1917–1918 гг. комиссар Народного банка, в 1920–1923 гг. председатель Центрального правления каменноугольной промышленности Донбасса, заместитель председателя Президиума ВСНХ и Госплана, председатель Главного концессионного комитета ВСНХ. Активный сторонник Троцкого и участник троцкистской оппозиции. Погиб в годы сталинских репрессий.

²⁰ Так в тексте.

²¹ Имеется в виду Всероссийская сельскохозяйственная выставка, располагавшаяся в это время на территории современного Парка культуры и отдыха им. М. Горького в Москве.

²² Маркович – начальник информационного бюро оперативной части Московского губотдела ОГПУ.

© 2010 г. И.Н. ЛОЗБЕНЕВ*

ОППОЗИЦИОННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В РЕГИОНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ (1920-е годы)

Современный этап политического развития нашей страны связан с таким явлением, как многопартийность. Вполне естественно, что произошедший в конце XX в. переход от однопартийной системы к политическому плюрализму стимулировал общественный и специальный исследовательский интерес к опыту развития политических партий конца XIX – начала XX в. Основное внимание при этом было обращено на деятельность политических партий при старом режиме и в первые пореволюционные годы. Между тем следует учитывать, что многопартийность, пусть и в весьма специфической форме, сохранялась, по крайней мере, до середины 1920-х гг. Подчеркну и другое обстоятельство. Партийная система периода нэпа, когда в стране существовала одна главная партия, допускавшая существование нескольких мелких, очень похожа на современную ситуацию. Во всяком случае, некоторые аналогии вполне возможны. Все это делает опыт развития многопартийности в России 1920-х гг. особенно значимым и актуальным.

Разумеется, истории политических партий после октября 1917 г., в том числе и в 1920-х гг., было посвящено много работ. Прежде всего, нужно указать на изданные в конце 1990-х – начале 2000-х гг. сборники документов, отражающих деятельность

* Лозбенев Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, преподаватель истории лицей № 1511 при МИФИ.

**Политические партии в регионах Центральной России в 1921–1924 гг.
(численность рядов)***

Губернии	Левые соц.-рев.	Соц.-рев.	РСДРП (меньш.)	Анар- хисты	Кадеты	Монар- хисты	Другие партии	Всего
Тверская, 1921 г.	77	51	47	101	3	–	10	289
Тульская, 1921 г.	51	15	24	14	40	9	10	163
Московская, 1924 г.	23	126	114	14	59	16	–	352
Владимирская, 1923 г.	19	75	60	27	–	–	–	181
Иваново-Возне- сенская, 1921 г.	–	49	40	15	–	–	–	104
Всего	170	316	285	171	102	25	20	1089

* Составлено по: Центр научной информации Тульской области, ф. 1, оп. 2, д. 514, л. 19–20; Государственный архив Тверской области, ф. Р-291, оп. 16, д. 143, л. 49; Центральный архив общественно-политических историй Москвы, ф. 3, оп. 5, д. 55, л. 18; Государственный архив Владимирской области, ф. 1, оп. 1, д. 1212, л. 14; Государственный архив Ивановской области, ф. П-2, оп. 1, д. 627, л. 22.

различных политических партий в рассматриваемый период¹. Существует и комплекс специальных работ, освещающих историю политических партий в годы нэпа², в том числе их деятельность в различных регионах России³. Однако ряд проблем остался пока не разрешенным. Так, за редким исключением, нет исследований, специально посвященных деятельности различных партий в регионах Центральной России. Кроме того, основное внимание уделялось лишь фиксации самого факта существования тех или иных партий, мало касаясь проблемы их политического влияния в обществе.

К началу нэпа практически все политические партии и движения в России кроме РКП(б) находились на грани выживания. Как видно из таблицы, численность различных политических партий в регионах Центральной России, особенно в сравнении с показателями РКП(б), была незначительной. Снизилась не только численность партий, но и их политическая активность. На территории Московской губ. меньшевики, насчитывавшие всего 114 человек, действовали в составе 13 групп, среди которых наибольшая насчитывала 18 человек, а наименьшая – 3 человека; эсеры образовывали 14 групп, левые эсеры – 2, кадеты – 5, анархисты – 3, монархисты – 1 группу⁴. Во Владимирской губ. к апрелю 1923 г. состояние ячеек различных партий характеризовалось в официальной документации того времени следующим образом. Правые эсеры, общей численностью 80 человек, образовывали 1–2 группы; левые эсеры (12 человек) занимали пассивные позиции («работы не ведут»), а относительно эсеров-максималистов было сказано: «работу ведут только в Суздальском уезде». Наибольшей активностью отличались анархисты, организованные «по методу пятерок» в Переславском, Владимирском и Муромском уездах. У меньшевиков после проведенных арестов «работа прекратилась. Кадеты и монархисты работы не ведут, входят в различные хозорганизации»⁵. Еще хуже ситуация была в Иваново-Вознесенской губ. По данным за июль 1921 г.: «В городе Иваново-Вознесенск работала группа анархистов во главе с Хохловым. В Кинешемском уезде Иваново-Вознесенской губернии анархистов – 15 человек во главе с Гусевым и Кимирязевым. В Кинешемском уезде меньшевиков – 40 человек, эсеров – 49»⁶. Эти данные характерны. Даже при высокой активности, имея такую численность, политические партии вряд ли могли сделать многое.

Уже в начале 1920-х гг. в советах доминировали коммунисты и беспартийные. Другие партии были представлены только в отдельных советах Московской, Тверской и Смоленской губерний. До января 1922 г. в Моссовете заседали левые эсеры (в 1921 г. – 6 человек, в 1922 г. – 3 человека) и меньшевики, которые в составе пленума занимали

в 1921 г. 12 мест, а в 1922 г. – 3 места⁷. В 1921 г. на съезде советов Старицкого уезда Тверской губ. местные меньшевики смогли провести свою резолюцию, а также своих представителей в уездный исполнительный комитет и на губернский съезд советов⁸. В феврале 1921 г. в состав Тверского городского совета прошли 23 меньшевика (из 200 избранных депутатов)⁹. Тогда же в состав Смоленского горсовета прошли 9 меньшевиков¹⁰. По данным тульского губотдела ЧК, в Алексинской вол., в феврале 1922 г., действовали 3 ячейки левых эсеров (в советах сел Поповка, Луковице, на Мышенском заводе)¹¹. В других регионах не было и этого. Советское руководство как в центре, так и на местах внимательно отслеживало и пресекало любые попытки оппозиционных партий проникнуть в систему советов.

Не имея возможности пробиться в советы, жестко контролировавшиеся большевиками на всех уровнях, представители политических партий пытались закрепиться в общественных организациях. Поле для деятельности в этом случае предоставляла кооперация. Но такую возможность видели и чекисты. Как указывалось в директивном письме ВЧК во владимирскую губчека от 30 мая 1921 г., «в связи с тем, что кооперативы получают хозяйственную самостоятельность, меньшевики и эсеры попытаются захватить в них управление. Необходимо: 1) Выделить работников в кооперацию. Бороться за завоевание мест в правлениях; 2) Содействовать органам ВЧК в чистке кооперации»¹². Опасения чекистов оказались не напрасными. В частности, в Сычевском, Вольском, Гжатском и Ельнинском уездах Смоленской губ. эсерам, в августе 1921 г., удалось взять в свои руки торгово-инструкторские отделы местной кооперации¹³. Эсеры и анархисты Владимирской губ. в январе 1923 г. активизировались на беспартийных конференциях (Муром, Гусь-Хрустальный). Анархисты попытались пройти в состав правления судогодской городской райстрахкассы, хотя это им и не удалось¹⁴. Впечатляющих успехов в борьбе за кооперацию оппозиционные партии достигли во Владимирской губ. в марте–апреле 1923 г., когда они возглавили сеть кустарно-промышленных кооперативов. По данным местных чекистов, правление торгово-промышленной кооперации в этот период состояло из 2 правых и 1 левого эсера, 2 меньшевиков и 3 анархистов¹⁵. В марте 1924 г. в Весьегонске (Тверская губ.) на съезде уполномоченных сельско-промышленного союза всего 3 эсера, согласно официальной точке зрения, «организовавшись», сумели провести на должность председателя правления бывшего кадета Крашенинникова¹⁶. Как и в случае с работой в советах, участие представителей различных партий (именно как партий) в органах кооперации носило единичный характер и на ее работу в целом существенно не влияло. Объяснялось это не столько низкой популярностью данных партий, сколько нежеланием властей допускать оппозиционные партии в любые самостоятельные структуры и стремлением пресечь деятельность оппозиции уже на ранней стадии.

Вполне естественно, что попытки властей противодействовать политической деятельности оппозиционных партий приводили к изменению их собственной тактики, вынуждая постепенно переходить к полулегальным и нелегальным формам работы. Одной из форм подобной деятельности было участие представителей различных партий в организации и проведении забастовок. Так, эсеры приняли участие в забастовке на бывшей фабрике Горбунова Середского уезда Иваново-Вознесенской губ. в июне 1921 г.¹⁷ Меньшевик Гаврин руководил забастовкой рабочих механического цеха Середской мануфактуры в сентябре 1921 г.¹⁸ На одной из фабрик Вязниковского уезда Владимирской губ. в январе 1923 г. была отмечена активность меньшевиков, цель которых определялась властями как ослабление влияния коммунистов на рабочих. Были приняты соответствующие меры по линии ОГПУ¹⁹. В марте 1923 г. на Коломенском машиностроительном заводе вспыхнула забастовка, охватившая 4 мастерских. Ее инициаторами считались меньшевики²⁰.

Оппозиционные партии прибегали и к различным видам агитации. Так, в июне 1922 г. на Коломенском машиностроительном заводе было обнаружено 6 прокламаций эсеров, посвященных процессу над их лидерами, проходившему в то время в Москве²¹, а на станции Дорохово Можайского уезда Московской губ. – несколько номеров эсеров-

ской газеты «Труд»²². В ноябре в поездах Савеловской железной дороги распространялись эсеровские воззвания²³. В декабре на Коломенском машиностроительном заводе, Павлово-Покровской и Старо-Покровской мануфактурах были обнаружены листовки группы «Рабочая правда»²⁴. В конце 1922 г. в Улыбинской вол. Владимирского уезда Владимирской губ. было зафиксировано появление анархистской литературы²⁵. Эсеры Вязниковского уезда Владимирской губ. в июле–августе 1923 г. распространяли журнал «Революционная Россия». Также высказывались подозрения о наличии у них типографии, поскольку они распространяли газету «Голос народа»²⁶. В августе 1926 г. в Тульской губ. у местных анархистов были изъяты листовки «Воззвание анархистов Юга», «Пропавшая звезда», «Гласный протест»²⁷.

Что же писали в своих воззваниях оппозиционные партии? Из наказа, предложенного Московским комитетом РСДРП на выборах в московский Совет в январе 1922 г.: «1) Восстановление полной свободы выборов; 2) Восстановление полной свободы слова, печати, собраний, союзов; 3) Восстановление неприкосновенности личности; 4) Безоговорочная отмена смертной казни»²⁸. Из воззвания смоленских меньшевиков при выборах в местный горсовет в феврале 1921 г.: «1) Сокращение жилищной нужды; 2) Всемерная борьба с загрязнением города; 3) Расширение деятельности городского водопровода; 4) Расширение деятельности электростанции; 5) Возобновление деятельности трамвая; 6) Самостоятельность деятельности горкомхоза по заготовке дров; 7) Дальнейшее расширение городских совхозов, малых ферм и огородов и использование их продуктов специально для улучшения питания детей и больных, общее улучшение питания населения; 8) Правильная постановка и улучшение общественного питания»²⁹.

Даже незначительная активность оппозиционных партий в течение первых лет нэпа вызвала у властей желание свернуть их деятельность. В ходе постепенной ликвидации многопартийности в полной мере был использован метод кнута и пряника. Начало этому процессу положил самороспуск «Бунда». Следует заметить, что в данном случае принцип добровольности соблюдался полностью. В Смоленской губ. была создана специальная губернская комиссия по объединению Смоленской организации РКП(б) со Смоленской организацией еврейского рабочего союза «Бунд». В своем постановлении от 12 апреля 1921 г. она указала: «1) Предложить Смолгубкому “Бунда” предоставить список членов на вступление в состав РКП(б). 2) Партстаж всем членам “Бунда” исчислять с апреля 1920 г.». Всего в состав Смоленской организации РКП(б), согласно данному постановлению, вступили 65 человек³⁰.

Очередь для меньшевиков и эсеров наступила в 1923 г. Архивные документы достаточно хорошо отражают ход «ликвидационных» собраний тульской организации партии социалистов-революционеров и смоленской организации партии меньшевиков. Собрание по самоликвидации организации эсеров Тулы проходило 26 сентября 1923 г., в его работе приняли участие 40 делегатов. Работа данного форума проходила без каких-либо дискуссий. Одним из первых на собрании выступил почетный гость – секретарь тульского губкома РКП(б) Володин. В своей речи он указал, что «все честное и действительно преданное делу революции должно уйти из эсеровской партии»³¹. Его полностью поддержали в своих выступлениях другие делегаты собрания. Так, делегат Блаженков указал, что «надежды на третью силу разбиты жизнью»³². Делегат Бобров призвал всех участников собрания вступить в РКП(б)³³. Как уже отмечалось в литературе, пожелали вступить в РКП(б) 49 бывших членов партии социалистов-революционеров³⁴, в том числе 3 человека были приняты в «действительные члены» без прохождения кандидатского стажа, 13 – в кандидаты, 19 разрешалось вступить в партию на общих основаниях как «беспартийным», остальным было или отказано в приеме, или их прием по разным причинам откладывался. Среди принятых в Коммунистическую партию без прохождения кандидатского стажа были и «активные руководители конференции по роспуску эсеровской партии в губернии» – А.В. Дорожкин и В.В. Медведев³⁵. Постановлением собрания бывших членов партии социалистов-революционеров от 27 сентября 1923 г. партия объявлялась ликвидированной с 1 октября

1923 г.³⁶ По схожему сценарию прошла ликвидация Смоленской губернской организации меньшевиков. Для проведения самоликвидации было создано специальное «Бюро по созыву губернского съезда бывших членов Смоленской организации РСДРП (меньшевиков)» в составе 3 человек (Н.А. Буслов, И.С. Левоншин, Г. Бродов), позднее к ним присоединилось еще несколько человек. Группа собиралась дважды: 5 и 12 декабря 1923 г., и подготовила открытое письмо с призывом провести съезд в связи с тем, что организация меньшевистской партии из-за политики ее вождей окончательно разложилась. В письме указывалось, что во многих губерниях меньшевики уже ликвидировали свои организации³⁷. Съезд бывших членов РСДРП(м) и «Бунда» Смоленской губ. прошел 23 марта 1924 г. На нем присутствовали 36 человек. Работа собрания прошла по накатанному руслу. Так, делегат съезда Швердин (врач, член РСДРП(м) с 1899 г.) заявил: «Основной ошибкой РСДРП(м) была ориентация на русскую революцию как на буржуазно-демократическую, что привело к коалиции меньшевиков с буржуазией против воли рабочих и крестьян. РСДРП(м) развила беспощадную войну с Советской властью после октябрьской революции: от ухода из Советов до участия в контрреволюционных правительствах. Сейчас [меньшевиками] выдвинут лозунг создания демократической республики вместо Советской власти». В заключение оратор предложил резко осудить политику РСДРП(м), партию распустить и влиться в РКП(б)³⁸. Его поддержал делегат Буслов, заявивший: «Меньшевики имеют много преступлений против революции, и мы поздно созвали данный съезд»³⁹. Все выступавшие резко осуждали тактику меньшевиков, перечисляли их прегрешения, указывали на разрыв связи с рабочими⁴⁰. После этого последовало подготовленное решение о ликвидации партии. Так, постепенно происходила ликвидация политических конкурентов большевиков в различных регионах Центральной России.

С теми, кто не хотел «тихо уходить» из политики и продолжал свою деятельность, борьба велась достаточно жесткими средствами. В 1922 г. после обысков и арестов в Тверской губ. была ликвидирована организация правых социалистов-революционеров. Руководитель организации был отправлен в административную высылку, остальные ее члены партийную работу вести прекратили⁴¹. В начале 1923 г. после ряда обысков и арестов была ликвидирована Тверская организация РСДРП(м). Большинство членов партии вышло из ее состава, не заявили о выходе только 2 человека, но партийной работы и они не вели⁴². 19 марта 1923 г. прошли обыски среди меньшевиков Владимирской губ. Арестовали их лидера Бурцева. Несколько человек подали ходатайство о его освобождении в местный уком⁴³. В ночь с 1 на 2 ноября 1923 г. в Москве и уездах Московской губ. прошли обыски и аресты среди меньшевиков и им сочувствующих. Обыску подверглись 225, были арестованы – 37 человек. Среди арестованных были 4 студента, 4 безработных, 3 типографских работника, 2 сотрудника Госбанка СССР, а также сотрудник ВСНХ, управляющий делами комиссии СТО, работник Московского земельного отдела, слесарь и домохозяйка⁴⁴. В июне 1925 г. в Иваново-Вознесенской губ. арестовали группу меньшевиков за «антисоветскую» агитацию⁴⁵. В Туле в январе 1926 г. был арестован бежавший из ссылки левый эсер Гусев-Знаменский⁴⁶.

Сложнее всего проходила ликвидация организационной структуры анархистов, которые отличались высоким уровнем взаимопомощи и взаимовыручки. Иногда им удавалось находить удачные подходы к местному населению. Например, анархист Еремеев в июле 1923 г. объехал уезды Владимирской губ. с лекциями по антирелигиозной тематике, собирая по 500–600 человек⁴⁷. В 1926 г. выяснилось, что тульские анархисты скрывали своих подвергавшихся опасности товарищей, переправляя их на Украину. Согласно чекистским данным, тульские анархисты имели связи, как с другими русскими, так и с зарубежными организациями своих единомышленников⁴⁸. Однако и анархисты постепенно проигрывали в борьбе с карательными органами большевиков. В июле 1924 г. в Туле сотрудниками ОПТУ была проведена операция по ликвидации группы лиц, заподозренных в принадлежности к монархической организации. В момент ликвидации была изъята литература, относившаяся к 1919–1920 гг., оружие, боевые патроны, 1,5 пуда типографского шрифта⁴⁹.

Исчезновение многопартийности в России на общегосударственном и региональном уровне, как мне представляется, было не только следствием ярко выраженной политической воли правящей партии и целенаправленных действий исполнявших ее директивы карательных органов. Главная проблема оппозиции заключалась в том, что она не находила поддержки в массах.

Примечания

¹ *Меньшевики в Советской России*. Казань, 1998; *Анархисты: Документы и материалы*. 1917–1931 гг. М., 1999; *Меньшевики в большевистской России / Меньшевики в 1921–1922 гг.* М., 2002; *Меньшевики в большевистской России / Меньшевики в 1922–1924 гг.* М., 2004.

² *Янсен М.* Суд без суда. 1922 г. Показательный процесс против социалистов-революционеров. М., 1993; *Политические партии в России: Конец XIX – первая треть XX века*. Энциклопедия. М., 1996; *Павлов Д.Б.* Большевистская диктатура против социалистов и анархистов 1917 – середина 1950-х гг. М., 1999; *Бурганов А.Х., Магрил С.* Меньшевики в Советской России // *Вопросы истории*. 2000. № 7; *Юрьев А.И.* Последние страницы истории партии социалистов-революционеров // *Отечественная история*. 2001. № 6; *Игнатьева О.А.* Меньшевики о новой экономической политике (1921–1922 гг.) // *Общество и власть*. СПб., 2005; *ее же.* Меньшевики о путях экономического развития России в 1917–1924 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.

³ *Добровольский А.В.* Эсеры и меньшевики Сибири в условиях перехода к нэпу. Новосибирск, 1995; *его же.* Эсеры в Сибири во власти и в оппозиции (1917–1923 гг.). Новосибирск, 2002; *Юрьев А.И.* Тульская организация партии социалистов-революционеров (1917–1923 гг.). Тула, 2000; *Капитонов И.В.* Эсеры в Мордовии: численность, структура, социальный состав // *Человек и общество: Социально-экономические аспекты развития в интерпретации историков*. Саранск, 2002; *Рязанцева Е.А.* Саратовские меньшевики и местные власти в начале 1921 г. // *Клио*. 2008, № 3(42).

⁴ Центральный архив общественно-политической истории Москвы (далее – ЦАОПИМ), ф. 3, оп. 5, д. 55, л. 18. Подсчеты автора.

⁵ Государственный архив Владимирской области (далее – ГА ВО), ф. 1, оп. 1, д. 1262, л. 18.

⁶ Государственный архив Ивановской области (далее – ГА ИО), ф. П-2, оп. 1, д. 627, л. 22.

⁷ Работа Московского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1927. № 10. С. 57.

⁸ Государственный архив Тверской области (далее – ГА ТО), ф. Р-291, оп. 16, д. 243, л. 66.

⁹ Меньшевики в большевистской России // Меньшевики в 1921–1922 гг. М., 2002. С. 122.

¹⁰ Там же.

¹¹ Центр новейшей истории Тульской области (далее – ЦНИ ТО), ф. 1, оп. 2, д. 518, л. 21.

¹² ГА ВО, ф. 1, оп. 1, д. 674, л. 1.

¹³ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении дел в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. Ч. 1. М., 2001. С. 250.

¹⁴ ГА ВО, ф. 1, оп. 1, д. 1179, л. 5.

¹⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 1. Ч. 2. С. 881.

¹⁶ Тверской Центр хранения документов Новейшей истории, ф. 1, оп. 3, д. 270, л. 6.

¹⁷ ГА ИО, ф. П-2, оп. 1, д. 627, л. 16.

¹⁸ Там же, л. 29.

¹⁹ ГА ВО, ф. 1, оп. 1, д. 1260, л. 6.

²⁰ ЦАОПИМ, ф. 3, оп. 4, д. 48, л. 112.

²¹ Там же, оп. 3, д. 34, л. 169.

²² Там же, л. 204.

²³ Там же, ф. 3, оп. 4, д. 48, л. 315.

²⁴ Там же, л. 362, 367, 371.

²⁵ ГА ВО, ф. 1, оп. 1, д. 1260, л. 61.

²⁶ Там же, д. 1212, л. 7.

²⁷ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 4. Ч. 1. М., 2001. С. 550.

²⁸ Меньшевики в большевистской России. С. 414.

²⁹ Там же. С. 130.

³⁰ Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее – ГАНИ СО), ф. 3, оп. 1, д. 928, л. 35, 47.

³¹ ЦНИ ТО, ф. 1, оп. 2, д. 754, л. 1.

- ³² Там же.
³³ Там же, л. 17.
³⁴ *Юрьев А.И.* Указ. соч. С. 83–84.
³⁵ ЦНИ ТО, ф. 1, оп. 2, д. 755, л. 2.
³⁶ Там же, д. 754, л. 28.
³⁷ ГАИ СО, ф. 3, оп. 1, д. 1929, л. 1.
³⁸ Там же, л. 7.
³⁹ Там же, л. 8.
⁴⁰ Там же, л. 9–10.
⁴¹ ГА ТО, ф. Р-291, оп. 7, д. 70, л. 461.
⁴² Там же.
⁴³ ГА ВО, ф. 1, оп. 1, д. 1260, л. 61.
⁴⁴ ЦАОПИМ, ф. 3, оп. 4, д. 49, л. 44.
⁴⁵ ГА ИО, ф. П-2, оп. 1, д. 1536, л. 421.
⁴⁶ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 4. Ч. 1. С. 114.
⁴⁷ ГА ВО, ф. 1, оп. 1, д. 1262, л. 98.
⁴⁸ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 4. Ч. 1. С. 44.
⁴⁹ Там же. Т. 2. С. 182.

© 2010 г. А.Ю. САРАН*

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ЧЕРНОЗЕМЬЕ НА РУБЕЖЕ 1920–1930-х годов: ОППОЗИЦИЯ И ПОВСТАНЧЕСТВО

Коммунистическая партия с начала 1920-х гг. являлась единственной легально существующей партией в СССР, ее руководящие органы вскоре стали, по сути, государственной структурой. В течение 1920-х гг. руководящие органы РКП(б)/ВКП(б) выполняли функции политического управления, но с началом форсированной индустриализации в годы I пятилетки, сплошной коллективизации в 1929–1933 гг. ЦК ВКП(б) и национальных компартий, обкомы и крайкомы, окружкомы и райкомы компартии все глубже внедрялись в сферу не только политического, но и оперативного управления экономикой, армией, социальной и культурной жизнью общества. В складывавшихся условиях любые другие организации, которые непосредственно занимались самостоятельной политической деятельностью, неизбежно выступали в качестве оппозиции ВКП(б). Источником кадров для создания оппозиционных групп служила сама компартия. Поскольку X съезд РКП(б) еще в 1921 г. запретил создание внутрипартийных фракций, а полное единомыслие в пределах крупной организации невозможно по причинам разнообразия интересов ее участников, то отклонение от «генеральной линии партии» часто приводило к созданию самостоятельных оппозиционных политических организаций. Так, в конце 1920-х гг. появились уже отколовшиеся или находящиеся на стадии вычленения из компартии организации троцкистов и мясниковцев. Другим путем генезиса оппозиционных организаций, существовавших на рубеже 1920–1930-х гг. в СССР, была остаточная активность участников ликвидированных коммунистами политических партий. Наконец, третьим способом появления оппозиционных организаций являлась спонтанная политическая активность населения, как правило, связанная с конкретными политическими, социально-экономическими или идеологическими кампаниями властей.

Именно 1929–1933 гг. в истории СССР стали временем наиболее радикальных социально-экономических преобразований. Упразднение элементов рыночной экономики,

* **Саран Александр Юрьевич**, кандидат исторических наук, доцент Орловского государственного аграрного университета.

которые в значительной степени определяли приоритеты развития страны в период нэпа, было связано не только с пересмотром отношений собственности, что само по себе крайне болезненно для вовлеченных в такие отношения людей, но и с широким использованием разных видов принуждения и репрессий, когда десятки миллионов жителей СССР сменили место жительства, сотни тысяч оказались в местах заключения, десятки тысяч были убиты и еще несколько миллионов умерли от голода. Все это формировало в широких общественных слоях негодование и протест, стремление к сопротивлению, вызывало мощное повстанческое движение, в ходе которого выкристаллизовывались повстанческие организации, как высшее проявление политической оппозиционности.

Если в хронологическом отношении рамки данной статьи в основном совпадают со временем сталинского «великого перелома», то в географическом плане она посвящена Центральному Черноземью – региону, которому при проведении крупных преобразований в стране по ряду параметров принадлежала особая роль. Примечательно, что в 1928 г. на основе объединения Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний в РСФСР была создана Центрально-Черноземная обл. (ЦЧО), расформированная лишь в 1934 г. Время ее существования совпадает с переломным этапом в истории всей страны.

Задача статьи состоит в рассмотрении существовавших в рамках ЦЧО оппозиционных организаций по концентрическому принципу – в порядке их удаления от власти (или открытого противостояния ей) по идеологическим параметрам и характеру деятельности, начиная с отколовшихся от правящей партии идейно родственных ВКП(б) объединений коммунистического толка и завершая организациями, ставившими задачу вооруженной борьбы с режимом. За пределами обзора в силу ограниченности объема журнальной статьи остается ряд организаций, носивших для политического спектра ЦЧО маргинальный характер и возникавших преимущественно в городах: сионисты, антисемиты, фашисты и др.

Оппозиционными политическими организациями, не входившими во властные структуры, следует считать группы *троцкистов*, которых с 1927 г. в массовом порядке исключали из рядов компартии. В течение 1928–1934 гг. такие группы существовали в Воронеже, Белгороде, Курске и Острогожске. Одной из форм их деятельности стало разбрасывание листовок с критикой властей¹. Троцкисты старались расширить ряды своих сторонников. Так, 18 мая 1930 г. партийная тройка ВКП(б) по ЦЧО рассматривала вопрос о члене партии Д.Е. Хохлове. Тот «получил от активного троцкиста Мищенко листовку “Завещание Ленина”»², прочитал и не доложил своему партийному руководству. Во время партийных чисток этот факт все-таки выяснился, и Хохлов был исключен из ВКП(б). Он все отрицал, подал апелляцию, однако партийный суд (тройка) счел его ненадежным коммунистом, потенциально способным примкнуть к троцкистам, и подтвердил факт исключения из компартии. Зимой 1928–1929 гг. была исключена из ВКП(б) группа из 5 воронежских троцкистов³. Они собирались для чтения работ и писем Л.Д. Троцкого, писали и распространяли листовки с критикой решений XV съезда ВКП(б) и Коминтерна, направленных против оппозиции. Кроме того, после января 1929 г. они требовали возвращения высланного из СССР Троцкого, ибо «Троцкий для партии ценнее многих»⁴, а также созыва чрезвычайного XVI съезда, на котором рассчитывали победить сталинцев в открытой борьбе. Еще одна группа воронежских троцкистов была исключена из ВКП(б) в 1930 г. В нее входили как сотрудники руководящих партийных органов (Воронежского окружкома, райкомов), так и рядовые коммунисты. Группа выпустила собственный манифест, а также, пользуясь техническими средствами нескольких окружкомов и райкомов компартии, печатала листовки. По мнению чекистов, именно этой группой по Воронежскому университету распространялись троцкистские частушки⁵. Протроцкистские настроения базировались, помимо интересов политических группировок в компартии, еще и на простой психологической инерции, ведь Троцкий совсем недавно был культовой фигурой, вождем революции. Например, в Мценске (Орловский округ ЦЧО) еще в 1928 г. одна из улиц носила имя этого опально-

го политика, уже находившегося к тому времени в алма-атинской ссылке⁶. Сами троцкисты все еще осознавали себя частью правящей партии. Это наглядно демонстрирует красочно описанный сотрудником ОГПУ эпизод провоза 27 харьковских троцкистов в ссылку через железнодорожную станцию Орел 21 февраля 1929 г. Прибыв на станцию, почти 3 десятка ссыльных в сопровождении всего одного чекиста направились в вокзальный ресторан. «Обедая в 1 классе», они «выкриками по адресу Советской власти и коммунистической партии: “Нас, ленинцев, фашисты гонят в ссылку”», обращали на себя внимание пассажиров. После обеда, выйдя на перрон, запели «Интернационал» и продолжили скандировать лозунги: «Долой угнетателей рабочего класса! Да здравствует Лев Давыдович Троцкий! Долой фашистов! Долой ГПУ! Да здравствует ЧеКа!»; «Нас, ленинцев, фашисты высылают! Боритесь с насильниками советской власти!». Судя по сообщению источника, со стороны рабочих местного депо и отдельных пассажиров в ответ звучали выкрики: «Долой троцкистов, предателей рабочего класса!» На что троцкисты чуть ли не хором кричали: «Шпик, сколько ты за это получил от ГПУ?» Во время отправления поезда троцкисты вывесили из окна вагона плакат с надписью: «За правильную ленинскую линию против Терлиндора»⁷. То ли харьковские троцкисты, то ли орловский чекист не были сильны в истории Французской революции, и поэтому исказили название месяца термидор, в который случился контрреволюционный переворот – свержение власти якобинцев 27 июля 1794 г.

Среди причин некоторого сочувствия населения троцкистам было недовольство политикой действующих властей. В сводке отдела ГПУ железнодорожной станции Елец от февраля 1929 г. приводятся слова начальника станции: «Троцкого за границу сослали, а он оттуда убежал, наши правители хотели смешать его с грязью, но они ошиблись: замарать такого человека... не с такими головами, как у наших правителей... только и знают, что строят социализм... а на то, что рабочие сидят без хлеба, меньше всего обращают внимания». Показателен и комментарий по этому поводу чекистского информатора: «Присутствующие были согласны». Не менее любопытен и вывод, сделанный на основе этой информации местным чекистским начальством: «Антисоветских выступлений не замечалось»⁸. Таким образом, можно заключить, что Троцкий воспринимался в то время как про-, а не антисоветская фигура не только населением, но и, по крайней мере, частью руководящего состава спецслужб. Несколько изменилось восприятие этого политического деятеля после того, как 20 февраля 1932 г. его лишили гражданства. Сторонники Троцкого и часть населения видели в нем ядро антисталинских сил. Рабочие одного из цехов орловского Завода им. Медведева во время совместного завтрака в конце апреля 1929 г. решили, что «глубокий и дальновидный политик Троцкий понял, что ничего не выйдет, эмигрировал, теперь за ним потянутся другие оппозиционеры и развяжут целую войну... будет переворот власти»⁹.

В борьбе с троцкистами использовались силы как партийного аппарата, так и органов ОГПУ¹⁰. По партийной линии применялся и такой метод репрессии, как выборочное исключение из ВКП(б). Так, в ноябре 1929 г. по решению партийных органов ЦЧО были исключены из партии 10 из 40 белгородских троцкистов¹¹. Аналогичная мера была применена и в отношении троцкистской группы из Острогожска¹². В 1931 г. по всей Воронежской обл. исключенные за троцкизм составляли 13,5% от общего количества покинувших ряды ВКП(б), в 1933 г. их доля несколько снизилась и составила 8,7% или 1 382 человека¹³. За время существования ЦЧО областному партийно-государственному руководству удалось нейтрализовать троцкистов, переведя их на нелегальное положение, заставив отречься от своих убеждений или удалив из рядов правящей партии. Репрессии против настоящих и мнимых троцкистов проводились последовательно и непрерывно в течение 1930-х гг. Так, в ноябре 1936 г. секретарь Воронежского обкома ВКП(б) Е.И. Рябинин докладывал об исключении из партии 410 троцкистов в ходе последней «чистки»¹⁴.

На рубеже 1920–1930-х гг. в ЦЧО сначала внутри местной организации ВКП(б), а потом и некоторое время за ее пределами, действовала группа *мясниковцев*, как называли последователей Г.И. Мясникова¹⁵. Им удалось создать временное организацион-

ное бюро ЦЧО под руководством Морозова¹⁶, Баранова и Белякова. Они вели работу по созданию ячеек из своих сторонников на местах. Мясниковцы, как и троцкисты, распространяли листовки, в которых содержались призывы к расширению демократии (в пользу свободы слова, печати, собраний, союзов и введения тайного голосования). Власти обвинялись ими в создании «строя господства бюрократии с однопартийной системой»¹⁷. Кроме того, мясниковцы издавали собственную газету «Рабочий путь к власти»¹⁸. Морозов выпустил 1 400 экземпляров листовки «Что было и что есть» и распространял ее по воронежским предприятиям¹⁹. Согласно данным ОГПУ, за 9 месяцев 1931 г., по всей стране в сельской местности было обнаружено (с учетом самодельных копий) 2 972 экземпляра этой листовки²⁰. Мясниковцы сочетали легальные и конспиративные методы деятельности. Они открыто выражали свои взгляды, вступали в дискуссии²¹. Но организационные собрания мясниковцев проводились нелегально. В частности, для участия в одном из подпольных собраний выезжал в Москву активный член местной группы Федоров. Из Москвы с ним передали в Воронеж типографскую краску²². За лидерами мясниковцев было установлено наружное наблюдение²³. Если в отношении троцкистов правящая в компартии группировка была непримирима, то с мясниковцами до известного времени допускалось нечто вроде полемики, хотя в ней со стороны представителей партаппарата имели место и очевидные передержки. Так, на обсуждении вопроса о мясниковцах в областной контрольной комиссии обкома ЦЧО партийный функционер О.Т. Галустян рассуждал следующим образом: «В листовке говорится “долой социал-бюрократический строй”, то есть долой Советскую власть, то есть, прямо – долой существующий Советский строй»²⁴. Не опровергая данное оппозиционерами определение режима, не пытаясь отрицать и его партийно-бюрократическую сущность, Галустян вместо этого приписывал мясниковцам намерения, которых те не имели. Но он верно почувствовал опасность, исходившую от оппозиционных лидеров: «Морозов организует вторую партию, хочет свергнуть ВКП(б)»²⁵. Характерно, однако, что на том же заседании член комиссии рабочий-коммунист Васильев по поводу выступления Галустяна заметил, что будь Морозов таким, каким его изобразил партийный функционер, «тогда бы он [был] белогвардеец, а он пролетарий-металлист»²⁶. Все участники группы мясниковцев были исключены из ВКП(б) в 1929 г., но через 5–6 месяцев стали каяться в своих партийных грехах, и в результате даже Морозову вернули партийный билет²⁷.

Группы *меньшевиков* (РСДРП) действовали в Воронеже в 1928 г. Они находились на учете у властей. Чекисты в обязательном порядке накапливали сведения обо всех выявленных действующих или бывших членах РСДРП и их организациях²⁸. Организации меньшевиков существовали и на промышленных предприятиях области, о чем сообщалось на пленуме обкома ВКП(б) ЦЧО, который проходил с 12 по 16 июня 1929 г.²⁹ Но в целом положение в ЦЧО соответствовало положению в других областях, где, как например на Ижевских заводах Вотской обл., на 15 тыс. работающих приходилось 29 меньшевиков (0.2%)³⁰. Члены РСДРП на территории ЦЧО к рубежу 1920–1930-х гг. от непосредственно политической деятельности отошли. Однако, с точки зрения правящей партии, на меньшевиках все еще лежало клеймо былого противостояния большевикам, которые на самом деле составляли весьма небольшую часть некогда единой РСДРП.

Группы *социалистов-революционеров* на территории ЦЧО существовали в Воронеже, Курске, Тамбове, Губкино и Елань-Колено в течение 1928–1934 гг. Деятельность эсеровских организаций тоже находилась под пристальным вниманием органов ОГПУ³¹, одним из важных информационных каналов была работа осведомителей, в частности, в Елань-Коленовской организации социалистов-революционеров действовал секретный сотрудник под псевдонимом Трубкин³². Начальник Орловского окружного отделения ОГПУ А.С. Ермолаев в апреле 1929 г. сообщал о некоей «эсеровской организации в Курске», с которой якобы был связан бывший орловский помещик Аккуратов. Однако никаких других, более определенных и достоверных сведений о курских эсерах периода существования ЦЧО не имеется. В организационном плане эсеры, как

и раньше, делились на левых во главе с Я.С. Базарным, и правых, которыми руководили вначале М.А. Лихач, а позднее – Ю.Н. Подбельский и И.Д. Смирнов³³. М.А. Лихач (1887–1931), бывший член Центрального комитета ПСР, собирал местных членов партии у себя на квартире. По данным ОГПУ, он готовил побег из воронежской ссылки. На рубеже 1920–1930-х гг. в Воронеже оказался и бывший член ЦК партии правых эсеров и один из руководителей ее боевой организации А.Р. Гоц, принимавший участие в работе эсеровских групп ЦЧО. Эсеровские организации существовали и на промышленных предприятиях области, о чем было заявлено на пленуме обкома ВКП(б) ЦЧО в июне 1929 г.³⁴ Воронежские эсеры поддерживали связи с нелегальным Центральным бюро ПСР. В октябре 1930 г. Лихач был арестован, а дело его направлено в Особое совещание ОГПУ³⁵. Подобным же образом развивались у ОГПУ отношения и с левыми эсерами. Бывший член ЦК партии левых эсеров Б.Д. Камков³⁶, попав в воронежскую ссылку, получил руководящую должность в статистическом отделе облисполкома ЦЧО. При его участии деятельность местных левых эсеров активизировалась, начали проводиться собрания, обсуждаться животрепещущие проблемы. К марту 1930 г., по сведениям ОГПУ, левые эсеры определили свою позицию по вопросу о сплошной коллективизации – они всецело одобрили обобществление крестьянских хозяйств. Однако в том же 1930 г. Камков был арестован в Воронеже, обвинен в организации побега из ссылки и создании нелегального паспортного бюро. Обвинение затронуло и профессиональную деятельность Камкова в облисполкоме. Его дело было направлено в Особое совещание ОГПУ. Избежавшие новых арестов и недавно прибывшие в ЦЧО эсеры в 1933 г. провели под Воронежем совещание, на котором присутствовали лидеры как правых (И.Д. Смирнов), так левых (Я.С. Базарный) эсеров. Поднимался вопрос об объединении обеих групп, но без согласования со своими центральными органами окончательное решение воронежские эсеры принимать не стали³⁷.

В отличие от меньшевиков, эсеры смогли на известное время частично сохранить и свои партийные структуры, и лидеров, и некоторую политическую активность. Они использовали методы конспирации, критиковали недемократические аспекты политики большевиков. Однако активной борьбы с коммунистическим режимом эсеры не вели. В октябре 1935 г. Особое совещание при НКВД СССР вынесло постановление в отношении членов Тамбовско-Воронежской эсеровской организации. Арестованные по делу В.П. Шестаков, Ю.Н. Подбельский, В.П. Стружинский, С.Я. Гендельман и другие получили различные сроки ссылки в отдаленные регионы страны (большинство участников эсеровских организаций ЦЧО были расстреляны в 1937–1938 гг.)³⁸.

В отдельных местах возникали и независимые эсеровские группы. В Губкинском округе ЦЧО организацией правых эсеров руководил местный кузнец П.И. Агарков, революционер еще с начала века, прошедший царскую тюрьму³⁹. Группа пыталась бороться с насильственными хлебозаготовками. У одного из членов группы – крестьянина-середняка С.И. Лаушкина – был конфискован обрез, которым тот угрожал членам комиссии по хлебозаготовкам. Деятельность этой, состоявшей всего из 5 человек, правозэсеровской организации освещала информатор ОГПУ по кличке Вольная.

Отдельные эсеры возглавляли крестьянские повстанческие отряды весной 1930 г. На территории Тамбовского округа ЦЧО действовали отряды под командованием Васильева, Матушкина, Клюева, Глухова и Пospelова. Все они были ликвидированы чекистами в течение 1930 г. Летом 1932 г. в Михайловском районе чекисты арестовали участников крестьянской повстанческой группировки эсера Михайлова. Позднее был разгромлен «Союз освобождения народа» под руководством эсера Ковалевского. Его участники, по данным следствия, в союзе с повстанцами Украины планировали поднять массовое крестьянское восстание. При арестах было изъято 24 единицы огнестрельного оружия⁴⁰.

Организация *анархистов*, действовавшая во всех трех крупнейших городах ЦЧО (Воронеж, Курск, Орел), включала 23 человека. В основном это были лица, подвергнутые административной высылке или отбывавшие «минусы» (запрет на проживание в определенных крупных городах). Их возглавлял А.Д. Барон-Факторович, бывший ру-

ководитель конференции анархистских организаций Украины «Набат», участник махновского движения⁴¹. Анархисты поддерживали связи между собой в пределах ЦЧО, а также со своими товарищами в Москве, Томске и Ульяновске, и, кроме того, с приверженцами анархизма в США, Франции и Испании. За связь с заграничными анархистами отвечала анархо-синдикалистка Б.С. Тубисман, проживавшая сначала в Воронеже, а затем в Орле. Именно через нее поступала небольшая материальная помощь от иностранных единомышленников. Анархистскую литературу из-за границы получал А.Г. Тарасюк, сосланный в Воронеж в 1929 г. Анархисты ЦЧО вели переговоры и о возможности созыва всесоюзной конференции анархистов в Орле, была даже назначена дата начала конференции – август 1933 г. Однако форум не состоялся, и Барон-Факторович с огорчением констатировал: «Движение анархизма окончательно раздавлено, два года нужно для организации»⁴². В 1934 г. по делу анархистов были арестованы 23 человека. Воспользовавшись показаниями самих арестованных, внесудебный орган – особое совещание при коллегии ОГПУ – 14 мая 1934 г. осудило 11 человек⁴³. Барон-Факторович был выслан на 3 года в Обско-Иртышскую обл., остальные также получили 3-летние сроки высылки в отдаленные от Центральной России регионы СССР⁴⁴.

Заметное место в картине развертывавшейся на территории ЦЧО оппозиционной деятельности в том виде, как она отразилась в материалах ОГПУ, занимает дело *антоновцев* или, говоря официальным языком того времени, «контрреволюционной повстанческой организации бывших политбандитов 14-го Токайского полка банд Антонова – антоновцев». Дело этой организации стало своеобразным эхом Гражданской войны, когда в 1920–1921 гг. против власти большевиков, проводивших политику военного коммунизма, выступило население значительной части Центральной России. В 1931–1932 гг. по этому делу проходили 63 человека, 22 из которых были командно-политическими работниками в отрядах А.С. Антонова (1888–1922), еще 31 человек служил рядовыми бойцами, остальные 10 в антоновском восстании не участвовали, но примкнули к организации в 1932 г. Руководителем организации антоновцев стал бывший помощник командира 14-го Токайского полка А.И. Гребенкин. После ареста он охотно рассказывал молодым чекистам-следователям об истории антоновского движения, объяснял причины восстания крестьян против власти большевиков. По его словам, «когда Советская власть стала сильно нажимать на рабочих, крестьян... путем продразверстки, закрытием вольной торговли, большая часть народа под руководством умных людей пошла восстанием против Советской власти»⁴⁵. Эта характеристика взаимоотношений народа и власти звучала весьма актуально и в период сворачивания нэпа на рубеже 1920–1930-х гг. Как рассказывал Гребенкин, «14-й полк был образован в октябре 1920 г., в апреле 1921 г. нас разбили, но мелкие отряды продолжали сражаться до 1924 г. Большая часть повстанцев скрылась»⁴⁶. 2 ноября 1927 г. все бывшие антоновцы были амнистированы постановлением ВЦИК СССР в связи с 10-летием Октябрьской революции. По сведениям ОГПУ, бывшие антоновцы разъехались по городам ЦЧО, но в 1932 г. были вынуждены вернуться на прежнее место жительства из-за введения в Советском Союзе паспортной системы. Согласно данным того же источника, бывшие антоновцы, проживавшие в 13 селах на территории 7 сельских советов Архангельского и Щученского районов ЦЧО, поддерживали между собой связь, а некоторые участники антоновского движения в 1932 г. пытались установить контакты с северокавказскими повстанцами, а также с зарубежными антисоветскими центрами⁴⁷. В январе 1933 г. бывшие антоновцы попали в поле зрения чекистов, последовали аресты. Следователям вполне хватило откровенных показаний всего нескольких из 63 арестованных, чтобы записать в обвинительном заключении, что организация «готовила руководящие кадры, пропагандировала повстанческие настроения, вела подрывную работу в колхозах». Слабую структурированность организации и отсутствие внятно сформулированных целей следователи объясняли тем, что антоновская организация была «ликвидирована в начале процесса организационного оформления»⁴⁸. Обвинительное заключение по этому делу в апреле 1933 г. подписал сам полномочный представитель ОГПУ по ЦЧО С.С. Дукельский. Только 1 августа 1933 г. тройка полномочного представительства

ва ОГПУ (ПП ОПТУ) по ЦЧО вынесла приговор. Лидер бывших антоновцев Гребенкин был осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей, различные сроки получили и другие осужденные⁴⁹.

Согласно чекистским данным, в ЦЧО существовали и другие организации антоновцев. Так, «Союз земельных собственников» действовал на территории Ржаксинского и Сампурского районов ЦЧО. Его ядро составляли 19 бывших участников антоновского восстания, а руководителем был Санфилов, бывший командир особого полка у Антонова. В организации соблюдалась строгая конспирация и дисциплина. Руководство организации пыталось объединить разрозненные крестьянские повстанческие группы, действовавшие в указанных районах. Цель организации – путем вооруженного восстания «установить мужицкую власть, вольную торговлю»⁵⁰. В июле 1932 г. в организацию был внедрен секретный сотрудник из Тамбовского оперсектора ПП ОГПУ по ЦЧО, а в сентябре «Союз земельных собственников» был ликвидирован. Однако арестовать всех членов организации чекистам не удалось, благодаря конспирации часть членов «Союза земельных собственников» осталась на свободе и, по косвенным признакам, перебралась в города для работы на промышленных предприятиях.

По данным чекистов, бывшие антоновцы стали ядром для целой группы повстанческих отрядов на территории бывшей Тамбовской губ., а теперь северо-восточных районов ЦЧО (Алешковского, Бондарского, Моршанского, Мучканского, Пичаевского, Ржаксинского, Уваровского). В отличие от организаций Гребенкина и Санфилова, эти отряды реально контролировали отдельные села, проводили выборы старост вместо распушенных сельсоветов, следили за порядком, организовывали охранную службу, провозглашали «свободу слова». Повстанческие отряды совершали рейды по соседним селам, нападали на отделения милиции, партийных работников, захватывали склады и заготконторы. По сравнению с другими повстанцами, бывшие антоновцы отличались «повышенной агрессивностью и жестокостью, были непримиримыми противниками Советской власти». В течение 1931 г. на территории ЦЧО были арестованы 365 бывших участников антоновского восстания⁵¹.

Помимо организаций антоновцев, чекистами выявлялись и другие подпольные организации. В Верхне-Мамонском районе ЦЧО в течение 1930–1934 гг. действовала организация «Вольные крестьяне», объединявшая 118 сельских жителей под руководством П.Ф. Ярцева⁵². Крестьяне объединились в «момент сплошной коллективизации весной 1930 г.». Свою оппозиционность они обосновывали тем, что «с 1927 г. Советской власти не существует, свободных выборов нет, а есть назначенчество, мы не обязаны подчиняться»⁵³. Организация проводила вербовку новых членов, ее численность со времени создания к лету 1930 г. выросла от четырех десятков до более сотни членов. Сопротивление властям, согласно выводам следствия, выражалось в неуплате налогов. По приговору тройки ПП ОГПУ по ЦЧО от 25 июля 1931 г. наиболее активные участники организации получили от 3 до 10 лет концлагерей, для части обвиняемых была избрана условная мера наказания, а часть – вообще освобождена от наказания.

В нескольких селах Бобровского района ЦЧО примерно тогда же существовала организация «Правая оппортунизма»⁵⁴, насчитывавшая до 192 членов⁵⁵. Рождение ее относится к весне 1931 г. Именно к тому времени, проведя предварительные беседы с односельчанами, крестьянин села Верхний Икорец Бобровского района ЦЧО Т.Р. Говоров составил первоначальный список организации, состоявший из 51 фамилий. Обычное название «Правая оппортунизма» было извлечено ее участниками из газет за 1930 г., переполненных тогда разоблачениями правых оппортунистов, к которым сталинская группировка причисляла Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и их сторонников за попытки предотвратить сворачивание нэпа. Бобровские крестьяне поняли газетную критику по-своему: правый оппортунизм – благо для крестьян, он означает возврат к той жизни, которая была до начала пятилетки и коллективизации, со свободной торговлей, признанием института собственности и прав собственника. Такое восприятие «правого уклона» было характерно и для крестьянства других регионов. По сообщениям ОГПУ, в январе 1929 г. «кулаки в своих выступлениях и листовках, выдвигая программу эко-

номических требований, иногда ссылались на правых уклонистов в партии, призывали крестьян солидаризоваться с ними, видя в них единственную легальную силу, за которую можно ухватиться для реализации своей программы»⁵⁶.

Интересна сама фигура руководителя «Правой оппортунизмы» – Тимофея Романовича Говорова. Родился он в с. Верхний Игорец в 1901 г. в зажиточной семье. Кроме земельного надела в 20 десятин, хозяйство ежегодно арендовало еще до 100 десятин, был свой кирпичный завод, ветряная мельница, маслобойка, держали 15 рабочих лошадей и 10 коров, не считая более мелкой живности. Кроме членов семьи, постоянно работали 10 наемных рабочих, а на сезонные сельскохозяйственные работы нанимали еще до 70 человек. Затем хозяйство разделили между взрослыми детьми, и к 1929 г. у Тимофея с женой было 8 десятин пахотной земли, ветряная мельница, лошадь, одна корова, на время нанимали до 5 сезонных работников. Т.Р. Говоров служил в Красной армии в 1919–1922 гг. В 1922 г. ему дали отпуск, и молодой солдат задержался дома. За это Говорова судили. В 1925 г. его вновь осудили на 5 лет – уже за фальшивомонетничество, но через 2 года выпустили. С 1928 г. его хозяйство обложили налогами и «твердыми заданиями» по хлебозаготовкам и, наконец, в 1931 г. все хозяйство было конфисковано.

Тимофей Романович активно участвовал в сопротивлении крестьян коллективизации, но уголовному преследованию за это не подвергался⁵⁷. Вероятно, в этот период у Говорова стали формироваться черты крестьянского вожака. Для психологического обоснования своего лидерства крестьянский вожак должен был обладать рядом качеств. Прежде всего, это обладание харизмой, авторитетом и способностью вести за собой. Он должен был не только находиться вне системы органов государственного управления, но и иметь репутацию борца с режимом. Вождь должен был ярко проявлять общественную мотивацию своего поведения. Невозможно было обойтись без экономической программы, основанной на защите крестьянских интересов, ущемляемых государством. Таким образом лидер должен был олицетворять конкретную общность, на что обращал внимание Б.Ф. Поршнев⁵⁸. Вожак соединял в себе характерные черты окружения, воплощал стремление к определенным целям, брал на себя организацию деятельности по достижению целей, а общность связывала с ним свои ожидания и перекладывала на вожака большую часть ответственности за совместные действия и их последствия. Подобное разделение задач: концентрация разных видов активности в личности вожака и ведомая позиция безответственности остальных членов организации допускало, а подчас и требовало некоторого взаимного обмана. С одной стороны, это были различные приемы по искусственному наращиванию авторитета вождем, с другой – вождь должен был принимать или делать вид, что принимает, все требования окружения и возглавляемых масс.

Как и вожаки многих других новорожденных нелегальных организаций, руководитель «Правой оппортунизмы» прибегал к мистификации: стремясь создать впечатление о своих широких политических связях, он внушал рядовым членам, что существует еще более высокое – областное руководство и даже центральное – в Москве. В соответствии с информацией, известной крестьянам из газет, главой организации Говоров называл самого Н.И. Бухарина, даже организовал встречу актива с «вождем». Роль Бухарина на этой встрече сыграл молодой крестьянин Василий Медведев, знакомый Говорова. На людях тот по-свойски называл «Бухарина» Колей (желая подчеркнуть панибратский характер отношений с «Николаем Ивановичем»). На собрание «Бухарин» пришел одетым в городское пальто и шляпу, изложил цели и задачи организации, предостерег от несвоевременных активных действий и предрек скорый конец советской власти⁵⁹. По свидетельству хозяина дома, в котором проходила встреча, после собрания «Бухарин» выпил вместе со всеми и угощался медом на пасеке⁶⁰.

Медведев в обличье «вождя» тепло и с доверием был принят участниками организации, поскольку они его ждали. Свидетельством распространенности таких ожиданий служат и письма обыкновенных людей в газеты и различные органы власти того времени: аноним из Оренбурга высказывал мнение, что «когда во главе были Рыков, Томский

да Бухарин, всего было вдоволь, вот их отставили, и ничего не стало», другой сибиряк заявлял: «Рай у нас с Рыковым да Бухариным будет»⁶¹.

Кроме мистификации с «вождем» для сплочения организации употреблялись и другие средства. К дисциплине готовых взбунтоваться крестьян, помимо самозваного Бухарина, призывали и «приказы», якобы получаемые из Москвы, а на самом деле составлявшиеся Говоровым и его соратником Щегловым «непонятным языком с большим количеством иностранных слов»⁶². Однако нетерпеливые члены организации требовали активных действий, и тогда зимой 1930 г. Говоров приказал разобрать железнодорожное полотно, но инструментов исполнителю не дал. Исполнитель был вынужден от выполнения задания отказаться самостоятельно⁶³. В данном эпизоде Говоров показал себя как гибкий лидер. С одной стороны, он формально пошел навстречу преобладавшим настроениям, отдав требуемый приказ, а с другой – не создал необходимых условий для реализации собственного приказа и тем самым заставил членов организации подчиниться проводимой им линии на недопущение несвоевременного конфликта с властью.

Стремлением Говорова укрепить в глазах крестьян свой образ альтернативного лидера, а самой «Правой оппортунизмы» придать характер альтернативной государственной организации объясняется и тот факт, что она обзавелась, по его приказу, собственными печатями и штампами, был также введен определенный делопроизводственный порядок: велись тетради учета, членам организации и другим крестьянам выдавались различные документы: описи имущества, расписки и т.п. Изготовленные грубовато и кустарно, эти документы, тем не менее, с доверием воспринимались крестьянами, опасавшимися за судьбу своего имущества в условиях насильственной сплошной коллективизации, раскулачивания и конфискации.

В деятельности «Правой оппортунизмы» прослеживаются и другие аналогии с существовавшей в Советском Союзе партийно-государственной системой. У Говорова был секретарь И.Ф. Плетнев, который выдавал вступавшим специальные удостоверения, подобные партийным билетам. Члены «Правой оппортунизмы» платили партийные взносы. Размер их не был определен (от 20 до 320 руб.) и брали взносы не со всех (в основном, с тех, кто ожидал возвращения своего конфискованного властями имущества). В организацию вступали как уже разоренные кулаки, так и середняки, которые также опасались разорения. Одной из главных практических задач «Правой оппортунизмы» была перепись имущества ее членов – для того, чтобы вернуть его в случае конфискации. Предполагалось и участие в возможном восстании против власти коммунистов. Для этого активисты накапливали оружие, но от рядовых членов это скрывалось, поскольку, как считал Говоров, «крутая расправа Советской власти с повстанцами многих отпугивала бы от организации»⁶⁴.

Дело по этой организации вел заместитель начальника секретно-политического отдела ПП ОГПУ по ЦЧО Дяконов, а обвинительное заключение подписал сам полпред Н.Н. Алексеев. За создание «Правой оппортунизмы» Т.Р. Говоров в 1931 г. получил 10 лет исправительно-трудовых лагерей⁶⁵, однако из мест заключения бежал. В 1936 г. он был вновь осужден за целый букет преступлений против порядка управления и имущественных преступлений на 10 лет исправительно-трудовых лагерей, но по болезни его освободили от отбывания наказания. Говоров создал новую организацию – «Правый уклон» и в 1937 г. был за это расстрелян⁶⁶. В 1993 г. по обвинениям в организации и деятельности в двух своих организациях Тимофей Романович был реабилитирован. Старший помощник прокурора по Воронежской области В.Т. Акулов признал, что крестьянские организации существовали, но не совершили конкретных преступлений⁶⁷. Крестьяне «объединялись вокруг Говорова не для терактов, а в поисках путей облегчения жизни, при этом никаких действий против Советской власти не совершали»⁶⁸.

Особой группой среди оппозиционных объединений являются *повстанческие организации*, появляющиеся как высшее проявление протестных настроений и действий населения в ответ на политику коммунистической власти деревне в 1929–1933 гг. По районам ЦЧО в те годы прокатилась волна массовых восстаний; в отдельных слу-

чаях число восставших превышало 4 тыс. человек, а в селах Сухая Березовка и Коршево Бобровского района в восстании приняли участие более 30 тыс. человек⁶⁹. В январе 1930 г. на территории ЦЧО произошло 51 выступление с 25 тыс. участников (в среднем 500 человек на одно выступление), в феврале – 131 выступление с 37 тыс. участников (в среднем 280 человек на одно выступление)⁷⁰, что опережает темпы роста сопротивления крестьянства в целом по стране. В январе в СССР было зарегистрировано 346 мятежей (125 тыс. участников, в среднем 360 восставших на одно выступление), а в следующем месяце – 736 (220 тыс. участников, в среднем 300 человек на одно выступление)⁷¹. В ЦЧО от января к февралю 1930 г. рост выступлений составил 160%, в то время, как во всем Советском Союзе – 110%, а по численности участников в ЦЧО рост наблюдался на 50%, тогда как по СССР – на 75%. Иначе говоря, восстания в ЦЧО разгорались быстрее, чем в целом по стране, но при этом каждое из выступлений по числу повстанцев росло несколько медленнее, чем в других регионах.

Уже в 1930 г. восстания вошли в круг повседневности, крестьянское сознание начало воспринимать их как одну из форм взаимодействия с властью. Так, крестьянин-середняк из Козловского округа ЦЧО заявлял в начале лета: «Пойдем на восстание, а хлеба власти не дадим» Причину такой позиции раскрывает высказывание другого середняка – из с. Огашевка Валуйского района Острогожского округа ЦЧО: «Хлеб государству вывезли, а сами сидим голодные»⁷². Еще одной неперенной чертой повседневной жизни являлось распространение информации в форме слухов. В 1929 г. в черноземной деревне распространялись слухи о скорых восстаниях городских рабочих. Крестьянин из Павловка Россошанского округа ЦЧО в феврале 1929 г. говорил односельчанам, что «в Москве целое восстание рабочих на почве недостатка хлеба». Таловский крестьянин уточнял: «В Москве среди рабочих идет большое недовольство, скоро ожидается забастовка и восстание рабочих против власти»⁷³.

Пик сопротивления населения усилиям партийно-государственного аппарата изменить экономические реалии страны пришелся на март 1930 г., когда в 625 разного рода крестьянских выступлениях на территории ЦЧО участвовали 154 тыс. человек. По сведениям Н.А. Ивницкого, по всей стране, не считая Украины, произошло 1 642 выступления, в которых приняли участие примерно 750–800 тыс. крестьян, т.е. на Центрально-Черноземную область пришлось 38% общего числа выступлений и 20% восставших⁷⁴. При этом по ЦЧО доля восставших составила 1.3% населения области – весьма высокий показатель для одновременных активных действий. С началом посевной последовал относительный спад массовых выступлений: в апреле 1930 г. было зафиксировано 48 тыс. крестьян, участвовавших в акциях протеста, в мае – 21 тыс.⁷⁵ Суммарно же за первые 5 месяцев 1930 г. в почти тысяче выступлений против политики властей поднялось 285 тыс. жителей ЦЧО или 2.5% всего населения области. Вот что пишут непосредственные свидетели одного из таких выступлений: «В с. Правая Хава 31 марта [1930 г.] толпа в несколько сот человек приступила к разбору семенного фонда и разгромила правление колхоза. 1 апреля прибыл отряд 45 чел[овек] войск ГПУ. Попытки уговорить не дали успеха. Толпа все увеличивалась, прибывали люди из окрестных деревень. Отдельный окруженный отряд из 10 красноармейцев после предупредительных выстрелов дал залп, убито 5 чел[овек], ранено 3, после чего толпа рассеялась»⁷⁶.

На территории ЦЧО за I квартал 1930 г. органы госбезопасности зафиксировали по 48 массовых выступлений в Козловском и Курском округах, 35 – в Елецком, по 25 восстаний в Острогожском и Усманском округах, 19 – в Борисоглебском, по 9 в Льговском и Орловском округах⁷⁷. Для их подавления власти использовали оперативно-маневренные группы ОГПУ, воинские части, вооруженные отряды партийно-комсомольского актива. В 1931 г. в ЦЧО было зафиксировано 1 836 массовых крестьянских выступлений. За 1930–1931 гг. по сводкам ОГПУ на территории области было совершено более 2 тыс. террористических актов⁷⁸.

Большая часть восстаний на территории ЦЧО носила стихийный характер, но с 1930 г. повстанцы начали создавать собственные организации. Только на территории

Елецкого, Льговского и Острогожского округов в 1930 г. действовали 132 организованные повстанческие группы⁷⁹. Всего же по области за первые 2 месяца этого года органами ОГПУ, по сообщению его полномочного представителя Н.Н. Алексеева, была пресечена деятельность 9 крестьянских организаций и 506 повстанческих группировок, по делам о «контрреволюционных организациях и группировках» проходили 3 888 обвиняемых, дела «кодиочки» были заведены на 2 942 человека⁸⁰. Таким образом, около 60% повстанцев принадлежали к организованному сопротивлению. При этом в сводке Секретно-оперативного управления ОГПУ на 1–15 февраля за чекистами ЦЧО не значится ни одной ликвидированной контрреволюционной организации, только 143 группировки⁸¹. Получается, что за 2 последние недели февраля сотрудники Н.Н. Алексеева преодолели отставание от коллег из других регионов. К 5 марта 1930 г. за чекистами ЦЧО значилось уже 11 ликвидированных контрреволюционных организаций со 161 арестованным участником; по всей стране к этому времени была уничтожена 141 подобная организация с 4 507 арестованными⁸². Цифры эти подлежат некоторой коррекции, поскольку не учитывают число убитых в ходе чекистско-войсковых операций, например, только в докладе Контрразведывательного отдела ОГПУ от 29 апреля 1930 г. сообщается о 2 686 убитых на 67 662 арестованных повстанца (4%)⁸³.

Таким образом, на Центрально-Черноземную область в начале 1930 г. приходилось около 8% повстанческих организаций и менее 4% повстанцев. Чекистами ЦЧО было ликвидировано 340 повстанческих группировок, насчитывавших 2 662 участника; по всему СССР было уничтожено 4 193 группировки с 31 568 участниками⁸⁴. В этом секторе организованного крестьянского сопротивления на ЦЧО приходилось 8% организованных групп и около 9% повстанцев. К 20 марта 1930 г. число повстанческих организаций достигло 14 (276 арестованных), а по группам повторяются данные от 5 марта, эти же данные повторяются и в спецсводке за 24 апреля⁸⁵. По СССР было ликвидировано 166 организаций (5 427 арестованных) и 5 363 группы (39 538 человек), доля орловских чекистов составляет по ликвидированным организациям все те же 8% (по членам 5%), а по группам доля ЦЧО снизилась до 6% (по участникам до 7%). Доля Центрального Черноземья в этих показателях в целом колеблется около его доли в населении страны (7%), что позволяет говорить о среднем уровне повстанческой организованной активности в регионе.

В ходе комплексной операции чекистов, проводившейся в течение июля–августа 1930 г., были ликвидированы еще 2 повстанческие организации и 307 крестьянских группировок⁸⁶. Следующая массовая операция в январе–феврале 1931 г. уже не выявила повстанческих организаций, в 1,5 раза меньше было ликвидировано крестьянских группировок (210), за участие в них было осуждено 4 260 человек. Третья массовая операция чекистов, также проведенная в 1931 г., пресекла деятельность повстанческих групп уже в 9 из полутора сотен районов ЦЧО, по ее итогам были осуждены 2 418 человек. А в 1932 г. чекисты в рамках оперативного дела «Гидра» ликвидировали 12 повстанческих групп в Белгородском, Шебекинском и Больше-Троицком районах ЦЧО⁸⁷. В течение 1933 г. чекисты обнаружили 20 повстанческих организаций (арестовано 2 тыс. человек) и 97 крестьянских повстанческих групп (арестовано более 3 тыс. человек) в 52 районах ЦЧО⁸⁸. В этом году всего по линии Секретно-политического отдела ПП ОГПУ по ЦЧО были арестованы более 7 500 человек. Получается, что около 70% арестованных за антигосударственную деятельность принадлежали к организованным повстанческим структурам.

В апреле 1930 г. в документах чекистов, помимо терминов «контрреволюционная организация» и «группировка», появился еще один – «политбанда». «Политбандами» именовались вооруженные повстанческие отряды. С 1 января по 15 апреля 1930 г. в СССР было ликвидировано 206 повстанческих организаций (8 740 участников), 6 827 группировок (50 009 участников) и 229 «активных политбанд» (8 913 участников)⁸⁹. Причем с оружием в «политбандах» было не густо, даже если предположить, что 5 533 ствола изъятого за первую треть 1930 г. огнестрельного и 2 250 единиц холодного оружия⁹⁰ приходятся только на этот вид повстанческих организаций, то и в этом случае

каждый восьмой «политбандит» оказывается даже без ножа. Отмечены лишь единичные случаи использования взрывчатых веществ. Так, 1 сентября 1930 г. в д. Сосенки Ново-Усманского района ЦЧО была сделана попытка взорвать динамитом амбар с 64 т колхозного зерна⁹¹.

О характере крестьянских группировок можно судить по восстанию в с. Липовка Лосевского района Россошанского округа ЦЧО весной 1930 г. В селе был образован штаб, более 1 тыс. повстанцев были разделены на взводы, вокруг села выставлены посты охраны, а на колокольне находился наблюдатель. В центре села периодически проводились митинги для поддержания необходимого для сопротивления уровня готовности. В соседние села штабом были направлены ходоки для организации поддержки. Когда отряд ОГПУ приблизился к селу, развернулся бой, в ходе которого были убиты и ранены с обеих сторон. Вероятно, об этом сражении говорится в справке Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ от 28 июня 1930 г.: «Тактика бандитов значительно усовершенствовалась... В ЦЧО при ликвидации одного из восстаний бандиты применяли комбинированный метод борьбы: огонь с фронта и движение в атаку с фланга. При успешных действиях нашего отряда бандиты зажгли в разных пунктах обороняемое ими село, пытаясь этим расстроить наступающую на них часть войск ОГПУ, окружить и уничтожить ее»⁹². Однако сам повстанческий отряд был окружен, правда и в этой ситуации часть крестьян прорвалась в соседний Шиповский лес. Для окончательной ликвидации восстания проводилась объединенная чекистско-войсковая операция. Другие чекистские отряды провели профилактическую работу в соседних селах, изъяли у крестьян оружие, боеприпасы, строго предупредили их. В результате липовская повстанческая группа потерпела поражение⁹³.

Повстанческое движение конца 1920-х – начала 1930-х гг. воспроизводило многие традиционные черты крестьянских движений XVII–XVIII вв. Прежде всего, действия повстанческих формирований носили локальный характер, обычно ограничиваясь территорией района, редко захватывая соседние округа ЦЧО. Опираясь на родственные и дружеские связи, повстанцы, по данным чекистов, были хорошо осведомлены о действиях властей, они стремились не вступать в открытые столкновения с противником, а применяли партизанскую тактику внезапных налетов и засад. В рядах повстанческих организаций было немало участников Первой мировой и Гражданской войн, что позволяло им использовать элементы военной тактики. «Ряд повстанческих отрядов Курского и Орловского округов имели на случай проведения комплексной чекистско-войсковой операции запасные пункты базирования, склады продовольствия и боеприпасов»⁹⁴. При боевых столкновениях, если создавалась опасность окружения, повстанческие отряды разделялись на мелкие группы, которые расходились в разные стороны, и определенное время не предпринимали никаких действий. Ряды повстанческих организаций комплектовались из крестьян, которые были объявлены кулаками, но уклонились от выселения в период раскулачивания или сбежали из ссылки. Кроме того, данные по 11 контрреволюционным организациям, ликвидированным на территории ЦЧО к 5 марта 1930 г., сообщают о 5 членах оппозиционных партий в их составе, что составляет 3% от численности повстанцев. В составе повстанческих групп, ликвидированных за этот период, такой категории участников не выявлено. А вот по материалам 33 повстанческих групп, ликвидированных на территории ЦЧО в 1933 г., в их составе находилось: 432 бывших участника повстанческого движения (14%), 308 членов оппозиционных партий (10%), 109 бывших дворян или крупных собственников (3%), 134 бывших жандармов и полицейских (4%), 61 бывший офицер царской армии (2%) и 85 бывших белых офицеров (3%)⁹⁵. Повстанцев поддерживали не только другие слои крестьян, но и некоторые работники советских органов. По крайней мере, ОГПУ разоблачило ряд повстанческих информаторов в сельсоветах. По мере развития повстанческого движения доля членов оппозиционных партий в его рядах с 1930 по 1933 г. выросла втрое. В качестве одной из особенностей состава повстанческих организаций в ЦЧО, чекисты выделяли широкое наличие в них церковников и сектантов, что было характерно для всех областей Центральной России⁹⁶.

Одной из форм повстанческой деятельности на территории ЦЧО было изготовление и распространение листовок. По данным ОГПУ за первые 9 месяцев 1931 г., по всей стране повстанческие листовки составляли в январе – 14,3 % от общего числа обнаруженных в сельской местности прокламаций, в феврале – 18,6%, марте – 21,3, апреле – 24,7, мае – 28,6, июне – 32,6, июле – 33,3, в августе 1931 г. – 20%. В ЦЧО за этот период было найдено в январе – 10 листовок, феврале – 27, марте – 27, апреле – 13, мае – 19, июне – 8, а в июле, августе и сентябре 1931 г. – ни одной⁹⁷.

Отсутствие на территории ЦЧО фигуры, равной Н.И. Махно или А.С. Антонову, способной объединить разрозненные крестьянские выступления, обрекало повстанцев на поражение. Впрочем, попытки объединения предпринимались. После ликвидации на Украине крупной повстанческой организации, в начале 1930 г. на территории Тамбовщины появился один из ее лидеров – Тодорович. Он попытался объединить несколько местных крестьянских отрядов, но был вскоре арестован чекистами в ходе оперативной разработки⁹⁸. Кроме того, по сведениям чекистов, на территории Белгородского района, который граничил с Украиной, создавались повстанческие ячейки от некоего харьковского повстанческого объединения⁹⁹, что являлось формой межрегиональной консолидации повстанцев.

В период наивысшего подъема повстанческих выступлений с февраля 1930 г. по апрель 1931 г. тройка ПП ОГПУ по ЦЧО приговорила к расстрелу или разным срокам заключения 19 238 человек, участвовавших в повстанческом движении, и еще 2 413 членов повстанческих отрядов были высланы за пределы области¹⁰⁰. В 1933 г. было задержано уже только 2 543 (по другим данным – более 5 тыс.) участника крестьянского повстанческого движения, большинство из которых обвинялось лишь в намерениях совершить преступления¹⁰¹.

Окончательный разгром повстанческого движения на территории ЦЧО стал возможен к 1934 г. не только благодаря эффективным действиям карательных отрядов Красной армии, ОГПУ и вооруженных коммунистов, не только благодаря маневрам руководства страны в ходе проведения политики сплошной коллективизации (временно ослаблялся натиск на крестьянство, разрешалось распускать колхозы, в области была реабилитирована половина – 31 605 из 77 243 раскулаченных, открывались церкви), но и в результате физического ослабления крестьянства. В 1933 г. Центральное Черноземье, как и многие другие регионы страны, охватил голод, как результат массового вывоза обществленного при коллективизации зерна и разрушения основ хозяйственной жизни индивидуального крестьянства. В несколько раз повысилась смертность населения, уже с весны 1933 г. правоохранительными органами фиксировались случаи каннибализма, за этот год в ЦЧО от голода погибли 240 тыс. человек¹⁰². Страдала от голода, в основном, беднейшая часть крестьянства. Помимо того, с 1932 г. на основании закона от 7 августа началось массовое уголовно-репрессивное давление на крестьянство, когда любая кража государственного или колхозного имущества грозила расстрелом или 10-летним заключением в лагерь. В результате, вся активная часть крестьянства, способного на сопротивление, была изолирована или ликвидирована и в 1934 г. ОГПУ уже не фиксировало в ЦЧО массовых вооруженных выступлений.

Оценивая крестьянское повстанческое движение рубежа 1920–1930-х гг., историки высказывают разные мнения. Наиболее радикален итальянский исследователь А. Грациози, который называет его «величайшей европейской крестьянской войной», оговаривая, впрочем, спорность такой оценки. Он поясняет, что это «жесточкая война, состоявшая из множества отдельных жестоких конфликтов», т.е. уже не вполне и война в ее классическом виде¹⁰³. Бывший полковник российского генштаба Е.Э. Месснер предложил новый термин для подобных массовых конфликтов XX в. – «мятежевойна» и подробно описал ее признаки¹⁰⁴. Л. Виола использует более привычный термин, применявшийся для событий периода Второй мировой войны – Сопротивление (Resistance)¹⁰⁵. Учитывая массовый характер выступлений, сочетание активного и пассивного, неорганизованного и организованного сопротивления властям, безоружной и вооруженной борьбы с разными видами государственных вооруженных частей и отря-

дов, на мой взгляд, можно говорить не только о разрозненных крестьянских выступлениях, повстанческом движении, но и о новом всплеске гражданской войны.

Повстанческие организации ЦЧО 1929–1933 гг. не имели столь развитой структуры, как в других регионах страны. Хотя в некоторых организациях имелись штабы, подразделения воинского типа, склады продовольствия, но не встречалось упоминания о наличии оружейных мастерских, отрядов снайперов, продовольственных комитетов и т.п. Их деятельность также не отличалась интенсивностью, использовалась партизанская тактика борьбы, в отличие от повстанцев Закавказья и Северо-Кавказского края, которые вели наступательные бои, сопровождавшиеся большими потерями с обеих сторон. В ЦЧО повстанцы не захватывали районные или окружные центры, как в Азербайджане или Казахстане. Не проводились массовые мобилизации в вооруженные отряды, и не велось регулярного военного обучения. Вместе с тем повстанцы в Центральном Черноземье использовали разные формы агитационно-пропагандистской работы: проводились собрания и митинги, сходки, выпускались листовки. Для повстанческих организаций ЦЧО, как и во всей Центральной России, была характерна осмысленная оппозиционная деятельность, проявлявшаяся в противодействии политике властей по коллективизации, раскулачиванию, выселению, закрытию церквей. Для этого использовались методы агитации, террора, срывались официальные мероприятия, поднимались массовые восстания. С идеологической точки зрения повстанческие организации в ЦЧО делились на 3 группы. Подавляющее большинство выступало с народнических, близких к эсеровским позиций, часто использовались лозунги очищения Советской власти от коммунистов, другая группа организаций использовала идейный арсенал правой оппозиции, выступала за продолжение нэпа, самая малочисленная третья группа повстанческих организаций исходила из монархических установок, выступала за полную ликвидацию советской власти и реставрацию «Дома Романовых». Можно отметить, что, если первые две категории повстанческих организаций были широко представлены по всему СССР, то наличие промонархических были зафиксировано только в ЦЧО, Западной обл. и Средне-Волжском крае.

К 1934 г. вместе с подавлением массового крестьянского движения были ликвидированы и повстанческие организации. Следует отметить, что масштабов, ожесточенности и организованности, характерных для периода 1918–1922 гг., повстанческое движение 1929–1933 гг. не достигло. Коммунистические власти, не имея других противников, как это было в период Гражданской войны, смогли сосредоточиться именно на подавлении крестьянского сопротивления, к которому они были готовы и в организационном, и в идеологическом, и в военном отношении.

Примечания

¹ Государственный архив Орловской области (далее – ГА ОО), ф. 1847-с, оп. 1, д. 2, л. 434, 442.

² Центр документации новейшей истории Воронежской области (далее – ЦДНИ ВО), ф. 9, оп. 1, д. 149, л. 12.

³ ЦДНИ ВО, ф. 9, оп. 1, д. 19, л. 1.

⁴ *Иванов И.* Новые вылазки троцкистов и мясниковцев // Ленинский путь (Воронеж). 1929. № 3. С. 8.

⁵ ЦДНИ ВО, ф. 2, оп. 1, д. 866, л. 27.

⁶ Список абонентов телефонной сети Орловской губернии на 1928 год. Орел, 1928. С. 41.

⁷ ГА ОО, ф. С-1.847, оп. 1, д. 2, л. 244.

⁸ Там же, ф. 1847, оп. 1, д. 1, л. 273.

⁹ Там же, ф. С-1.847, оп. 1, д. 2, л. 389.

¹⁰ ЦДНИ ВО, ф. 9, оп. 1, д. 164, л. 173.

¹¹ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 455, л. 14.

¹² Вторая областная конференция ВКП(б). Стенографический отчет. Воронеж, 1930. С. 433.

¹³ ЦДНИ ВО, ф. 9, оп. 1, д. 374, л. 3.

¹⁴ Воронежские сталинские списки. Книга памяти жертв политических репрессий Воронежской области. Т. 2. Воронеж, 2007. С. 71–72.

¹⁵ Мясников Гавриил Ильич (1889 г. – 16 ноября 1945 г., Москва). Член Коммунистической партии в 1906–1922 гг. Рабочий, профессиональный революционер. Председатель Мотовилихинского совета рабочих депутатов, в 1920 г. председатель Пермского губкома РКП(б). В 1918 г. организовал похищение и убийство вел. кн. Михаила, также организовал убийства архиепископа Андроника и ряда специалистов Мотовилихинского завода. Лидер оппозиционной группы «Рабочая правда», за критику властей арестовывался в 1922 и 1923 г. В 1923–1927 гг. отбывал заключение в Москве, Томске, Вятке. В 1926 г. чекисты заявили, что раскрыли организованную Мясниковым в тюрьме «антипартийную организацию», состоявшую в основном из работников домзака, что позволяет сравнить Мясникова по силе воздействия с известным революционером XIX в. Сергеем Нечаевым. Позднее Мясников был сослан в Ереван, откуда в ноябре 1928 г. бежал за границу. Находился в иранских и турецких тюрьмах, в 1930–1944 гг. жил во Франции, работал на заводах. В январе 1945 г. обманом вывезен в СССР, арестован и расстрелян.

¹⁶ Морозов долгое время пользовался доверием партийных органов. По рекомендации райкома ВКП(б) он был в свое время избран председателем профсоюза металлистов (ЦДНИ ВО, ф. 9, оп. 1, д. 82, л. 4).

¹⁷ *Бирн И.* К деятельности троцкистов и мясниковцев в Воронеже // Ленинский путь. 1929. № 4. С. 13.

¹⁸ ЦДНИ ВО, ф. 9, оп. 1, д. 83, л. 3.

¹⁹ Там же, л. 4.

²⁰ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. М., 2003. С. 779.

²¹ ЦДНИ ВО, ф. 9, оп. 1, д. 83, л. 3.

²² Там же, л. 14.

²³ Там же, д. 82, л. 23.

²⁴ Там же, л. 16.

²⁵ Там же, л. 28.

²⁶ Там же, л. 18.

²⁷ Вторая областная конференция ВКП(б). С. 434.

²⁸ ГА ОО, ф. С-1.847, оп. 1, д. 1, л. 398.

²⁹ ЦДНИ ВО, ф. 2, оп. 1, д. 328, л. 47.

³⁰ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) Т. 7. 1929 г. М., 2004. С. 630.

³¹ ГА ОО, ф. С-1.847, оп. 1, д. 1, л. 398.

³² ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-9.067, л. 249.

³³ Там же, л. 15, 16; д. П-27.001, л. 237.

³⁴ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 328, л. 47.

³⁵ Там же, ф. 9353, оп. 2, д. П-27.001, л. 291, 293.

³⁶ Камков (Кац) Борис Давидович (1885–1938), один из организаторов левоэсеровского вооруженного выступления в Москве в июле 1918 г. Был осужден на 3 года заключения, после освобождения находился на хозяйственной работе. Расстрелян в годы «большого террора».

³⁷ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-9.067, л. 16.

³⁸ Воронежские сталинские списки... С. 185–186.

³⁹ ГА ОО, ф. 1847-с, оп. 1, д. 2, л. 609.

⁴⁰ *Михеев В.И.* Основные направления деятельности органов ГПУ–ОГПУ Центрального Черноземья в 1922–1934 годах. М., 2003. С. 199, 213.

⁴¹ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-26.422, т. 1, л. 1.

⁴² Там же, д. 9353, т. 2, л. 39.

⁴³ Там же, т. 1, л. 1.

⁴⁴ Некоторую пикантность чекистским репрессиям против анархистов придает тот факт, что заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода сам в 1907–1908 гг. принадлежал к этой партии и входил в нижегородскую организацию анархистов-коммунистов (ГА РФ, ф. 102.00. 1912, д. 5, ч. 70, л.Б, 26–27).

⁴⁵ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. 22.625, л. 3.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ *Михеев В.И.* Деятельность органов безопасности по противодействию бандитизму и повстанческим проявлениям в Центральном Черноземье в 1922–1934 годах. М., 2003. С. 162.

⁴⁸ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. 22.625, л. 2.

⁴⁹ Там же. л. 51.

⁵⁰ *Михеев В.И.* Основные направления... С. 213.

⁵¹ Там же. С. 191, 208.

⁵² ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-18.171, л. 673, 669. В диссертации О.Л. Шашковой ошибочно указано, что у организации «Вольные крестьяне» не было лидера (*Шашкова О.Л.* Репрессивная политика государства в 1928–1939 гг. и ее последствия: на материалах Центрального Черноземья. Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2000. С. 104).

⁵³ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-18.171, л. 670.

⁵⁴ Исследователь истории органов госбезопасности в Центральной России аспирант Академии ФСБ В.И. Михеев, упоминая об этой организации, убирает в ее названии букву «б», придавая более литературный вид народному названию (*Михеев В.И.* Основные направления... С. 206). Я же считаю необходимым сохранить историческое название в транскрипции народной фонетики, тем более что оно зафиксировано в документах, на печатях и штампах организации, которые сами по себе являются достаточно редким явлением, и заставляют бережно относиться ко всем проявлениям этой уникальной организации.

⁵⁵ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-25.806, т. 5, л. 9–9 об.

⁵⁶ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 7. С. 47.

⁵⁷ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-25.806, т. 1, л. 9.

⁵⁸ См.: *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1979. С. 162.

⁵⁹ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-25.806, т. 5, л. 2.

⁶⁰ Там же, л. 26.

⁶¹ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998. С. 321.

⁶² ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-25.806, т. 5, л. 25.

⁶³ Там же, л. 29.

⁶⁴ Там же, л. 16.

⁶⁵ Там же, т. 5, л. 254. В.И. Михеев утверждает, что организация не только готовилась, но и пыталась поднять восстание в Бобровском районе (*Михеев В.И.* Основные направления... С. 206). Однако материалами уголовного дела это не подтверждается.

⁶⁶ Некоторые черты деятельности Т.Р. Говорова – недопущение терактов, привлечение в организацию максимального количества крестьян, составление списков участников организации и сочувствующих, конспиративная деятельность – наводят на мысль о возможном сотрудничестве вождя «Правой оппортунизмы» с ОГПУ. Относительно мягкий приговор, побег из мест заключения и повторное создание подпольной организации также характерны для секретных сотрудников-provokatorov правоохранительных органов. Такому предположению не противоречат ни обращение вожака организации к уголовной деятельности, ни факт расстрела Говорова, поскольку органы ВЧК–ОГПУ–НКВД практиковали ликвидацию секретных сотрудников для решения оперативных задач (*Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007. С. 77–89, 232–243).

⁶⁷ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-25.806, т. 1, л. 241.

⁶⁸ Там же, т. 5, л. 242.

⁶⁹ *Михеев В.И.* Основные направления... С. 179.

⁷⁰ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-10.083, т. 9, л. 220.

⁷¹ *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 143–144.

⁷² Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 409.

⁷³ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 7. С. 132.

⁷⁴ *Ивницкий Н.А.* Указ. соч. С. 143–144.

⁷⁵ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-10.083, т. 9, л. 220.

⁷⁶ Голос народа... С. 302.

⁷⁷ *Михеев В.И.* Основные направления... С. 179.

⁷⁸ *Михеев В.И.* Деятельность органов безопасности... С. 158, 168.

⁷⁹ Там же. С. 181.

⁸⁰ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 211.

⁸¹ Там же. С. 109.

⁸² Там же. С. 121–122.

⁸³ Там же. С. 313.

⁸⁴ Там же. С. 121–122.

⁸⁵ Там же. С. 130, 132, 140.

- ⁸⁶ *Михеев В.И.* Основные направления... С. 200.
- ⁸⁷ Там же. С. 205, 217.
- ⁸⁸ Там же. С. 224, 227.
- ⁸⁹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 313.
- ⁹⁰ Там же. С. 332.
- ⁹¹ Там же. С. 465–466.
- ⁹² Там же. С. 397.
- ⁹³ *Михеев В.И.* Основные направления... С. 188–189.
- ⁹⁴ *Михеев В.И.* Деятельность органов безопасности... С. 157.
- ⁹⁵ *Михеев В.И.* Основные направления... С. 226.
- ⁹⁶ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 330.
- ⁹⁷ Там же. С. 779–780.
- ⁹⁸ *Михеев В.И.* Основные направления... С. 192–193.
- ⁹⁹ Там же. С. 209.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 202.
- ¹⁰¹ Там же. С. 225, 227.
- ¹⁰² *Загоровский П.В.* Социально-политическое развитие сельского населения Центрально-Черноземного региона России во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 1999. С. 27.
- ¹⁰³ *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне 1917–1933. М., 2001. С. 6, 72.
- ¹⁰⁴ *Хочешь мира, победи мятежевойну!* Творческое наследие Е.Э. Месснера. М., 2005. С. 132–194.
- ¹⁰⁵ *Viola L.* Reasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford, 1997.

Великая Отечественная война и демографическая ситуация в России

© 2010 г. В. Б. ЖИРОМСКАЯ*

ВОЙНА И СТАРЕНИЕ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Старение населения – одна из глобальных демографических проблем современности. Особенно актуальна она для развитых цивилизаций мира. Как правило, этот процесс развивается за счет снижения рождаемости и увеличения средней продолжительности жизни населения, вследствие чего в его возрастном-половом составе растет доля лиц пожилого возраста (старше 60–65 лет). Страны Западной Европы переступили порог старости в конце XIX – первой трети XX в. В России процесс демографического старения начался позднее. Специфика его развития еще недостаточно изучена, однако интерес к этой проблеме растет.

Актуальным аспектом исследования демографического старения в России является выяснение степени влияния на этот процесс факторов экзогенного порядка (связанных с действием внешних причин), одним из которых была Великая Отечественная война 1941–1945 гг. После войны страна не досчиталась 26.6 млн человек. Кроме того, по подсчетам ученых, жертвами голода в послевоенное время (1947 г.) вследствие болезней и недоедания стали в СССР около 1 млн человек, в том числе в РСФСР – 0.5 млн¹. Особенно велики были жертвы среди мужского населения. Численность мужчин 1920–1924 гг. рождения в 1939 г. составляла в России 4 млн 685 тыс. человек. В 1949 г. их осталось 2 млн 719 тыс. Возрастная группа мужчин 1915–1919 гг. рождения в 1939 г. насчитывала 4 млн 221 тыс. человек, а в 1949 г. – лишь 2 млн 514 тыс.²

Следствием людских потерь была серьезная деформация возрастного-половой структуры. В результате сокращения мужского населения сложилась диспропорция полов: в 1946 г. мужчины составляли 43.6%, в 1950 г. – 43.3, а в 1951 г. – 43.4%³. В конце 1950-х – начале 1960-х гг.⁴ удельный вес мужчин составлял 44.7, а женщин – 55.3%. Женщин было больше, чем мужчин на 12.7 млн человек. Среди горожан диспропорция полов выражалась слабее: в городах мужчины составляли 45%, в то время как в селах – 44.3% населения. Нарушено было соотношение полов и внутри возрастных групп: среди 40–44-летних (1914–1918 гг. рождения) на 100 женщин приходилось 61.6 мужчины; среди 35–39-летних (1919–1923 гг. рождения) соответственно – 62.6; среди 30–34-летних (1924–1928 гг. рождения) – 83.5 мужчин⁵. Изменилось соотношение самих возрастных групп в составе населения. Уменьшились численность и удельный вес лиц, родившихся в 1920–1924 гг., составлявших в годы войны основные призывные возраста.

Поколения, рожденные во время войны, и те, чье детство и отрочество пришлось на военные годы, имели пониженную численность в возрастной структуре населения. Дети 1941–1945 гг. рождения на начало 1946 г. составляли 6 млн 825 тыс.; дети 1946–1950 гг. рождения на начало 1951 г. – 11 млн 703 тыс.; 1951–1955 гг. рождения в 1956 г. соответственно – 13 млн 126 тыс. Впоследствии численность первых двух возрастных групп заметно уменьшилась. В итоге к началу 1956 г. детей 1941–1945 гг. рождения ubyло более, чем на 0.5 млн, а 1946–1950 гг. рождения – почти на 450 тыс. Детей 1936–1940 гг. рождения перед войной насчитывалось 14 млн 848 тыс. Их количество сокра-

* Жиромская Валентина Борисовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, лауреат премии им. В.О. Ключевского.

тилось к концу войны на 1 млн 870 тыс., или на 12%. Детей 1931–1935 гг. рождения к началу войны насчитывалось 10 млн 487 тыс., а к 1946 г. их убыль составила 428 тыс. или 4%⁶. Потерь среди них оказалось меньше, чем среди младенцев, поскольку дети были старше, крепче и более жизнеспособны. Однако и они пострадали от голода, бомбежек, болезней и фашистского геноцида.

Подростков 1926–1930 гг. рождения в 1941 г. насчитывалось 13 млн 450 тыс. человек. Из них были потеряны 734 тыс. При этом мужчины пострадали больше – среди них погиб каждый десятый. На их долю выпал голод 1932–1933 гг., тяжелый труд в годы войны в промышленности и сельском хозяйстве, огромный травматизм, часто со смертельным исходом, высокая заболеваемость и т.д. Только в Москве за первые военные годы от травм погибли более 15 тыс. подростков. Следует учесть также, что они воевали в партизанских отрядах, участвовали в подполье, в отрядах противовоздушной обороны, строили оборонительные сооружения. К 1959 г. численность детей 1940–1949 гг. рождения уменьшилась на миллион жизней. Сказались их ослабленное здоровье и наличие с первых лет жизни хронических болезней. На все это наложились тяготы послевоенного времени и особенно голод 1947 г.

Таким образом, людские потери в войне привели к пониженной доле в возрастной структуре населения России самых перспективных в демографическом отношении групп. В связи с этим настораживает специфика возрастной пирамиды населения, сложившаяся к концу 1950-х гг., – низкие численность и удельный вес подростково-юношеской группы, 10–19 лет (менее 15% от населения РСФСР). Как правило, это дети, родившиеся во время войны или пережившие ее в раннем детстве. Следующая группа – 20–24 года, на долю которой выпали детские эпидемии 1930-гг. и трудное военное детство, составила менее 10%.

Судя по вышеприведенным данным, к концу 1950-х гг. достаточно ясно проявилась тенденция старения населения, которая реализовалась в самой ближайшей перспективе, тем более что в 1960-х гг. уровень средней продолжительности жизни в России достиг стандартов развитых европейских стран (у мужчин – 64,3 года, у женщин – 73,4 года). В результате военных потерь мужского населения внутри возрастных групп, которым в 1941 г. было 18–27 лет, соотношение мужчин и женщин оказалось нарушено гораздо существеннее, чем это следует из общих показателей по всем возрастам. На долю мужчин приходилось 38, а на долю женщин – 62%. Даже в возрастной группе 30–34 года мужчин было 45%, а женщин – 55%. В дальнейшем, в более старших возрастах доля женщин еще более возросла. Существенная разница в продолжительности мужской и женской жизни, наметившаяся еще после Гражданской войны и углубившаяся в годы Великой Отечественной, на многие годы закрепились в возрастно-половой структуре российского населения. Это значило, что процесс старения населения в нашей стране происходил при резком численном преобладании лиц женского пола и «дефиците мужчин», начинавшемся уже в молодых возрастах и постоянно увеличивавшимся.

Другим фактором, ускорившим процесс старения российского населения, была неполная и недостаточная реализация послевоенной демографической компенсации. После Второй мировой войны с ее многомиллионными людскими потерями во многих странах Западной и Центральной Европы и США произошел взрыв компенсаторной рождаемости, который в зарубежной литературе получил название «бэби-бум». Рождаемость превысила предвоенный уровень на 20–40%. Например, во Франции – на 44%, США – 42,2, Чехии – 40, Финляндии – 40,2, Англии – на 33,3%. Однако в Италии, Западной Германии, Румынии рождаемость не только не поднялась, но даже уменьшилась – соответственно на 7,7, 7,6, и 16%⁷. Несмотря на неблагоприятную демографическую ситуацию в послевоенной России произошло увеличение рождаемости, но эта тенденция была непоследовательна и неоднозначна. В силу экзогенных причин компенсаторный период не превратился в длительный и поступательный процесс. Он оказался очень коротким (конец 1940-х – начало 1950-х гг.) и был фактически прерван голодом 1947 г. Следует учесть, что рождаемость в компенсаторный период так ни разу и не достигла довоенного уровня.

Анализ данных статистики за 1945–1959 гг. дает возможность более подробно рассмотреть процесс послевоенной компенсации населения в России. Эти данные фиксируют в 1946 г. подъем рождаемости во многих ее регионах, даже в сильно пострадавших в период войны. Так, в 1946 г. во всех регионах и республиках РСФСР и в СССР в целом естественный прирост населения был положительным, хотя ситуация в регионах не была однозначной. В РСФСР по данным архивной статистики в 1946 г. родились 2 332,8 тыс. человек, умерли 1 064,8 тыс., соответственно естественный прирост в абсолютном выражении составил 1 268,0 тыс. человек. По расчетным данным сотрудников НИИ статистики при ГОССТАТе рождаемость составила 2,4 млн человек, смертность – 1,1 млн, а естественный прирост – 1,3 млн человек. В относительном выражении коэффициент естественного прироста в первом случае был равен 11,3‰, а во втором – 13,6‰⁸. Смертность в РСФСР в 1946 г. составила 12,3‰, а рождаемость – 26‰⁹.

Рождаемость оставалась высокой в районах массовой эвакуации и сосредоточения военной промышленности, где в годы войны было больше мужчин, работавших по «брони», и демобилизованных. Кроме того, тыловые районы гораздо меньше пострадали от потерь мирного населения, чем те, которые оказались в полосе военных действий. Жилой фонд, хотя и недостаточный, сохранился, а нормы питания на заводах были повышенными. Так, в Свердловской обл. коэффициент рождаемости составлял 31,7‰, Новосибирской, включая Новосибирск, – 27‰. В Европейской части России (как в районах, переживших оккупацию и активные боевые действия, так и в тыловых) рождаемость была ниже. В 1946 г. в Курской обл., например, коэффициент рождаемости составил 20,2‰, Орловской – 15,2, Сталинградской – 15,8, Саратовской – 19,5‰¹⁰.

Национальные автономии Европейской части России, несмотря на сохранявшиеся еще у некоторых народов традиции много- и среднедетности, имели пониженный коэффициент рождаемости. К примеру, ни в одной из автономий Поволжья коэффициент рождаемости не поднялся на уровень среднего по России. В Марийской АССР он был 24‰, Мордовской АССР – 20,3, Татарской АССР – 22,1, Чувашской АССР – 24‰. В некоторых из названных областей и национальных автономий зимой и весной 1946 г. смертность даже превысила рождаемость: в Кировской обл. – в феврале и марте, Костромской – в январе–апреле, Марийской АССР – в марте. Так, в Костромской обл. в феврале рождений было на 308 случаев меньше, чем смертей, в Кировской обл. (март) – соответственно на 403¹¹. Рождаемость в Москве и Ленинграде также уступала общероссийскому показателю – 23,1 и 23,8‰.

Голод 1947 г. привел к резкому снижению рождаемости. Ее показатели в большинстве областей Европейской части РСФСР в 1947 г. опустились до 3–6‰: в Горьковской обл. – 5,7‰, Кировской – 6,1, Сталинградской – 3,8, Ивановской – 5,2, Астраханской – 4,5, Брянской – 5,1‰ и т.д. Даже в автономиях имело место снижение рождаемости – например, в Башкирии – 6,4‰, Чечне – 5,3. В 1948 г. почти во всех областях России, кроме южных и восточно-сибирских регионов, рождаемость продолжала снижаться. Ее показатели от уровня 1946 г. составили: в Ставрополье – 97,5‰, Воронежской обл. – 97,5, Курской – 84,7, Московской – 89,5, Ивановской – 93,5, Калининской – 98,2, Ленинградской – 76,1, Новгородской – 91,2, Вологодской – 79,1, Мурманской – 90,8, Кировской – 94,2‰.

В результате повышения смертности от голода и миграции населения из голодных мест в Вологодской, Владимирской, Калининской, Воронежской, Горьковской, Ивановской, Тамбовской, Ярославской, Рязанской, Костромской, Курской, Ленинградской и ряде других областей Центральной России в конце зимы – начале весны (в феврале–апреле) 1948 г. отмечался отрицательный естественный прирост населения. В марте–мае 1948 г. это явление было зафиксировано в Удмуртской АССР, в апреле – в Чувашской АССР. Низкий естественный прирост – 93,2‰ по сравнению с 1946 г. и убыль населения в апреле, а в сельской местности – в апреле–мае отмечались в Свердловской обл.

Таким образом, последствия голода 1947 г. сказались на довольно обширной территории России. При анализе потерь населения от голода следует учитывать ослаблен-

ное напряжением военных лет физическое здоровье, последствия ранений, недоедания и тяжелого труда людей. В 1947 г. в отличие от 1933 г., когда возросла детская смертность, среди умерших более всего было лиц среднего, репродуктивного, возраста. Это обстоятельство еще более сокращало рождаемость, способствуя старению населения.

Снижение рождаемости в 1947 г., и особенно в 1948 г., происходило не повсеместно. Например, во многих областях и юга и запада России, а также в некоторых районах Поволжья в 1948 г. наблюдался рост рождаемости даже по сравнению с 1946 г. Так, в Орловской обл. рождаемость в 1948 г. выросла по сравнению с 1946 г. на 8.5%, Калужской – 9.8, Астраханской – 5.8, Куйбышевской – 3.7, Сталинградской – 10.6, Чувашской АССР – 6.2, Марийской АССР – на 16.5%. В Сибири, например в Омской обл., рождаемость повысилась на 16.6%, в Новосибирской – на 14.2. Причиной тому в Сибири и на Севере в некоторой степени послужил тот факт, что здесь находились переселенцы – представители народов Кавказа и крымские татары, которые на фоне высокой смертности сохраняли традиционную многодетность даже в тяжелых условиях ссылки. Самый большой рост рождаемости отмечался в 1948 г. в Дагестане – на 20.8%, где было довольно благополучно с питанием, и в Смоленской обл. – на 21.6%, куда начался приток демобилизованных, более поздний, чем в районы промышленного центра. В Смоленск возвращались эвакуированные, а также люди, угнанные во время войны в Германию. Голод Смоленщину не затронул, и она приняла поток мигрантов из пострадавших северо-западных областей.

Однако локальные проявления демографической компенсации в 1948 г. в силу их слабости и малочисленности не смогли преодолеть общей тенденции сокращения рождаемости. Показательно, что в Москве и Ленинграде при огромном притоке населения, в том числе молодого, и мужского и женского, наблюдалась относительно низкая рождаемость с устойчивой тенденцией к дальнейшему понижению. В Ленинграде в 1949 г. по сравнению с 1946 г. родилось на 27.4 тыс. младенцев меньше, а в Москве – на 23.8 тыс. Конечно, на это влияли бытовые трудности, однако снабжение и жизнеобеспечение в этих городах были лучше, чем в провинциальных. Причин снижения рождаемости в Москве и Ленинграде было несколько. При всех трудностях послевоенного времени здесь наблюдалась очень высокая занятость женщин на производстве, многие из них одновременно учились. В этих городах было больше возможностей получить образование и самореализоваться в профессиональном плане. Играла роль и значительная удаленность места работы или учебы от места проживания. Детских учреждений не хватало, кроме того, они часто были значительно удалены от места проживания ребенка и его родителей. Следует добавить и еще одну причину – ухудшение в мегаполисах экологической обстановки. В послевоенный период Москва и Ленинград стали крупнейшими центрами промышленности, в том числе оборонной. Быстро развивались химические производства, разрабатывалось ядерное оружие, производились новые виды техники. Эти производства нередко находились на окраинах городов или же в ближайших пригородах. Степень вредности производств и система мер безопасности были еще во многом неизвестны и не разработаны. Жилые корпуса для рабочих и служащих, детские учреждения, дачные и приусадебные участки, как правило, находились в непосредственной близости от предприятий, в том числе с высокой степенью вредности.

В целом по стране кризисная ситуация с рождаемостью, сложившаяся в 1947 и 1948 гг., поменялась в положительную сторону в 1949 г. Активно реализовывалась демографическая компенсация. Повышение рождаемости, причем значительное не только по сравнению с тяжелыми 1947 и 1948 гг., но и по сравнению с 1946 г., охватило почти все регионы России. Так, в Вологодской обл. рождаемость по сравнению с 1946 г. составила в 1949 г. 124%, Владимирской – 128.5, Воронежской – 129.1, Кемеровской – 133.1, Новосибирской – 139.6, Свердловской – 136, Смоленской – 144.2, Ставропольском крае – 121.8, Татарской АССР – 125.5, Чувашской АССР – 120.8% и т.д. Повышение рождаемости фиксировалось как в районах, где наблюдалось ее падение в голодные годы, так и в районах, где ранее ситуация с рождаемостью была относительно благопо-

лучной. Более медленными темпами повышалась рождаемость в Нижнем Поволжье: в Куйбышевской обл. по сравнению с 1946 г. она составила 112,8, Саратовской – 105%.

Однако показатели «эффективной» рождаемости были снижены высокой младенческой смертностью. В среднем по России в 1946 г. младенческая смертность составляла 75,5‰. Даже в наиболее благополучных районах этот показатель оставался довольно высоким: в Краснодарском крае – 50,9‰, Дагестане – 49,4, Воронежской обл. – 56,3, Курской – 42,2, Орловской – 42,7‰. Значительно выше среднероссийских были показатели младенческой смертности в северных и северо-западных областях: в Новгородской – 89‰, Архангельской – 97, Вологодской – 107,9, Коми АССР – 87,5‰. В Центральном районе наиболее высокая детская смертность наблюдалась во Владимирской обл. – 102,7‰. В большинстве районов Поволжья младенческая смертность была ниже общероссийского показателя, но все же довольно значительна: в Сталинградской обл. – 67,1‰, Мордовской АССР и Чувашской АССР – 64–65, Татарской АССР – 68‰ и т.д. Однако самый высокий показатель младенческой смертности отмечался в Марийской АССР – 90‰. Неблагополучно было на Урале и в Приуралье: в Свердловской обл. – 86,1‰, Кировской – 112; в Сибири: в Новосибирской обл. – 55,5‰, Омской – 60, а на Дальнем Востоке, в Приморском крае – 79,6‰¹².

Причины младенческой смертности разнообразны: ослабление организма женщины во время войны, недостаток питания, тяжелые бытовые условия, последствия психической и физической перегрузки и матерей и отцов в военное и послевоенное время, недостаточность лекарств и медицинской помощи. Надо еще учесть, что до войны рождались более крепкие и жизнеспособные младенцы, меньше было недоношенных и врожденно слабых детей. Соответственно не было и потребности в сложном и длительном выхаживании новорожденных. Сыграли свою негативную роль и неблагоприятные климатические условия, которым ослабленное войной потомство противостояло с большим трудом. Особенно это сказывалось в северных и северо-западных районах, где фиксировалась повышенная смертность от пневмонии, бронхита и прочих простудных заболеваний. На повышение младенческой смертности в Поволжье, центральных, северо-западных районах повлияла эпидемия дизентерии, поразившая преимущественно детей до 2-х лет. Зимой и ранней весной младенцы умирали, как правило, от простудных заболеваний. Практически во всех областях отмечалось повышение детской смертности в декабре – в Орловской, Новосибирской, Саратовской, Курской областях, Башкирской АССР, Марийской АССР и т.д. Очень высокая младенческая смертность от дизентерии была в Москве (июль–август), Ленинграде (август), западных областях, Среднем и Нижнем Поволжье (август–сентябрь), Центральном Черноземье (июль–август), северных областях, на Урале (сентябрь), в Сибири (июль–август)¹³.

Особое место принадлежит младенческой смертности в статистике общей смертности в крупных городах. В Свердловске она составила 113,5‰, в г. Горьком – 116,9‰¹⁴. Иными словами, в г. Горьком среди всех умерших в 1946 г. младенцем был каждый пятый, в Свердловске – каждый третий. Разумеется, городское население в силу скученности жилья и антисанитарии в еще не налаженном после войны городском хозяйстве было очень сильно подвержено эпидемическим заболеваниям, прежде всего, детским. Кроме того, дети в возрасте нескольких месяцев или даже недель попадали в детские учреждения, условия в которых далеко не всегда были благоприятны. Нельзя забывать и о коротких декретных отпусках в тот период, а также высокой занятости женщин на производстве.

У Москвы и Ленинграда была своя специфика. Среди всех умерших дети до 1 года составляли в Москве 15,8%, при этом мальчики в младенческом возрасте среди всех умерших мужчин – 16,5; в Ленинграде соответственно 30 и 32,7. Девочек среди всех умерших женщин было 28,1%. Вообще горький «вклад» детской возрастной группы в статистику смертности среди всех возрастных групп – самый значительный. Так, среди всех умерших в Москве – детей в возрасте до 4 лет было 18,9%, мальчиков указанного возраста среди всех умерших мужчин – 20%, девочек среди всех умерших женщин – 17,7%; в Ленинграде соответственно – 34,7, 37,6, 31,5%. Если среди девочек смерт-

ность снижалась к 5–6 годам, то у мальчиков – только к 9. Вновь смертность повышалась у мальчиков с 15 лет, а у девочек – с 18. Это объясняется большей выживаемостью девочек и меньшей задействованностью в детско-подростковом возрасте на производстве в годы войны. Мальчики-подростки из-за работы в оборонной промышленности имели часто ослабленное здоровье и сильно страдали от травматизма. Так, мальчики 10–14 лет составляли в Москве среди всех умерших мужчин 1.5%, а 15–19-летние – 3.8%; в Ленинграде соответственно – 2.4 и 4.1%¹⁵.

В 1947 г. в связи с голодом уровень младенческой смертности еще более повысился. В целом в РСФСР ее коэффициент (до года) поднялся до 127.5‰ (по сравнению с 1946 г. в 1.7 раза)¹⁶. Если в Восточной Сибири и на Алтае этот печальный показатель был заметно ниже общероссийского – соответственно 120 и 112‰, в Краснодарском крае – 115.6‰, то на Дальнем Востоке, в Центральной России и на Урале он достигал астрономической высоты: в Хабаровском крае – 171‰, Калининской обл. – 151, Ивановской – 164, Иркутской – 183, Кемеровской – 203, Ярославской – 208, Сталинградской – 164, Астраханской – 275, Воронежской – 295‰ и т.д. Ниже были показатели детской смертности в западных областях, например, в Брянской соответствующий коэффициент составил 94‰. В Башкирии этот показатель в 1947 г. превысил 135‰ (т.е. выше общероссийского), а в Дагестане был одним из самых низких – 95‰¹⁷.

Причины младенческой смертности в 1947 г. были типичны для голодных лет: диспепсия, дизентерия, гастро- и энтероколиты, воспаление легких¹⁸. Так, в Ростове-на-Дону из 1 239 детей, умерших в возрасте до 1 года, от диспепсии погибли 162 ребенка, гастро- и энтероколита – 413, от воспаления легких – 293, т.е. на эти причины пришлось почти 3/4 от общего числа случаев младенческой смерти; в Саратове из 1 431 умершего ребенка соответственно 256, 104 и 359 человек, кроме того, от дизентерии погибли – 249 человек; в Свердловске – из 2 855 умерших младенцев погибли от диспепсии – 116, колита – 297, воспаления легких – 758, дизентерии – 702 человека.

Такие причины смерти младенцев, чисто экзогенные, свидетельствуют о незавершенности эпидемиологического перехода, неблагоприятных экологической и демографической ситуациях.

Положение изменилось только к концу 1948 г., когда коэффициент младенческой смертности в южных и Центрально-промышленном районе, в части Поволжья и Центрального Черноземья стал ниже показателя 1947 г., например, в Воронежской обл. – 70.7‰, Краснодарском крае – 64.6; Кемеровской обл. – 106.3‰. С 1949 г. началась медленная нормализация демографических процессов и почти повсеместно снижалась младенческая смертность. Ее коэффициент по РСФСР в 1948 г. еще составлял 94.8‰, а в 1949 г. – уже 83.3‰. В Поволжье и Центральном Черноземье он опустился до 62–67‰, исключением была лишь Куйбышевская обл., где показатель младенческой смертности остался на уровне 78‰. В очень неблагополучных в 1947 г. областях, таких как Владимирская, Вологодская, в 1949 г. он не превысил 84–86‰. В Московской обл. этот показатель составил 68.7‰. Ситуация улучшилась и в национальных республиках. Например, в Татарской АССР коэффициент младенческой смертности с 1948 по 1949 г. опустился с 91 до 86‰.

Итак, война и трудности послевоенного периода привели к тому, что в нашей стране не было так называемого «демографического выигрыша» т.е. активного пополнения населения молодым поколением, что произошло в странах, переживших «бэби-бум». В России он практически не состоялся, его очень скоро сменил процесс, который определяется как «бэби-спад». В итоге демографическая компенсация в России была недостаточной и неполной. Россия в отличие от других стран не получила ожидаемого притока молодого населения. Положение усугублялось еще и тем, что и следующие по возрасту – детские и подростковая группы – не могли быть достаточным резервом для пополнения потерянного населения. Дети, родившиеся во время войны, и подростки были ослаблены физически. На их долю выпали не только война, но и голод 1932–1933 и 1947 гг., а также волна детских инфекционных заболеваний второй половины 1930-х гг.

В послевоенные годы фиксировалась высокая заболеваемость детей и подростков пневмонией, туберкулезом, рахитом, трахомой. Заболеваемость детским туберкулезом в РСФСР упорно держалась на довольно высоком уровне – 7 тыс. первичных больных в год. Пик же пришелся на 1949 г. – 8 тыс. заболевших. Особой проблемой были детские инфекции, с которыми медицина вела упорную борьбу. Детские инфекционные клиники обслуживали ежегодно сотни тысяч детей. В 1946 г. – 96 тыс., 1947 г. – 113 тыс., 1948 г. – 119 тыс.¹⁹ Массу детей определяли в больницы в связи с голодным истощением. Остроинфекционные заболевания ежегодно уносили сотнями, а порой и тысячами детские жизни, сокращая и без того немногочисленные группы детей и подростков.

Очень многие дети пережили стрессы в военное время, потеряли родителей, близких, на глазах у них гибли родственники. Многие дети скрывались, бродяжничали, попрошайничали, занимались воровством. Были и те, кто непосредственно участвовал в военных действиях, в партизанских отрядах, действующей армии, подполье. У некоторых детей, переживших войну, была расстроена психика и они нуждались в медицинской помощи. Однако санаториев для них было явно недостаточно: в 1945 г. – 1, а в 1946 г. – 3; коек насчитывалось от 100 до 200. Остро стояла проблема детей-инвалидов войны. В РСФСР по окончании войны было 64 детских инвалидных дома, в которых содержались 4.3 тыс. детей, в том числе 1.7 тыс. девочек (по неполным данным). Детей-инвалидов обучали, оказывали им медицинскую помощь, осуществлялось протезирование. Однако детских инвалидных домов не хватало. В итоге численность детских и подростковых возрастов в структуре населения сокращалась быстрее, чем это могло бы быть при более благоприятной ситуации с детской заболеваемостью. Негативными факторами, повлиявшими на возрастную структуру населения в послевоенное время, стали высокая смертность и заболеваемость взрослого населения. В 1946 г. во многих городах России на 1 месте среди причин смерти были разные формы туберкулеза и пневмония. В Саратове, например, туберкулез стал главной причиной смерти – 31.9% от общего числа умерших; второе место занимало воспаление легких, в том числе крупозное – 17.6 %; в Сталинграде соответственно – 33.8 и 18.6%²⁰. В Чебоксарах от обеих этих болезней скончались по 28.5% от всех умерших, в Свердловске туберкулеза – 32.7%, пневмонии – 23.9%. В Челябинске пневмония стала причиной смерти 23.8% среди всех умерших, в Смоленске умер от пневмонии каждый третий, туберкулеза – 27.3%. В Хабаровске от пневмонии и прочих простудных заболеваний погибли около 30% среди всех умерших. Таким образом, смертность от заболеваний органов дыхания имела широкую географию распространения. Только от туберкулеза в РСФСР скончалась 20.9% среди всех умерших (см. табл.).

Следующей группой болезней, уносивших человеческие жизни после войны, были заболевания желудочно-кишечного тракта: дизентерия, токсическая диспепсия, различные виды энтеритов, гастроэнтероколит, язвенная болезнь и т.д. Например, в 1946 г. в РСФСР было зафиксировано свыше 26 тыс. заболеваний дизентерией. Вспышки остроинфекционных заболеваний (брюшной тиф, сыпной тиф, бруцеллез, паратиф) наблюдались почти повсеместно. Благодаря усилиям медицины они не переросли в массовую эпидемию, но нанесли серьезный урон здоровью населения. Голод 1947 г. усугубил ситуацию и способствовал распространению и остроинфекционных, и желудочно-кишечных заболеваний. Участились и случаи смерти от легочных заболеваний вследствие общего ослабления организма.

В военные годы не велось должной работы по осушению болот, обработке водоемов против возбудителей малярии, которая распространилась по всей территории РСФСР и долго свирепствовала в послевоенное время (1945 г. – 2 млн заболевших)²¹. В 1946 г. только в Сталинграде было зафиксировано более 4% смертей от малярии среди всех умерших. Лишь к началу 1950-х гг. в РСФСР медикам удалось справиться с этим массовым заболеванием. В санитарно-медицинской статистике послевоенных лет зафиксировано оживление туляремии («малой чумы»). В 1945 г. в РСФСР было 134 тыс. больных, а в 1946 г. благодаря массовой вакцинации их число сократилось до 75 тыс., однако борьба с туляремией продолжалась до конца 1940-х гг.²²

Смертность в городах России в 1946 г. (в %)*

	Саратов	Сталинград	Свердловск	Смоленск	Хабаровск	Челябинск	Чебоксары
Умерло от установленных причин смерти, в том числе:	100	100	100	100	100	100	100
туберкулез органов дыхания	26.5	29.5	25.8	22.9	15.5	23.4	26.9
туберкулез прочих	5.4	4.3	6.9	4.4	5.4	5.4	1.6
круп	1.2	3.7	3.3	4.0	4.2	1.9	2.7
другие виды воспаления легких	16.4	14.9	20.6	31.6	23.5	22.9	25.8
брюшной тиф	2.7	1.3	0.5	0.6	1.8	0.9	0.6
сыпной тиф	0	0.3	0	0.8	0.5	0	0.6
дизентерия	12.6	2.6	13.3	1.5	14.3	3.4	6.6
малярия	0.4	4.4	0	0.1	0	0	0
грипп	0.3	0	0.1	0	0.3	0.6	0
токсическая диспепсия	8.4	6.7	5.3	4.7	9.7	6.7	9.7
сепсис	0.1	0.6	0	0.8	0.2	0	0.2
аборт	1.5	0.6	0.3	0.1	0.7	0.5	0.7
искусственный аборт	0	0.7	0.1	0	0.6	0	0.6
травмы	6.0	11.6	4.3	12.8	4.5	12.7	4.5
прочие причины	18.5	18.8	19.5	15.7	18.8	21.6	19.5

*Составлено по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 639, л. 23, 31, 35, 39, 73–74.

В связи с действовавшим законодательством, запрещавшим аборт, вследствие распространившейся «подпольной» практики искусственного прерывания беременности погибали десятки тысяч женщин. В послевоенные годы приходилось вести борьбу с вспышками венерических заболеваний и их последствиями. Статистика заболеваемости этого характера неполна, так как многие предпочитали лечиться неофициальным путем, что приводило нередко к серьезным осложнениям, прежде всего, к неизлечимому бесплодию²³.

Появились новые виды опасных заболеваний, прежде всего, онкологических. В 1948 г. например, в России зафиксировано 17.8 тыс. онкобольных²⁴. Статистика очень неполная, так как диагностика этого рода была еще слабо разработана. Значительный процент смертей происходил по причине травматизма, прежде всего, производственного. На предприятиях все еще трудились подростки и женщины. Сыграл свою роль и тот факт, что им часто приходилось работать на неисправном, неотлаженном оборудовании. Фронтовики и жители прифронтовых районов часто страдали разного рода неврозами и психическими расстройствами. В послевоенное время было открыто много психоневрологических диспансеров, специализированных клиник и институтов²⁵.

Ущерб здоровью, нанесенный войной, был причиной повышенной смертности и заболеваемости в послевоенное время всех групп населения. От 1949 г. к 1959 г. численность мужчин 1920–1924 гг. рождения сократилась на 155 тыс. человек, а мужчин 1915–1919 гг. рождения на 177 тыс. человек. Численность женщин соответствующих лет рождения сократилась на 200 и 169 тыс. Это были трудоспособные группы населения, перспективные в демографическом отношении, которые не смогли оставить после себя достаточного потомства.

В итоге к 1959 г. сложилась следующая возрастно-половая структура населения. Если в переписи 1937 г. лица 15–19 лет составляли 8,2% от всего населения России, как в городах, так и в сельской местности, то в 1959 г. – это группа 35–39 лет, и ее удельный вес в населении снизился до 5,5%. Лица от 20 до 24 лет в 1937 г. составляли 9% от всего населения, а через 20 лет их осталось 5,3%. Удельный вес 25–29-летних соответственно уменьшился с 9,6 до 6%; 30–34-летних – почти с 8 до 5,1%; 35–39-летних – с 6,6 до 4%, а 40–44-летних – этой последней группы призывного возраста (им в 1959 г. было 60–64 года), – с 4,8 до 3%²⁶. Естественная смертность, особенно в условиях развивающегося демографического перехода с его устойчивой тенденцией к снижению смертности во всех возрастах, не могла привести к такой убыли молодых и средневозрастных групп, да еще за относительно небольшой период времени.

В силу указанных выше причин – пониженной в годы войны рождаемости, не состоявшегося в послевоенное время «бэби-бума», высокой смертности, в том числе детской, пониженной и быстро сокращающейся численности в возрастной структуре групп населения, переживших войну и трудности первых послевоенных лет, – были заложены предпосылки для ускоренного старения общества. Судя по шкале демографического старения Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета демографическое старение наступает при условии, если лица в возрасте 60 лет и старше насчитывают в возрастной структуре 12% и более, а при демографической молодости населения лица указанного возраста должны составлять менее 8%, а по более жесткой шкале ООН – около 7%²⁷. Согласно этой шкале, в 1959 г. в РСФСР было общество, находившееся, по демографической терминологии, на стадии преддверия старости – люди 60 лет и старше составляли 9%. Средняя продолжительность жизни в России была невелика и как только в 1960-х гг. она поднялась на уровень мировых показателей, а рождаемость стала падать, процесс старения значительно ускорился и к 1989 г. доля лиц старше 60 лет превысила 15%, а к 2002 г. – 18,5%²⁸. Уже в 1960–1970-х гг. страна начала испытывать дефицит трудовых ресурсов, к которому еще ни экономически, ни морально не была готова. Этим обстоятельством объясняется появление серии правительственных постановлений о привлечении пенсионеров к посильному труду на промышленных предприятиях и в учреждениях²⁹ и запоздалые правительственные меры 1980-х гг., направленные на поощрение рождаемости.

Таким образом, особенностью процесса старения российского населения было то, что этот процесс происходил при преобладании женщин в старших возрастных группах и в условиях повышенной смертности населения, в том числе в трудоспособных и перспективных в демографическом отношении возрастах.

Примечания

¹ Зима В.Ф. Голод в СССР, 1946–1947. М., 1997. С. 168.

² См.: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959 гг. М., 1998. С. 157–160.

³ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993. С. 74–75.

⁴ Там же. С. 37–39; Народное хозяйство РСФСР в 1960 году: Сборник статистических сведений. М., 1960. С. 7–8.

⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 60–61.

⁶ Население России за 100 лет (1897–1997): Статистический сборник. М., 1998. С. 38.

⁷ Демографическая модернизация России: 1900–2000 гг. М., 2006. С. 165.

⁸ РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 636, л. 3 (подсчеты автора); Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Указ. соч. С. 165.

⁹ РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 636, л. 3.

¹⁰ Там же, л. 111, 114, 127, 156, 175, 189 (подсчеты автора).

¹¹ Там же, л. 111, 114, 239 (подсчеты автора).

¹² Там же, л. 54, 60, 69, 84, 87, 127, 145, 149, 153, 156, 189, 230, 236, 239, 242, 248, 254 (подсчеты автора).

- ¹³ Там же, л. 72–157 (подсчеты автора).
¹⁴ Там же, л. 91, 131, 139 (подсчеты автора).
¹⁵ Там же.
¹⁶ Там же, л. 1 (подсчеты автора).
¹⁷ Там же, л. 12, 14, 16, 28, 36, 38, 44, 52, 64, 76, 88, 101, 111, 151, 154 (подсчеты автора).
¹⁸ Там же, д. 701, л. 11, 16, 22, 39, 44 (подсчеты автора).
¹⁹ Там же, оп. 18, д. 412, л. 1 об.–2; д. 444, л. 1 об.–2.
²⁰ Там же, оп. 20, д. 636, л. 72–157.
²¹ Там же, оп. 18, д. 362, л. 3, 78–84 (подсчеты автора).
²² Там же, л. 3–4, 78–84 (подсчеты автора).
²³ Там же (подсчеты автора).
²⁴ Там же, л. 3–4 (подсчеты автора).
²⁵ См. подробнее: *Жиромская В.Б.* Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект (1946–1960). М., 2009.
²⁶ Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007. С. 81–84; Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 60–61 (подсчеты автора).
²⁷ Народонаселение: Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 113.
²⁸ *Медков В.М.* Демография. М., 2008. С. 200.
²⁹ См. подробнее: *Жиромская В.Б.* Проблемы людей пожилого возраста в СССР // История СССР. 1988. № 3. С. 20–38.

© 2010 г. Н. А. АРАЛОВЕЦ *

БРАК И СЕМЬЯ В РСФСР В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Огромные людские потери СССР в годы Великой Отечественной войны (примерно 27 млн человек) и, как следствие, острая послевоенная диспропорция полов оказали заметное влияние на характер брачно-семейных отношений в РСФСР¹. Существенную роль при этом сыграло численное увеличение в республике городского населения. По данным Всесоюзных переписей населения, в 1959 г. удельный вес горожан составлял 52.4% (1926 г. – 18%, 1939 г. – 31.3%), сельчан соответственно – 47.6% (82 и 68.7). Эвакуация предприятий в восточные регионы страны в довоенные и военные годы способствовала численному росту городских жителей и сокращению сельских в Сибири и на Урале, Дальнем Востоке и Севере после окончания войны. Наиболее высокий удельный вес городского населения в 1959 г. был в индустриальных районах РСФСР: Центральном – 61%, Северо-Западном – 65, Уральском – 56, Западно-Сибирском – 53, Восточно-Сибирском – 52, Дальневосточном – 70%. Низкая доля городских жителей фиксировалась в Волго-Вятском районе – 39%, особенно в Кировской обл. – 37, Марийской АССР – 28, Мордовской АССР – 18 и Чувашской АССР – 24, а также в Центрально-Черноземном районе – 27%. В Поволжском и Северо-Кавказском районах удельный вес горожан был выше, соответственно – 48 и 42%².

Доминирование в РСФСР городского населения определило увеличение в послевоенный период удельного веса городских семей: в 1959 г. он составлял 53% (в СССР – 48.4%)³. Это явление оказывало заметное влияние на уровень брачности, а также тип, состав и величину российских семей. В условиях войны значительно повысилась самостоятельность женщин, и ускорилось взросление детей. Все это изменило в послевоенный период традиционные семейные ценности, особенно в городах⁴.

Проведенные исследования показали сокращение в РСФСР консервативных установок на брак и семью, прежде всего в молодежной среде. Показательно, что юноши и

* **Араловец Наталья Аркадьевна**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

девушки в большинстве случаев считали основой прочного брачного союза взаимные чувства и общность взглядов, доверие и искренность отношений (по материалам обследования, проведенного в 1962 г. в ленинградском Дворце бракосочетаний). Однако либерализация в обществе половой морали, легализация в 1955 г. абортоспособствовали распространению среди молодежи взглядов о возможности добрачных сексуальных отношений. В мотивации вступления в брак и создания семьи значительно выросли ценности самостоятельного брачного выбора юношей и девушек. Хотя согласие родителей на брачный выбор детей традиционно сохранялось, но решающего значения не имело. Молодожены часто не имели собственного жилья и финансовой самостоятельности, но в отличие от аналогичной ситуации конца XIX – начала XX в. такие обстоятельства не влияли на решение вступить в брак как со стороны юношей и девушек, так и со стороны их родителей и родственников. Отсутствие у молодоженов возможности жить самостоятельно, испытываемые ими трудности в приобретении жилья усиливали напряжение и обостряли конфликты в семье между поколениями⁵.

Религия и религиозные ценности, включая брачно-семейные, рассматривались в послевоенном обществе как пережитки. Остро критиковались церковный брак, обряды крещения и отпевания. Наряду с этим была усилена атеистическая деятельность по искоренению религиозных проявлений в быту. Все это ускорило трансформацию традиционных нравственных устоев семьи в российском обществе.

Мотивы вступления в брак и создания семьи в послевоенный период изменились. Например, популярными стали взгляды о том, что для любви не имеют значения род занятий и место работы, национальность, образование и профессия, уровень заработной платы и жилищные условия любимого человека. Ценились искренность и благородство, чистота чувств и взаимность устремлений. Важно отметить, что эти мотивы брачного выбора были характерны не только для молодежи, но и для людей среднего возраста. Однако проведенные исследования показали, что семейные конфликты чаще всего возникали именно из-за низкой зарплаты, плохих жилищных условий, разного образовательного и профессионального уровня супругов, а также различных национальных традиций⁶. По-прежнему в те годы считали, что общественные интересы должны быть выше личных. Взгляды, отрицавшие, по сути, интимный мир брачно-семейных отношений, имели исторические корни и были идейно близки наиболее догматическим концепциям 1920-х гг., когда традиционным этическим нормам противопоставлялась новая пролетарская этика, в основе которой лежал коллективизм⁷. Война усилила стремление женщин к полному равноправию, эмоциональной близости в брачно-семейных отношениях и одновременно к активной профессиональной и общественной жизни. Однако в послевоенной российской действительности подобные желания усиливали противоречия в браке и ускоряли разводы, которые нередко инициировали сами женщины.

В целом после войны брачность российского населения выросла. Наибольшее число браков в РСФСР было зарегистрировано в 1946 г. (без Нижне-Амурской, Камчатской, Сахалинской, Калининградской областей, Хабаровского края): на 1 тыс. населения – 12,3 брака. Это объяснялось вступлением в брак лиц, не успевших создать семью до войны и отложивших в годы войны (в 1939 г. им было 20–24 года, в 1946 г. – 27–31 год). Вступали в брак и создавали семьи также мужчины и женщины, находившиеся в послевоенные годы в наиболее активных брачных возрастах (в 1939 г. им было 15–19 лет, в 1946 г. – 22–26 лет). Однако в условиях послевоенной диспропорции полов рост числа браков оказался кратковременным. В 1947 и 1948 гг. брачность по сравнению с 1946 г. понизилась: на 1 тыс. населения было зарегистрировано в 1947 г. 10,4, а в 1948 г. – 10,6 браков.

Повышение уровня брачности городского населения отмечалось в 1946 г. (19,7), однако уже в следующем году он понизился (14,8). Брачность на селе была значительно ниже, чем в городе – соответственно – 8,5 и 8, но в 1950-х гг. она увеличилась: на 1 тыс. населения в 1949 г. было зарегистрировано 8,4 брака, в 1955 г. – 10,4⁸. После войны в РСФСР (городах и селах) уменьшилось число состоявших в браке женщин,

особенно родившихся в 1914–1923 гг. и наиболее пострадавших в годы Великой Отечественной войны.

Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., в городах РСФСР в возрасте 16 лет и старше на 1 тыс. человек состояло в браке 687 мужчин, 520 женщин. Сокращение числа замужних женщин стало особенно значительным в Москве и Ленинграде, в городах Центрального и Волго-Вятского районов, а также на Северном Кавказе. В городах Волго-Вятского района, например, наибольшая диспропорция полов наблюдалась среди горожан Горьковской обл. (на 1 тыс. человек в браке состояли 700 мужчин и 522 женщины). Для сравнения: в городах Кировской обл. женатых мужчин было 693, замужних женщин – 489; Марийской АССР, соответственно – 682 и 471; Мордовской АССР – 697 и 492; Чувашской АССР – 693 и 484. В Астраханской, Волгоградской, Куйбышевской и Саратовской областях число женатых мужчин превышало число замужних женщин в 1.3 раза, в Пензенской и Ульяновской областях, а также в Татарской АССР – в 1.4 раза⁹.

Увеличение числа замужних наблюдалось в младших поколениях женщин, родившихся во второй половине 1920-х гг., менее затронутых войной по сравнению со старшими возрастными группами. В российских городах в возрасте 25–29 лет (на 1 тыс. человек данного пола и возраста) фиксировалось состоявших в браке мужчин – 779, женщин – 757. В возрасте 20–24 лет в связи с более ранним вступлением женщин в брак замужних женщин было численно больше (446), чем женатых мужчин (251). С увеличением возраста (45–49 лет и старше) половая диспропорция увеличивалась, и сокращалось число состоявших в браке женщин. В городах РСФСР в возрасте 70 лет и старше – на 1 тыс. человек состояли в браке 721 мужчина и 122 женщины; в селах соответственно – 716 и 184¹⁰. Отмечу также, что нередко женщины выходили замуж за своих сверстников, а также мужчин моложе себя. Это были и холостые, и разведенные, и вдовы мужчины¹¹.

В послевоенные годы в городах РСФСР традиционно преобладали первые браки, как у мужчин, так и у женщин. Ранние браки (до 18 лет) у мужчин встречались редко. Наиболее активно мужчины женились в возрасте 23–25 лет, а в 30–39 лет большинство из них уже были женаты. Женщины значительно чаще мужчин вступали в ранние браки, в том числе до 18 лет. Большинство женщин выходили замуж в возрасте от 20 до 24 лет (максимальное число в 22 года). В последующих возрастах число вступающих в брак женщин сокращалось. В селах и у мужчин, и у женщин также доминировали первые браки, однако чаще, чем в городах, молодежь вступала в ранние браки. Женщины, родившиеся в 1918–1922 г. и вступившие в активный брачный возраст (20–25 лет) в предвоенные, военные и послевоенные годы, в основном отложили замужество. Эта вынужденная ситуация прежде всего выразилась в снижении в послевоенные годы удельного веса первых браков у женщин в возрасте 25 лет. В то же время небольшая доля женщин, родившихся в 1923–1927 гг. и вступивших в брачный возраст в 1943–1952 гг., вышла замуж в ранних возрастах (до 20 лет)¹².

Война дестабилизировала брак. Закономерно, что после ее окончания отмечался рост разводов. На 1 тыс. зарегистрированных браков в РСФСР было зафиксировано в 1946 г. 7.9 разводов, 1949 г. – 34.2, 1950 г. – 40.7, 1955 г. – 68.3 развода. Это явление наиболее широко было распространено в городах¹³. Одной из причин разводов стало доминирование в РСФСР женщин в активных брачных возрастах. Вступление в действие в 1944 г. законодательства о браке и семье способствовало оформлению совершившегося фактически еще до войны распада семей. Мужчины женились на женщинах моложе себя. Об этом свидетельствовало увеличение числа разводов в средних возрастах (30–39 лет) с длительной продолжительностью брака (от 5 до 20 лет) и сокращение – с небольшим брачным стажем (до 1 года, от 1 года до 4 лет).

В 1950-х гг. с вступлением в активный брачный возраст поколений 1930–1939 гг. рождения в основном расторгались брачные союзы с продолжительностью от 1 года до 6 лет. По данным ЦСУ СССР, наибольшее число разводов было зафиксировано в 1959 г. с продолжительностью совместной жизнью от 1 года до 4 лет. Причем 69% рас-

торгнувших брачный союз находились в возрастах 25–39 лет. Отмечу, что значительная часть разводов в этот период по-прежнему связана с последствиями войны: из-за ухода мужа из семьи после окончания войны – 17%, из-за желания вернуться в старую семью – 5%¹⁴.

Анализ динамики повторных браков показал увеличение активности со стороны мужчин. Данные Всесоюзного социально-демографического обследования 1985 г. показали: в СССР – на 1 тыс. разошедшихся или овдовевших в 1950–1954 гг. мужчин через 5 лет вступили в повторный брак 552, женщин – 146; через 10 лет мужчин – 673, женщин – 219; в 1955–1959 гг. соответственно – 544 и 159, 653 и 234¹⁵. Возникшая ситуация оказала влияние на рост продолжительности жизни в браке у мужчин и сокращение этого показателя у женщин. Однако повторные браки распадались в основном или на третьем, или на пятом году жизни. При продолжительности брака более 15 лет они расторгались реже, чем первые. Наряду с этим повторные браки в целом были менее устойчивыми: в среднем уровень разводимости в них оказался на 75% выше, чем в первых браках¹⁶.

Война усилила и трансформацию российской семьи. Так, в городах родители чаще жили с семьей замужней дочери, а не женатого сына, как было традиционно принято. Широко распространилось совместное проживание незамужней, а также вдовой или разведенной дочери с детьми или без них с родителями или с одним из родителей, как правило, овдовевшей матерью или овдовевшим отцом. Совместное проживание отмечалось и при наличии у родителей или одного из них младших детей. Данные Всесоюзных переписей населения 1939 и 1959 гг. показали численное увеличение в РСФСР за этот период членов семей, живших совместно с семьей, а также одиночек. На 1 тыс. постоянного населения в 1939 г. одиночек было 27, 1959 г. – 48; в городах – членов семей, проживавших совместно с семьей, в 1939 г. – 600, 1959 г. – 866; членов семей, живших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом, соответственно – 119 и 75; одиночек (лица, не связанные с семьей общим бюджетом, а также не имевшие семьи) – 50 и 59 (в селах, соответственно – 16 и 36). Значительно сократилось число членов семей, проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом. Это явление часто было обусловлено желанием пожилых родителей или одного из них (характерно для послевоенного периода) не переезжать к взрослым детям или родственникам¹⁷.

Высокий уровень смертности населения в годы Великой Отечественной войны сказался на величине семьи. Данные Всесоюзной переписи населения 1959 г. зафиксировали численный рост семей, состоявших из 2 человек. Если в РСФСР в 1939 г. на 1 тыс. семей (совместно проживавшие члены семьи) таковых было в городе – 269, на селе – 172, то в 1959 г. соответственно – 272 и 261. В селах доминировали семьи из 2 человек, в городах – из 3. Больше число семей из 2 человек в 1959 г. было зафиксировано: в Москве (на 1 тыс. семей) – 298; Ленинграде – 338. Важно также отметить,

Таблица

Возрастной состав семьи городского населения РСФСР в 1959 г. (%)*

Возраст (лет)	Члены семьи, проживающие отдельно, но связанные с семьей общим бюджетом	Одиночки
до 20	27.9	15.6
20–29	47.5	33.4
30–39	11.3	11.8
40–49	6.2	11.5
50–59	4	13.2
60 и старше	3.2	14.5

*Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 427–437.

что с 1939 по 1959 гг. число семей из 5 и более человек сократилось, однако в РСФСР в среднем число членов семьи составляло 3–4 человека. В городах РСФСР средняя величина семьи за 20 лет также изменилась незначительно: 1939 г. – 3.6 человека, 1959 г. – 3.5 (в 1926 г. – 3.9). Повысился процент семей из 2–4 и понизился из 5–9 человек. Более значительно понизилась доля больших семей из 6–9 человек. Удельный вес самых больших семей (10 и более человек) практически не изменился, так как значительное сокращение наиболее многочисленных семей произошло уже в конце 1930-х гг.¹⁸ Таким образом, в послевоенный период российская семья становилась малочисленной, широкое распространение получили семьи из 2 человек. Они состояли из бездетной супружеской пары или, чаще всего, из супругов, дети которых погибли в годы войны.

Из 2 человек также состояли неполные семьи, главным образом, вдов, потерявших мужей на фронтах Великой Отечественной. Неполными считались и семьи разведенных женщин. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. только зарегистрированный брак порождал права и обязанности супругов. В паспортах вступающих в брак в обязательном порядке производилась запись зарегистрированного брака, указывалась фамилия, имя, отчество, год рождения супруга, а также место и время регистрации брака. Существенно усложнялась процедура развода: вводилась его публичная процедура – через суд; судебная процедура развода становилась многоступенчатой; объявления о возбуждении судебного производства о разводе публиковались в местной газете; разводящиеся несли финансовые издержки. Указ 1944 г. устранил фактические брачные отношения, принятые в СССР с января 1927 г., и способствовал юридическому оформлению распада семей, совершившегося еще до войны, в годы войны и после ее окончания.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 г. подчеркивалось, что если фактический брак, существовавший до издания вышеназванного указа от 8 июля 1944 г., не мог быть зарегистрирован вследствие смерти или пропажи без вести на фронте одного из лиц, состоявших в таких отношениях, то «другая сторона имеет право обратиться в народный суд с заявлением о признании ее супругом умершего или пропавшего безвести лица на основании ранее действовавшего законодательства»¹⁹.

Устранение фактического брака способствовало численному росту так называемых материнских семей (мать и ее внебрачный ребенок), в отличие от неполных семей, не создававшихся на основе брака. Эти семьи также обычно состояли из 2 человек. С 1945 г. по 1958 г. в СССР родилось 10.6 млн детей, у которых в акте о рождении отсутствовала запись об отце. Наиболее высокий показатель родившихся вне брака (от численности всех новорожденных) отмечался: в 1945 г. – 18.9%, 1949 г. – 19.6, 1950 г. – 19.7%²⁰. На распространение внебрачных рождений в СССР повлияло запрещение в 1936 г. аборт. В условиях легализации последних (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г.) сократилось число внебольничных аборт. В СССР доля таковых (на 100 случаев всех видов аборт) составила в 1954 г. 79.9, 1956 г. – 29.8, 1958 г. – 21, 1960 г. – 19.8. Удельный вес внебрачных рождений также снизился: в 1956 г. – 13.5%, 1958 г. – 12.5%²¹. Повысилась роль внутрисемейного регулирования рождаемости, которое главным образом было связано с абортами. По данным специально проведенных обследований в Ленинграде и Перми, в конце 1950-х гг. аборты широко применялись женщинами (до 24 лет), не состоявшими в браке. Распространение аборт понижало внебрачную рождаемость: удельный вес родившихся у не состоявших в браке матерей составлял в 1946 г. 18.7%, 1959 г. – 15, 1966 г. – 12.5%²².

Война изменила репродуктивное поведение населения. Рост браков в послевоенные годы обусловил увеличение рождаемости, как в новообразованных семьях, так и в сложившихся до войны, однако затем уровень рождаемости в российских городах понизился, что повлекло за собой увеличение числа малодетных семей. Так, городская семья имела в среднем 1–2 детей. Отмечу, что в 1926 г. при продолжительности брака

18–22 года (вступление в брак в 1904–1908 гг.) городские семьи с 1 ребенком составляли 14%, с 2 – 16,7, а с 3 детьми – 55%²³.

Семьи, где дети не имели отцов, в послевоенный период стали обычным явлением. Существовали семьи вдов, семьи разведенных женщин, а также семьи, не состоявших в браке женщин с внебрачными детьми. При общих материальных и морально-нравственных сложностях психологическая атмосфера внутри таких семей, а часто и вокруг них была различной. В наиболее тяжелой ситуации после ликвидации института фактического брака оказались дети, рожденные вне брака. Так, было отменено право обращения матери в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состояла в зарегистрированном браке. При регистрации в органах ЗАГС рождения такого ребенка, последний записывался по фамилии матери, отчество присваивалось по ее указанию²⁴. Принятые меры изменили положение в обществе и семье внебрачных детей, отношение к которым со стороны посторонних им людей, а также родственников нередко было пренебрежительным, доходившим порой до унижения их человеческого достоинства.

В военное время выросло число детей-сирот, что после войны стимулировало создание детских домов. Помимо уже существовавших дошкольных, школьных и так называемых смешанных (для детей-родственников разных возрастов) детских домов были организованы школьные интернаты, колхозные детские дома, специальные детские дома для детей воинов Советской армии и партизан, детские дома для детей иностранцев и др. Всего к 1946 г. в СССР насчитывалось 5 390 детских домов (560 тыс. человек), в том числе в РСФСР – 3 700 (375 тыс. человек). Возникли в этот период и общественные организации, шефствовавшие над детскими домами.

В годы войны в СССР из детских домов и приемников-распределителей на воспитание в семьи были взяты тысячи детей (в РСФСР к 1945 г. – 308 тыс.). Президиум Верховного Совета СССР 8 сентября 1943 г. принял специальный указ, где отмечалось, что по просьбе усыновителя его фамилия и отчество могут быть присвоены усыновляемому ребенку. Усыновители могли быть вписаны в качестве его родителей в актовые книги о рождении. В то же время при усыновлении детей, достигших 10-летнего возраста, присваивать им фамилии и отчества усыновителей, а также записывать их в качестве родителей без согласия этих детей не разрешалось²⁵. Однако в таких семьях нередко возникали сложные психологические ситуации, если дети впоследствии узнавали о своем усыновлении. Особенно драматичными становились отношения, если находились родные родители или один из них.

После войны в РСФСР возросло число одиноких людей. В конце 1950-х гг. больше всего их было зафиксировано в Москве и Ленинграде. Так, на 1 тыс. человек постоянного населения в Москве было 64 одиночки, Ленинграде – 89, Ивановской обл. – 53, Горьковской – 44, Куйбышевской – 52, Саратовской – 49, Свердловской – 57. Однако в селах темп их роста был более значительным, чем в городах. Среди городского населения РСФСР число одиноких мужчин понизилось, а одиноких женщин повысилось. На 1 тыс. человек постоянного населения одиноких мужчин было в 1939 г. – 21, в 1959 г. – 17, женщин соответственно – 29 и 42. На селе одиноких мужчин и женщин было численно меньше, чем в городе, но одиноких женщин все же было больше, соответственно – 6 и 7, 10 и 29.

По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., в постоянном населении РСФСР удельный вес членов семей составлял 95,2%, а одиночек – 4,8; в городском соответственно – 94,1 и 5,9; в сельском – 96,4 и 3,6²⁶. Семьи в большинстве случаев возглавляли мужчины. На 1 тыс. человек постоянного городского населения глав семей мужчин было 177, женщин – 70 (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г., соответственно – 178 и 53²⁷). За 20 лет число глав семей мужчин практически не изменилось, а женщин – выросло. Анализ материалов специальных обследований рабочих семей Ленинграда (1961 г.) показал, что подавляющая часть женщин называли главами семей мужчин традиционно и затруднялись сказать, в чем это собственно про-

являлось. Таким образом, численное преобладание мужчин, стоявших во главе семей, не всегда отражало реалии брачно-семейных отношений.

На основе полученных данных, исследователи выделили 3 основных типа внутрисемейных отношений: глава авторитарной семьи – мужчина; фактическое равенство супругов при формальном главенстве мужа; главы семей – вдовы, разведенные женщины и матери-одиночки с внебрачными детьми. Семьи с властью мужчин основывались, как правило, на их моральном авторитете и на добровольном подчинении им остальных членов семьи. Самым распространенным типом внутрисемейных отношений оказался второй (60% обследованных семей), где равноправие мужа и жены сочеталось с разграничением обязанностей в финансовой, хозяйственной и культурной сферах семейной жизни. Для третьего типа внутрисемейных отношений было характерно то, что женщины, как правило, имели большое влияние на семью (полные семьи с женщинами во главе также тяготели к этому типу семейных отношений). Представительницы слабого пола обычно называли себя главами семей в случаях тяжелой болезни или инвалидности мужа, а также незарегистрированного в органах ЗАГС брака²⁸. В 1950-х гг. в городских семьях (особенно потомственных рабочих) Европейской части РСФСР был очень высок авторитет матери-хозяйки, о чем свидетельствовали данные анкетного обследования семей горняков и металлургов Нижнего Тагила, проведенного Институтом этнографии АН СССР в 1956 и 1958 гг. Хозяйка была не только основной хранительницей, но и распорядительницей семейного бюджета.

В семьях постепенно менялись отношения между старшим и младшим поколениями. В отличие от сельчан, заработанные деньги в рабочих семьях не всегда отдавались в общий котел. Это явление возникало, когда молодая пара оставалась жить с родителями и отчисляла лишь часть своего заработка на общее питание семьи, а остальные средства расходовались супругами по собственному усмотрению на себя и детей. Подобный порядок также сохранялся, если родители (или один из них) работали или получали пенсию: часть денег шла на общее питание, а остальная тратилась по их желанию. Выработанные в семье правила поведения не ограничивали самостоятельности, интересов и потребностей ее членов²⁹.

Итак, Великая Отечественная война крайне болезненно повлияла на брачно-семейные отношения в РСФСР: повысилась численность неполных и материнских семей, а также семей с усыновленными детьми; увеличилась численность женщин в активных брачных и репродуктивных возрастах, не состоявших в браке; бездетных и одиноких людей; детей-сирот и т.д. Возросшая в годы войны самостоятельность женщин и детей способствовала в послевоенный период трансформации традиционных семейных ценностей, увеличению роли женщин в обществе и семье, а также демократизации внутрисемейных отношений.

Примечания

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. М., 2001. С. 132.

² Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 9. М., 1929. С. 2–13; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги: Россия. М., 1999. С. 16, 24; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 24–25, 26, 28; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: СССР. М., 1962. С. 19; Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 42.

³ [Материалы по статистике] // Вестник статистики. 1990. № 6. С. 78–79; Эволюция семьи и семейная политика в XX в. М., 1992. С. 6–7.

⁴ Законодательство о браке, семье и опеке. М., 1947. С. 51–52.

⁵ Харчев А.Г. Брак и семья в СССР: Опыт социологического исследования. М., 1964. С. 178–180, 193; Харчев А.Г., Емельянов К.Л. Брак: идеал и действительность // Социальные исследования. Вып. 4. М., 1970. С. 62.

⁶ Нехорошков М.Ф. Семья и религия. Йошкар-Ола, 1967. С. 22–25; Человек, общество, религия: Сборник статей. М., 1968. С. 167; Аналитические обозрения Центра комплексных социальных исследований и маркетинга. Вып. 4. М., 1996. С. 58; Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы: Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десяти-

- ления. СПб., 2003. С. 272–273 ; *Большакова С.В., Иванова Л.М.* Дома, в семье. М., 1960. С. 9, 22.
- ⁷ Философия любви. Вып. 2. М., 1990. С. 334.
- ⁸ РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 553, л. 5–6; д. 2237, л. 3, 15; д. 2645, л. 11, 16, 42, 86, 96; д. 2843, л. 149–150; д. 3169, л. 5–7; д. 3820, л. 5–6 (подсчеты автора); Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С. 60.
- ⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 98–101; Население Западной Сибири в XX веке. С. 61; *Ретиневский А.И.* Демографический состав работников промышленности Поволжья, 1945–1965 гг. Самара, 1996. С. 104.
- ¹⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 98.
- ¹¹ См.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 54–55.
- ¹² РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 3144, л. 7; оп. 33. д. 2633, л. 107; *Волков А.Г.* Семья – объект демографии. М., 1986. С. 112.
- ¹³ РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 553, л. 6; д. 2237, л. 3, 15; д. 2843, л. 149–150; д. 3806, л. 2; д. 3169, л. 5–7; д. 3820, л. 5–6; оп. 33, д. 413, л. 214; д. 2192, л. 250, д. 2638, л. 1–20 (подсчеты автора).
- ¹⁴ РГАЭ, ф. 1562, оп. 33; д. 4529, л. 136; *Харчев А.Г.* Указ. соч. С. 212.
- ¹⁵ *Герасимова И.А.* Структура семьи. М., 1976. С. 99; [Материалы по статистике] // Вестник статистики. 1962. № 12. С. 42–46.
- ¹⁶ *Волков А.Г.* Указ. соч. С. 140–148; Социально-демографическое исследование брака, семьи, рождаемости и репродуктивных установок. Ереван, 1983. С. 31–35.
- ¹⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 450, 451; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: СССР. С. 248–249; Население Западной Сибири в XX в. С. 61; *Крупянская В.Ю. и др.* Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917–1970). М., 1974. С. 154–157.
- ¹⁸ РГАЭ, ф. 1562, оп. 33, д. 3968, л. 14–15; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 55. М., 1931. С. 2, 9, 46, 48, 50, 54, 58; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 426–453; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: СССР. С. 250–251; Население России в XX веке. Т. 2. С. 240, 352; Население Западной Сибири в XX в. С. 60; Население Урала, XX век: История демографического развития. Екатеринбург, 1996. С. 55; *Күзьмин А.И.* Семья на Урале (демографические аспекты выбора жизненного пути). Екатеринбург, 1993. С. 46.
- ¹⁹ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1967. Т. 2. М., 1968. С. 415, 417.
- ²⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 27.
- ²¹ РГАЭ, ф. 1562, оп. 33, д. 3918, л. 15; д. 4529, л. 136; Население России в XX в. Т. 2. С. 351, 352.
- ²² Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. Т. 2. С. 423; РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 3144, л. 1–9; *Садвокасова Е.А.* Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969. С. 118; Демографический анализ рождаемости. М., 1974. С. 45–55.
- ²³ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 56. Вып. 3. М.; Л., 1930–1931. С. 293.
- ²⁴ Законодательство о браке, семье и опеке. С. 2, 45–48, 51–52.
- ²⁵ Великая Отечественная война, 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 240–241; Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1967. Т. 2. С. 409, 418.
- ²⁶ Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 427–437, 450; Население Западной Сибири в XX веке. С. 61.
- ²⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 450; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги: Россия. С. 37.
- ²⁸ *Крупянская В.Ю. и др.* Указ. соч. С. 169; Народы Европейской части РСФСР. Т. 1. М., 1964. С. 483, 695.
- ²⁹ РГАЭ, ф. 1562, оп. 15, д. 182, л. 3–3 об., 74–74 об., 92–92 об.; д. 3090, л. 43–43 об.; *Крупянская В.Ю. и др.* Указ. соч. С. 168; Народы Европейской части РСФСР. Т. 1. С. 484; *Андреевский Г.В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху, 1930–1940-е годы. М., 2003. С. 240–241, 243, 248–252; *Лебина Н.Б., Чистиков А.Н.* Указ. соч. С. 230, 233–234; *Попов В.П.* Экономическая политика советского государства, 1946–1953 гг. М.; Тамбов, 2000. С. 64–65.

ВОЙНА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

В обширной историографии Великой Отечественной войны проблема влияния военного времени на образовательный уровень населения до сих пор не нашла достаточного отражения. Сложившаяся историографическая ситуация во многом обусловлена состоянием источниковой базы. Материалы текущего учета важнейших показателей хозяйства освобожденных районов по состоянию на 1 апреля 1943 г. не содержат необходимой информации, как и данные первой послевоенной Всесоюзной переписи населения (1959 г.), проведенной спустя 14 лет после окончания войны. По имеющимся статистическим показателям невозможно определить, сколько учащихся было эвакуировано, сколько осталось в оккупации, и какова была доля детей и подростков, дождавшихся освобождения.

Война прервала процесс развития отечественной общеобразовательной школы. В предвоенные годы ее главной задачей, которую предполагалось решить в 1943/44 учебном году, было введение всеобщего среднего образования в городах и всеобщего 7-летнего образования в сельской местности. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в общеобразовательных школах страны обучались 20 019 269 учащихся, в том числе в 1–4 классах начальной школы – 13 598 803 (67.9%) в 5–7 классах – 5 589 339 (27.9%), среднее образование получали 831 127 (4.2%) человек. В целом в различных типах школ и профессиональных учебных заведениях обучались 216.4 человека на 1 тыс. жителей¹.

Во время войны школьные здания передавались под промышленные предприятия, эвакогоспитали и для размещения эвакуированного населения. Сотни тысяч детей, находившихся в тыловых районах страны, вынуждены были заменить взрослых в промышленности и сельском хозяйстве. Война отняла у этих детей детство, многих навсегда лишила и возможности получить образование. Так, житель Волгоградской обл. И.Ш. Цирин вспоминал: «В 1941 г. я пошел учиться в пятый класс сельской школы. Занятия продолжались всего несколько дней, а затем начались работы. Дети веяли зерно в амбарах, перебирали картошку в овощехранилищах, а с весны начались работы на колхозных полях. В школу они так и не вышли»². В 13 лет мальчика и его сверстников мобилизовали на работу на завод, где он оказался среди таких же мальчишек. В основном это были эвакуированные и дети, лишившиеся родственников. Большинство из них имели образование в объеме 4–5 классов³.

Работа, которую выполняли дети и подростки, была чрезвычайно тяжела даже для взрослого организма, подтачивала и изнашивала силы. Никто не сказал об этом лучше, чем сами маленькие труженики. Вот строки из письма к родным Тани Романовой, ученицы Куйбышевского ремесленного училища № 24: «Трудно мне сейчас, работаю по 10 часов на заводе автоматчицей. Здесь все так дорого, что купить ничего нельзя. Заработную плату нам не дают, говорят, что вы находитесь в ремесленном училище. Бараки плохие, клопы, грязь, очень сыро, на завод ходим шесть километров. Спаси мою жизнь молодую. Нас было 580 человек, а осталось 120. Все сбежали»⁴. Настоящим криком души представляется письмо Вани Клавдиева своим родственникам в деревню: «Если вы меня не выручите, то тогда вы меня больше не дождетесь. Все равно я свою жизнь подорву, мне лучше умереть как-либо, но голодная смерть хуже всего. Разве я не хочу еще жить?»⁵. Из более чем 100 авторов воспоминаний, включенных в сборник «Война и дети», только 2 юных труженика тыла смогли продолжить свое образование⁶. Как об-

* Репинецкий Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор Поволжского филиала Института российской истории РАН (Самара).

разно выразилась М.З. Ханеева, начавшая трудиться после окончания 4 класса, «тропа, которая каждый день приводила меня в школу, заросла навсегда»⁷.

Изнуряющая работа на производстве и в сельском хозяйстве, отсутствие необходимой одежды и обуви, полуголодное существование, постоянная боль от утрат и боязнь за ушедших на фронт близких стали причинами отсева учащихся из школ. Так, в 1941/42 учебном году в Новосибирской обл. не обучались 24 тыс. детей, а в первом полугодии следующего учебного года выбыли еще 50 тыс. учащихся; из школ Пензенской обл. – 54 тыс. человек, Тамбовской – 34 тыс. Подобные сводки поступали из всех регионов страны. Всего в первом военном году школы страны потеряли до 25% учащихся⁸.

Руководство СССР требовало от партийных и советских органов власти принять меры к полному вовлечению всех детей от 7 до 16 лет в общеобразовательные школы или отдельные классы для переростков, не допуская впредь отсева детей из школ до завершения ими 7-летнего образования. 30 июля 1942 г. СНК СССР принял постановление «О вовлечении в школы всех детей школьного возраста и использовании школьных зданий по назначению»⁹. Правительство поставило перед местными органами задачу освободить к 20 августа 1943 г. все здания школ. Однако школы, используемые под госпитали и эвакуированные предприятия, в этот список не попали и продолжали использоваться не по назначению и после окончания войны. В 1943 г. СНК РСФСР утвердил инструкцию об организации учета детей и подростков от 8 до 15 лет и порядке контроля о выполнении закона о всеобщем обязательном обучении¹⁰.

Улучшение ситуации на фронтах Великой Отечественной войны, освобождение оккупированных территорий позволили приступить к организации обучения подростков, работавших на производстве. Постановление СНК СССР «Об обучении подростков, работающих на предприятиях»¹¹ от 15 июля 1943 г. требовало от местных властей организовать для них сеть общеобразовательных школ. Руководителям промышленных наркоматов и директорам предприятий вменялось в обязанность обеспечить школы рабочей молодежи помещениями, оборудованием, отоплением, освещением. Вместе с органами народного образования необходимо было создать условия для посещения подростками учебных заведений.

Эти указания, безусловно, выполнялись, но не могли быть реализованы в полной мере и за короткий срок. Многие маленькие труженики физически не были в состоянии посещать школу. Приведу отрывок из воспоминаний дважды Героя Советского Союза генерала авиации В.И. Попкова: «Помню, прибыл на завод получать новый самолет. У проходной женщина. Просит: «Найдите в цеху сына, третий день нет дома». Захожу в цех, у станка пацаненок на ящике, весь мокрый, рядом ведро с водой. Мастер пояснил: «Я его систематически поливаю, чтобы не заснул»»¹². До занятий ли было этому безвестному мальчишке, отдававшему все свои силы Победе.

Еще более трагическая ситуация с обучением детей и подростков сложилась на оккупированных территориях. Там занятия в школах прекращались – «низшей расе» полагалось только начальное образование: «Для не немецкого населения восточных областей не должно быть высшей школы. Для него достаточно четырехлетней народной школы. Целью обучения должно быть только: простой счет... умение расписываться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам»¹³. На деле же и эти так называемые народные школы не работали. Оккупационные власти не считали нужным открывать подобные школы для «плебел», да и учиться в них было некому. Трудовая повинность распространялась на детей, начиная с 10-летнего возраста¹⁴.

После освобождения оккупированных территорий перед местными властями стояла проблема организации обучения детей и подростков. При отступлении фашисты наряду с объектами промышленности в первую очередь разрушали здания, где размещались учебные заведения. В сообщениях Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников на территории СССР говорилось об уничтожении объектов народного просвещения. Например, в Смоленске «немецко-фашистские захватчики разруши-

ли почти все учебные заведения. Они сожгли здания педагогического, стоматологического и сельскохозяйственного институтов, разрушили финансовый, кооперативный, железнодорожный техникумы и электротехникум связи, сожгли и взорвали 22 школы, 8 детских садов, областную, центральную, детскую, городскую библиотеки... В этих библиотеках погибло 646 тыс. книг¹⁵. Помимо этого, из Смоленского стоматологического института были вывезены в Германию ценные научные издания, приборы и инструменты. В целом ущерб, нанесенный учебным заведениям Смоленска, был оценен в 74 млн руб.¹⁶ В Вязьме при отступлении из города враги взорвали все учебные заведения – 15 школ, учительский институт, две медицинские школы, городскую библиотеку, дом учителя. Даже в небольших сельских населенных пунктах фашисты обязательно уничтожали школьные здания¹⁷. Всего на оккупированной фашистами территории РСФСР были уничтожены 20 тыс. школ из 30 тыс., функционировавших до войны¹⁸, 25 тыс. полностью лишились библиотек, а книжный фонд уменьшился с 39 млн экземпляров в 1940 г. до 13 млн к концу войны¹⁹.

Сократилась численность учащихся: в 5–7 классах – в 2 раза, в старших классах – в 2,5²⁰. В численном выражении количество учащихся за первые годы войны уменьшилось с 20 229 тыс. до 10 320 тыс. человек. В целом по РСФСР количество дневных 7-летних и средних общеобразовательных школ сократилось на 27%: с 113 880 в 1940/41 учебном году до 83 020 в 1942/43²¹. Только через 5 лет после окончания Великой Отечественной войны в районах, подвергшихся немецко-фашистской оккупации, число школ и учащихся в них достигло довоенного уровня (в ряде мест этого так и не произошло). Так, в Воронежской обл. в 1940/41 учебном году работала 2 061 школа, в 1950/51 учебном году их количество увеличилось до 2 082, в то же время численность учащихся составила 81,4% от довоенного уровня²². В Волгоградской обл. в 1950/51 учебном году количество школ составляло 81,7%, а контингент учащихся в них – 77,4% от довоенного уровня²³.

Серьезной проблемой стало возвращение к занятиям репатриированных детей и подростков. По решению германских властей, трудовой мобилизации в Германию подвергалась молодежь, начиная с 15-летнего возраста, и перед оккупационной администрацией была поставлена задача их особой регистрации и учета²⁴. Однако в виду сложностей с выполнением планов угона населения в Германию они стали выполняться за счет подростков – мобилизации подвергались лица, начиная с 13 лет. Для выполнения своих планов оккупационные власти устраивали облавы на местное население, где женщин хватали вместе с детьми. Фактически в Германию на каторжные работы угонялись дети самых разных возрастов. Десятки тысяч детей оказались узниками концентрационных лагерей.

По подсчетам А.А. Шевякова, с оккупированной территории на каторжные работы в фашистскую Германию были угнаны 5 623 тыс. человек, возвратились на родину после освобождения 3 438 тыс.²⁵ К сожалению, имеющиеся материалы не дают возможности вычленить из этого списка детей и подростков. Известно, что из числа угнанных в Германию и возвратившихся в СССР по прежнему месту жительства были отправлены 3 246 тыс. человек²⁶. По оценке немецкого историка Н. Мюллера, среди них дети и подростки составляли немногим менее трети²⁷, следовательно, из немецкого плена их вернулось на родину около 1 млн человек. Кроме того, на оккупированной территории стало значительно меньше учителей. Если в целом численность населения оккупированных районов сократилась на 37%, то учителей – на 47%²⁸. Правительство принимало срочные меры для исправления ситуации (в декабре 1943 г. было принято постановление об ускоренной подготовке учителей по заочной форме обучения²⁹), однако быстро ликвидировать острый дефицит педагогических кадров оказалось невозможно.

Более острой проблемой стала психологическая адаптация детей и подростков. Экстремальные условия существования (постоянное столкновение с насилием и смертью, страх за свою жизнь и жизнь близких, выживание в условиях голода) крайне негативно повлияли на их психику. На оккупированной территории повсеместно действовали публичные дома для солдат и офицеров немецкой армии. Официально в них

отбирались девушки и подростки 14–25 лет. Помимо сексуального насилия они подвергались изощренным издевательствам и постоянным унижениям³⁰. После изгнания оккупантов эти несчастные зачастую сталкивались не с пониманием и сочувствием, а с презрением и осуждением. При отсутствии профессиональных психологов и методик работы с такими детьми проблемы психологической адаптации решались с большим трудом. Кроме того, дети младшего школьного возраста, вернувшиеся из многолетнего немецкого плена, как правило, плохо знали русский язык, что затрудняло их обучение. В отечественной историографии эти сюжеты практически не освещались³¹.

В послевоенные годы были отодвинуты на второй план проблемы, связанные с ликвидацией неграмотности населения. В 1954 г. в сельских поселениях насчитывалось 1 819 тыс. человек в возрасте от 8 до 49 лет полностью неграмотных. Выборочная перепись населения, проведенная ЦСУ СССР в 1957 г., показала, что из 735.9 тыс. человек городского населения старше 9 лет 49.7 тыс. (6.8%) назвали себя полностью неграмотными. Наиболее высоким как в городе, так и в деревне было число неграмотных женщин³².

В развернутом Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О ликвидации неграмотности среди населения»³³ (принято 4 января 1958 г.) отмечалось, что в некоторых районах страны в связи с неудовлетворительным осуществлением обязательного обучения детей все еще имелось значительное число неграмотных и малограмотных. Считая такое положение совершенно нетерпимым, ЦК КПСС и Совет Министров СССР обязали партийные и советские органы союзных республик завершить работу по полной ликвидации неграмотности среди населения до начала Всесоюзной переписи 1959 г. К концу 1958 г. в стране были учтены 1 287 тыс. неграмотных в возрасте 16–50 лет³⁴, из которых обучались 1 200 тыс. (93%). В числе неграмотных по-прежнему оставалась высокой доля лиц молодого возраста. Так, среди окончивших курс обучения допризывники составляли 9.2 тыс. человек, продолжали обучение в школах и группах по ликвидации неграмотности – 2.5 тыс.³⁵ Решить проблему ликвидации неграмотности среди взрослого населения полностью не удалось. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. показали, что неграмотными оставались 1.5% населения страны³⁶. Кроме того, данные переписи засвидетельствовали снижение образовательного уровня населения в тех возрастных категориях, чья юность пришлось на годы Великой Отечественной войны (см. табл. 1).

Таблица 1

Уровень образования населения РСФСР в 1959 г. (человек на 1 тыс. жителей)*

Возраст (лет)	Высшее законченное образование	Незаконченное высшее и среднее образование, включая неполное среднее	Начальное и незаконченное 7-летнее образование
Всего в возрасте 10 лет и старше	24	337	325
10–19	0	377	388
20–24	14	634	309
25–29	45	375	481
30–34	39	465	415
35–39	51	469	334
40–44	35	289	323
45–49	29	161	261
50–54	30	132	238
55–59	27	108	193
60–64	21	83	171
65–69	14	59	147
70 и старше	7	34	91

* Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 102–103.

Война негативно повлияла на образовательный уровень людей, которым к началу Великой Отечественной войны было 22–26 лет. Они подлежали первоочередной мобилизации и на их долю выпали все испытания начального этапа войны. По переписи 1950 г. эту группу (40–44 г.) характеризует значительно меньший удельный вес лиц, имевших среднее (полное и неполное) и высшее образование. По сравнению с показателями возрастной группы 35–39 лет доля лиц со средним образованием была меньше в 1.6 раза (соответственно 469 и 289 человек на 1 тыс. жителей), а с высшим образованием – в 1.4 раза (35 и 29 человек).

Следует отметить, что в послевоенные годы руководство страны уделяло особое внимание развитию вечернего образования. Основной контингент учащихся школ рабочей молодежи (ШРМ) обучался в 5–7 классах. В 1945/46 учебном году на их долю приходилось 52.3% учащихся в ШРМ, в 1950/51 учебном году – 53%³⁷. Большую их часть составляли демобилизованные воины и другие лица, прервавшие свое образование в годы войны. Но даже усиленное повышение образовательного уровня населения через систему вечернего образования не смогло скрыть резкого снижения его образовательного уровня, произошедшего в годы Великой Отечественной войны.

Несколько иной представлена картина состояния образовательного уровня для возраста 35–39 лет (в начале войны 17–21 год). На этих людей также выпали все тяготы военного времени. Однако несмотря на это, удельный вес лиц со средним (полным и неполным) и высшим образованием в этой возрастной группе оказался высоким – 469 человек на 1 тыс. жителей со средним и 51 – с высшим образованием. Они были еще молоды, когда закончилась война, причем многие из них успели окончить школу и стремились получить высшее образование. Фронтовикам тогда предоставлялись большие льготы при поступлении в вузы. Очевидцы тех лет вспоминают, что студенческие аудитории были заполнены молодыми людьми в военной форме. Эти послевоенные курсы получили особое название – «гвардейские».

Лицам, входившим в возрастную группу 30–34 лет, на момент окончания войны было 16–20 лет. Немногие из них успели повоевать, их фронт был на производстве. Обращает внимание высокий удельный вес лиц с начальным образованием, больший, чем в возрастной группе 35–39 лет. Вместе с тем среди людей данного возраста был высок удельный вес лиц со средним (полным и неполным) и высшим образованием (соответственно 465 и 39 человек на 1 тыс. населения). Возрастная группа 25–29 лет – дети войны. В год ее окончания им исполнилось 11–15 лет. Они не воевали на фронте, но пережили все тяготы военного лихолетья. Казалось бы, мирное время открывало перед ними все возможности для получения образования, однако в этой возрастной группе неестественно велик удельный вес лиц только с начальным образованием – 481 человек на 1 тыс. жителей, т.е. почти половина лиц, находившихся в военные годы в школьном возрасте, не смогли получить образование выше начального. Причины этого видятся в том, что многие дети бросили обучение в годы войны и не захотели или не смогли его продолжить рядом со школьниками младшего возраста. Многие подростки в трудные послевоенные годы продолжали оставаться кормильцами в своих семьях.

Материалы табл. 2 показывают, что резкое уменьшение удельного веса лиц, имевших среднее (полное и неполное) образование, просматривается, начиная с 40–49 лет. В войну эта возрастная группа ступила в возрасте 22–31 года. Удельный вес лиц, имевших данный уровень образования, по сравнению с последующей возрастной группой (30–39 лет) уменьшился в 2 раза (с 467 до 255 человек на 1 тыс. жителей). Особенно значительная разница в уровне образования между этими возрастными группами наблюдалась у женщин: доля женщин, имевших среднее (полное и неполное) образование в возрасте 30–39 лет, в 2.6 раза была выше соответствующего показателя в возрастной группе 40–49 лет: 466 и 174 человека на 1 тыс. жителей. В то же время подобная разница в уровнях образования у мужского населения значительно ниже (1.5 раза). Такая ситуация объяснялась тем, что многие мужчины после демобилизации продол-

**Лица, имевшие среднее (включая неполное) образование в 1959 г.
(человек на 1 тыс. жителей)***

Возраст (лет)	Мужчины	Женщины
10–19	334	421
20–29	456	553
30–39	472	466
40–49	308	174
50–54	186	117
55–59	162	101
60 и старше	88	61
Итого	355	323

* Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 102–103.

жили свое образование через систему вечернего и заочного обучения, а девушки, ушедшие на производство во время войны, после ее окончания так и не смогли продолжить учебу.

Примечания

¹ Всероссийская перепись населения 1939 года: Основные итоги: Россия. М., 1999. С. 137.

² Война и дети. 1941–1945. Самара, 2005. С. 29.

³ Там же. С. 32.

⁴ *Молько В.* «Спаси мою жизнь молодую...» // Волжская коммуна. 1993. 30 января.

⁵ Там же.

⁶ См.: Война и дети. 1941–1945.

⁷ Там же. С. 70.

⁸ *Черник С.А.* Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1984. С. 74–75.

⁹ Сборник руководящих и инструктивных материалов по всеобщему обучению детей. М., 1944. С. 12.

¹⁰ Там же. С. 62–65.

¹¹ Там же. С. 13.

¹² Правда. 1993. 9 мая.

¹³ Генеральный план «Ост». Публикация документов // Военно-исторический журнал. 1960. № 1. С. 88.

¹⁴ Немецко-фашистский оккупационный режим. М., 1965. С. 199.

¹⁵ Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного им ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, о разрушении города Смоленска и злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками над советскими гражданами. М., 1943. С. 3.

¹⁶ Там же. С. 5.

¹⁷ Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городах Вязьме, Гжатске и Сычевке Смоленской области и в городе Ржеве Калининской области. М., 1943. С. 13–16.

¹⁸ Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1964. С. 444.

¹⁹ *Черник С.А.* Указ. соч. С. 38.

²⁰ Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 794.

²¹ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны. Статистический сборник. М., 1990. С. 207, 208.

- ²² Рассчитано по: Народное хозяйство Воронежской области. Статистический сборник. Воронеж, 1957. С. 107–108.
- ²³ Рассчитано по: Народное хозяйство Волгоградской области. Статистический сборник. Саратов, 1962. С. 245–247.
- ²⁴ Мюллер Н. Вермахт и оккупация. (1941–1944). М., 1974. С. 217, 225.
- ²⁵ Шевяков А.А. Гитлеровский геноцид и репатриации советского населения // Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб., 1995. С. 180.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Мюллер Н. Указ. соч. С. 227.
- ²⁸ Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 166.
- ²⁹ О мероприятиях по укреплению заочного педагогического образования. Постановление СНК СССР. 18 декабря 1943 г. // Народное образование в СССР. Сборник документов. М, 1974. С. 436–437.
- ³⁰ Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 302.
- ³¹ Храмкова Е.Л. Культура России периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историографические очерки. Самара, 2001. С. 24–45.
- ³² РГАЭ, ф. 1562, оп. 33, д. 3671, л. 1.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же, л. 201.
- ³⁵ Там же, л. 201–202.
- ³⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 143.
- ³⁷ ГА РФ, ф. А-374, оп. 32, д. 2790, л. 37–39.

© 2010 г. В. А. ИСУПОВ *

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: численность, состав, воспроизводство

Согласно административно-территориальному устройству 1941 г., Западная Сибирь охватывала Алтайский край (включая Ойротскую автономную обл.), Новосибирскую и Омскую области. В январе 1943 г. из состава Новосибирской обл. выделили Кемеровскую обл., в августе 1944 г. часть территории Новосибирской обл. преобразовали в Томскую обл. Тогда же из частей Омской и Курганской областей была создана Тюменская обл. При подготовке статьи использованы главным образом статистические материалы, в первую очередь данные текущего учета смертности, рождаемости и брачности, хранящиеся в центральных и периферийных архивах России. В Алтайском крае крайне значимые для нашего исследования статистические документы военных лет до сих пор не переданы в государственное архивохранилище. В этой связи для работы над статьей привлечены материалы Текущего архива Государственного комитета по статистике Алтайского края. Поскольку эти документы не обработаны – отсутствуют номера дел и листов, ссылки вынужденно даются по упрощенной форме – ТА ГКС АК.

Великая Отечественная война кардинально изменила условия демографического развития страны. Для военных лет характерно расстройство всех механизмов, регулирующих динамику демографической подсистемы общества. И если в предшествовавший войне период воздействие причин и факторов пертурбационного характера на динамику населения России было очень сильным, то в 1941–1945 гг. они доминировали. Такая ситуация немедленно сказалась на численности населения.

* Исупов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, заведующий сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН.

Динамика численности населения Западной Сибири (1941–1945 гг.) (оценка ЦСУ СССР, без армии, спецконтингента и госпиталей)*

Дата	Человек (тыс.)			Удельный вес, %	
	Всего	Городское	Сельское	Городское	Сельское
1 января 1941 г.	9 266.6	2 792.6	6 474	30.1	69.9
1 января 1942 г.	9 921.4	3 231	6 690.4	32.6	67.4
1 января 1943 г.	9 632.5	3 423.4	6 209.1	35.5	64.5
1 января 1944 г.	9 069.3	3 517.1	5 552.2	38.8	61.2
1 мая 1945 г.	8 541.9	3 517.8	5 024.1	41.2	58.8
1 мая 1945 г. в % к 1 января 1941 г.	92.2	126	77.6	—	—

* Составлено по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 241, л. 53–54; д. 403, л. 40 об.; д. 404, л. 3, д. 405, л. 2; д. 564, л. 2 об., 60 об.

За период с 1 января 1941 г. по 1 мая 1945 г. численность городского населения Западной Сибири выросла на 26%. Самые высокие темпы роста горожан были характерны для 1941–1942 гг., когда их численность увеличилась почти на 16%. В 1942–1943 гг. городское население региона выросло на 6%, а в 1943–1944 г. – всего на 3%. Затем, в течение полутора лет, с 1 января 1944 г. по 1 мая 1945 г., численность горожан не изменилась. Затухающие темпы роста городского населения обуславливались различными (на разных этапах войны) пертурбационными факторами военного времени. Начальный период Великой Отечественной войны отмечен приливом в Западную Сибирь эвакуационного населения. Их численность была столь велика, что они своей массой до известной степени компенсировали действие обстоятельств, способствовавших снижению количества горожан (в частности, мобилизации в Красную армию). Вторая волна эвакуации (1942 г.) также содействовала росту численности городского населения, однако количественно уступала первой волне. Соответственно темпы роста горожан понизились. Начиная с 1943 г. города Западной Сибири пополнялись в основном за счет исчерпывающей своей демографический потенциал деревни. В 1944 г., когда стали разворачиваться процессы реэвакуации, рост городского населения Западной Сибири фактически прекратился.

Влияние пертурбационных факторов военных лет было особенно ощутимым в сельской местности. В 1941–1942 гг. число жителей западносибирской деревни за счет притока эвакуированных увеличилось на 3%, но в 1942–1945 гг. сократилось сразу на 25%, что в абсолютном выражении составило 1666.3 тыс. человек. Снижение численности сельского населения было обусловлено главным образом мобилизациями мужского контингента в армию. В сельской местности в отличие от городов почти отсутствовала система бронирования специалистов. Отрицательную роль играл отток из села людей, мобилизованных на работу в промышленность, на транспорт и стройки, а также призыв молодежи на учебу в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища. Нельзя не учитывать и сокращение показателей естественного прироста. Таким образом, если в городах соотношение причин, воздействующих на изменение численности населения, все же обеспечивало его медленный рост, то в сельской местности, напротив, вело к снижению числа жителей.

Аномальные флуктуации численности городского и сельского населения в конечном итоге обусловили и динамику количественных показателей всего населения Западной Сибири. Для мирных лет сокращение сельского населения широко распространено, так как промышленное развитие неизбежно стимулирует перемещение людей из деревни в город, но в период «нормы» общая численность населения, как правило, растет. В годы войны ситуация была принципиально иной: темпы роста горожан оставались низкими, а число жителей деревни, напротив, сокращалось очень резко. В итоге,

Удельный вес мужчин в сельском населении Западной Сибири 1943–1945 гг., %*

Возрастная группа (лет)	1 января 1943 г.	1 января 1945 г.
18–24	18.9	20.7
25–49	20.4	20.2
50–54	35.3	31.2
55–59	Нет сведений	35.7
60 и старше	Нет сведений	35.7

* Составлено по: ГА РФ, ф. А-374, оп. 11, д. 332, л. 24, 39, 40, 57, 59; РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1009, л. 51.

общая численность населения Западной Сибири в 1941–1945 гг. сократилась почти на 8%. В абсолютном выражении это составило 725 тыс. человек.

Кардинальные изменения в военные годы произошли и в составе населения Западной Сибири. Основным источником информации о составе сельского населения является единовременная отчетность, которая велась сельсоветами на основе похозяйственных книг и списков временно проживающих. Пользователями данных были органы по учету и распределению рабочей силы, военные комиссариаты и налоговые учреждения. По этой причине отчеты сельсоветов о численности и структуре населения составлялись особенно тщательно.

Данные табл. 2 демонстрируют преобладание среди сельских жителей женщин (результат массовых мобилизаций в Красную армию). Наиболее резкие диспропорции полов были характерны для возрастного диапазона от 18 до 49 лет. В этой группе удельный вес женщин достигал 80%. Такой дисбаланс полов не являлся характерным исключительно для Западной Сибири. В Свердловской обл., к примеру, в 1943 г. на 100 женщин приходилось 36 мужчин, в Московской – 37, Ульяновской и Ивановской – по 30, Рязанской – 26, Ярославской обл. – 25 мужчин¹.

Источники не дают возможности проследить изменения половозрастного состава городского населения собственно в военные годы. Поэтому мы вынуждены обратиться к такому источнику, как списки избирателей, составлявшиеся к выборам депутатов Верховного Совета СССР в 1946 г. В эти списки вносились все граждане страны с 18 лет, обладавшие избирательным правом. СНК СССР распоряжением от 31 декабря 1945 г. разрешил статистикам использовать списки избирателей для расчетов с целью определить численность и половозрастной состав населения². Вместе с тем из соображений секретности СНК СССР категорически запретил статистикам разработку списков по воинским частям. Кроме того, информация о половозрастном составе гражданского населения несколько искажается в связи с притоком в города демобилизованных мужчин. Нельзя упускать из виду, что непосредственно в военные годы структурная ситуация была значительно напряженной, чем это показывает используемый источник.

В западносибирских городах после окончания войны удельный вес мужчин в целом не превышал 39% и колебался от 33% в Тюменской обл. до 44% – в Кузбассе. Дисбаланс полов в меньшей степени коснулся тех территорий, где была сосредоточена тяжелая и оборонная промышленность. По этой причине структурная ситуация в городах Кемеровской, Новосибирской и Омской областей оказалась лучшей, нежели в Алтайском крае, Томской и Тюменской областях.

Великая Отечественная война заметно активизировала негативные процессы в динамике воспроизводства населения. Прежде всего это выразилось в подъеме показателей смертности, что объясняется сбоями в организации эвакуации, ухудшением условий жизни, распространением инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний, а также болезней органов дыхания.

Таблица 3

Итоги статистической разработки списков избирателей по выборам в Верховный Совет СССР по городским поселениям Западной Сибири (10 февраля 1946 г.)*

Регион	Удельный вес мужчин, %
Алтайский край	33.5
Кемеровская обл.	43.9
Новосибирская обл.	37
Омская обл.	37.1
Томская обл.	34.1
Тюменская обл.	32.8
Всего по Западной Сибири	38.5

* Составлено по: РГАЭ, ф. 1561, оп. 329, д. 2224, л. 21,41,57–59, 74.

Таблица 4

Динамика сезонных колебаний смертности населения Западной Сибири в 1941 г.*

Месяц	Число умерших на 1 тыс. человек		
	Алтайский край	Новосибирская обл.	Омская обл.
Январь	16.3	17.7	20.4
Февраль	16.1	16.2	19.1
Март	19	18.3	20.9
Апрель	20.5	19.6	20.5
Май	24.6	19.9	20.8
Июнь	19.5	18.7	20.1
Июль	23.6	22.3	26.8
Август	24.	23.8	28.7
Сентябрь	19.8	21.6	26.3
Октябрь	22.7	23.5	31.1
Ноябрь	22.3	23.6	32.2
Декабрь	22.7	26	30.1

* Составлено по: Государственный архив Новосибирской области (далее – ГА НО), ф.11, оп. 2, д. 607, л. 53–54; Государственный архив Омской области (далее – ГА ОО), ф. 2122, оп. 1, д. 1134, л. 70 об., 73 об.; Текущий архив Государственного комитета по статистике Алтайского края (далее – ТА ГКС АК).

Рост смертности в летние месяцы 1941 г. можно было бы отнести на счет ее типичных сезонных колебаний. Смертность населения СССР в первой половине XX в. неизменно увеличивалась летом и ранней осенью из-за вспышки желудочно-кишечных заболеваний. С приходом холодов смертность снижалась. Однако в 1941 г. этого не последовало. Уровень смертности в Западной Сибири во втором полугодии 1941 г. нарастал по мере притока эвакуированных граждан, оказавшихся в особенно тяжелых условиях существования. Эвакуированные появились сначала в Омской и Новосибирской областях, позже прибыли в Алтайский край. Это обусловило относительно плавное повышение индекса смертности в крае сравнительно с его аномально резкими флуктуациями в вышеназванных областях. Но в дальнейшем, с появлением большого числа эвакуированных на Алтае, смертность здесь заметно возросла и приняла характерную для военных лет конфигурацию резких подъемов и спадов. В январе 1942 г. по сравнению с январем 1941-го индекс смертности в Алтайском крае увеличился сразу на 18%³. В целом по Западной Сибири за 1941–1942 гг. общий коэффициент смертности повысился более чем на 25% и достиг самых высоких за весь военный период величин.

В мирные годы смертность горожан была, как правило, ниже, чем смертность деревенского населения. В военный же период коэффициент смертности в городах

Динамика смертности населения Западной Сибири (1941–1945 гг.)*

Годы	Все население		Городское население		Сельское население	
	Зарегист- рировано смертей (тыс.)	Число умер- ших на 1 тыс. человек	Зарегист- рировано смертей (тыс.)	Число умерших на 1 тыс. человек	Зарегист- рировано смертей (тыс.)	Число умерших на 1 тыс. человек
1941	188.8	21.5	65.7	21.5	123.1	19.9
1942	256.4	26.9	99.8	26.2	98.8	23.9
1943	152.9	18.4	76.6	18.4	76.3	13.4
1944	113.1	12.5	49.6	12.5	63.5	10.1
1945	78.2	8.7	37.1	9.2	41.1	7
1945 г. в% к 1941 г.	–	40.5	–	42.8	–	35.2

* Составлено по: ГА РФ, ф. А-374, оп. 11, д. 156, л. 20 об., 23 об., 25 об., 28 об., 30 об.; РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 251, л. 75–76, 153–154, 156–157; д. 418, л. 28–29, 68–69, 96–100; д. 501, л. 49–108, 144–146, 148–149, 183–184, 189; д. 577, л. 52–53, 119–120, 156–158, 160–161, 195–196, 201–202; ГА НО, ф. 11, оп. 2, д. 736, л. 6, 7 об., 8; ГА ОО, ф. 2122, оп. 1, д. 1134, л. 31–31 об.; Государственный архив Томской области (далее – ГА ТО), ф. 1085, оп. 3, д. 5, л. 5, 25; ТА ГКС АК.

Таблица 6

Динамика сезонных колебаний детской смертности Западной Сибири в 1941–1942 гг.*

Месяц	Число умерших младенцев в возрасте до 1 года на 1 тыс. родившихся	
	1941 г.	1942 г.
Январь	127.5	153.4
Февраль	154.1	196.1
Март	167.5	228.8
Апрель	193.3	290.1
Май	201.7	335.8
Июнь	208.5	521.8
Июль	325.5	611.8
Август	378.8	600.5
Сентябрь	291.8	406.4
Октябрь	247.5	268
Ноябрь	220.3	225.6
Декабрь	194	198.6

* Составлено по: ГА НО, ф. 11, оп. 2, д. 736, л. 131–131 об., 135–135 об.; д. 607, л. 1–1 об.; ГА ОО, ф. 2122, оп. 1, д. 1134, л. 70–70 об., 73–73 об.; д. 1136, л. 28; ТА ГКС АК.

превосходил коэффициент смертности в сельской местности. Максимальное различие в этих показателях было зафиксировано в 1943 г., когда индекс смертности горожан более чем на 37% превзошел аналогичные показатели по сельской местности. В основе повышения смертности населения Западной Сибири в 1941–1942 гг. лежало увеличение показателей детской смертности.

Летом 1941 г. совпало влияние одновременно двух негативных факторов. С одной стороны, очевидна полная зависимость детской смертности от обычных для того времени сезонных колебаний желудочно-кишечной заболеваемости (летне-осеннее повышение), с другой – на динамику детской смертности воздействовали пертурбационные факторы войны. В августе 1941 г. уровень детской смертности примерно в 2 раза превзошел ее майский уровень, после чего стал снижаться. Но снижение младенческой смертности проходило значительно медленнее, чем в мирный период. В итоге, индекс детской смертности в октябре–декабре 1941 г. превысил показатели соответствующих

**Уровень смертности в различных половозрастных группах населения Алтайского края
(1942–1945 гг.)***

Возраст (лет)	Число умерших на 1 тыс. человек соответствующей половозрастной группы			
	1942 г.		1945 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
0–24	25.1	18.6	7	4.9
25–49	51.4	5.8	23.3	5
50–54	22.6	4.7	22	5
55 и старше	65.6	29.9	39.9	22.7
Всего	31.5	15.7	13.3	7.4

* Составлено по: ТА ГКС АК.

месяцев 1940 г. Так, в Омской обл. в октябре 1941 г. уровень младенческой смертности был выше, чем в октябре 1940 г. на 9%, Алтайском крае – на 20%, в ноябре соответственно на 35 и 27%, декабре – на 20 и 12%⁴.

В феврале 1942 г. детская смертность вновь стала расти: в июле–августе ее коэффициент достиг самых высоких за всю войну величин, значительно превысив отметку в 600‰. Особенно выросла детская смертность в Омской обл., где в июле погибли 83% младенцев, в августе – 81%⁵. Кроме того, часть детских смертей, главным образом гибель детей, находившихся в эвакуэшелолах, не фиксировалась и, следовательно, не попала в статистические отчеты. Повышенная детская смертность была обусловлена широким распространением так называемых детских инфекций, напрямую детерминированных тяжелыми условиями жизни и антисанитарией: скарлатина, коклюш и дифтерия. Велико было значение и желудочно-кишечных болезней: дизентерии, токсической диспепсии и острого гастроэнтероколита.

Помимо детей были и другие группы населения, подверженные риску повышенной смертности. Выявить коэффициенты смертности различных половозрастных групп населения оказалось непросто. Для такого рода расчетов необходимы данные не только о числе умерших с разбивкой их по полу и возрасту, но и сведения о половозрастной структуре населения. Для городов такого рода материалы за военные годы отсутствуют. Для определения половозрастного состава сельского населения использовались данные сельсоветского учета. Факторами, усложнившими расчеты, явились погрешности текущей регистрации умерших, а также неточность материалов сельсоветов о составе детского населения. К тому же изменения административно-территориального устройства Западной Сибири в 1943 и 1944 гг. делают используемые источники недостаточно сопоставимыми. Чтобы элиминировать возможные искажения, расчет проведен только для Алтайского края, административно-территориальные границы которого в 1941–1945 гг. изменились незначительно.

Демографически «слабой» группой тылового населения (после детей) оказались мужчины. Коэффициент смертности мужчин в 1942 г. в 2 раза превышал смертность среди женщин. Крайне высокие показатели смертности были характерны для мужчин старше 25 лет. В возрастной группе 25–49 лет она превышала аналогичные женские показатели почти в 9 раз, в возрасте 50–54 лет – в 5 раз, в возрасте 55 лет и старше – более чем в 2 раза.

Вряд ли правильно сводить причины мужской сверхсмертности к относительно низкой (по сравнению с женщинами) жизнеспособности. Биологический фактор действовал главным образом в младших возрастных группах. В старших возрастах мощное воздействие оказывали обстоятельства социального характера. Мужчины чаще, чем женщины, погибали от болезней социального происхождения, таких как туберкулез,

**Структура причин смерти городского населения Алтайского края (1940–1944 гг.),
% к итогу***

Причины смерти	1940 г.	1942 г.	1944 г.
Большой тиф и паратиф	0.7	1.5	0.8
Сыпной тиф	0.1	0.7	0.8
Корь	12.6	3	1.2
Скарлатина	0.6	1.2	0**
Коклюш	1.3	1.2	0.6
Дифтерия	1	1.8	0.8
Дизентерия	1.4	3.5	0.6
Гемоколит	0.9	0.7	0.1
Туберкулез	13.9	14.1	18.8
Рак	2.8	2.3	4.6
Артериосклероз	0.9	0.9	1.6
Болезни сердца	6.4	12.3	16.7
Воспаление легких	16.1	13.9	10
Токсическая диспепсия	8.3	5.4	1.6
Острый гастроэнтеро- колит	6.5	3.4	2.2
Курбункул, фурункул, флегмона, абсцесс	0.1	0.2	0.2
Прочие и неопределен- ные причины смерти	26.4	33.9	39.3

* Составлено по: ТА ГКС АК.

** Показатель менее 0.1%.

сыпной тиф, воспаление легких, желудочно-кишечные болезни, а также от производственных и бытовых травм.

Для того чтобы осознать всю глубину демографической катастрофы, поразившей тыловые районы страны в военные годы, обратимся к анализу причин смерти населения. Такого рода материалы имеются только по городам, так как в сельской местности причины смерти в военные годы не фиксировались.

Основными причинами смерти населения глубокого тыла в 1942 г. были туберкулез и воспаление легких. В совокупности от этих болезней скончались 28% горожан. Удельный вес умерших от тифа, кори, дифтерии, скарлатины, коклюша и дизентерии составил почти 13%. Высокой была смертность от желудочно-кишечных болезней – гемоколита, токсической диспепсии и острого гастроэнтероколита. На долю этих болезней приходилось 9.5% смертей. Удельный вес умерших от инфекционных и желудочно-кишечных болезней в 1942 г. заметно увеличился даже по отношению к далеко не благополучному 1940 г. Доля скончавшихся от брюшного тифа, паратифа, скарлатины и дизентерии в 1942 г. по сравнению с 1940 г. более чем удвоилась. Удельный вес умерших от сыпного тифа вырос в 7 раз. Таким образом, среди причин смерти тылового населения Западной Сибири в 1942 г. явно преобладали факторы экзогенного происхождения, обусловленные ухудшением условий жизни населения: питания, жилья, гигиены. Причины смерти эндогенного происхождения – сердечно-сосудистые и онкологические заболевания – в значительной степени детерминированные естественным старением человеческого организма, оказались отодвинутыми на второй план.

В конце 1942 – начале 1943 г. демографическая подсистема Западной Сибири вступила в качественно новую стадию развития. С этого времени уровень смертности населения тыловых районов стал очень быстро сокращаться. В течение 1942–1945 гг. (см. табл. 5) общий коэффициент смертности гражданского населения Западной Сибири понизился в 2.8 раза, в том числе в городах – в 2.5, сельской местности – в 3.4 раза.

Детская смертность в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны*

Годы	Число детей, умерших в возрасте до 1 года на 1 тыс. родившихся		
	Все население	Городское	Сельское
1941	224.9	218.2	228
1942	323.7	323.3	323.9
1943	152.7	157.6	149.4
1944	89	91.6	87.5
1945	72.8	82.7	65.3
1945 г. в% к 1941 г.	32.4	37.9	27.3

* Составлено по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 251, л. 75–76, 153–154, 156–157; д. 418, л. 28–29, 68–69, 96–100; д. 501, л. 49–50, 107–108, 144–146, 148–149, 183–184, 189; д. 577, л. 52–53, 119–120, 156–158, 160–161, 195–196, 201–202; ГА РФ, ф. А-374, оп. 11, д. 156, л. 20 об., 23 об., 35 об., 28 об., 30 об.; ГА НО, ф. 11, оп. 2, д. 736, л. 6–6 об., 7 об., 8; ГА ТО, ф. 1085, оп. 3, д. 5, л. 5, 25; ТА ГКС АК.

Показатели смертности уже в 1943 г. были заметно ниже. В 1940 г. коэффициент смертности населения Западной Сибири составлял 20.7‰⁶, в 1943 г. – 18.4‰.

К столь бурному процессу сокращения показателей смертности привело снижение детской смертности. В течение 1942–1945 гг. ее коэффициент в Западной Сибири сократился более чем в 4 раза, в том числе в городах почти в 4 раза, в сельской местности – почти в 5 раз.

Причины такого парадоксального явления, как сокращение смертности населения тыловых районов страны, ведущей самую тяжелую в своей истории войну, многообразны. Позитивную роль сыграл комплекс факторов социокультурного, политического и демографического характера. Сложившаяся в 1941–1942 гг. эпидемическая ситуация в тылу вызывала серьезную обеспокоенность властей. Рост инфекций, перераставших по некоторым видам заболеваний в эпидемии и соответствующее повышение смертности, представляли угрозу как укомплектованию личным составом армии, так и военному производству. Число людей, не подлежавших воинским и трудовым мобилизациям из-за состояния здоровья, а также потери рабочего времени в связи с утратой трудоспособности, стремительно нарастали.

Выстраивая социально-демографическую политику, власти исходили из того неоспоримого факта, что изменить в лучшую сторону условия жизни людей и тем самым понизить смертность, в военные годы невозможно. Необходимо было разработать иную стратегию. С одной стороны, чрезвычайно важно было, предельно ужесточив санитарный контроль, утвердить прочный барьер на пути распространения инфекций и, таким образом, понизить уровень заболеваемости, а с другой – добиться максимального снижения уровня летальности среди тех, кто все-таки заболел.

Объективно неизбежному в годы войны ухудшению условий жизни тылового населения была противопоставлена активная деятельность медицинских и санитарно-контрольных органов. Очень большую роль сыграло внедрение новых по тому времени препаратов сульфаниламида. Советское государство, «предельно закручивая санитарные гайки», сумело частично нейтрализовать воздействие негативных факторов. После завершения эвакуации распространение некоторых видов инфекций удалось приостановить или снизить. Но уровень материальной обеспеченности населения в течение войны оставался крайне низким. Это порождало все новые и новые эпидемические взрывы. Преодолев эпидемическую вспышку в одном районе, медики сталкивались с аналогичной ситуацией в другом. Заболеваемость многими опасными острозаразными и желудочно-кишечными болезнями, а также заболеваниями органов дыхания, как и прежде, оставалась высокой. Особую угрозу представляли сыпной и брюшной тиф, дизентерия, токсическая диспепсия, колиты. Бедствием военных лет оставался туберкулез – заболевание ярко выраженной социальной окраски, уносившей жизни самых

работоспособных людей от 20 до 49 лет. В целом по Советскому Союзу (по материалам 83 городских больниц), самыми распространенными болезнями военных лет были острые и хронические инфекции (дизентерия, сыпной и брюшной тиф, туберкулез), болезни органов пищеварения (гастроэнтероколит), болезни органов дыхания (воспаление легких) и травмы⁷.

В сельской местности в военные годы разразилась эпидемия септической ангины. Это типичное заболевание голодных лет вызывалось употреблением в пищу перезимовавшего под снегом зерна, толченого камыша, озерных и речных водорослей, трав и других суррогатов. Летальность при заболевании септической ангиной часто достигала 100%. Основным условием, при котором наступала смерть, было истощение организма вследствие длительного недоедания. Рост заболеваемости септической ангиной в СССР в 1941–1944 гг. выражен астрономической цифрой – 36 600%. Если в 1941 г. септическая ангина была зафиксирована в 5 регионах Советского Союза, то в 1944 г. – в 33⁸. В Западной Сибири главные очаги септической ангины располагались в Алтайском крае и южных районах Новосибирской, Омской и Тюменской областей.

Таким образом, демографический парадокс военного времени состоял в том, что на фоне повышенной заболеваемости, недостаточного питания, скверных жилищных условий, дефицита средств личной гигиены смертность все же снижалась. Обратимся к анализу причин смерти городского населения. Как показывает табл. 9, в течение 1942–1944 гг. в городских поселениях региона заметно сократился удельный вес умерших от причин экзогенного происхождения. Вместе с тем повысилась доля умерших от эндогенно детерминированных причин. От болезней экзогенного характера чаще погибали дети и молодежь, а от болезней эндогенного происхождения – представители старших поколений. Главным результатом структурной перестройки причин смерти стало постепенное перемещение смертности из младших возрастов в старшие. Так, если в 1940 г. в Алтайском крае на долю тех, кто скончался в возрасте 40 лет и старше, приходилось 21,2%, то в 1945 г. – более половины, в Омской обл. соответственно – 22 и 48%. Эта тенденция стала важнейшим демографическим итогом сокращения смертности от инфекционных и желудочно-кишечных болезней.

Таблица 10

Возрастная структура умерших: 1940–1945 гг., %*

Возраст (лет)	Алтайский край		Омская обл.	
	1940 г.	1945 г.	1940 г.	1945 г.
0–4	65.7	22.4	63	22
в том числе моложе 1 года	40.6	13.1	41.2	12.1
5–9	2.7	4.5	2.6	4.9
10–14	1.6	2.5	1.9	2.7
15–19	1.6	4.2	1.9	4.6
20–24	1.3	3.6	1.5	4.4
25–29	2	2.7	2.1	2.9
30–34	2.1	4.6	2.2	4.3
35–39	2.2	4.5	2.2	4.6
40–44	2	5	2.1	5.2
45–49	1.8	4.6	2	4.8
50–54	1.7	4.5	1.9	5
55–59	2	5.1	2.2	5.3
60 и старше	13.7	31.6	14.2	27.8
Возраст не указан	0.5	0.2	0.2	1.5

* Составлено по: ТА ГКС АК; ГА ОО, ф. 2122, оп. 1, д. 1133, л. 22; д. 1141, л. 30–30 об.

Динамика рождаемости населения Западной Сибири (1941–1945 гг.)*

Годы	Все население		Городское население		Сельское население	
	Зарегист- рировано родившихся (тыс. чело- век)	Число ро- дившихся на 1 тыс. человек	Зарегист- рировано родившихся (тыс. чело- век)	Число ро- дившихся на 1 тыс. человек	Зарегист- рировано родившихся (тыс. чело- век)	Число ро- дившихся на 1 тыс. человек
1941	277	31.5	84.8	32.2	192.2	31.1
1942	203.6	20.7	66.5	20.6	137.1	20.8
1943	106	12.6	42.4	16.1	63.6	11.1
1944	111.3	12.3	49.1	17.6	62.2	9.9
1945	131.8	15.4	63	21.5	68.8	12.6
1945 в % к 1941	47.6	48.9	74.3	66.7	35.8	40.5

* Составлено по: ГА РФ, ф. А-374, оп. 11, д. 156, л. 20 об., 23 об., 25 об., 28 об., 30 об.; РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 251, л. 75–76, 153–154, 156–157; д. 418, л. 29–29, 68–69, 96–100; д. 501, л. 49–50, 107–108, 144–146, 148–149, 183–184, 189; д. 577, л. 52–53, 119–120, 156–158, 160–161, 195–196, 201–202; ГА НО, ф. 11, оп. 2, д. 736, л. 6, 7 об., 8; ГА ОО, ф. 2122, оп. 1, д. 1134, л. 31–31 об.; ГА ТО, ф. 1085, оп. 3, д. 5, л. 5, 25; ТА ГКС АК.

Снижение смертности отчетливо дифференцировалось по половым и возрастным группам. Индекс смертности мужчин в возрастной группе до 24 лет за 1942–1945 гг. сократился в 3.6. раза, женщин – в 3.8. В диапазоне возрастов от 25 до 49 лет уровень смертности у мужчин понизился в 1.6. раза, у женщин – всего на 14%. В возрастной группе от 50 до 54 лет смертность мужчин сократилась на 2.6%, у женщин она выросла на 6%. Среди людей старше 55 лет смертность мужчин уменьшилась в 1.6 раза, женщин – на 24% (см. табл. 7). Таким образом, статистически фиксируются 2 ведущие тенденции: во-первых, чем моложе были люди, тем стремительнее снижалась смертность, во-вторых, у мужчин рабочего возраста смертность сокращалась быстрее, чем у женщин. Наибольший выигрыш, следовательно, получали самые «слабые» группы населения – дети и мужчины. Стало быть, смертность сокращалась выборочно, а это принципиально меняет все сделанные ранее излишне оптимистические заключения о снижении смертности населения тыловых районов России в военные годы⁹.

В годы войны до предельно низких величин сократилась рождаемость. Общий коэффициент рождаемости в Западной Сибири в течение 1941–1945 гг. уменьшился более чем в 2 раза: 1941–1942 гг. – в 1.5 раза, в 1942–1943 гг. – в 1.7 раза, после чего стабилизировался. В целом, за годы Великой Отечественной войны, по прикидочным расчетам с использованием методики известного советского демографа Б.Ц. Урланиса¹⁰, в Западной Сибири родилось примерно на 1 млн детей меньше, чем это можно было ожидать гипотетически.

В мирные годы уровень рождаемости в сельской местности был выше, чем в городах. Война значительно деформировала процесс воспроизводства населения и, являясь мощным пертурбационным фактором, исказила естественный ход событий. В сельской местности темпы падения рождаемости были особенно резкими. В городах этот процесс протекал относительно плавно. В 1941–1945 гг. общий коэффициент рождаемости сократился в городских поселениях Западной Сибири на 33%, тогда как в деревне – почти на 60%. В 1942 г. коэффициенты рождаемости городе и селе фактически выровнялись, а в 1943–1945 гг. уровень рождаемости в городских поселениях заметно превышал аналогичные показатели по сельской местности. К тому же, в городах перелом тренда рождаемости в сторону повышения произошел уже в 1944 г., тогда как в сельской местности – на год позднее.

Помесячная динамика рождаемости населения Западной Сибири (1941–1942 гг.)*

Месяц рождения ребенка	1941 г.		1942 г.	
	Дата зачатия	Число родившихся на 1 тыс. человек	Дата зачатия	Число родившихся на 1 тыс. человек
Январь	Май 1940 г.	33.8	Май 1941 г.	34.4
Февраль	Июнь 1940 г.	34.3	Июнь 1941 г.	26.2
Март	Июль 1940 г.	32.1	Июль 1941 г.	28
Апрель	Август 1940 г.	28.6	Август 1941 г.	21.6
Май	Сентябрь 1940 г.	26.4	Сентябрь 1941 г.	18.6
Июнь	Октябрь 1940 г.	27.1	Октябрь 1941 г.	16
Июль	Ноябрь 1940 г.	32	Ноябрь 1941 г.	16.5
Август	Декабрь 1940 г.	32.2	Декабрь 1941 г.	16.1
Сентябрь	Январь 1941 г.	32.5	Январь 1942 г.	15.1
Октябрь	Февраль 1941 г.	33.4	Февраль 1942 г.	15.1
Ноябрь	Март 1941 г.	30.2	Март 1942 г.	13
Декабрь	Апрель 1941 г.	29.1	Апрель 1942 г.	10.8

* Составлено по: ГА НО, ф. 11, оп. 2, д. 607, л. 53–54; д. 736, л. 131, 135; ГА ОО, ф. 2122, оп. 1, д. 1134, л. 70–71, 73; д. 1136, л. 31; ТА ГКС АК.

При исследовании процессов воспроизводства населения, нельзя упускать из виду интервал между зачатием и рождением ребенка. Коэффициент рождаемости в каждый определенный момент времени отражает демографическую ситуацию примерно 9-месячной давности. Чтобы учесть это обстоятельство, необходимо обратиться к анализу месячных колебаний рождаемости. При этом приходится игнорировать число мертворожденных, а также многоплодных и преждевременных родов, что в целом не влияет на итоговые выводы из-за их количественной незначительности. При такой постановке вопроса становится ясным, что резкое сокращение рождаемости в Западной Сибири началось примерно с апреля 1942 г., с момента исчерпания довоенного «запаса зачатий». В апреле, когда на свет появились дети, зачатые примерно в августе 1941 г., коэффициент рождаемости понизился (по сравнению с мартом 1942 г.) сразу на 14%.

В годы войны динамика рождаемости определялась, прежде всего, негативным и очень мощным воздействием внешних по отношению к демографической подсистеме факторов, обусловивших кардинальные изменения половозрастного состава населения. Структурные факторы играли значительную роль уже в 1939 – первой половине 1941 г., но в годы Великой Отечественной войны их действие стало определяющим. Этот тезис подтверждается тем, что в районах, где дисбаланс полов выражался не столь резко, демографическая ситуация была несколько лучше. Это прежде всего касается районов сосредоточения тяжелой и оборонной промышленности, с системой бронирования специалистов. Соответственно в крупных городах рождаемость была выше, чем в целом по городским поселениям Западной Сибири. В 1943 г. общий коэффициент рождаемости составлял 16.1‰, в Сталинске – 17.2, в Прокопьевске – 18‰¹¹. В Новосибирске в годы войны уровень рождаемости не опускался ниже 19‰¹².

Институт семьи в военные годы переживал тяжелый кризис. Уход женатых мужчин в армию означал временный, а в случае гибели бойца окончательный разрыв уже установившихся брачно-семейных отношений. Помимо этого, призыв в Красную армию молодых людей стал причиной снижения числа потенциальных женихов, что в свою очередь привело к резкому сокращению количества заключаемых браков.

В 1942 г. в Западной Сибири образовалось в 2.3 раза меньше семей, чем в 1941 г. Постепенное увеличение брачности началось только в 1943 г., когда в тыловых районах страны скопилось некоторое количество фронтовиков-инвалидов, комиссованных по состоянию здоровья из армии. Но и тогда число браков даже не приблизилось к явно

Динамика брачности населения Западной Сибири (1941–1945 гг.)*

Годы	Число зарегистрированных браков, тыс.	Зарегистрированных браков на 1 тыс. человек
1941	40.7	4.4
1942	18.1	1.8
1943	22	2.3
1944	31.8	3.5
1945	53	6.2

* Составлено по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1009, л. 51; ГА РФ, ф. А-374, оп. 11, д. 332, л. 24, 39, 40, 57, 59.

Таблица 14

Возраст женихов и невест в Западной Сибири (1941–1943 гг.), %*

Возраст женихов и невест (лет)	1941 г.		1943 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Моложе 18	0.1	0.7	0.4	0.9
18–19	11.6	20.2	5.6	20.2
20–24	28	38.7	38.1	46.7
25–29	34.8	21.1	27.1	16.7
30–34	14.8	9.3	13.6	8.1
35–39	6.5	4.5	6.2	3.4
40 лет и старше	4.1	5.3	8.8	3.6
Возраст неизвестен	0.1	0.2	0.2	0.4

* Составлено по: ГА НО, ф. 11, оп. 2, д. 607, л. 63–63 об.; д. 871, л. 22–22 об., 33–33 об.; Государственный архив Кемеровской области, ф. 304, оп. 4, д. 157, л. 27–27 об.; ГА ОО, ф. 2122, оп. 1, д. 1134, л. 95–95 об.; д. 1137, л. 70–70 об.; ТА ГКС АК.

пониженному уровню 1941 г. Довоенный уровень брачности был превышен только в конце 1945 г. Отметим еще одну явно нетипичную для мирных лет характеристику брачности населения в военные годы: уровень брачности в городах был выше, чем в сельской местности.

Изменения количественных параметров брачности сопровождались ее заметными структурными сдвигами. В условиях острого дефицита женихов процесс формирования семей существенно изменился, причем в сторону развития аномальных тенденций, нехарактерных для периода мирных лет. Прежде всего, это выразилось в сокращении доли женщин, вышедших замуж в возрасте старше 24 лет. Женская брачность переместилась в младшие возрастные группы от 19 до 24 лет. Девушки спешили оформить брак, пока «капризный» из-за своей дефицитности жених был согласен идти в ЗАГС. Вместе с тем женщины чаще, чем в мирное время, стали выходить замуж за ровесников. Кроме того, увеличилось количество браков девушек с мужчинами значительно старше и младше себя. Переизбыток невест привел к заметному увеличению доли сверхбрачных браков мужчин. Брачность юношей в возрасте моложе 18 лет повысилась в 4 раза, более чем в 2 раза повысился и удельный вес «женихов» в возрасте старше 40 лет. Тыловики старших возрастов получили возможность брать в жены молодых девушек.

Индекс разводов в военные годы практически не изменился. Но это не значит, что сложившиеся семьи оставались крепкими. Подавляющее большинство мужчин находилось в армии. Для них оформление развода было невозможно. Все разводы, таким образом, приходились на немногочисленных мужчин, оставшихся в тылу. Исходя из этого, вполне реально предположение, что количество распавшихся семей в 1941–1944 г.

Динамика разводов в Западной Сибири (1941–1945 гг.)*

Годы	Число разводов на 1 тыс. человек		
	Все население	Городское	Сельское
1941	0.3	0.5	0.2
1942	0.3	0.5	0.3
1943	0.4	0.5	0.3
1944	0.3	0.4	0.3
1945	0.02	0.1	0.003

* Составлено по: ГА РФ, ф. А-374, оп. 11, д. 73, л. 70; д. 75, л. 4; д. 76, л. 13 об., 16, 25, 26; д. 207, л. 14, 42; д. 208, л. 1, 4, 5, 6, 9; д. 264, л. 1, 89–90, 135–136, 139, 140–141, 205, 207–208, 211, 213, 216; ГА НО, ф. 11, оп. 2, д. 607, л. 51; д. 736, л. 6 – 6 об., 7 об., 8; 131–131 об., 135–135 об.; д. 871, л. 3–3 об., 41–41 об., 37–37 об.; д. 992, л. 20–20 об., 38–38 об.; ГА ОО, ф. 2122, оп. 1, д. 1134, л. 29–30 об.; д. 1136, л. 92 об. – 93; д. 1137, л. 139–140 об.; ГА ТО, ф. 1084, оп. 3, д. 5, л. 5, 25; ТА ГКС АК.

увеличилось, поскольку фактический развод не регистрировался и, следовательно, не попадал в статистическую отчетность.

Аномально резкое падение индекса разводимости статистически фиксируется только в 1945 г. В сельской местности Западной Сибири за 1944–1945 гг. он понизился сразу в 100 раз, в городах – в 4 раза. Снижение показателя разводимости стало очевидным результатом административных решений, не учитывавших сложную ситуацию на брачном рынке. Президиум Верховного Совета СССР 8 июля 1944 г. принял Указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”»¹³. Процедуру развода значительно усложнили. Отныне развод производился только через суд, публично, с привлечением свидетелей. Эти требования были обязательными даже при обоюдном согласии супругов, отсутствии у них детей и имущественных споров. Сама процедура развода стала двухступенчатой. Решение суда низшей инстанции носило рекомендательный характер, а окончательное решение принимала высшая судебная инстанция. В газетах в обязательном порядке публиковались объявления о бракоразводных процессах. «Забюрокращивание» процедуры развода отражало стремление властей укрепить расшатавшиеся за годы войны семейные устои, но реализовывалось это благое намерение привычным путем ужесточения административного контроля в области семейных отношений. Практическое воплощение указа привело скорее к негативным, чем позитивным последствиям. Число официально оформленных разводов в 1944–1945 гг. действительно сократилось, но количество распавшихся семей от этого не уменьшилось. Как правило, муж и жена де-факто жили раздельно, но не оформляли развод де-юре.

Президиум Верховного Совета СССР, издав указ от 8 июля 1944 г., в сущности, поощрял внебрачное сожитие. В этом заключалось основное противоречие социально-демографической политики на завершающем этапе войны. Дело в том, что указ отменил право женщины на обращение в суд с иском об установлении отцовства и взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке. Отныне советское брачно-семейное законодательство признавало только официально зарегистрированный брак. Установление отцовства в отношении ребенка, родившегося вне зарегистрированного брака, не допускалось даже в случае, если мужчина добровольно признавал себя отцом. Детям, родившимся вне брака, в свидетельстве о рождении в графе «отец» ставился прочерк. Мужчины, освобожденные от алиментных обязательств, могли вступать во внебрачные отношения без каких-либо последствий. В условиях острого «дефицита женихов» внебрачное сожитие не могло не получить широкого распространения. За публич-

ными рассуждениями официальных идеологов об укреплении семьи скрывалась латентная, но прагматичная цель – всеми способами повысить рождаемость и, тем самым, хотя бы частично компенсировать огромные людские потери.

Число внебрачных рождений во втором полугодии 1944 г. по отношению к первому резко увеличилось, например, в Кемеровской обл. более чем в 8 раз¹⁴. В Томской обл. в 1945 г. число детей, в метрических свидетельствах которых отсутствовала запись об отце, достигло 2.3 тыс.¹⁵, в Новосибирской обл. (без Новосибирска) – 7.6 тыс.¹⁶, в Алтайском крае 8.4 тыс. младенцев¹⁷. Однако компенсировать огромные военные потери, прибегая к администрированным и фактически аморальным технологиям, было невозможно.

Итак, в годы Великой Отечественной войны на передний план в детерминации демографических процессов выступили структурные факторы, однако было бы ошибочно связывать падение рождаемости в те годы исключительно с деформациями половозрастного состава населения. Анализ архивных документов подтверждает, что в тех семьях, где брачные связи не прерывались, количество родившихся детей сократилось. Репродуктивные установки, направленные на многодетность, блокировались ухудшением условий жизни. Сохранившиеся брачные пары откладывали рождение детей до завершения войны. В период войны уровень брачной плодовитости в сибирском регионе уменьшился почти в 3 раза¹⁸.

Главным способом контроля над рождаемостью в условиях почти полного отсутствия средств контрацепции не могло не стать искусственное прерывание беременности. В годы войны сохранялась линия репродуктивного поведения, зародившаяся еще в конце 1920-х гг. Распространение аборт в Западной Сибири, особенно в крупных городах, несмотря на категорический запрет и уголовное преследование, было достаточно широким. В январе 1942 г. начальник УНКВД по Алтайскому краю Волошенко и заместитель начальника Управления НКВД по Алтайскому краю Осипов в докладной записке «О работе органов милиции», направленной в Алтайский крайком ВКП(б), писали: «С начала войны и до 30.XI.41 г. по краю было зарегистрировано и раскрыто 50 случаев криминальных абортов, за которые привлечен 51 человек»¹⁹. Уполномоченный Госплана СССР по Новосибирской области Жатов в конце 1944 г. докладывал в Новосибирский обком ВКП(б): «Снижение рождаемости в 1943 и 1944 военных годах есть результат резкого сокращения численности трудоспособного мужского населения. Кроме того, на снижение рождаемости повлияло значительное количество произведенных в городах области абортов»²⁰. В 1944 г. в городских поселениях Новосибирской обл. (без областного центра) на каждые 100 родов было произведено 30 абортов, а в самом Новосибирске – 50 абортов. При этом, как подчеркивал Жатов, «указанное количество абортов совершенно не охватывает всего числа имевших место искусственных прерываний беременности, т[ак] к[ак] большое количество произведенных абортов оставались неучтенными»²¹.

Таблица 16

Динамика естественного прироста населения Западной Сибири (1941–1945 гг.)*

Годы	Естественный прирост (убыль), тыс. человек	Коэффициент естественного прироста (убыли), ‰
1941	+88.2	+10
1942	–52.8	–5.9
1943	–46.9	–5.8
1944	–1.8	–0.2
1945	+53.6	+6.6
Всего за 1941–1945 гг.	+40.3	–

* Составлено по данным табл. 5, 12.

Из-за недостатка и дефектности статистических материалов военных лет невозможно определить коэффициенты воспроизводства населения. Поэтому мы вынуждены использовать показатель, имеющий ограниченные аналитические возможности, а именно материалы по естественному приросту населения.

Таблица 16 демонстрирует главную тенденцию динамики демографической сферы Западной Сибири: естественный прирост в 1942–1944 гг. характеризовался отрицательными величинами. В эти годы смертность значительно превышала рождаемость, что является основным свидетельством обрушившейся на регион депопуляции. Поскольку рождаемость в годы Великой Отечественной войны снижалась быстрее, чем нарастала смертность, то собственно падение рождаемости и явилось фундаментальной основой формирования отрицательных показателей естественного прироста. В целом, совокупные потери населения Западной Сибири в годы войны превысили 2 млн человек. Из них около 1 млн составили прямые (боевые) потери. Примерно 100 тыс. приходится на косвенные потери (сверхсмертность гражданского населения) и несколько более 1 млн – на демографические (дефицит рождений)²². Война, таким образом, нанесла непоправимый ущерб населению тыловых районов СССР.

Примечания

¹ РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1009, л. 51.

² Там же, оп. 20, д. 755, л. 1–2.

³ Там же, д. 372, л. 144, 185.

⁴ Государственный архив Омской области (далее – ГА ОО), ф. 2122, оп. 1, д. 1133, л. 14–15; д. 1134, л. 70–70 об.; Текущий архив Государственного комитета по статистике Алтайского края (далее – ТА ГКС АК).

⁵ ГА ОО, ф. 2122, оп. 1, д. 1136, л. 28.

⁶ Население России за 100 лет (1897–1997): Статистический сборник. М., 1998. С. 130.

⁷ ГА РФ, ф. 8009, оп. 6, д. 1898, л. 15–15 об.

⁸ Там же, ф. 9226, оп. 1, д. 636, л. 115.

⁹ См. подробнее: *Корнилов Г.Е.* Уральское село и война (Проблемы демографического развития). Екатеринбург, 1993; *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.

¹⁰ *Урланис Б.Ц.* Войны и народонаселение Европы: Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (Историко-статистическое исследование). М., 1960.

¹¹ Государственный архив Кемеровской области (далее – ГА КО), ф. 304, оп. 4, д. 157, л. 7.

¹² Государственный архив Новосибирской области (далее – ГА НО), ф. 11, оп. 2, д. 871, л. 3.

¹³ Сборник законов и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1967. Т. 2. М., 1968. С. 409–417.

¹⁴ ГА КО, ф. 304, оп. 4, д. 157, л. 33 об. – 34 об.

¹⁵ Государственный архив Томской области, ф. 1085, оп. 3, д. 5, л. 9 об.

¹⁶ ГА НО, ф. 11, оп. 2, д. 992, л. 13, 41.

¹⁷ ТА ГКС АК.

¹⁸ *Алексеев В.В., Исупов В.А.* Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск. 1985. С. 104.

¹⁹ Центр хранения архивного фонда Алтайского края, ф. 1, оп. 18, д. 155, л. 2261.

²⁰ ГА НО, ф. 11, оп. 4а, д. 69, л. 3.

²¹ Там же.

²² *Исупов В.А.* Главный ресурс Победы: Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008. С. 368.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЯКУТИИ в 1941–1945 годах

Великая Отечественная война явилась сильнейшим потрясением и испытанием для всех народов Советского Союза. Победа стала возможной благодаря слиянию фронта и тыла. Ярким свидетельством этого факта послужил и подвиг жителей далекой от фронта Якутской республики, население которой сократилось за период с 1 января 1941 г. по 1 января 1946 г. на 13%¹.

В отечественной историографии влияние войны на численность и состав населения и его материально-бытовое положение в советских регионах оставалось малоизученной темой. До второй половины 1980-х гг. одной из причин этого была скудность источников из-за ограничений в допуске к ним исследователей. Доступ к источникам существенно повысил научный уровень разработки темы. Например, проблемы смертности и состояния численности населения Якутии в военные годы отражены в трудах историков Д.Д. Петрова, И.А. Аргунова². Они же обозначили ряд вопросов, нуждающихся в дополнительном изучении.

Численность населения – основной критерий, свидетельствующий о влиянии всех негативных и положительных демографических факторов. Для сравнения рассмотрим демографическую ситуацию довоенных лет. С 1 января 1926 г. по 1 января 1941 г. количество жителей Якутии увеличилось с 285,5 до 419 тыс. человек³, т.е. в 1,5 раза, несмотря на передачу некоторых ее районов в состав сопредельных краев и областей на западе, юге и востоке республики. Такой рост главным образом зависел от численности горожан, механического притока людей извне. За 15 лет произошел прирост в 9,1 раза, на 123 189 человек⁴, наиболее значительным он стал в 1936 г. – сразу в 2,2 раза⁵.

Сельские жители Якутии в основном были представлены коренным населением. По переписи 1939 г. якуты составляли 56,5% жителей республики, из которых 93,4% проживали в селах. Численность сельчан, несмотря на традиционно высокое воспроизводство, оставалась стабильной: в 1900 г. – 252 219 человек, 1902 г. – 262 073, 1904 г. – 251 577, 1906 г. – 259 246 человек⁶, а в 1917 г. (по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г.) – 252 639 человек. В это время в селах наблюдались высокая заболеваемость и смертность от инфекционных болезней (оспа, кишечные инфекции, туберкулез, трахома). Периодически повторяющиеся неурожаи и засуха при экстремальных условиях жизни на севере усугубляли положение.

За период с 1926 по 1941 г. наиболее значительным оказалось снижение численности сельчан в 1926 г. (на 11 100 человек) и в 1936–1938 гг. (на 8 633 человека)⁷. С 17 января 1939 г. по 1 января 1941 г. население уменьшилось на 20 967 человек (15 100 – только за 1940 г.)⁸. Причинами подобной ситуации стали неурожайные засушливые годы, а также асоциальная политика Якутского обкома ВКП(б). Вследствие этого, вполне возможно и происходила миграция жителей сел в города и рабочие поселки. Проводимая в 1939–1940 гг. Якутским обкомом ВКП(б) политика по отношению к колхозному крестьянству имела крайне негативные последствия. В эти годы по республике прошла волна обобществления скота, находившегося в личном пользовании сельчан. Это позволило организовать дополнительно в каждом колхозе по 2–3 животноводческих фермы за счет так называемой покупки скота у колхозников⁹, а также были пересмотрены размеры децзаготовок и госзакупок сельскохозяйственных продуктов у них в сторону увеличения – по мясу и рыбе в 2 раза, по молоку и кисломолочным продуктам – в 5 раз, по картофелю – более чем в 2 раза¹⁰.

* Сивцева Саассылана Иннокентьевна, кандидат исторических наук, доцент Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова.

Руководствуясь постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», V пленум Якутского обкома ВКП(б) 9 декабря 1939 г. принял постановление о ходе выполнения вышеназванного решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР¹¹. На основании этого постановления колхозам было передано 38 777 голов лошадей и 10 295 голов крупного рогатого скота, а подсобных земельных участков – 28 286 га¹². В итоге, сельчанин – якутский колхозник, испокон веков бывший скотоводом, – не смог быстро адаптироваться к новым условиям хозяйствования с урезанным личным поголовьем скота и незначительным участком земли. Следовательно, еще до начала Великой Отечественной войны силы якутского крестьянства были истощены.

Война совпала со все усиливающимися в Якутии засухой и неурожаем. Так, в 1941–1945 гг. урожайность зерновых с 1 га составила соответственно: 3,2, 1,5, 5,6, 7,3, 5,5 ц¹³. В некоторых районах республики средняя урожайность в 1942 г. была еще меньше (в ц с 1 га): в Амгинском (всегда отличающимся более мягким климатом, плодородными почвами, а потому – наибольшей урожайностью) – 0,92, в Чурапчинском – 0,64, в Усть-Алданском – 0,53, в Таттинском – 0,75, в Горном – 0,97¹⁴. Выполняя и перевыполняя нормы выработки (в южных, центральных районах¹⁵ – в 2 и более раз¹⁶), колхозники голодали. В среднем стоимость одного трудодня в 1940, 1941 и 1943 гг. составила соответственно: деньгами – 70 коп., 67 коп., 1 руб. 53 коп.; зерном (кг) – 0,5, 0,3, 0,7; мясом (кг) – 1,1, 1,9, 1,7; маслом (гр) – 4, 3,4, 2,1¹⁷. В ряде районов оплаты по некоторым видам товарной продукции и вовсе не было. Кроме того, выработанные трудодни оплачивались деньгами, которые облагались налогами (особенно значительными были суммы на военные займы). Но не везде данный вид оплаты существовал: денег якутяне не получали в 1940 г. в 158 (19,9%) колхозах, в 1941 г. – в 250 (28,9%), в 1943 г. – в 83 (10,5%)¹⁸.

Свидетельством тяжелой ситуации в сельском хозяйстве Якутии явились материалы постановления ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1943 г. «Об ошибках в руководстве сельским хозяйством Якутского Обкома ВКП(б)»¹⁹, которому предшествовала проверка группой руководящих работников Наркомзема, Наркомздрава и Наркомфина РСФСР во главе с заместителем Председателя СНК РСФСР А. Суховым, проведенная в октябре 1942 г. в связи с получением ЦК ВКП(б) анонимного заявления о систематическом голоде населения республики²⁰. В результате чего констатировалось, что «Обком ВКП(б) допустил ошибку в том, что беззаботно отнесся к проведению устава сельскохозяйственной артели в части правильного сочетания личного и общественного хозяйства, вследствие чего произошло сокращение скота в личном пользовании колхозников по крупному рогатому скоту с 150 тыс. голов на 1 января 1941 г. до 48 тыс. голов на 1 января 1943 г., и у значительной части колхозников не имеется скота личного пользования»²¹.

Бескоровность и бесскотность колхозников-якутян явились главным признаком крайней бедности сельского населения. Скот колхозников в личном пользовании за 1941 и 1942 гг. уменьшился: по крупному рогатому скоту – на 72%, по лошадям – на 90,6, по свиньям – на 91,1, по оленям – на 67%²². Особенно высокой оставалась бескоровность по состоянию на 1 января 1943 г. в Верхневиллойском (67% от всех колхозных хозяйств), Таттинском (54), Усть-Алданском (57,6), Чурапчинском (66%) районах²³. Уровень бесскотных по отношению к количеству всех хозяйств колхозников поднялся с 10,4% в 1941 г. до 45,2% в 1943 г., а доля бескоровных – с 16,1 в 1941 г. до 51,2% в 1943 г. (по состоянию на 1 января). В январе 1944 г. показатели существенно не изменились: бесскотных насчитывалось 45,1%, а бескоровных – 49,9%. Изменения в положительную сторону происходили только в течение 1944 г., и к январю 1945 г. бесскотных стало 26,3%, бескоровных – 39,6%²⁴. Для сопоставления: в СССР бесскотных колхозников в 1940 г. было 13,1%, а в 1945 г. – 17,5%²⁵.

За сухими цифрами скрывался жестокий голод, высокая смертность якутян. Описание положения колхозников Горного района республики содержится в дневнике писателя Ф.Г. Винокурова-Даадара: «Колхозники не имеют никакого дохода. Поселковая лавка не дает ни грамма муки. Большинство жителей, употребляя голую воду соленых озер, опухло, вынуждено поедать свой последний скот, ходит в лохмотьях. Опухшие

от голода люди лишаются рассудка, сходят с ума... Ихняя суточная пища – только покрытые плесенью гальяны (маленькие рыбки, длиной около 10 см; иначе – мундушки. – С.С.), ихнее одеяло – кожа жеребенка, постель – конская шкура. Ихний разговор только ругань, недовольство, что тот или этот съел больше, или украл его мундушки, или съел его кашу... Их заброшенные жилища обросли сорной травой, вместо скота остались лишь трубы и голые стены; хозяева этих жилищ погибли от голода и холода, и оставшиеся в живых не имеют сил похоронить их... Сегодня в нашем наслеге (авт. – от слова “ночлег”, несколько селений, находящихся на небольшом расстоянии, исчисляемом ходьбой человека в течение одного дня. – С.С.) 50 жителей разошлись, весною до 30 человек опухло от голода и умерло. Об умерших... запрещено говорить, что они умерли от голода. Врачи для погребения дают справку, что они якобы умерли от другой болезни... У нас теперь неслыханные в века тяжелое время наступило»²⁶ (орфография автора письма сохранена. – С.С.).

Жилищно-бытовые условия и медицинское обслуживание горожан были сравнительно лучше, нежели в сельской местности. Нормированная выдача продуктовых товаров и денежная оплата труда давали возможность жить, хотя полностью и не удовлетворяли потребностей населения. Например, с 1943 г. вводились следующие нормы на основные продукты питания (на одного человека в месяц): для рабочих и инженерно-технических работников – 750 г сахара и кондитерских изделий, 800 г жиров, 2 кг круп и макарон, 800 г хлеба (в день); для служащих – 600 г сахара и кондитерских изделий, 600 г жиров, 1,5 кг круп и макарон, 600 г хлеба (в день). Иждивенцы и дети до 12 лет получали по 500 г сахара и кондитерских изделий, 500 г жиров, 1,5 кг круп и макарон и по 400 г хлеба в день²⁷. Дополнением к перечисленным нормам могли послужить продукты, получаемые от подсобных хозяйств и местных заготовок, а также ввозимые по централизованным фондам. В этом случае мясо, рыба, дичь и другие продуктовые товары (кроме перечисленных выше) отпускались по нормам, установленным местными городскими и районными исполнительными комитетами Советов депутатов трудящихся. Важно отметить, что хотя эти нормы и являлись обязательными, они напрямую зависели от наличия данных продуктов в районах. Например, в зерновых районах (южных, Вилюйской группе) рабочие и служащие получали вышеуказанные нормы только по сахару и кондитерским изделиям; в северных (рыболовецких) – по сахару, кондитерским изделиям, крупе, макаронам, в угледобывающих и лесозаготовительных – по хлебу, сахару, кондитерским изделиям. И если в зерновых районах и районах лесной промышленности предусматривалось обеспечение только рабочих и служащих, то в остальных – и снабжение иждивенцев их семей. Выдача продуктов была меньше обязательных норм.

Во время Великой Отечественной люди пытались менять места жительства, что привело к концентрации населения на севере. Такая динамика роста численности северян прослеживается как в городе, так и на селе. В остальных группах районов Якутии – южной и промышленной – прироста населения практически не наблюдалось. Наоборот, в группе промышленных районов доля сельского населения даже свелась к минимуму, предположительно вследствие миграции сельчан в рабочие поселки и промышленные города (см. табл. 1, 2).

Положение сельского населения в северных районах Якутии было несколько лучше, чем в центральных. Это объяснялось главным образом занятиями жителей

Таблица 1

Удельный вес городского населения по группам районов
(на 1 января соответствующего года, %)*

Группы районов \ Годы	1941	1942	1943	1944	1945
Южные	41.4	44.7	44.4	42.7	39.8
Промышленные	52.8	48.9	47.9	45.9	47.2
Северные	5.8	6.4	7.7	11.4	13

**Удельный вес городского населения по группам районов
(на 1 января соответствующего года, %)**

Группы районов \ Годы	1939	1942	1943	1945	1946
Южные	76.5	78.6	75.9	77.5	77.8
Промышленные	9.2	7.3	4	3.3	3
Северные	14.3	14.1	20.1	19.2	19.2

* Составлены по: Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). Отдел населения (далее – Территориальный орган...).

Таблица 3

Динамика численности населения Якутии (на 1 января соответствующего года)*

Годы	Все население	В том числе:		Доля в общей численности, %	
		городское**	сельское	городского	сельского
1941	419 000	138 400	280 600	33	67
1942	411 698	139 700	271 998	33.9	66.1
1943	380 829	146 500	234 329	38.5	61.5
1944	365 736	155 200	210 536	42.4	57.6
1945	457 494	146 200	211 294	40.9	59.1
1946	364 700	152 000	212 700	41.7	58.3

* Составлено по: Территориальный орган... ф. 70, оп. 1, д. 34, л. 260–263; там же, из личного архива Ф.Д. Никодимова; *Петров Д.Д.* Якутия в годы Великой Отечественной войны. Ч. 2: Трудящиеся Якутии в тылу. Якутск. 1992. С. 299.

** Данные по городскому населению, очевидно, округленные.

Севера – охотой на ценного пушного зверя, рыболовством, имеющими важное оборонное значение в период Великой Отечественной войны. В 1943 г. многие колхозы получали высокие денежные и натуральные доходы. Колхозы Нижнеколымского района только по трудодням в тот год распределили в среднем на каждое хозяйство колхозника по 220 кг мяса, 421 кг рыбы и 4 815 руб. деньгами, а в Оленекском районе – по 5 835 руб. деньгами²⁸. Однако не везде положение было стабильным. Вследствие чрезмерного увеличения полеводства, разведения крупного рогатого скота без учета климатических условий Севера, доходы колхозников уменьшились, наиболее низкой оплата была в ряде колхозов Жиганского, Момского, Оймяконского, Саккырырского районов. Так, в Жиганском районе в 1942 и 1943 гг. оплаты трудодней не было, а денежный доход в среднем на одно хозяйство составил 1 343 руб., а в Момском районе колхозники получили по трудодням в среднем на 1 хозяйство 2.6 кг мяса, 1.4 кг масла, 7.4 кг рыбы, 1 300 руб. денег²⁹.

В этой связи представляет интерес доклад Председателя СНК ЯАССР И.Е. Винокурова на пленуме ОК ВКП(б), состоявшемся 15–18 января 1945 г., в котором он отметил следующее: «Если в среднем колхозник (северного района. – С.С.) вырабатывает 250 трудодней при стоимости одного трудодня 4 рубля, то годовой заработок составит всего 1 000 руб., и 83 рубля в месяц. Из расчета двух членов семьи (из них один иждивенец) колхозник на приобретение нормированных товаров за месяц должен израсходовать не менее 150 руб., в т[ом] ч[исле] на хлеб 83 руб. Кроме того, он должен платить различные обязательные налоги и сборы, примерно 200 руб. На все это ему потребуется 1 500–1 700 руб. в год. Сюда не входят военный налог, налог с холостяков, стоимость боеприпасов, охоторудий, железных печей, материала для палаток и др.»³⁰

В целом, численность населения республики в течение военных лет с 1 января 1941 г. по январь 1946 г. (более подробных данных, которые охватывали бы период с июня 1941 г. по май 1945 г., нет) сократилась на 13% (54 300 человек) (см. табл. 3).

Таблица 4

Механический прирост (убыль) городского населения Якутии (количество, человек)*

Годы	Прирост или снижение численности городского населения	Родилось	Умерло	Естественный прирост	Механическое движение
1941	+1 300	4 843	3 537	+1 306	–6
1942	+6 800	3 741	5 062	–1 321	+8 121
1943	+8 700	2 253	4 439	–2 186	+10 886
1944	–9 000	2 802	2 365	+437	–9 437
1945	+5 800	3 837	1 655	+2 182	+3 618
Всего	+13 600	17 476	17 058	+418	+13 182

Таблица 5

Механический прирост (убыль) сельского населения Якутии (количество, человек)

Годы	Прирост или снижение численности городского населения	Родилось	Умерло	Естественный прирост	Механическое движение
1941	–8 602	9 913	12 180	–2 267	–6 335
1942	–37 669	6 794	13 708	–6 914	–30 755
1943	–23 793	4 212	11 601	–7 389	–16 404
1944	+758	5 530	6 070	–540	+1 298
1945	+1 406	7 459	4 639	+2 820	–1 414
Всего	–67 900	33 908	48 198	–14 290	–53 610

* Составлены по: табл. 3; Территориальный орган... Справки, объяснительные записки, отчеты за 1941–1943 гг.; из личного архива Ф.Д. Никодимова; ФНА РС(Я), ф. 3, оп. 71, д. 107, л. 17; *Аргунов И.А.* Социальное развитие якутского народа: историко-социологическое исследование образа жизни. Новосибирск, 1985. С. 273; *Петров Д.Д.* Указ. соч. С. 310, 311; Якутия: XX век в зеркале статистики. Якутск, 2001. С. 39.

Городское население незначительно выросло – на 9,8% (13 600 человек). Для сельского – показатель снижения численности был больше, чем в целом по республике, и составил 24,2% (67 900 человек). Основными факторами, повлиявшими на динамику показателей численности якутян стали мобилизация на фронт (из всех районов – около 60 тыс. человек), миграционные процессы, сокращение рождаемости и рост смертности тылового населения, прежде всего в сельской местности.

Из анализа показателей механического движения населения Якутии (табл. 4, 5) следует, что в города и поселки городского типа прибывало людей больше, чем выбывало, а в селах, наоборот, отток значительно превышал приток. Фронт остро нуждался в сырье и его добыче, в продуктах питания (рыбе), а для этого требовались рабочие руки. Поэтому приоритетное развитие получили рабочие поселки золото-, олово-, угле-, слюдодобывающие и рыбопромышленные, что, конечно, отразилось на росте числа их жителей (в основном приток был представлен спецпоселенцами). Сокращение числа горожан в 1944 г. можно объяснить выбытием за пределы Якутии ссыльных поляков, некоторой части спецпереселенцев – «бывших кулаков», эвакуированных (всего около 200 человек), а также внутриреспубликанскими переселенцами из города в село. Такой отток могли составить колхозники, пытавшиеся найти работу в городах (в июле 1943 г. Якутский обком ВКП(б) рассмотрел вопрос о самовольном отходничестве колхозников, в результате чего они выявлялись и отправлялись обратно³¹), переселенцы, возвращавшиеся в Чурапчинский район из северных рабочих поселков (жители этого района Якутии были высланы по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» от 6 января 1942 г.)³²,

Естественное движение населения Якутии в 1941–1945 гг.*

Годы	Родилось		Умерло		Прирост	
	всего	на 1 тыс. человек	всего	на 1 тыс. человек	всего	на 1 тыс. человек
1941	14 756	35.3	15 717	37.7	–961	–2.4
1942	10 535	25.6; 29.6	18 770	45.6	–8 235	–20
1943	6 465	17	16 040	42	–9 575	–25
1944	8 332	23.2	8 435	23.5	–103	–0.3
1945	11 296	31.4	6 294	17.5	5 002	+13.9

* Составлено по: *Аргунов И.А.* Указ. соч. С. 273; *Петров Д.Д.* Указ. соч. С. 310, 311; ФНА РС(Я), ф. 3, оп. 71, д. 107, л. 17; д. 81, л. 7, 13, 35; Территориальный орган... из личного Архива Ф.Д. Никодимова, Якутия: XX век в зеркале статистики. С. 39.

некоторая часть спецпереселенцев разных категорий, стремившаяся покинуть места депортации и возвратиться домой в связи с приближавшейся победой в войне, а также временно мобилизованные на промышленные предприятия жители сельской местности (таковых было мало). С 1942 г. начался приток демобилизованных с фронта раненых бойцов Красной армии (около 4 тыс. человек). В целом, по Якутии были мобилизованы на боевой фронт более 60 тыс. человек, на трудовой фронт – чуть более 3 тыс.³³ Отметим, что высокая смертность тылового гражданского населения предопределила и возникшие трудности выявления численности мобилизованных в ряды Красной армии.

Для того чтобы рассмотреть естественное движение населения Якутии в годы Великой Отечественной войны, необходимо остановиться на анализе показателей рождаемости и смертности якутян в довоенный период. До войны рождаемость была высокой: в 1939 г. – 41.1‰ (16 996 человек), в 1940 г. – 42.5‰ (17 769 человек) на 1 тыс. человек. Уровень смертности составил в 1939 и 1940 гг. 21.6‰ (8 918 человек) и 29‰ (12 118 человек) соответственно³⁴. Значит, для этого периода было характерно некоторое снижение величины естественного прироста населения главным образом за счет смертности, на которое повлияли неурожайные годы, уже тогда вызвавшие ухудшение материального положения людей³⁵.

Естественный прирост населения Якутии в течение военных лет в основном был отрицательным (см. табл. 6). С 1941 по 1945 г. всего родилось 51 384 человека, а умерло – 65 256. Рождаемость особенно быстро снижалась в 1943 и 1944 гг., тогда как значительное повышение смертности наблюдалось в 1942 и 1943 гг. За годы войны умерло людей больше, чем родилось на 13 872 человека или на каждого родившегося приходилось более одного смертного случая (1.3 человек): в 1941 г. на одного родившегося – 1.1 случая смерти, в 1942 г. – 1.8, в 1943 г. – 2.5, в 1944 г. – 1 смертный случай. Важно отметить, что коэффициент рождаемости в каждый определенный период времени характеризует демографическую ситуацию примерно 9-месячной давности. Понятно, что очень высокий уровень смертности 1942 г. повлек за собой и низкую рождаемость. Так, если смертность была наиболее высокой в 1942 г. – 45.6, то рождаемость наиболее низкой – в 1943 г., (17 человек на 1 тыс. жителей). Для сравнения: в РСФСР в целом снижение выразилось в 3.4 раза (см. табл. 7), по Сибири – в 2.7, а в Якутии – в 2.1. К концу войны в 1945 г. восстановительные процессы быстрее охватывали население Якутии, нежели РСФСР и СССР. Скорее всего, это было связано с преобладанием традиционного типа воспроизводства населения.

О кризисной демографической ситуации в республике свидетельствует изменение структуры родившихся в годы войны по полу. Обычно девочек рождается меньше, чем мальчиков. Однако в 1943 г. родилось только 49.3% мальчиков³⁶.

По мнению некоторых исследователей, наиболее высоким показателем смертности считается 50‰, а низким – 4–5‰³⁷. В условиях Якутии 1940-х гг. увеличение коэффициента смертности свидетельствовало о негативном влиянии войны. В республике

Динамика рождаемости тылового населения СССР, РСФСР и Якутии в 1941–1945 гг. (‰)*

Годы	СССР**	РСФСР***	Якутия
1941	25.4	33.3	35.3
1942	14.9	20.2	25.6
1943	12.3	9.9	17
1944	13.4	10.5	23.2
1945	15.9	10.8	31.4

* Составлено по: Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3 т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 100; *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 175, 196; *Гельфанд В.С.* Население СССР за 50 лет (1941–1990): Статистический справочник. Пермь, 1992. С. 18; *Аргунов И.А.* Указ. соч. С. 273; *Петров Д.Д.* Указ. соч. С. 310, 311; ФНА РС(Я), ф. 3, оп. 71, д. 107, л. 17; Территориальный орган... из личного архива Ф.Д. Никодимова.

** Эти цифры взяты с учетом боевых потерь, гибели военнопленных, смертности спецконтингента и потерь населения на оккупированной территории в 1941–1945 гг.;

*** Оценка по территории, не подвергавшейся оккупации.

смертность была в 1.9 раза выше, чем в Сибири, в 1.8 раза выше, чем на Урале. В то время как число смертных случаев в Якутии возрастало, в Сибири и на Урале оно сокращалось (за некоторым исключением в 1942 г.). В сельской местности умирало людей значительно больше, чем в городах и поселках городского типа. Коэффициент смертности в 1941–1945 гг. составил в городских поселениях Якутии – 25.6, 34.9, 30.2, 15.5, 11.2 соответственно, а в сельской местности – 43.7, 51.4, 49.4, 29.5, 21.9³⁸. Особенно высокой смертность была в январе–апреле. Так, в 1941 г. она превысила на 12.9% среднемесячный показатель уровня смертности этого года, в 1942 г. – на 8.3, в 1943 г. – на 47, в 1944 г. – на 30.7, в 1945 г. – на 13.4%³⁹. Такой рост уровня смертности во второй половине зимы и весной объясняется недоеданием, голодом, авитаминозом, приобретающих в это время года повсеместный характер⁴⁰. В военные годы увеличилась и заболеваемость якутян. Ее показатель среди сельского населения республики в январе–марте 1942 г. превысил среднемесячный уровень в 1.8 раза⁴¹.

Важно отметить, что случаи смерти населения в сельской местности стали регистрировать только с 1941 г., причем в 1941 г. имелись данные только по 8, а в 1942 г. – по 14 районным центрам⁴². Следовательно, сведения за 1941 и 1942 гг. практически отражали ситуацию лишь в городах и рабочих поселках. Вместе с тем производившийся учет данных по причинам смерти не был полностью достоверным ввиду крайне недостаточного медицинского обслуживания населения, особенно колхозников. Об этом говорят следующие данные за 1940, 1943–1945 гг.: больниц насчитывалось 40, 53, 45, 48; коек в них – 483, 532, 573, 640; амбулаторий – 41, 81, 46, 49; женских и детских консультаций – 2, 15, 9, 16 соответственно. Число фельдшерских пунктов возрастало, составив в 1940, 1944, 1945 гг. 26, 99, 102 соответственно; фельдшерско-акушерских пунктов – 107, 124, 142, коек в них – 159, 270, 297⁴³. Известно, что в сельской местности в 1940 г. работали всего 65 врачей и 857 человек среднего медицинского персонала. Понятно, что охватить квалифицированной медицинской помощью территорию Якутской АССР примерно в 3 млн кв. км было невозможно. Надо отметить, что республика еще долгое время и после войны оставалась в данном отношении отсталым регионом вследствие своей географической специфики.

Количество зарегистрированных смертей занижалось там, где медицинская служба отсутствовала. По отношению к общему уровню смертности от всех причин, болезней и несчастных случаев умерли в 1941–1945 гг. соответственно – 22.5% (4 006 человек), 32.4 (6 076 человек), 30.1 (4 823 человека), 36.3 (3 060 человек), 34.8% (2 191 человек), что в среднем ежегодно составляло 31.8%⁴⁴. Следовательно, только каждый третий смертный случай учитывался в статданных по причинам смерти. Однако и та-

кие неполные показатели все же могут прояснить ситуацию с заболеваемостью и смертностью населения.

Ухудшение социальных условий жизни и труда привели к значительному росту смертности населения от несчастных случаев в быту и на производстве. Зарегистрированная смертность по таким причинам, как насильственная смерть неустановленного характера (убийство, самоубийство), производственные травмы и отравления, механические травмы непроизводственного и неустановленного характера (на производстве или вне его), прочие травмы непроизводственного или неустановленного характера и отравления составила в 1941–1945 гг. соответственно 1% (162 человека) от всего числа смертей, 1.3 (235 человек), 1.4 (226 человек), 2.4 (202 человека), 2.6% (161 человек)⁴⁵. Смертность от туберкулеза среди общего количества смертей, учтенных в медицинских учреждениях от болезней и несчастных случаев, выразилась в 1941–1945 гг. соответственно в: 18.7% (751 человек), 26.9 (1 635 человек), 39.9 (1 922 человека), 42 (1 285 человек), 33.6% (736 человек). Преобладающей формой туберкулеза являлся туберкулез органов дыхания: соответственно 631 человек, 1 464, 1 689, 1 054, 617 человек⁴⁶. По некоторым данным, в 1941 г. в Якутской АССР от этого заболевания умерли 22.9%, в 1942 г. – 36.8%⁴⁷.

В сельской местности смертность от туберкулеза была выше, чем в городах и рабочих поселках: по отношению к итогу общей смертности от болезней число смертельных случаев в сельской местности составило в 1943 и 1944 гг. соответственно 45.1 и 45.7%, тогда как в городских поселениях – 34.1 и 34.6%⁴⁸. В Якутске, где свидетельства о смерти удостоверялись врачами чаще всего в квалифицированных лечебных учреждениях с производством патолого-анатомических вскрытий, число смертельных случаев от туберкулеза составило в 1941–1945 гг. соответственно 337, 394, 600, 332, 144 человека (т.е. 72.9, 76.3, 114.9, 62.9, 25.7 человек на 10 тыс. населения)⁴⁹. Однако последние показатели, возможно, были приуменьшены, так как по другим источникам в Якутске за первое полугодие 1942 г. на каждые 10 тыс. человек населения приходилось 136 случаев смерти от данного заболевания⁵⁰.

Пораженность туберкулезом якутского населения, особенно сельчан, пополнивших города в голодные предвоенные и военные годы, была значительно выше, чем у представителей других национальностей, что было связано с устойчивостью к инфекциям русских и особой подверженностью им аборигенов. Так, если по состоянию на 1 января 1945 г. из проживавших в Якутске 9 252 якутов болели 205 человек (2.2%), то среди 42 148 русских и представителей других национальностей – 219 человек (0.5%)⁵¹. Кроме того, показатели заболеваемости туберкулезом оказались очень высоки по ряду сельских районов. Например, в колхозе им. К. Маркса Мегино-Кангаласского района 53% колхозников болели туберкулезом, что превысило этот показатель по другим регионам РСФСР. А за первое полугодие 1942 г. в Усть-Алданском районе зафиксировано 139 смертных случаев на 10 тыс. человек (в Москве перед войной умирали от туберкулеза 14–15 человек на каждые 10 тыс. населения)⁵².

Смертность от туберкулеза была выше среди мужского населения. Например, в 1943 г. она составила среди мужчин 1 058 человек, среди женщин – 864 (на 22.5% ниже, чем у мужчин), а в 1944 г. умерли 673 мужчины и 612 женщин (на 10% больше мужчин, чем женщин)⁵³. Тревожное положение наблюдалось с заболеваниями эпидемического характера. По сравнению с 1941 г., в 1942 г. число заболевших сыпным тифом возросло на 352%, коревой краснухой – на 302, цингой – на 911%⁵⁴. Широкое распространение в годы войны получили такие болезни, как брюшной тиф, паратиф, сыпной тиф, корь, скарлатина, коклюш, дифтерия, грипп, дизентерия и др. Пораженность в 1941–1944 гг. дифтерией составила соответственно 224, 351, 391, 263 человека, коклюшем – 1 448, 838, 1 855, 990 человек, цингой – 384, 3 118, 6 825, 4 929 человек, дизентерией – 5 507 (132.3 на 10 тыс. человек), 3 161 (79.6), 1 693 (45.1), 525 человек, корью – 5 861 (135.8), 4 632 (112), 137 (3.6), 137 человек⁵⁵, скарлатиной в 1941–1943 гг. – 250, 484, 236 человек, трахомой в 1940–1942 гг. – 2 200 человек⁵⁶. В местах высокой плотности проживания населения заболевания принимали угрожающий характер. В 1941–1944 гг. брюшным

тифом болели соответственно 753, 667, 367, 969 человек, в том числе в Якутске – 32.1% (242 человека), 39.9 (226 человек), 55 (202 человека), 90.8% (880 человек)⁵⁷.

Количество умерших от других заболеваний неинфекционного плана в течение военных лет также имело тенденцию к росту. Так, число подобных смертей было следующим: от онкологических заболеваний в 1941–1945 гг. соответственно 78, 118, 115, 116, 132 человека, менингита (не эпидемического) – 46, 76, 57, 36, 43, атеросклероза мозга, кровоизлияния в мозг — 41, 68, 93, 85, 72, болезней сердца – 584, 918, 710, 390, 232, крупозного воспаления легких – 144, 271, 200, 149, 101, прочих видов болезни органов дыхания – 597, 597, 372, 215, 189, токсической диспепсии – 339, 451, 141, 70, 82 человека⁵⁸.

Высока была и детская смертность, чаще всего от таких заболеваний, как острый гастроэнтероколит, врожденная слабость (до 1 месяца), преждевременное рождение, врожденные пороки развития, болезни новорожденных. Так, в 1941–1945 гг. от заболевания острым гастроэнтероколитом умерли соответственно 66, 146, 67, 16, 25 детей, по причине врожденной слабости – 68, 50, 30, 49, 69, недоношенных – 53, 74, 10 в 1941–1943 гг. и 7 в 1945 г., от врожденных пороков развития – 15, 1, 22, 14, 14, от болезни новорожденных в 1941–1944 гг. 4, 21, 4, 3 ребенка⁵⁹. Очень высока была смертность детей в возрасте до 1 года: на 1 тыс. родившихся в 1941–1945 гг. соответственно – 292.4, 312.8, 174.6, 147.4, 135.1, в том числе в сельской местности в 1943–1945 гг. – 189, 168.8, 153.5 ребенка⁶⁰. Если рассмотреть структуру смертности по возрастным критериям в 1941–1945 гг., то значительный удельный вес занимали дети в возрасте до 4 лет (33.6%), в числе которых более половины (52.7%) были дети до 1 года. Увеличение смертности населения происходило и по причине старческой дряхлости: в течение 1941–1945 гг. умирали соответственно 43, 149, 83, 58, 36 человек⁶¹. Высокая смертность от заболеваний усугублялась ухудшением общего физического состояния якутян. Так, при проведении призыва в армию в 1944 г. были забракованы по состоянию здоровья 933 человека. Особенно плохим оказалось здоровье у призывников Вилуйского и Верхневилуйского районов, где освободили от службы 32.6% человек⁶².

Итак, демографические последствия 1941–1945 гг. для населения Якутии оказались очень тяжелы. Воспроизводству населения был нанесен непоправимый урон. В результате широкой мобилизации на фронт, роста смертности и снижения рождаемости тылового населения республики произошли снижение численности и изменения в возрастно-половом составе якутян. Наиболее значительными были негативные изменения в сельской местности – в группе южных районов.

Примечания

¹ Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). Отдел населения (далее – Территориальный орган...); из личного архива Ф.Д. Никодимова; *Петров Д.Д.* Якутия в годы Великой Отечественной войны. Ч. 2. Трудящиеся Якутии в тылу. Якутск, 1992. С. 299; *Аргунов И.А.* Социальное развитие якутского народа (историко-социологическое исследование образа жизни). Новосибирск, 1985. С. 272.

² *Петров Д.Д.* Указ. соч.; *Аргунов И.А.* Указ. соч.

³ Территориальный орган...; из личного архива Ф.Д. Никодимова.

⁴ Там же.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007. С. 56.

⁶ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (далее – НА РС(Я)); ф. 343-и, оп. 1, д. 486, л. 2; д. 585, л. 46; Обзор Якутской области. 1902. Якутск, 1903; Обзор Якутской области. 1904. Якутск, 1905.

⁷ Территориальный орган...; из личного архива Ф.Д. Никодимова.

⁸ Там же.

⁹ Филиал Национального архива Республики Саха (Якутия) (далее – ФНА РС(Я)), ф. 3, оп. 182, д. 191, л. 45.

- ¹⁰ Там же, д. 183, л. 15, 16.
- ¹¹ Там же, д. 195, л. 30–31.
- ¹² Там же, л. 30–33.
- ¹³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 123, д. 125, л. 98.
- ¹⁴ Территориальный орган...
- ¹⁵ В Якутии выделялись 3 группы районов: южные (географически центральные), промышленные (географически южные) и северные. К южным относились Амгинский, Верхневилуйский, Вилюйский, Горный, Кобяйский, Ленский, Мегино-Кангаласский, Намский, Нюрбинский, Олекминский, Орджоникидзеvский, Садынский, Сунтарский, Таттинский, Токкинский, Усть-Алданский, Усть-Майский, Чурапчинский, Якутский районы. К промышленным – Алдайский, Тимптонский, Томмотский, Учурский (Алданский округ) и Аллах-Юньский районы. К северным – Абыйский, Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Нижнеколымский, Оленекский, Оймяконский, Саккырырский, Среднеколымский, Томпонский, Усть-Янский районы.
- ¹⁶ НА РС(Я), ф. 55, оп. 27, д. 5, л. 34; *Петров Д.Д.* Указ. соч. С. 145.
- ¹⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 117, д. 344, л. 108.
- ¹⁸ Территориальный орган...; «Объяснительная записка по естественному движению населения Якутской республики за 1944 г.».
- ¹⁹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 117, д. 344, л. 103.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же, л. 107.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Петров Д.Д.* Указ. соч. С. 113.
- ²⁵ История крестьянства СССР. Т. 3. М., 1987. С. 361.
- ²⁶ *Алексеев Е.Е.* Голод и борьба с ним // Великая Отечественная: значение и уроки победы. Материалы научно-практической конференции. Якутск, 1995. С. 110–111.
- ²⁷ *Петров Д.Д.* Указ. соч. С. 314; ФНА РС(Я), ф. 3, оп. 183/51, д. 168, л. 9.
- ²⁸ ФНА РС(Я), ф. 3, оп. 187/74, д. 1, л. 3.
- ²⁹ Там же, л. 4.
- ³⁰ Там же, л. 28.
- ³¹ Там же, оп. 187/54, д. 228, л. 15.
- ³² *Петров Д.Д.* Указ. соч. С. 304; Чурапчы алдьархайа: Ыстатыйалар, докумуоннар, ахтылар, уус-уран айымньылар. Якутск, 1993. С. 131.
- ³³ *Петров Д.Д.* Указ. соч. С. 312, 313; Якутия: XX век в зеркале статистики. Якутск, 2001. С. 38.
- ³⁴ Территориальный орган...; из личного архива Ф.Д. Никодимова.
- ³⁵ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3 т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 96, 97; *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 158, 159.
- ³⁶ Территориальный орган...; «Объяснительная записка по естественному движению населения Якутской республики за 1944 г.».
- ³⁷ *Валентей Д.И., Кваша А.Я.* Основы демографии. М., 1989. С. 182, 183.
- ³⁸ Территориальный орган...; из личного архива Ф.Д. Никодимова.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 234, 235.
- ⁴¹ Территориальный орган...; Справка «Краткий обзор о движении острозаразных заболеваний по Якутской АССР за 1942 год. Инфекционная заболеваемость в сельских местностях».
- ⁴² Там же. Справка «К годовой разработке механического движения населения за 1942 г.».
- ⁴³ ФНА РС(Я), ф. 3, оп. 103, д. 81, л. 176; оп. 183/51, д. 172, л. 13.
- ⁴⁴ Рассчитано по: Территориальный орган...; из личного архива Ф.Д. Никодимова.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ ФНА РС(Я), ф. 3, оп. 112, д. 53, л. 56; Территориальный орган...; Справка «Сведения об умерших по причинам смерти, зарегистрированных за 1939–1947 гг. ЯАССР».
- ⁴⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 121, д. 138, л. 46.
- ⁴⁸ Территориальный орган...; Справка «Сведения об умерших по причинам смерти, зарегистрированных за 1937–1947 гг. ЯАССР».
- ⁴⁹ ФНА РС(Я), ф. 3, оп. 131, д. 95, л. 32.

- ⁵⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 121, д. 138, л. 46.
⁵¹ ФНА РС(Я), ф. 3, оп. 103, д. 81, л. 195.
⁵² РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 121, д. 138, л. 46.
⁵³ Территориальный орган...
⁵⁴ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 117, д. 344, л. 108.
⁵⁵ ФНА РС(Я), ф. 3, оп. 103, д. 81, л. 188.
⁵⁶ Там же, оп. 71, д. 81, л. 48.
⁵⁷ Там же, оп. 103, д. 81, л. 188–190.
⁵⁸ Территориальный орган...
⁵⁹ Там же.
⁶⁰ Там же; из личного архива Ф.Д. Никодимова.
⁶¹ Территориальный орган...
⁶² ФНА РС(Я), ф. 3, оп. 186/90, д. 125, л. 26.

© 2010 г. Г. Е. КОРНИЛОВ*

НАСЕЛЕНИЕ СВЕРДЛОВСКА В ВОЕННЫЕ ГОДЫ

В предвоенный период во многих регионах РСФСР активно шел процесс урбанизации, вызванный мощным индустриальным скачком в рамках так называемого социалистического строительства. Практически в эпицентре этого процесса оказалась Свердловская обл.¹, население которой с 1926 по 1939 г. выросло более чем в 1.5 раза. Наибольшие количественные изменения произошли среди городского населения, увеличившегося в 2.7 раза. Доля горожан по отношению ко всему населению области в обозначенный период выросла с 33.7 до 59.9%². Таким образом, к началу Великой Отечественной войны городское население Среднего Урала уже преобладало над сельским. Еще более высокими темпами росло население самого крупного города Урала – Свердловска, которое в период с 1926 по 1939 г. увеличилось с 140.3 до 425.5 тыс. человек³. По численности горожан город занимал 6 место в РСФСР после Москвы, Ленинграда, Горького, Ростова-на-Дону и Сталинграда.

Троекратный рост за 12-летний период свидетельствовал о небывалом притоке населения. Это объяснялось тем, что за годы первых пятилеток Свердловск превратился в крупнейший промышленный центр Урала, где были построены заводы, притягивавшие к себе значительное число людей. 4/5 всего прироста в этот период составила миграция из сельской местности, причем часть переселенцев прибыла сюда в принудительном порядке. Эти процессы увеличили и долю жителей Свердловска в городском населении области. В период с 1926 по 1939 г. она возросла с 25.4 до 28.3%. Всесоюзная перепись населения 1939 г. показала, что среди жителей города преобладало экономически активное население в возрасте от 20 до 59 лет. Оно составляло 56.8%. Свердловчан в возрасте до 20 лет насчитывалось 38.7%, старше 60 лет – 4.5%. Менее благоприятным было соотношение полового состава. Перепись выявила значительное преобладание женщин – 54% населения города, т.е. на каждые 100 мужчин приходилось 114 женщин⁴.

Великая Отечественная война стоила нашему народу величайших жертв и потерь. Она обострила демографическую ситуацию в стране, потребовала отвлечения ресурсов из сферы жизнеобеспечения. Сложность демографического развития проявилась в концентрации неблагоприятных факторов внешней среды и в ослаблении способности общества противодействовать этому процессу. Все это наглядно отразилось и на жизни

* Корнилов Геннадий Егорович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий сектором экономической истории Института истории и археологии УрО РАН.

Динамика численности населения Свердловска в 1940–1945 гг.*

Годы	Население (тыс. человек)
Январь 1940	436.3
Январь 1941	450
Январь 1942	510
Январь 1943	548
Январь 1944	543.7
Январь 1945	487.4
Июнь 1945	489.4

* Составлено по: Государственный архив Свердловской области (далее – ГА СО), ф. 1813, оп. 11, д. 62, л. 19; РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 479, л. 3; д. 546, л. 2; оп. 329, д. 2219, л. 25. Данные относятся к гражданскому населению.

Свердловска. Итак, из табл. 1 видно, что за 1941–1942 гг. население города увеличилось на 25.6%, а к началу 1943 г. достигло 548 тыс. человек. Это объясняется тем, что с началом войны в Свердловск было эвакуировано значительное число предприятий вместе с инженерно-техническими работниками, рабочими и членами их семей. Эвакуированное население стало основным источником пополнения людских ресурсов города, несмотря на значительный отток мобилизованных на фронт. Однако реэвакуация, начавшаяся с 1943 г. и усиливавшаяся по мере освобождения западных регионов страны, а также отрицательный естественный прирост, особенно в 1944 г., в конечном итоге привели к сокращению населения Свердловска. К лету 1945 г. оно сократилось по сравнению с 1943 г. на 10.7% и составило к концу войны 489.4 тыс. человек, что, тем не менее, превосходило довоенные показатели на 8.7%.

Война нарушила не только привычные нормы жизни и типичный для города уровень воспроизводства населения. Крайне тяжелые условия существования людей негативно отразились и на демографической картине города, характеризовавшейся деформацией естественного прироста. В конце 1942 г. мужчины составляли только 40.8% населения города. Это означало, что на 100 мужчин приходилось уже 145 женщин⁵. А если учесть, что до 16-летнего возраста большой разницы в численности девочек и мальчиков не было, то гендерная диспропорция в трудоспособном возрасте выглядит еще большей.

Промышленные предприятия в экстремальных условиях войны крайне нуждались в рабочей силе, поэтому в начале 1942 г. Свердловский горком ВКП(б) принял решение о массовой мобилизации горожан на трудовой фронт. Не явившимся на работу по повестке грозило выселение из города в 10-дневный срок. В ходе этой кампании были выявлены 32.2 тыс. не работавших на производстве женщин в возрасте 15–45 лет, из них 11.6 тыс. были свободны от учебы и воспитания детей. Их всех в принудительном порядке привлекли к производственному процессу в соответствии с законами военного времени. Особенно широко чрезвычайные меры стали применяться после Указа Президиума Верховного Совета (ВС) СССР от 13 февраля 1942 г. Для обеспечения промышленных предприятий кадрами командно-административные методы были еще более ужесточены. Принудительная мобилизация стала основной формой привлечения населения, главным образом женщин, в промышленное и сельскохозяйственное производство, на учебу в систему трудовых резервов. Лица, уклонившиеся от трудовой мобилизации, подлежали уголовной ответственности и получали наказание в виде принудительных работ сроком на 1 год. Указом Президиума ВС СССР от 19 сентября 1942 г. возраст женщин, подлежавших трудовой мобилизации, был повышен до 50 лет. Более того, постановлением СНК СССР от 21 мая 1942 г. разрешалось принимать для обучения на предприятиях подростков, достигших 14-летнего возраста. В исключительных случаях (болезнь или отсутствие родителей, тяжелое материальное положение и т.п.)

на производство брали детей и меньшего возраста. Прием их на предприятия был, по существу, актом помощи со стороны трудовых коллективов, так как рабочий паек спасал мальчишек и девчонок от неминуемого голода. Все средства пропаганды и агитации в то время разъясняли женщинам, что «священным долгом каждой советской патриотки является самоотверженный труд на помощь фронту. Ни одной женщины ни в городе, ни в деревне не должно быть вне общественно-полезного труда».

В 1940 г. удельный вес женщин в производственной сфере в целом по стране составлял 38.4%, в промышленности – до 41%. В 1945 г. эти показатели достигли соответственно 55.3 и 50.9%. На Урале преимущественно женскими стали такие отрасли, как станкостроение, производство стройматериалов, резиновая, бумажная, лесная и пищевая отрасли промышленности. В целом к концу войны доля женщин в уральской промышленности достигла 48.4% (в Свердловской обл. – 50.1%). Увеличилась и доля детского труда. Так, на Среднем Урале подростки до 16 лет к 1942 г. составляли 5.7% от всех промышленных рабочих, тогда как в 1940 г. этот показатель не превышал 1.8%. Приведенные данные не соответствуют утвердившемуся в советской литературе мнению о том, что все вооружение в годы войны было изготовлено в основном женщинами, стариками и подростками под присмотром опытных специалистов и рабочих. Так, в танковой промышленности Урала трудились преимущественно мужчины 18–49 лет. Доля женщин составляла 26.6%, детей (до 16 лет) – 2.7%. Стариков же, если отнести к ним людей старше 55 лет, насчитывалось всего 1.1%.

Естественно, это не умаляет значения самоотверженного, жертвенного труда во время войны этих социальных категорий, особенно женщин, десятки тысяч которых освоили чисто мужские профессии, были заняты на изнурительной физической работе во вредных и опасных условиях, в запыленных и загазованных, сырых и холодных цехах, с повышенным уровнем шума, вибрации и т.д. Они заменили мужчин у металлургических печей и агрегатов, за станками, где объем тяжелых и вредных ручных работ был особенно велик. Если к этому добавить дом, быт, уход за детьми и многое другое, то трудовой подвиг женщин в годы войны становится просто неоспоримым и может вызывать только чувства глубокой признательности и восхищения.

Однако широкое вовлечение женщин репродуктивного возраста в общественное производство не могло не повлиять на их демографическое поведение, что значительно понизило рождаемость. Эта негативная тенденция наглядно прослеживается и на примере Свердловска. Анализ данных табл. 2 показывает, что число рождений в городе сокращалось на протяжении всех военных лет. По сравнению с 1941 г., в 1942 г. оно сократилось на 32.6%, в 1943 г. – на 57.7%, 1944 г. – на 59%. В 1945 г. количество появившихся на свет в столице Урала увеличилось, но все равно оказалось меньше довоенных показателей на 29.4%. Отмечу также, что рождаемость в Свердловске сократилась больше, чем по стране в целом.

Рождаемость является одним из основных факторов, влияющих на интенсивность воспроизводства. Величина общего коэффициента рождаемости зависит не только от

Таблица 2

Зарегистрированные рождения и рождаемость в Свердловске в 1940–1945 гг.*

Годы	Число рождений (человек)	Рождаемость (на 1 тыс. населения, ‰)
1940	14 172	33.1
1941	15 199	33.8
1942	10 241	20.1
1943	6 434	11.7
1944	6 239	11.5
1945	10 739	21.8

* Составлено и рассчитано по: ГА СО, ф. 1813, оп. 1, д. 773, л. 68, 74–79; д. 774, л. 5; д. 775, л. 10; д. 776, л. 59; д. 771, л. 74.

Браки и разводы в Свердловске в 1940–1945 гг.*

Годы	Количество браков	Коэффициент брачности (%)	Количество разводов	Коэффициент разводимости (%)
1940	3 959	9.1	717	1.6
1941	4 376	9.7	527	1.2
1942	1 947	3.9	453	0.9
1943	1 994	3.6	480	0.9
1944	2 895	5.3	269	0.5
1945	6 233	12.7	68	0.1

* Составлено и рассчитано по: ГА СО, ф. 1813, оп. 1, д. 773, л. 71; д. 774, л. 5; д. 775, л. 10; д. 776, л. 59; д. 771, л. 77; д. 778, л. 88.

интенсивности процесса рождаемости, но и от возрастно-половой и брачной структуры населения. Исходя из шкалы оценки, предложенной Б.Ц. Урланисом и В.А. Борисовым, рождаемость в Свердловске в 1940–1941 гг. была высокой, в 1942 г. – средней, а в 1943–1944 гг. – низкой. Огромный «дефицит» мужской части населения репродуктивного возраста, наряду с обозначенными факторами, привел к вынужденному бесплодию значительного числа женщин, способных к деторождению. На уровень рождаемости, безусловно, влияли и семейно-брачные отношения. Для периода Великой Отечественной войны невозможно выяснить количество и удельный вес женщин, состоявших в браке. Ясно то, что брачные отношения были прерваны для значительной части населения страны.

Исходя из приведенной табл. 3, сокращение рождаемости, особенно сильно выраженное в первые годы войны, было связано со снижением количества заключенных браков. В 1942 и 1943 гг. абсолютное число последних в городе сократилось в 2.2 раза по сравнению с 1941 г., а коэффициент брачности снизился в 2.5–2.7 раза. Это объясняется призывом мужчин в армию и ухудшением экономических и бытовых условий. В 1944 г. было зафиксировано некоторое увеличение, а в 1945 г. – резкий рост числа заключенных браков, что вне всякого сомнения связано с демобилизацией. Интересно, что число регистрируемых разводов в годы войны имело ярко выраженную тенденцию к снижению: по сравнению с 1940 г. в 1942 г. – в 1.6 раза, 1944 г. – в 2.7 раза, а в 1945 г. – в 10.5 раза. Таким образом, к концу войны коэффициент разводимости упал в 16 раз по сравнению с довоенным показателем.

В 1944 г. в динамику брачности и разводимости вмешался мощный фактор законодательства. Указ Президиума ВС СССР «О браке и семье» от 8 июля 1944 г. внес серьезные изменения в семейно-брачные отношения⁶. Война породила резкую диспропорцию полов и объективно создала условия, в которых мужчина мог вступить в брак несколько раз, не регистрируя свои отношения. В 1945 г. только на Урале среди родившихся каждый пятый не имел законного отца, т.е. появился на свет за рамками официального брака. Указ 1944 г. требовал обязательной регистрации брака. Фактические брачные отношения без официальной регистрации не давали супругам никаких прав и обязанностей. В частности, отменялась алиментная ответственность отцов по отношению к детям, рожденным вне брака, в свидетельстве о рождении фамилия отца не записывалась. Расторжение официально зарегистрированного брака могло быть произведено только в народном суде после примирительного разбирательства, причем вопрос о разводе решала вышестоящая судебная инстанция. Этими изменениями в законодательстве власти стремились укрепить морально-нравственные устои, создать у населения более серьезное отношение к семье. Интересно, что, не обременяя «незаконных отцов» алиментами, государство ввело ежемесячное пособие одиноким матерям в размере 100 руб. за одного ребенка, 150 – за двоих и 200 руб. – за троих и более детей.

Одной из причин, определивших снижение рождаемости, стало увеличение числа аборт. Несмотря на их запрет в 1936 г., уже в 1940 г. зарегистрированные аборты по

**Возрастно-половой состав расторгнувших брак
в Свердловске в 1941–1945 гг. (количество человек)***

Годы Возраст (лет)	1941		1942		1943		1944		1945	
	М**	Ж***	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
18–19	5	10	1	15	0	11	1	6	0	0
20–24	61	150	39	120	34	104	23	59	2	13
25–29	190	168	140	130	123	140	59	94	11	22
30–39	182	138	188	144	191	119	191	90	41	22
40–49	62	49	63	31	52	30	38	15	7	9
50–59	22	9	14	8	9	6	7	4	7	2
60 и старше	4	1	17	2	2	0	1	1	0	0

* Составлено по: ГА СО, ф. 1813, оп. 1, д. 774, л. 15–16; д. 775, л. 33; д. 776, л. 89–90; д. 777, л. 101–102; д. 778, л. 120–121.

** Мужчины.

*** Женщины.

отношению к числу рождений составляли в СССР 34.8%. В период войны эта тенденция сохранилась. В 1942 г. в Свердловске отношение числа зафиксированных аборт к общему числу рождений составило 22.3%, а в 1943 г. – 28.4%. В отчетах городских органов здравоохранения военных лет отмечается, что борьбы за снижение аборт, характеризующихся как криминальные, не велось⁷.

Диспропорция половозрастного состава населения повлияла не только на увеличение числа внебрачных детей, рост аборт, но и на количество заключенных браков. Даже среди зарегистрированных не все устанавливали длительные семейные отношения.

В годы войны, согласно данным табл. 4, 50% от всех разводов приходилось на возрастные группы от 20 до 39 лет. В этом возрасте находились примерно 36% разводящихся мужчин и 2/3 женщин. Учитывая, что эти возрастные группы наиболее способны к воспроизводству, увеличение в них разводов неизбежно влекло за собой сокращение рождаемости. Война передвинула на более позднее время вступление в брак и этим отчасти сократила воспроизводственный период супружеских пар. А так как в военные годы повысился средний возраст женщин, заключающих в брак, то в связи с этим повысился и средний возраст рожениц.

Вторым главным подпроцессом воспроизводства населения является смертность. На ее увеличение значительно влияет любая война. И хотя на территории Урала не происходили военные действия, его население, ковавшее победу, в полной мере переживало все связанные с ними трудности и невзгоды. Напряженный и тяжелый труд, снижение общего уровня благосостояния, ухудшение питания и жилищно-бытовых условий негативно сказывались на продолжительности жизни подавляющей части населения города. В Свердловске сложилась своеобразная ситуация. В отличие от региональной тенденции город, аккумулировавший переселенцев и раненых, дал высокий уровень смертности уже в первый год войны. По Уралу в целом количество умерших за 1942 г. выросло на 19.5%, по городам – на 43.8, в Свердловске – на 79.2%. В 1943 г. процент смертности по уральским городам сократился на 37.7%, однако в Свердловске эта тенденция проявилась слабо. Количество умерших сократилось за год лишь на 7.4%. В 1944 г. положение улучшилось: абсолютное число умерших сократилось по городу на 18.4%. В 1945 г. этот показатель достиг 41%. Данные табл. 5 показывают, что смертность в годы войны в Свердловске изменялась скачкообразно. За резким ростом в 1942 г. последовало постепенное снижение, достигшее в 1945 г. 59% от уровня 1940 г.

**Зарегистрированные умершие и смертность в Свердловске
в 1940–1945 гг.***

Годы	Умершие (человек)	В том числе дети до 1 года	Коэффициент смертности (‰)	Младенческая смертность (‰)
1940	9 254	3 652	21.2	252.3
1941	9 449	2 922	20.9	192.2
1942	16 933	3 474	33.2	339.2
1943	15 670	1 296	29.3	201.4
1944	12 788	835	25.8	133.8
1945	6 147	877	12.5	81.7

* Составлено и рассчитано по: ГА СО, ф. 1813, оп. 1, д. 773, л. 68, 74–79; д. 774, л. 5; д. 775, л. 10; д. 776, л. 59; д. 771, л. 74.

В военные годы смертность гражданского населения зависит от многих факторов длительности войны, санитарного состояния города, уровня обеспечения населения продуктами питания, предметами первой необходимости. Изучение половозрастной смертности горожан показало, что Великая Отечественная война с особенной силой обрушилась на мужское население в трудоспособных возрастах (старше 16 лет). Максимальная смертность была зафиксирована в 1942 г. среди мужчин. Это связано с тем, что наиболее здоровые мужчины ушли на фронт, а оставшиеся (непригодные к воинской службе, дети, подростки, пенсионеры) обладали меньшим иммунитетом к трудностям военного времени. Смертность среди женщин была ниже, так как эта категория населения пополнилась за счет трудоспособных сельских жительниц и эвакуированных.

В годы войны изменилось соотношение факторов, приводивших к смерти горожан. Эндогенные факторы отодвинулись на второй план. Однако болезни сердечно-сосудистой системы и причины, квалифицировавшиеся как старческая дряхлость, по-прежнему оказывали немаловажное влияние на удельный вес в общем списке умерших: если в 1940 г. они составляли 9.4% от всех умерших, то в 1944 г. достигли 16.4%. Ведущую роль в смертности населения стали играть экзогенные факторы. Резко увеличилось количество смертей, связанных с полуголодным существованием, от эпидемий, болезней (туберкулез, желудочно-кишечные, инфекционные заболевания). Эпидемии острозаразных заболеваний, являвшиеся неизбежными спутниками войн, не получили широкого распространения на Урале, хотя вспышки инфекционных заболеваний фиксировались во второй половине 1941 г. и в 1942 г. Заболеваемость сыпным тифом по Свердловску и Свердловской обл. выросла в 1942 г. в сравнении с 1941 г. в 7.3 раза, брюшным тифом – на 84.4%, дифтерией – на 54.7, дизентерией – на 36%. Именно это и способствовало росту смертности населения в целом⁸.

Основным источником инфекций стали прибывавшие в город эвакуированные и лица, вынужденные проживать в крайне стесненных жилищных условиях. Так, распространению сыпного тифа способствовала значительная завшивленность рабочих, школьников, размещенных в общежитиях бойцов стройбатальонов, освобожденных из исправительно-трудовых лагерей. Для борьбы с сыпным тифом была организована специальная областная комиссия, неоднократно отмечавшая распространение педикулеза среди школьников Свердловска и хроническое отсутствие у горожан каких-либо моющих средств. К примеру, в январе 1942 г. на одном из ее заседаний прозвучало, что население города уже 3 месяца не получало мыла⁹.

Благодаря своевременной организации ряда профилактических мероприятий горздравотделу Свердловска уже к 1943 г. удалось добиться серьезного снижения уровня инфекционных и эпидемических заболеваний. В частности, был сформирован и обучен многотысячный актив общественных санитарных инспекторов и санитарных постов Красного Креста, работавших под руководством медицинских работников. В борь-

бе с эпидемическими заболеваниями хорошие результаты дали регулярно проводимые санитарные месячники чистоты, профилактические прививки против желудочно-кишечных инфекций. В целях полного охвата медико-санитарным обслуживанием рабочих оборонных заводов была создана новая организационная форма – медчасти, в состав которых входили здравпункты, поликлиники, больницы, санатории, столовые лечебного питания и временные стационары¹⁰. В течение 1943 г. регулярно проводились школьные банные дни. По понедельникам все бани города открывали свои двери с утра до 6 час. вечера исключительно для школьников. При посещении бани все дети в организованном порядке снабжались мылом. В итоге завшивленность среди школьников города снизилась до 1.5%¹¹.

Однако вспышки сыпного тифа продолжали фиксироваться. Так, в апреле 1943 г. на станцию Уктус на дезопромывку прибыл железнодорожный состав, использовавшийся для перевозки военнопленных. В вагонах находились неубранные трупы и вещи, растащенные впоследствии санобработчиками. Они-то и стали носителями и переносчиками инфекции¹². Успешная борьба с инфекциями снизила удельный вес этих заболеваний в причинах смерти. Так, в расчете на 10 тыс. человек заболеваемость сыпным тифом в 1942 г. составила 23; 1943 г. – 9; 1944 г. – 8; а в 1945 г. – 4 человека. В это же время заболеваемость брюшным тифом снизилась в 2 раза, дизентерией – в 7¹³.

Высокий процент смертности приходился на туберкулез и алиментарную дистрофию. Туберкулез вышел на одно из первых мест среди причин смерти. Удельный вес умерших от этого заболевания увеличился по городу с 10.3% в 1942 г. до 12.2 в 1943 г. и до 13.2% в 1944 г., что явилось результатом исключительно тяжелого положения с питанием отдельных групп населения города. По данным Наркомата торговли СССР, в Свердловске и Свердловской обл. с IV квартала 1941 г. по июль 1942 г. соответственно на 26.6 и 48.3% увеличилось количество хлебных и продовольственных карточек только для рабочих I и II категорий. Среди других групп, составлявших абсолютное большинство населения города, фиксировалось сокращение: служащим I категории – на 21.6%, иждивенцам – на 20.7, служащим II категории – на 5.2%¹⁴.

Резкое ухудшение питания, полуголодное существование привели к росту числа заболеваний и смертельных исходов от дистрофии. В 1942 г. смертность от этого заболевания составила 7.6% от всех умерших, в 1943 г. – 23.1, в 1944 г. – 36.4%¹⁵. Ситуация с питанием приобрела угрожающие формы. Заведующий облздравотделом Шаклеин докладывал секретарю Свердловского обкома ВКП(б) В.М. Адрианову о том, что в городе за март–апрель 1944 г. было зарегистрировано 4 случая антропофагии, т.е. людоедства¹⁶. Люди умирали от голода прямо на улицах. Так, в январе 1944 г. на территории города были подобраны 11 истощенных трупов¹⁷. Полный масштаб смертности по причине недоедания определить сложно, так как полуголодное существование чаще являлось не прямой причиной смерти, а лишь косвенной, увеличивая подверженность людей трудноизлечимым болезням.

Начиная со второй половины 1942 г., наблюдался рост венерических заболеваний. По Свердловску регистрация свежего сифилиса в 1943 г. по сравнению с 1942 г. увеличилась в 3 раза, в 1944 г. – в 6. Выросла также и заболеваемость острой гонореей: в 1943 г. – на 59%, в 1944 г. – на 44%¹⁸.

Таким образом, данные табл. 6 подтверждают вывод о том, что наиболее часто смертность в Свердловске в годы войны обуславливалась причинами экзогенного характера, составлявшими 27–34% от всех официально зафиксированных случаев летального исхода. В период наивысшего увеличения смертности в 1941 и 1942 гг. инфекционные и паразитарные болезни занимали первое место среди ее причин, что объясняется низким санитарным уровнем условий проживания, голоданием и слабой обеспеченностью медицинской помощью.

Заболеваемость острыми инфекциями начала снижаться только с 1943 г., что было связано с уменьшением потока эвакуированных и улучшением профилактической и лечебной работы. К этому времени сеть здравоохранения Свердловска увеличилась почти в 2 раза. Так, если в 1941 г. в больницах города насчитывалось 1 933 койки, то

Причины смерти населения Свердловска и Свердловской обл. в 1940–1944 гг., %*

Причины смерти	Годы			
	1940	1941	1942	1944
Инфекционные и паразитарные болезни	33.1	54.1	27.4	16.5
В том числе туберкулез	11.5	11.4	12.8	13.2
Злокачественные новообразования	2.2	2.3	2	1.7
Болезни кровообращения	7.3	8.2	9.9	10.7
Болезни органов дыхания	20.3	19.8	20.6	9.8
Болезни органов пищеварения	18	15.3	13.9	5.4
Болезни нервной системы	3.7	3.6	3.6	2.3
Болезни беременности, родов и после родов	0.4	0.3	0.1	0.1
Врожденные аномалии и некоторые причины перинатальной заболеваемости	5.9	4.4	2.2	0.4
Производственные и непроизводственные травмы	2.6	2.5	2.6	2.2
Самоубийство, убийство	0.6	0.9	0.5	1
Старческая дряхлость	2.1	1.8	2.3	5.4
Дистрофия, авитаминоз	–	–	7.6	36.4
Другие	3.8	6.7	7.3	8.1

* Составлено по: ГА СО, ф. 627, оп. 1, д. 1313, л. 63, 63 об. Статистический учет причин смертности охватывал лишь городское население. Данные составлены Свердловским облздравотделом по 54 врачевым пунктам.

к началу 1944 г. – 3 847. За этот же период с 10 до 41 возросло количество заводских здравпунктов, а ежедневное количество врачебных приемов в них – с 20 до 94. Для охраны труда женщин при заводских здравпунктах создали 8 акушерско-гинекологических кабинетов. С 5 860 до 8 896 выросло число мест в детских яслях. В 1943 г. в городе были открыты 2 детские консультации, 2 молочные кухни, 2 детских соматических санатория на 150 коек, 2 районные санитарно-эпидемиологические станции, 5 пунктов неотложной медицинской помощи, 2 туберкулезных санатория для рабочих¹⁹.

Изменения в половозрастном составе умерших свидетельствовали о негативном и пагубном воздействии войны на демографическое развитие, что выразилось в повышенной смертности горожан трудоспособного возраста, особенно мужчин. Высокий уровень смертности мужской части населения увеличивал диспропорцию полов. На динамику смертности в целом значительное воздействие оказывала детская смертность, особенно младенческая. В 1941 г. она составила 30.9% от общего количества умерших. В последующие военные годы началось ее постепенное сокращение: в 1942 г. – 20.5%, 1943 г. – 8.3, 1944 г. – 6.5%. Неокрепшие организмы детей с пониженной сопротивляемостью внешней среде всегда чутко реагировали на все негативные изменения, поэтому младенческая смертность оставалась существенно выше смертности в других возрастных группах. Коэффициент младенческой смертности основывается на соотношении числа умерших и числа родившихся, поэтому он один из наиболее точных показателей уровня здравоохранения и социально-экономического развития.

По данным Свердловского областного управления статистики, уровень смертности среди детей до 1 года вырос в 1942 г. в сравнении с 1941 г. до 339.2‰. Затем этот показатель стал существенно сокращаться: в 1944 г. – до 133.8‰; 1945 г. – до 81.7‰, что оказалось в конечном итоге ниже довоенного уровня (см. табл. 7).

На первом месте среди причин младенческой смертности стояли болезни органов дыхания и органов пищеварения – эта тенденция сохранялась на протяжении всей войны. Симптоматично то, что за военный период постепенно уменьшалась смертность младенцев от острых инфекционных болезней. Это свидетельствовало об определенных успехах органов здравоохранения, которые активизировали свою деятельность по сохранению состояния здоровья, вакцинации и лечению новорожденных. Неблаго-

**Причины смерти детей в возрасте до 1 года в Свердловске и
Свердловской обл. в 1941–1945 гг.
(в % от общего числа умерших детей)***

Причины смерти	Годы				
	1941	1942	1943	1944	1945
Врожденная слабость, пороки развития и болезни	13.7	8.4	11.8	9.9	21.9
Болезни органов пищеварения	27.8	31.8	27.5	25.1	16.5
Болезни органов дыхания	28.3	31.3	26.8	23.7	29.5
Туберкулез	2.8	2.9	3.6	3.5	4.3
Острые инфекционные болезни	19	14.9	8.3	7.1	9.9
В том числе грипп	1.2	0.9	0.9	0.7	0.6
Корь	9.1	4.3	0	0.3	1.6
Коклюш	1.8	2.6	1.8	1.2	3.4
Скарлатина	0.4	0.3	0.1	0.1	0
Дифтерия	0.6	0.8	0.7	0.7	0.8
Дизентерия	3.1	3	2	2	1.7
Болезни нервной системы	3.2	3.2	5.0	5.2	5.5
Прочие болезни	5.2	7.5	17.0	25.5	12.4

* Составлено по: ГА СО, ф. 627, оп. 2, д. 640, л. 21, 22.

приятные условия военного времени увеличили смертность младенцев от врожденной слабости, болезней нервной системы, поскольку их этимология зависит от психологического климата, в котором проходила беременность женщин.

К концу войны младенческая смертность снизилась, чему способствовали 3 основных фактора: резкое снижение рождаемости, широкое внедрение в медицинскую практику сульфаниламидных препаратов, большая организационная работа городской системы здравоохранения. Работа органов здравоохранения Свердловска в период войны существенно активизировалась. Это было связано с улучшением кадрового состава врачей (за счет эвакуированных), расширением сети лечебно-профилактических служб, детских консультаций, организацией молочных кухонь при одновременном сокращении числа детей раннего возраста. Уже в 1942 г. в городе был полностью укомплектован штат районных педиатров. В 1944 г. ввели первичный врачебный патронаж новорожденных²⁰.

В целом анализ рождаемости и смертности по Свердловску показывает, что убыль населения в военные годы происходила из-за деформации естественного прироста, вызванного вынужденным бесплодием женщин, уходом мужчин на фронт и повышенной смертностью населения (см. табл. 8). В 1942–1944 гг. в Свердловске был зафиксирован отрицательный естественный прирост населения, когда смертность превысила рождаемость.

Более наглядно процесс воспроизводства населения в административном центре Среднего Урала показывает индекс жизненности, или индекс Покровского–Пирла, рассчитываемый как отношение числа родившихся к числу умерших за определенный период времени. При положительном значении индекса естественный прирост больше единицы, при отрицательном – меньше. В 1942–1944 гг. индекс Покровского–Пирла был меньше единицы. В эти годы наблюдалась естественная убыль населения, причем в 1943 и 1944 гг. в городе умерло вдвое больше, чем родилось. В целом за годы войны индекс жизненности населения столицы Среднего Урала составил 0.81.

Таким образом, в военные годы в Свердловске серьезно снизилось значение естественного прироста в формировании населения. Сопоставление коэффициентов естественного прироста и индекса жизненности показывает, что основной причиной

Естественный прирост населения Свердловска в 1941–1945 гг., ‰*

Годы	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1940	33.1	21.2	+11.9
1941	33.8	20.9	+12.9
1942	20.1	33.2	–13.1
1943	11.7	29.3	–17.6
1944	11.5	25.8	–14.3
1945	21.8	12.5	+9.3

* Составлено и рассчитано по: ГА СО, ф. 1813, оп. 1, д. 773, л. 68, 74–79; д. 774, л. 5; д. 775, л. 10; д. 776, л. 59; д. 771, л. 74.

замедления темпов демографического развития города стало резкое падение рождаемости и увеличение смертности. Однако одновременно с этим при формировании населения города в экстремальных условиях военного времени значительно усилилась роль механического или миграционного фактора, в основе которого лежали эвакуационно-реэвакуационные процессы.

Стремительное наступление немецких войск и реальная угроза потери западных территорий заставили руководство СССР задуматься о спасении находившихся там материальных ценностей и перемещении людских ресурсов в целях дальнейшего их использования в смертельной схватке с агрессором. Уже через 5 дней после начала войны ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О порядке вывода и размещения людских контингентов и ценного имущества»²¹. В соответствии с этим документом была развернута сеть эвакуационных пунктов для решения организационно-хозяйственных вопросов и оказания медицинской помощи людям, прибывавшим из районов, захваченных неприятелем.

Одним из крупнейших в стране был эвакуационный пункт, развернутый в Свердловске. Только за 9 месяцев 1942 г. он обслужил 537 тыс. человек, 16,7 тыс. было предоставлено место проживания, 54,3 тыс. получили квалифицированную медицинскую помощь, 61 тыс. прошла санитарную обработку. Для борьбы со вспышкой эпидемии сыпного тифа при эвакуационном пункте организовали санпропускник и стационарный изолятор²². Для устройства переселенцев на новом месте еще в ноябре 1941 г. было образовано управление по эвакуации населения, в январе 1942 г. преобразованное в отдел СНК РСФСР по хозяйственному устройству эвакуированного населения. Соответствующий отдел был создан и при Свердловском горисполкоме.

Статус эвакуированного получал каждый прибывший из прифронтовой полосы или с территории, занятой неприятелем. К этой категории были отнесены и граждане, первоначально эвакуированные в другие области и республики, но затем переехавшие в Свердловск. Так, например, профессорско-преподавательский состав Московского государственного университета прибыл в столицу Урала из Ашхабада, где находился несколько месяцев. Не получали статус эвакуированных военнослужащие, польские граждане, освобожденные по амнистии, представители народов, репрессированных сталинским режимом (немцы, крымские татары, калмыки и др.).

Первые эвакуированные стали прибывать в областной центр уже в июле 1941 г. Выделяются 2 волны массовой эвакуации населения в Свердловск, связанные с неудачными военными действиями Красной армии на фронте. Первая (лето – осень 1941 г.) включала в себя людей, прибывших из центральных, северо-западных районов РСФСР, Москвы, Ленинграда, Украины (Киевской, Днепропетровской и Сталинской областей), Белоруссии, Крымской АССР и Прибалтики. Вторая (лето – осень 1942 г.) состояла в основном из жителей Ленинграда, Краснодарского, Ставропольского краев,

автономных республик Северного Кавказа, а также Воронежской и Сталинградской областей.

К февралю 1942 г. в Свердловске были размещены 146,7 тыс. эвакуированных, прошедших официальную регистрацию и составивших 37,7% от всех прибывших на Средний Урал. Из них 70% прибыли организованно с предприятиями и организациями, а 30% являлись беженцами, добравшимися до Свердловска самостоятельно. Число эвакуированных в областной центр постоянно изменялось в связи с их передислокацией и имело тенденцию к уменьшению. Уже к концу 1942 г. в Свердловске находились 102,9 тыс. переселенцев, а с началом реэвакуации, к августу 1943 г. их осталось 60,2 тыс.²³ В 1941 г. Уральский завод тяжелого машиностроения принял 3 409 рабочих и 466 инженерно-технических работников заводов: Ижорского, Кировского, «Красный Профинтерн», «Большевик». В 1942 г. в трудовой коллектив Уралмаша влились еще более 8 тыс. человек, прибывших с заводом № 37 и другими промышленными предприятиями²⁴. Всего за годы войны гигант уральской индустрии принял и разместил 24,5 тыс. эвакуированных рабочих и инженеров вместе с членами их семей²⁵.

В связи с таким огромным притоком людей город испытывал большое социальное напряжение. К началу 1943 г. эвакуированным оказался каждый десятый его житель. В этих условиях были неизбежны трудности в предоставлении людям жилых помещений, в их трудоустройстве, в организации питания, обеспечении одеждой. Важной проблемой стал и социально-психологический фактор. Эвакуированные воспринимались как временные переселенцы, поэтому среди некоторых руководителей бытовало мнение, что совсем не обязательно устраивать им «идеальные» условия для жизни, что они могут немного и потерпеть²⁶. Эти негативные тенденции удалось частично ликвидировать только к концу 1942 г. во многом благодаря переводу некоторых групп эвакуонаселения из статуса временных в статус постоянных жителей.

В целом же условия жизни людей, вынужденно приехавших в Свердловск, оставались очень трудными. Большая часть эвакуированных проживала в помещениях, не приспособленных для жилья, а планы строительства жилых помещений для переселенцев хронически не выполнялись. Так, к началу 1942 г. ввели в эксплуатацию только 34% запланированных для переселенцев квартир, поэтому в среднем на одного эвакуированного в Свердловске приходилось 3,6 кв. м. Плохо организовывали заготовку дров для эвакуонаселения, снабжение этой категории мылом и другими промышленными товарами²⁷. Серьезные трудности были и в организации питания: 64,9 тыс. переселенцев, прибывшие с промышленными предприятиями, питались в их закрытых столовых. Однако неорганизованно прибывшее население, трудоустроенное на предприятиях местного хозяйства, и семьи военнослужащих получали питание в столовых открытого типа, не способных полностью удовлетворить жизненные потребности. В среде неорганизованно прибывших возникали и проблемы с трудоустройством. Так, в отчете городского переселенческого отдела за 1941–1942 гг. отмечалось, что 15 тыс. эвакуированных не имели теплой одежды, что препятствовало устройству их на работу в условиях суровой зимы²⁸.

По решению Свердловского горисполкома, принятому в декабре 1941 г., прибывавшее в город население должно было проходить обязательную санитарную обработку с целью предотвращения и распространения различных заболеваний²⁹. Однако осуществить эту процедуру на практике удавалось не всегда, и часто санитарно-гигиеническое состояние вновь прибывших оставляло желать лучшего. К примеру, в отчетах Свердловского эвакуопункта неоднократно отмечалась некачественность обработки прибывших эшелонов, способствовавшая распространению тифа. Так, если в 1941 г. в городе были зафиксированы 5 случаев заболевания, то только за 3 месяца 1942 г. эта цифра возросла до 30³⁰. К концу года ситуацию исправили: «первоначальной обработке» стали подвергаться все эвакуированные. Они регистрировались, проходили профилактический медицинский осмотр, а обнаруженные больные отправлялись в изолятор эвакуопункта или больницы города. О масштабах этой работы можно судить хотя

бы по тому, что за 3 первых месяца 1942 г. через медпункт Свердловского эвакупункта прошли 12.9 тыс. человек³¹.

В 1941–1945 гг. в городской сфере перемещались различные миграционные потоки, отличавшиеся друг от друга не только векторами направлений, но и различными результатами, к которым их движение приводило. С одной стороны, мобилизация в армию и реэвакуационные процессы значительно сокращали численность населения города, с другой – не прекращался приток в город эвакуированных, репрессированных, военнопленных и населения, мобилизованного для работы на заводах по так называемому оргнабору. В конце войны серьезную роль в увеличении численности населения Свердловска начала играть демобилизация из РККА. Действие вышеперечисленных факторов на изменение численности свердловчан было разным. Анализ прибытия и выбытия позволил выявить сальдо миграции, или чистую миграцию, характеризующую результаты механического движения населения. По способу реализации миграция в годы войны носила организованный и индивидуальный характер. В военное время, когда все сферы жизнедеятельности находились под жестким контролем государства, неорганизованная миграция носила как правило спонтанный характер и незначительно влияла на общую сумму миграции. По крайней мере без разрешительных документов переезд по железной дороге, например, был невозможен. А без регистрации в переселенческих органах стало трудно устроиться на жительство, работу, записаться на получение карточек.

Наибольшее количество прибывших и зарегистрировавшихся в Свердловске пришлось на 1941 и 1942 г. Из 370 тыс. прибывших в город во время войны на эти 2 года приходился 71%. Это связано, прежде всего, с приемом эвакуированных граждан. Коэффициент миграции по прибытию, рассчитанный как отношение числа переселившихся в город за год к средней численности горожан (в ‰) в 1941 г. составил 314 (т.е. на 1 тыс. городского населения приходилось 314 переселенцев); в 1942 г. – 214; 1943 – 119; 1944 г. – 98; 1945 г. – 112. Динамика выезда из города имела ту же направленность: пик абсолютных и относительных показателей пришелся на 1941 г., а затем следовало неуклонное сокращение. Отличие было лишь в том, что в 1944 г. наблюдался рост выбывших по сравнению с предыдущим годом, что объясняется возросшей интенсивностью реэвакуационных процессов. Коэффициент миграции по выбытию (в ‰) составил в 1941 г. 184, 1942 г. – 116, 1943 г. – 115, 1944 г. – 118, 1945 г. – 90. Характеристика результативности миграции, или коэффициент интенсивности чистой миграции (отношение между сальдо миграции к средней численности населения города, в ‰) показывает, что сальдо миграции на протяжении военных лет оставалось положительным, за исключением 1944 г. Наибольший механический прирост населения в Свердловске, составивший 63 тыс. человек, пришелся на 1941 г. В 1944 г. сальдо миграции было отрицательным, т.е. число выбывших превысило количество прибывших.

Процессы прибытия и выбытия, формировавшие механический прирост или убыль населения, в большей степени шли за счет лиц мужского пола. Среди прибывших в Свердловск в годы войны они составили 50.2%, среди выбывших – 54.6%. Женщины преобладали среди прибывших в 1941 г. (51.8%), среди выбывших в 1944 г. (58.4%), что связывается с основными процессами эвакуации и реэвакуации. Среди прибывших преобладали люди трудоспособного возраста (16–59 лет). В 1941 г. они составляли 76%, 1942 г. – 86, 1944 г. – 85, 1945 г. – 89%. Доля эвакуированных детей (до 15 лет) в 1941 г. составляла 19.3%. В дальнейшем она сократилась и колебалась от 8 до 12%. Лица в возрасте старше 60 лет не превышали 2%, исключая 1941 г. (4.1%). Среди выбывших подавляющее большинство также оказалось населением трудоспособного возраста – около 83–90%. Удельный вес детей среди выбывших в 1942–1944 гг. составил 11–12%, 1945 г. – 7%. На долю старших возрастных групп приходилось в 1941–1942 гг. 3%, 1944–1945 гг. – 4.8–5%.

С началом войны поменялись традиционные направления движения переселенцев. В 1941–1942 гг. основная масса населения прибыла в город из западных регионов страны, где велись непосредственные боевые действия. С 1943 г. больше половины прибывших составили уральцы, увеличилась также доля мигрантов из Казахстана и

Средней Азии. С этого же года начался процесс реэвакуации, обозначивший большой отток населения из Свердловска. В 1944 г. вся территория страны была освобождена от фашистских оккупантов, и большинство ранее эвакуированных возвратились на места прежнего проживания: на Украину, в центральный и северо-западный районы страны. Это привело к тому, что в конце 1944 – начале 1945 г. процесс выбытия населения из города значительно увеличился.

В довоенный период основную часть мигрантов в Свердловск составляли выходцы из сельской местности. В годы войны их доля в составе мигрантов значительно снизилась за счет прибытия в город из прифронтовых районов большого числа рабочих, инженеров, служащих, партийных, комсомольских, советских работников, военнослужащих и членов их семей. После освобождения оккупированных врагом территорий и массовой реэвакуации вновь наметилась тенденция прироста населения города за счет сельских жителей.

Таким образом, в тыловых районах страны, в том числе Свердловске, имел место серьезный демографический кризис. Он был обусловлен прямыми военными потерями, увеличением смертности от чрезмерно напряженного труда, недоедания и болезней, снижением рождаемости вследствие разрыва семейных связей, запрещением внебрачных сексуальных отношений и диспропорцией полов.

Примечания

¹ До 17 января 1934 г. Уральская обл. включала в себя нынешние Свердловскую, Пермскую, Тюменскую, Челябинскую области и часть Удмуртской республики.

² Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года. Уральский регион. Екатеринбург, 2002. С. 288.

³ Там же. С. 341.

⁴ Там же.

⁵ Государственный архив Свердловской области (далее – ГА СО), ф. 241, оп. 3, д. 282, л. 4.

⁶ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. Т. 2. М., 1968. С. 409–417.

⁷ ГА СО, ф. 1813, оп. 1, д. 783, л. 67.

⁸ РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 793, л. 204.

⁹ ГА СО, ф. 241, оп. 3, д. 275, л. 81; ф. 627, оп. 1, д. 288, л. 4, 8, 12.

¹⁰ Там же, ф. 627, оп. 1, д. 65, л. 7.

¹¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДОО СО), ф. 4, оп. 31, д. 634, л. 199, 120.

¹² Там же, л. 117.

¹³ ГА СО, ф. 627, оп. 1, д. 65, л. 4.

¹⁴ ГА РФ, ф. 1562, оп. 20, д. 328, л. 1–3.

¹⁵ ЦДОО СО, ф. 4, оп. 31, д. 634, л. 29, 30.

¹⁶ Там же, д. 610, л. 125.

¹⁷ Там же, д. 634, л. 31.

¹⁸ ГО СО, ф. 627, оп. 1, д. 296, л. 44.

¹⁹ ЦДОО СО, ф. 4, оп. 31, д. 634, л. 129.

²⁰ ГА СО, ф. 627, оп. 1, д. 65, л. 12, 13.

²¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. М., 1961. С. 443.

²² ГА РФ, ф. А-327, оп. 2, д. 8, л. 8.

²³ Там же, д. 375, л. 36; д. 404, л. 5, 11; Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Сборник документов и материалов. Т. 2. Екатеринбург, 2000. С. 191.

²⁴ ГА СО, ф. 262, оп. 1, д. 66, л. 19 об.

²⁵ Там же, л. 39.

²⁶ Там же, ф. 2508, оп. 1, д. 21, л. 12.

²⁷ Там же, л. 52.

²⁸ Там же, л. 53, 101.

²⁹ Там же, д. 18, л. 9.

³⁰ Там же, л. 11.

³¹ Там же, л. 111.

Повседневная жизнь российской провинции в XVII – начале XX в.

© 2010 г. Т. А. ЛАПТЕВА *

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА В XVII веке

О повседневной жизни дворянства XVII в. по источникам известно чрезвычайно мало. Пока не удалось ввести в научный оборот ни одной описи (рописи) имущества провинциального дворянина и сына боярского того времени. Этот недостаток отчасти могут компенсировать сведения о поместьях московских чинов, которые по своему имущественному положению были близки к выборному дворянству «городов»¹. Как отмечает Д.А. Высоцкий, «дистанция между московским и городovým дворянством не так велика, и средние показатели их имущественного благосостояния вполне сопоставимы». Исследователь обращает внимание и на тот факт, что в среднем московское дворянство в середине XVII в. имело по 29 дворов крепостных крестьян². Однако провинциальное дворянство в среднем имело по 4 двора на протяжении всего века, и лишь к концу его наиболее зажиточные представители выборного дворянства владели 30–40 дворами. Поэтому, на мой взгляд, имущественное положение московского дворянства может быть сопоставимо только с положением дворянства выборного.

Десятни и другие учетные документы XVII в. дают достаточно объективное представление об уровне грамотности служилых людей. Дворяне и дети боярские «прикладывали руки» (подписывались) к своим «сказкам», т.е. сообщаемым ими сведениям о своей службе и земельных владениях. При получении денег они также должны были расписываться. Грамотными обязательно должны были быть окладчики и сотенные головы, для того чтобы прочитывать и исправлять в случае необходимости десяти и списки сотен. «Прикладывать руки» нужно было при выборах представителей на земские соборы, губных старост и других должностных лиц, при подаче коллективных и частных челобитных. Грамотность была востребована и при ведении судебных дел. К.С. Аксаков связывает распространение грамотности в Московской Руси именно с выборным началом: «Мы можем сказать, что выборное устройство, проникавшее всю Русь, без сомнения, способствовало распространению грамотности в простом народе»³. Если уж грамотными были простые люди, то дворяне, в том числе провинциальные, тем более должны были преуспеть в этом качестве. Однако мы видим достаточно большой разброс числа грамотных в разных «городах» и в разные периоды XVII в. Довольно высокий процент уровня грамотности в «городах» Тверского края показывают опубликованные В.Н. Сторожевым десяти 1621–1622 гг. В Зубове грамотными были 4 человека из 12 выборных (1 человек отсутствовал), 18 человек из 46 дворовых (7 были на других службах и отсутствовали), 15 человек из 79 городских (16 по тем или иным причинам отсутствовали). Из 7 новиков грамотными были только 2⁴. В Кашине из 9 выборных грамотными оказались все, среди 24 дворовых – 14 человек, из 94 городских – 19 (при этом 29 человек или отсутствовали, или об их подписи не упоминалось). Из 15 новиков только 3 были грамотными⁵. В Бежецком Верху в 1622 г. грамотными оказались 2 выборных из 5 (1 человек отсутствовал), 8 дворовых из 18 (3 отсутство-

* Лаптева Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива древних актов.

вали), 18 городских из 83 (19 человек были неграмотными, остальные при разборе не присутствовали)⁶. Уровень грамотности был выше в среде выбора и дворовых, многие грамотные дворяне и дети боярские были уже стары и даже увечны, а среди молодежи уровень грамотности был, наоборот, невысок, что объясняется, скорее всего, обстоятельствами предшествовавшего Смутного времени.

В 1676 г. в Рязани из 44 выборных грамотными были лишь 15 человек, в Окологородном стане из 28 дворовых – 7⁷, из 32 городских – 11⁸, в Перевицком стане из 11 дворовых – 4, из 14 городских – 3 человека. В Понисском стане из 68 человек грамотными оказались всего 7⁹, в Кобыльском стане из 257 – только 19, причем среди дворовых грамотных не было совсем. Эти показатели можно объяснить общей бедностью рязанцев. Грамотными часто оказывались представители одних и тех же фамилий, например, в Кобыльском стане – Филипповы, Ступины, Лихачевы, Перепелкины. Однако и в Рязанском уезде находились дворяне, которые начинали обучать своих детей и родственников грамоте с малых лет. Так, например, неверстанный сын боярский Окологородного стана Степан Микитин сын Лихарев в своей «сказке» объявил, что его брат Василий «живет на Москве, учится грамоте»¹⁰. Неверстанный Перевицкого стана Трофим Борисов сын Веселкин сообщил, что живет в доме с отцом, отец от службы отставлен, а брат Митрофан 5 лет «на Москве учится грамоте»¹¹. Обращает на себя внимание возраст Митрофана, так рано начинали тогда обучение. При этом сам Трофим не мог расписаться за себя, а семья имела всего 1 крестьянский двор. Учился в Москве грамоте и уже взрослый человек, Тарас Семенов сын Лихачев, представитель семьи Лихачевых из Кобыльского стана, в которой было много грамотных людей. По словам его дяди, Исаи Родионова, племянник его Тарас «живет на Москве, учится грамоте и бьет челом, чтоб ему быть в житье»¹². Обучение тогда начинали с чтения Часослова и Псалтыри, которую читали и учили наизусть по кафизмам. Например, сын В.Т. Вындомского писал отцу, что он учит десятую кафизму¹³. Обучение грамоте открывало перед провинциальными дворянами и детьми боярскими и карьерные перспективы, возможность повышения в чине и перехода на службу в Москву.

Об уровне грамотности свидетельствуют и подписи под коллективными челобитными. Например, в Костроме в 1648 г. таких подписей было 33, в 1658 г. – 48. В Галиче в 1683 г. подписался под челобитной 41 человек. Дают представление об этом и сохранившиеся «сказки» дворян и детей боярских. В сентябре 1677 г. такие «сказки» о своих поместьях и доходах с них подавали костромичи полка В.В. Голицына. Из 113 человек, подавших сведения, грамотными оказались 46, причем во многих случаях это было несколько представителей одного и того же рода – Пасынковы, Ямановы, Киленины¹⁴. Самый богатый костромич, владевший 25 дворами, Яков Иванов сын Полозов оказался грамотным, но вместе с тем грамотными были и люди, не имевшие крестьян и доходов с пустого поместья, например, Никон Леонтьев сын Баскаков¹⁵.

Дворяне и дети боярские во время службы и пребывания в Москве по делам вели переписку со своими семьями. 15 июля 1641 г. нижегородский сын боярский Прохор Колбецкий в письме к отцу рассказывал о московских событиях¹⁶. 6 июня 1659 г. рязанец Сидор Семенов сын Любавский отправил из-под Конотопа накануне известной битвы грамотку брату Федору Ивановичу. В ней он просил «не покинуть», позаботиться о его «мужичонках», интересовался, каковы хлеба, рассказывал новости об осаде Конотопа и предстоящем штурме, о татарах и И. Выгодском, который, по его мнению, «безмочен перед государевыми людьми». Красочно описывал Любавский бедственное положение служилых людей: «А мы, братец, проелися и оголодали запасами. Жерновиска, кои у нас на Руси пометныя в два алтына и в гривну, а мы купи в три рубля, и тех не добудешь. У сотова есть аржи и овса многа, толка емлем все кровью, меняем ловами людскими, безпрестани рубят, в полон емлют»¹⁷. Известно также письмо брянского сына боярского Якова Васильева сына Похвиснева с описанием подготовки к службе и походу в Польшу. Точная дата письма не установлена, скорее всего, оно относится к началу XVIII в. Письма и грамотки хранились в семейных архивах. Тематика переписки не отличалась оригинальностью и иногда схожа с современной. Писали о здоро-

вые своем и близких, погоде, об урожае, о ходе судебных дел, пребывании на службе, просили о присылке тех или иных продуктов, вещей или слуг. Велико было почитание родителей и любых родственников, с их перечисления с прибавлением обращения «государь» или «государыня» начиналось любое послание.

Иногда в письмах встречаются философские рассуждения о службе, в том числе об отношении жены к пребыванию мужа на службе. Например, тесть пишет Домне Григорьевне, жене находившегося в первом Крымском походе стольника Дмитрия Неелова: «Ведомо нам ... учинилось, что-де ты по муже своем Дмитрие велми в печали своей пребываешь, а довлеет тебе об нем, Дмитрие, молити в Троицы славимого Бога и Пречистые Его Богоматерь, а нашу христианскую заступницу, а не слезно плакати об нем. А что ты в печали по нем, Дмитрие, пребываешь, и то ты чинишь не гораздо, а он, Дмитрий, з братьями своими с Степаном, з Борисом, с Петром, принял от нас смиренных благословение, поехали на государскую службу милостию великого Бога все здорово. И сама ты про то знаешь, что не один Дмитрий на их государскую службу поехал, но и вся земля, а и наперед сего он, Дмитрий, по государскому указу на службах бывал не однежды, и ево, Дмитрея, он Создатель наш Спаситель Христос Бог милостию своею миловал, такожде и ныне помилован будет»¹⁸. Уезжая из Москвы на крымскую службу, сам Дмитрий Неелов 6 марта 1687 г. написал жене и послал ей «осетрика свежево» «во здравие есть» с детьми, 20 груш, 3 ветви винограда, «полоса арбузу в патоке 15 яблок»¹⁹. Но Домна Григорьевна, видимо, не зря плакала, провожая мужа в поход. Русские войска в первом Крымском походе понесли очень значительные потери, в первую очередь от голода и болезни.

Дворянство проявляло большой интерес к книгам, в том числе к собиранию книг. Об уровне грамотности и образованности в среде провинциального дворянства можно судить также по данным приходных книг книжной лавки Московского Печатного двора середины XVII в. Прежде всего дворяне стремились приобретать книги, необходимые в практической повседневной жизни, главным образом, Соборное Уложение. Из 1 173 книг Уложения (ценой 1 руб.), проданных в лавке в 1649–1650 гг., 400 экземпляров были приобретены провинциальными дворянами²⁰. Это был наибольший показатель среди всех других социальных групп. С.П. Луппов отмечал, что «дворянство было основным покупателем Уложения, приобретя почти половину (45.7%) всех проданных экземпляров книги»²¹. Исследователь, однако, не выделял из общей среды дворян провинциальных, а учитывал их покупки наряду с покупками дворян московских и других столичных чинов. Между тем простой подсчет их приобретений позволяет отдать им в этом пальму первенства. Те, кто требовал издания Уложения, будучи больше всего заинтересованными в таком законодательном сборнике, и приобретали больше всего желанных книг.

Книгу «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (ценой 1 руб.) в 1650–1651 гг. покупали прежде всего люди московских чинов, стольники, московские дворяне, жильцы, знать, бояре, окольничие, приказные люди (всего было продано 95 книг). Из провинциальных дворян книгу купили только рейтарского строя выборный Мирон Дубинин из Владимира, костромич Роман Булычев и рейтарского строя Иван Жданов, который, возможно, также был провинциалом²². Следует отметить, что эта книга была нужна прежде всего начальным людям полков нового строя, которых в то время в среде дворян-провинциалов было немного.

Как известно, русские люди XVII в. были глубоко верующими, причем степень их религиозности зависела от уровня образования, которое в то время находилось полностью в ведении Церкви. Как правило, более образованные люди, стоявшие на верхних ступенях социальной лестницы, были и более верующими. Об этом свидетельствует, в частности, количество икон и книг в дворянских усадьбах. Грамотность помогала понимать содержание церковных служб и вникать в смысл церковных книг. В описании имущества московского дворянина Юрия Митусова (1690 г.) книги, преимущественно духовного содержания, занимают немаловажное место: «Миния Опщя, мелкая печать киевская; Треодь цветная старинная, с юсами; Псалтырь печатная старова выходу; Псалтырь новова выходу; Часаслов печатной; Канунник в коже в крас-

ной, уставом писан; Летапись печатная киевская; книга письменная Казанское взятие; книга письменная Гранограф; книга письменная Пафнутия Боравского чудотворца житие; книга печатная Максима Грека; книга письменная Родословная; книга письменная в коже из многих книг выписана; Святцы печатные киевские с жителями святых; Святцы письменные в коже; книга Уложенная печатная; книга Ефрема Сирина печатная; книга печатная о вере единой святой соборной и апостольской Церкви кафалицкой; книга печатная Цветник; книга Катихисис малой печатная; книга Часослов печатной киевской; книга Диопр мирезрительное зеркало; книга печатная о первенстве римском; книга письменная о старчестве; книга письменная о миропомазании; книга письменная Судебник; книга старинная певчая. И всех книг печатных и письменных дватцать семь... Да столпа тетрадей скорописных всяких, девяносто восемь тетрадей, да тетрадь печатная о благоверном стоянии в храме Божии, Букварь печатной кие[в]ской, Дванадесетные псалмы печатные, пять канунов, пять канунов уставных»²³. Книги в собрании Митусова были как рукописные, так и печатные, в том числе старопечатные и новых изданий.

Однако в приобретении книг духовного содержания дворянство значительно отставало от духовенства и торговых людей. Например, «Книгу о вере» в середине XVII в. приобрели всего 4 провинциальных дворянина – 2 из Коломны, 1 ярославец и 1 пошехонец (купил 2 книги), всего же было продано 111 книг. Толковое Евангелие купили только 2 провинциальных дворянина – костромич Иван Андреев (2 книги) и Богдан Федосеев из Звенигорода, всего было продано 126 книг²⁴. Пролог также приобрели 2 костромича (4 книги) и 1 казанец (2 книги), всего было продано 110 книг. Минеи месячные купили костромич Фадей Матвеев сын Бельский (за сентябрь, октябрь, февраль и июль в тетрадах) и лучанин Иван Неклюдов (26 книг в тетрадах за разные месяцы), всего же было продано 304 книги²⁵. Библия, впервые напечатанная в 1664 г., раскупалась очень быстро (1 456 книг), однако, по подсчетам С. Луппова, дворянство приобрело не более 13% всех книг. Одна из них досталась упомянутому выше Ю. Митусову, который в то время имел чин жильца²⁶. Среди этих 13% трудно выделить провинциальных дворян, но, я полагаю, Библию в то время приобрели не более 10 человек этой социальной группы²⁷. Такую невысокую активность провинциального дворянства в области приобретения печатных книг можно объяснить его общей бедностью и дороговизной печатных изданий. При этом многие из дворян были весьма начитаны в Священном писании и постоянно цитировали не только эти книги, но и произведения отцов Церкви. Так, например, И. Крюков пишет своему будущему родственнику Видуле Ивановичу, что он «малоумен и Божественного писания не навычен, обаче и забытлив», однако при этом цитирует Иоанна Златоуста, называя его «великим светильником»: «Паки глаголю и глаголю не престану», также упоминает о том, что «по благодати Господа нашего Иисуса Христа по духу наречемся все братья»²⁸. Для многих писем характерен высокий стиль, пафосный слог, обилие упоминаний о предании своей судьбы в руки божественного Провидения: «Обретаюсь в живых и впредь уповаю на милость всещедрого Бога», «мы у себя в деревнишках ... обретаемся в живых, а впредь Христос волен»²⁹. Идущий на службу Яков Похвиснев просит родителей отслужить за него молебен³⁰.

Провинциальные дворяне неоднократно отправлялись паломниками в монастыри для того, чтобы помолиться и поклониться святым мощам. Этому придавалось большое значение во время болезней и при исцелении ран. Так, например, в 1642 г. новгородец Никита Чортов просил отпустить его помолиться в Соловецкий монастырь. Он сообщал, что во время Смоленской войны был ранен из пищали и болел 3 года, во время болезни обещал съездить помолиться соловецким чудотворцам. Хотя в том году и объявлена была служба на береговой черте в Туле, новгородцы распределялись по третям, и Чортов обещал успеть приехать на службу «в другую перемену». В марте 1642 г. новгородец Бежецкой пятины Гордей Дмитриев сын Маврин также просил отпустить его в Соловецкий монастырь для молитвы³¹.

Многие дворяне успевали исповедоваться и причащаться и во время службы, в дальних походах. В Разряде сохранился список бывших у исповеди и причащения святых тайн дворян и жильцов сотни кн. И.Г. Ромодановского в Петров и Успенский посты

в походе 1655 г. Исповедовались и причастились 2 дворянина и 10 жильцов, исповедовались, но не были у причастия 10 жильцов, не постились 1 дворянин и 43 жильца, против имени одного из них, кн. А.С. Шаховского, сделана приписка: «болен»³². Таким образом, большинство сотни уклонилось от соблюдения необходимых обрядов. Можно думать, что исповедовались и причащались прежде всего раненые и больные, опасавшиеся смерти без покаяния, однако, с другой стороны, болезнь могла помешать соблюдению поста. Нет свидетельств о том, как соблюдались посты в других сотнях, в том числе сотнях провинциальных дворян, однако можно предположить, что соотношение постившихся и не постившихся в них было примерно одинаковым.

Несмотря на то, что дворяне были верующими, иногда истово, они относились к своим крестьянам как к живому товару, не стесняясь их продавать, закладывать, передавать в наследство или по рядной записи оплачивать крестьянским имуществом и дворами свои долги. Многие исследователи полагают, что в русском обществе XVII в. понятия личной чести, в отличие от родовой, не существовало. Другие считают, что понятие чести «проникало во все служилое сословье почти до самых его низов»³³. Род и родители действительно играли немаловажную роль в положении на иерархической лестнице и, следовательно, степени «честности» того или иного лица. Оскорбление служилого человека воспринималось как оскорбление его родителей и наоборот. В середине века при написании по выбору иногда требовалось подтверждение принадлежности выбранного к определенному роду. Так, например, в январе 1650 г. челобитную о написании по выбору подал новоторжец Пимен Савельев сын Орлов. Он писал, что проходит рейтарскую службу с окладом в 350 четвертей, по дворовому списку служит 18 лет, «а родители мои, Белемишевы и Орловы, служат тебе, государю, в стольниках, и в стряпчих, и во дворянех по московскому списку». П. Орлов указывал на свою службу в Ливнах и Белгороде при строительстве Белгородской черты. На подлиннике челобитной имелись подписи Андрея Васильева сына Орлова, Федора Григорьева сына Орлова, Дмитрия Иванова сына Орлова, Бориса Иванова сына Орлова, которые свидетельствовали «в том, что он, Пимин, наш Орлов»³⁴. Такие подтверждения, вероятно, стали требовать в связи с поступлением челобитных о проникновении в выбор неродовитых людей.

Особенно заботились о чистоте своих рядов новгородцы. В декабре 1642 г. новгородец Деревской пятины Н. Мещерский подал челобитную с жалобой на вновь поверстанных в 1641 г. по той же пятине Якима и Льва Аристовых, которые, по его мнению, ложно назвались детьми боярскими, утверждая, что дед их, Дмитрий Гурьев сын Аристов, служил по смоленскому списку. На самом же деле, как утверждал Мещерский, они были сыновьями крестьянина Аркажа монастыря Куземки (прозвище Собинка) Дмитриева и так записаны в монастырских книгах. Мещерский требовал исключить их из списков («по их искони вечной крестьянской природе») и назначить расследование, полагая, что они «искупили» себе запись в десятне в детях боярских, чтобы «с родители своими твоей государевы службы не отбыть». В феврале 1643 г. из Разряда в Новгород была отправлена грамота по этой челобитной с предписанием «сыскать», действительно ли такой факт имел место³⁵. В 1643 г. челобитную аналогичного содержания подал новгородец Водской пятины Иван Колобов о вновь поверстанных в Новгороде детях псковского посадского человека Воина Бутырского, Федоте и Иване, которые с этой целью даже подделали текст новгородской десяти 1606 г. и назвались детьми Воина Осеева. По этому поводу была подана и коллективная челобитная новгородцев. После проведения расследования в Разряде было решено вычеркнуть имена этих Осеевых из десятен и списков, о чем в августе 1643 г. также отправили грамоту новгородскому воеводе³⁶. В 1678 г. воевода Великих Лук И. Нашокин излагал содержание присланного ему из Разряда указа: «Велено ... Новгородского полку городов у дворян и у детей боярских полковые службы и розных строев у нетчиков полку касимовского царевича Василя Араслановича с товарищи, которые по последнему смотренному списку ... написаны в нетех, отнять *чести, у выборных выбор, у дворовых дворовой* (курсив мой. — Т.Л), да у них же, выборных и у дворовых, убавить окладов»³⁷. Как видим, выборный и дворовый чины воспринимались как честь, а упоминание их, или «прописка», — как

бесчестие. Как бесчестие воспринималось и назначение (выбор) на ту или иную службу, например, в нарядчики или знаменщики не в соответствии с социальным положением. В 1638 г. новгородец Я. Зверовский жаловался на то, что его выбрали в нарядчики, а он имеет дворовый чин и никогда в таких «позорных статьях» не был. Причиной такого выбора и недоброжелательности к себе Зверовский считал обычную зависть. Он был на службе под Смоленском, ранен в бою и взят в плен, где провел полтора года. По выходе из плена Зверовский был пожалован по дворовому списку и «поместным окладом». Теперь же его «семьями и заговорами по недружбе, которые з твоей государевы службы съехали ис-под Смоленска, рняяся тому, что я, холоп, за службишко пожалован, а они не пожалованы, и мимо, государь, прежних нарядчиков и знаменщиков выбирают во всякие позорные статьи»³⁸. Отсутствие понимания в Новгороде заставило Зверовского даже переписаться по Владимиру, где у него было поместье.

Смоленская служба вообще порождала много зависти и недоброжелательства в «городах». Вопрос о том, кто как вел себя под Смоленском, продолжал обсуждаться спустя годы. В июне 1638 г. приехавшие в Москву для отправки на береговую службу новгородцы, «подсмоленские осадничьи сидельцы» (11 человек), подали челобитную с жалобой на новгородца же Степана Елизарьева сына Корсакова, который называл их изменниками, целовавшими крест польскому королю, в то время как они находились под Смоленском до 19 февраля, до отхода войск боярина М.Б. Шеина. Сам же Степан, писали они, уехал со службы из-под Смоленска раньше, «подговоря с собою многую свою братью, а прожитком и животами он, Степан, у нас лутчей во всем городе». Таким образом, Корсаков не пожелал служить, имея для этого все экономические возможности. Челобитчики просили об очной ставке и допросе Степана, в чем заключается их измена, заметив при этом, что они приехали на службу в срок, в то время как Корсаков приехал после срока³⁹. Очная ставка и допрос состоялись в Разряде 15 июня. Корсаков сказал, что ему до «осадных сидельцев и дела нет», изменниками он их не называл, вражда же у него только с Иваном Судаковым, который его самого назвал изменником и хотел зарезать ножом. Корсаков заметил, что как он может быть хуже тех, кто целовал крест польскому королю в том, чтобы «2 месяца с ним не битца». Обе стороны ссылались на своих свидетелей⁴⁰. Чем закончилось дело, неизвестно, вероятно, примирением сторон, однако в этом случае новгородцы защищали именно свою личную честь как участников Смоленской войны.

В коллективной челобитной с жалобой на боярина и воеводу С.А. Урусова 1656 г. дворяне и дети боярские обращали внимание на то, что боярин их бесчестит, называя «не слугами и не бойцами». Как бесчестие воспринималось, судя по содержанию челобитной, и наказание, во всяком случае, без вины, кнутом, плетью, ослопьем⁴¹ и батогами. Самого же боярина дворяне бесчестили утверждением, что он не носил оружия, а ездил с одной тростью и боялся пушечной стрельбы⁴².

Отсутствие на службе или побег с нее могли стать основанием для оскорбления и бесчестия того или иного лица. В этом случае название «беглец» воспринималось именно как личное бесчестие. В январе 1666 г. из Пскова по челобитной был отпущен ротмистр рейтарского строя Панкратий Тимофеев сын Перский для женитьбы на сестре новоторжца Ивана Федорова сына Тыртова. Отпуск ему был дан на месяц, по 22 февраля 1666 г. Однако Перский задержался в отпуске до апреля, в связи с чем на него подал донос новоторжец Федор Романов сын Языков, назвав его «беглецом». Между ними произошла драка, однако затем, после того, как Языков узнал причину отсутствия Перского на службе, они помирились и принесли мировую челобитную⁴³.

Как бесчестие воспринималось иногда сотенными головами и назначение на службу с тем или иным воеводой, которого они считали «хуже» себя. В мае 1635 г., например, второй воевода полков, собиравшихся в Переяславле Рязанском, Дмитрий Остафьев жаловался на сотенных голов рязанцев П.Н. Лихарева, Д.А. Таптыкова и А.Ф. Сатина, которые, получив сотенные списки из рук воеводы Д.П. Львова, отказались возглавить сотни, так как посчитали для себя зазорным служить под руководством Остафьева. Они «лаяли» его в съезжей избе, называя «хуже себя», хотя сами должны были служить не в

его полку, а в полку Львова. Кроме того, упомянутые дворяне рязанцы собирались подать челобитную с жалобой на Остафьева и для этого обратились, как он писал, к родовитым людям Чевкиным, Волконским, Кобяковым и другим, надеясь заручиться их поддержкой⁴⁴. В полку товарища первого воеводы кн. Д.П. Львова отказались служить в 1645 г. воротынцы Гаврила, Матвей и Павел Тургеневы и просили даже отпустить одного из них в Москву «побить челом», потому что «преже ... мы, холопи твои, с большими воеводы бывали, с товарищами не бывали»⁴⁵. Частыми были и отказы служить в том или ином полку или даже в половине «города» вследствие «недружбы». Так, например, в 1645 г. выборный арзамасец Никита Емельянов сын Григоров, служивший ранее 19 лет в «житье» и написанный по Арзамасу по выбору всего год назад, просил написать его на службу в первую половину, поскольку в другой половине «арзамасы дворяне есть мне недруги, с Семеном Исуповым сошлась у меня недружба, а за Григорьем, государь, Нетесевым, живут беглые мои крестьянишка, и о тех, государь, беглых моих крестьянишках есть мое на нево челобитье. И за то, государь, они меня, холопа твоего бессемейнова, хотят напрасно затеснить». 4 февраля 1645 г. эта просьба была удовлетворена⁴⁶.

Бесчестием считались и ругательства в адрес конкретного лица. В 1635 г. муромец Иван Григорьев сын Лупандин подал челобитную на муромца же Никифора Петрова сына Дурасова, которого называл своим «кашехлепцем», т.е. приятелем, часто бывавшим у него в доме. На пути со службы из Одоева домой Лупандин доверил Дурасову сумки с товарами, купленными в Москве: ткань (киндяк) ценой в 1.5 руб., шапка мужская такой же цены и шапка женская атласная ценой 3 руб. Дурасов «прислал ... из двора ко мне сумки порожние, а тое рухледи не отдал ... учал меня лаять всякою неподобною лаею». Лупандин просил «дать суд на Дурасова в бесчестье»⁴⁷. По поводу нанесенного бесчестия предпочитали обращаться в суд, а не пытаться искать удовлетворения с помощью оружия, что было связано прежде всего с запретом Церковью на поединки и боязнию умереть без покаяния.

Предметы окружающей обстановки в поместьях провинциального дворянства в источниках упоминаются чрезвычайно скупо. В каждом поместье или вотчине существовал «двор помещиков» или «двор вотчинников», рядом с которым находился «двор людской», т.е. место, где жили слуги. Помещик и слуги могли жить в одном дворе только в случае крайней бедности помещика. Например, в поместье новгородца Федора Ушакова (1677 г.) имелось «хором две избы, да повалуша⁴⁸ о дву житьях»⁴⁹, да три анбара хлебных, да клеть, да напогребник, да ворота». Стоило это «дворовое строенье» 35 руб.⁵⁰ Повалуша и горница с комнатой на жилом подклете иногда соединялись сенями, к сеням пристраивались чуланы. Во дворе помимо хозяйственных построек имелись также конюшни, поварни, бани (мыльни). Все строения в помещичьей усадьбе были, как правило, деревянными, иногда достаточно высокими, в 3–5 этажей. Каменные палаты могли себе позволить только богатые бояре, другие высшие чины и дьяки. Двор был огорожен деревянным бревенчатым забором. Иногда дом владельца поместья или вотчины был крыт соломой, так же, как и крестьянские избы, но чаще покрытие было тесовым. В отличие от крестьянских изб топились господский дом «по-белому», т.е. имел печь с трубой и деревянные, а не земляные полы. Внутри дома на голых бревенчатых стенах висели предметы вооружения хозяина: кольчуга, шишак (вид боевого шлема), лук с саадаком, карабин, сабля. Вдоль стен стояли деревянные лавки и сундуки, на которых спали. Столы были дощатыми некрашеными, стульев не было⁵¹. Только в конце XVII в. наиболее богатые представители знати стали приобретать для своих домов стулья, кровати, зеркала, а также обивать стены различного рода тканями. В усадьбах они строили мосты, решетчатые ограды, разводили сады, где выращивали яблони, груши, сливы, малину, смородину, цветы гвоздики и проч.⁵²

В углу перед образами горела лампада. Иконы имелись во всех помещениях, однако лампады перед ними зажигались не всегда, только в дни праздников. О том, какие это были иконы и сколько их могло быть, дает представление духовное завещание Ю. Митусова 1690 г.: «Образ Пречистыя Богородицы Карсуньския в киоте, оклад серебряной резной, позолочен, венец резной, позолочен, у Спасова образа и у Богородицына оже-

релья в орефет⁵³ да серьги с зерны бечета⁵⁴, крест в серебре с зернами жемчужными, благословляю сына своего Стефана; образ Всемиловитого Спаса в киоте в деревяном, оклад серебряной гладкой с трубами, позолочен, венец резной, позолочен... образ Пречистыя Богородицы Троеручицы в киоте с притворы, оклад серебряной, позолочен, гладкой, венец с каруною, с каменьи и з жемчюги, ожерельи у Богородицы и у Спаса жемчужные в орефите... образ Пречистыя Богородицы Одегитрия Смоленския, оклад серебряной, вызолочен, венец резной с керуною и с камением, на полях Фрола и Лавра... образ Иоанна Богослова, оклад серебряной басманной⁵⁵, позолочен, венец серебряной резной, позолочен, на стороне Сергей чюдотворец... образ Александра Свирскаго чюдотворца, оклад серебряной басманной, позолочен, венец серебряной резной, позолочен, наверху Живоначальная Троица... образ Георгия Страстотерпца, оклад серебряной басманной, позолочен, венец резной, позолочен... образ Рождества Пречистыя Богородицы со многими святыми, венцы серебряные, позолочены, наверху Спасов образ, венец серебряной резной позолочен... образ трех святителей – Петра, Алексея, Ионы, – венцы и гривны серебряные резные, позолочены... образ Пречистыя Богородицы Покрова, венец и гривна серебряные, позолочены, з дванадесетными праздни, в киоте в жестяном за слюдою... образ Пресвятыя Богородицы Неопалимыя Купины неокладной... образ Николая Чюдотворца, да Дмитрея Прилуцкого чюдотворца, да Екатерины Христовы мученицы, да Ортемия Веркольского чюдотворца, венец и гривна серебряные, позолочены... да складни тройные на кипарисе, Воскресение Христова, да на стороне образ Пресвятыя Богородицы Карсунския, у Богородицы ожерелья и у Спаса, да на другой стороне многих святых, оклады серебряные резные, позолочены, да и венцы серебряные резные позолочены... образ Николая Чюдотворца каменной в серебре... образ Знамения Пресвятыя Богородицы, венец серебряной басманной, позолочен»⁵⁶. Конечно, не все провинциальные дворяне могли позволить себе так много икон, и не все из них были с серебряными позолоченными окладами, однако несколько икон, оправленных серебром, имел любой провинциальный помещик. Оклады с драгоценными камнями были лишь у единиц, но украсить иконы жемчугом мог дворянин и со средним достатком.

В домах дворян имелись ковры, «полсти» и попоны из шкур различных животных, в том числе медведя. Некоторые из них использовались для выездов в саних и повозках. В домах пользовались перинами, подушками, одеялами, покрывалами, наволочками, простынями. У достаточно богатых дворян простыни могли быть с «немецкими кружевами». Повседневная посуда – блюда, тарелки, кружки, кувшины, стаканы – была в основном оловянной. Имелись и серебряные вещи: кубки, братины, чарки, ложки. Кухонная посуда – сковородки, котлы, лохани, тазы, ендовы⁵⁷ – была, как правило, медной. Медными были подсвечники (шандалы), использовавшиеся для освещения помещений. Находилась в помещичьем доме и посуда для изготовления вина (водки) и пива: медные винные котлы с трубами и железные котлы для варки пива.

В поместье, как правило, были лошади. Так, у новгородца Василия Дубровского в 1674 г. конфисковали 11 лошадей ценой 33 руб. 13 алтын 2 деньги. Некоторые помещики, например, нижегородцы, в середине века имели собственные конские заводы. Кроме лошадей в поместье или вотчине держали коров, телят, коз, овец, свиней, кур и других домашних птиц. Для них строились конюшни, коровники, загоны, стойла. У многих помещиков были улья. Сеяли в поместьях и вотчинах рожь, овес, пшеницу, ячмень, горох, лен, коноплю⁵⁸.

Об одежде провинциальных дворян существует мало сведений. Например, рязанец Степан Волков зимой, на Рождество, был одет в «зипун лазорев настрафиль»⁵⁹, цена четыре рубли, да кавтан зачий под зеленым сукном, цена 3 рубли с полтиною, да шапка вишневая с пухом, цена полтора рубли, да сапоги сафьянные, цена полтина, да доломан обинной⁶⁰, цена два рубли»⁶¹. Новгородец Тимофей Бестужев, приехав в Москву, имел при себе чемодан с платьем, «рухлядыю» и деньгами, из которого, по его словам, украли 20 руб., «три камки, цена по три рубли с четвертью, да соболь, цена два рубли, да лисица, цена рубль»⁶². В 1690 г. галичанин Макарь Писемский подал в суд на мещанина Петра Матвеева, который держал «постоялую избу». Писемский не раз уже останавли-

ливался в этой своего рода московской гостинице XVII в. Однако на этот раз, когда он отправился к заутрене, у него был украден чемодан с одеждой и документами. В чемодане, судя по росписи, находилось: «денег пять рублей, серебра ломанова 20 золотников, да две государевы жалованные грамоты за вислыми красными печатями царя Ивана Васильевича, да две выписи помесные, да кобала, памятей заемных на пятнатцать рублей, и записей, всяких письменных крепостей пропало много, платья кавтан теплой, сукно коричное, мех лисей хрептовой, цена пятнатцать рублей, кафтан суконной зеленой холодной с нашивкою золотною, цена осмь рублей, да кафтан китайчной холодной, цена два рубли, шапка бархотная с соболем, цена два рубли, сапоги сафьянные – одне красные, другие зеленые, цена рубль, сафьян красной, цена тритцать алтын, завес выбойчетой, цена четыре гривны, да ключи подголовешные да погребцовые, рубаха да портки, цена десять алтын, чемадан четыре гривны»⁶³. Писемский, вероятно, приехал в Москву для решения в суде своего поместного дела, а возможно, и для взыскания долгов. Во всяком случае, интересно, что у него в чемодане были столь древние (еще времен Ивана Грозного) жалованные грамоты. Как видим, гардероб этого небогатого провинциального дворянина включал в себя 3 сменных кафтана, для холода и тепла, в том числе 2 суконных, 1 на лисьем меху, 2 пары сапог, перемену нижнего белья. Также имелась неизменная шапка с соболем. Ломаное серебро он, возможно, предполагал использовать для разного рода подношений. Писемский одет был гораздо лучше, чем рязанец Волков, который носил заячий кафтан за 3 руб. с полтиной. Сапоги стоили тогда, как видим, совсем недорого, всего полтина за пару. Впоследствии ответчик, указывая на расхождение в показаниях истца, отмечал в описи украденного также пуговицы шелковые «с шнурком» у коричневого кафтана, пуговицы серебряные золоченые у зеленого кафтана, собольи околыш, рукавицы лосиные⁶⁴.

На службу дворяне и дети боярские одевались более скромно, учитывая то, что ехать туда им приходилось иногда по грязи. Брянский сын боярский Яков Похвиснев упоминал о том, что для службы он приобрел камзол⁶⁵ и кафтан купит «серой служивой, в грязь таковской дорогой итить»⁶⁶. Необходимы были также суконные штаны. Похвиснев для похода купил лошадь и телегу. Между тем многие служилые люди во время скорых сборов на службу не брали с собой телег, а ехали налегке, «со выючихками». Не брали они подчас и перемен платья, так что в зимнее время бывало так, что у них «и з грязи платьишко огнило, а с лютых морозов около огней и последним платьишком обожглись»⁶⁷. Вплоть до конца XVII в. служилые люди в походах использовали куяк – доспех из материи и кожи с нашитыми металлическими пластинами, иногда подбитый ватой с набитыми медными гвоздями⁶⁸.

Зимой дворяне и дети боярские носили шубы или «шубные кафтаны». Верх их был суконным или из других тканей, а изнанка подбивалась мехом, как правило, лисим или заячьим. Бараньи шубы были только у крестьян. О том, какое платье и какие украшения носили жены, сестры и дочери провинциальных дворян, дают представление рядные и сговорные записи. Например, в 1690 г. арзамасцы Александр и Василий Петровы дети Воронцовы «сговорили» свою сестру Анну замуж за арзамасца же Семена Петрова сына Малахова: «а благословля мы сестру свою образом Воскресения Христова в окладе да образ Пресвятыя Троицы в окладе ж, да приданова платья, да ему шупку камчатную холодную с пуговицы серебряными позолочеными да круживо сребренное, да шупка кумачная на зайцах с круживом мишурным, да шупка киндяшная зеленая на зайцах с кистями, да треух камчатой куней; два кузни: крест сребреной да серьги позолоченные двойчатки, да перина з головьем, да приданных людей: Петрунька Иванов сын з женою Огашкою и да з дочерью Акилинкою, а он, Петрунька, в бегах, а жена ево и дом в лицах. Да вдова Уляшка Кирилова дочь с сыном Терешкою да з дочерью Прасковкою да с Палашкою, да крестьянин Ондрюшка Козмин з женою Катешкою да с сыном с Петрушкою да с Панькою, да з дочерью с Парасковкою и с ево крестьянскими животы, с хлебом стоячим и с молоченым, что посеял к нынешнему ко ста девяноста осмому году, и з дворовым строеньем; да вмesta приданова платья даю ему в бегах вдову Дуньку Митрофанову дочь да сына ее Силку Яковлева сына»⁶⁹. Как видим, приданое

было достаточно скромным, однако в нем присутствовали неизменные иконы, верхнее платье и серебряные позолоченные украшения. Как правило, в более богатых семьях к ним еще добавлялась серебряная цепочка, серьги с камнями, серебряные перстни, шитые золотом и серебром кокошники⁷⁰.

Сохранилась «роспись переписная животом ссыльного сына боярского Ивана Сухотина», который в 1657 г. обвинялся в похищении имущества умершего дьяка Федора Порошина. Роспись включает в основном предметы одежды: «охобень⁷¹ изуфор⁷² дымчатой, нашивка хамзянная; япанча⁷³, сукно смурое, без нашивки; япанча, сукно песошной цвет, нашивка длинная з золотом шелковая; шапка вершек бархат вишнев, с соболем без петель; шапка, сукно голубой цвет с пухом, петли жемчужные; шапка, сукно коричной цвет с пухом, петли жемчужные; шапка сукно коричной же цвет, с пухом без петель; кафтан проезжей теплой корчащей под стамедью⁷⁴ вишневою, нашивка снурок втишной шелк зеленой з золотом; два опашни⁷⁵, сукна червчатые с пугвицы серебряными, под одним подпушка камка⁷⁶ желтая, а другой подпушен дорогами⁷⁷ темно-зелеными; фerezи⁷⁸ муские теплые бельи под дорогами двоеличными, нашивка кизылбашская; фerezи ж холодные дорогильные голубой цвет, нашивка кизылбашская; летник⁷⁹ дорогильной лазоревой цвет, вошвы участок золотной; летник червчатой камчатой, вошвы участок серебряной; кафтан теплой черевей лисей под дорогами зелеными, пугвицы серебряные позолочены; однорядка⁸⁰ сукно вишневое, пугвицы серебряные позолочены; доломан, сукно коричной цвет, пугвицы серебряные позолочены; дылея⁸¹ турецкая сукно голубой цвет, нашивка втышная шелк вишнев; шувай⁸² дорогильной зеленой, снурок золотной; телогрея дороги червчаты холодная, пугвицы оловянные; охобень изуфрь вишневая, нашивка кизылбашская, подпушка дороги полосатые; шуба женская теплая черевьи лисьи под дорогами алыми, пугвицы серебряные позолочены, кругом шубы круживо окованое золотное; шуба лисьи лапки под отласом червчатым, кругом шубы круживо широкое кованое золотное; ожерелье бобровое накладное; штаны сукно багрецовое червчатые; шапка мисюрка⁸³, пара пистолей, оправа серебряная; наручны с надоланками⁸⁴»⁸⁵. Здесь перечислена достаточно дорогая одежда с использованием золотого и серебряного шитья, лисьих и соболиных мехов, бархата, жемчуга, серебра. Однако Иван Сухотин в Астрахань был сослан, вероятно, с понижением чина, а до этого был либо выборным дворянином, либо имел московский чин. Кроме того, в деле упоминается о перстне на руке Сухотина, который он использовал в качестве личной печати⁸⁶. Такое предназначение перстней было характерно для повседневной жизни того времени не только дворянства, но и купечества.

Повседневная жизнь провинциального дворянства менялась в соответствии с общими изменениями менталитета и бытовых представлений в стране. Постепенно повышалась потребность в грамотности, обучении, началось собирание библиотек, в основном, конечно, книг духовного содержания. Самые богатые гнались за модой, приобретая модную одежду и обувь, предметы мебели, устраивая в своих усадьбах сады и пруды. Вместе с тем изменения происходили медленно и затрагивали небольшой процент дворян и детей боярских «городов». Основная же масса служилых людей на местах была неграмотной, и хотя обращала большое внимание на вопросы веры и чести, собирала семейные архивы, но интересы ее в основном сосредотачивались вокруг урожая и цен на зерновые и скот. Впрочем, подобное положение с теми или иными нюансами было характерно и для следующего века.

Примечания

¹ Имеются в виду служилые «города», представляющие собой уездные корпорации дворян и детей боярских. Они разделялись на 3 чина: высшим был выбор (дворяне), затем шли дворовые дети боярские, и низший чин имели городовые дети боярские.

² *Высоцкий Д.А.* Общественно-политические взгляды поместного дворянства и внутреннее развитие Русского государства в XVII в. Дис. ... канд.ист. наук. Л., 1988. С. 35.

³ *Аксаков К.С.* Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1861. С. 234.

- ⁴ *Сторожев В.Н.* Тверское дворянство XVII века. Вып. 1. Тверь, 1891. С. 35–102.
- ⁵ Там же. Вып. 3. Тверь, 1894. С. 5–39.
- ⁶ Там же. Вып. 4. Тверь, 1895. С. 61–100.
- ⁷ РГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), оп. 66 (Книги Владимирского стола), № 14, л. 270–287 об.
- ⁸ Там же, л. 288–309.
- ⁹ Там же, л. 603–643.
- ¹⁰ Там же, л. 196 об.
- ¹¹ Там же, л. 562 об.–563.
- ¹² Там же, л. 812.
- ¹³ Грамотки XVII – начала XVIII в. М., 1969. С. 84.
- ¹⁴ РГАДА, ф. 210, оп. 9 (Столбцы Московского стола), № 216, л. 289–357.
- ¹⁵ Там же, л. 302, 311.
- ¹⁶ *Смирнов П.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. [М.], 1915. С. 16–17.
- ¹⁷ *Селиванов А.В.* Материалы для истории рода рязанских Селивановых. Ч.1. Рязань, 1912. С. 61–62.
- ¹⁸ Грамотки XVII – начала XVIII в. С. 118.
- ¹⁹ Там же. С. 119.
- ²⁰ Читатели изданий Московской типографии в середине XVII века. Л., 1983. С. 53–88.
- ²¹ Там же. С. 34.
- ²² Там же. С. 127, 128, 131.
- ²³ РГАДА, ф. 159 (Приказные дела новой разборки), оп. 2, д. 4086, л. 2.
- ²⁴ Читатели изданий Московской типографии... С. 89, 90, 92, 112, 113.
- ²⁵ Там же. С. 120, 123.
- ²⁶ Там же. С. 149.
- ²⁷ Там же. С. 132–157.
- ²⁸ Грамотки XVII –начала XVIII в. С. 39–40.
- ²⁹ Там же. С. 58, 60.
- ³⁰ *Алексеев В.* Брянские люди XVII века. Брянск, 2001. С. 55.
- ³¹ РГАДА, ф. 210, оп. 11 (Столбцы Новгородского стола), № 316, л. 737–738.
- ³² Там же, оп. 9, № 254, л. 570–571.
- ³³ *Новосельский А.А.* Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // *Новосельский А.А.* Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 190; *Козляков В.Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного Уложения). Ярославль, 2000. С. 132.
- ³⁴ РГАДА, ф. 210, оп. 6в (Книги Новгородского стола), № 31, л. 108–108 об.
- ³⁵ Там же, оп. 11, № 316, л. 683–692.
- ³⁶ Там же, л. 740–750.
- ³⁷ Там же, № 259, л. 451.
- ³⁸ Там же, № 83, л. 39.
- ³⁹ Там же, л. 61, 64–64 об.
- ⁴⁰ Там же, л. 65.
- ⁴¹ Ослон – дубина, острый конец которой был утыкан острыми железными шипами или окован железом.
- ⁴² Челобитная Новгородского разряду ратных людей на боярина и воеводу на князя Семена Андреевича Урусова и на столника князя Юрия Барятинского, написана статьями, и под теми статьями розметы государевы, 164 году // Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Русского Археологического Общества. Т. 2. СПб., 1861. С. 669.
- ⁴³ РГАДА, ф. 210, оп. 11, № 257, л. 7–11.
- ⁴⁴ Там же, оп. 9, № 107, л. 207.
- ⁴⁵ Там же, № 199, л. 151.
- ⁴⁶ Там же, л. 49–49 об.
- ⁴⁷ Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984. С. 173.
- ⁴⁸ Повалуша – неотапливаемое помещение на подклете с горницей.
- ⁴⁹ Этажах.
- ⁵⁰ РГАДА, ф. 141 (Приказные дела старых лет), оп. 6, (1678 г.), д. 69, л. 2.
- ⁵¹ *Алексеев В.* Указ. соч. С. 52.

- ⁵² Кузнецов В.И. Дворянская усадьба в структуре сельских поселений Российского государства // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1989. № 6. С. 52–59.
- ⁵³ В рефедь (арефедь, орефидь, рифидь) – ромбами, в косую клетку.
- ⁵⁴ Бечета (бечата, бичета) – самоцветный красный камень: яхонт, лал, рубин либо гранат.
- ⁵⁵ Басма – тонкий образной оклад.
- ⁵⁶ РГАДА, ф. 159, оп. 2, д. 4086, л. 1.
- ⁵⁷ Ендова – низкая большая братина для пива, браги, меда.
- ⁵⁸ Тихонов Ю.А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII и XVIII веков: Соуществование и противостояние. М., 2005. С. 85–97.
- ⁵⁹ Настрафиль – сорт сукна.
- ⁶⁰ Долومان – длинная верхняя одежда; обинной – из грубого сукна.
- ⁶¹ РГАДА, ф. 141, оп. 3 (1662 г.), д. 15, л. 15.
- ⁶² Там же, оп. 6 (1678 г.), д. 83, л. 9.
- ⁶³ Там же, оп. 7 (1690 г.), д. 255, л. 1.
- ⁶⁴ Там же, л. 48–52.
- ⁶⁵ Камзол – одежда без рукавов, напоминающая жилет.
- ⁶⁶ Алексеев В. Указ. соч. С. 55.
- ⁶⁷ РГАДА, ф. 210, оп. 9, № 310, ст. 6, л. 1, 2.
- ⁶⁸ Денисова М.М. Поместная конница и ее вооружение в XVI–XVII вв. // Труды ГИМ. Вып. 20. М., 1948. С. 36.
- ⁶⁹ Сговорные и рядные записи последней четверти XVII ст. и первой четверти XVIII ст. // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. XII. Вып. 1. Нижний Новгород, 1912. С. 74.
- ⁷⁰ Там же. С. 75.
- ⁷¹ Охабень – верхняя длинная мужская одежда с четвероугольным воротником.
- ⁷² Изуфрь – сорт шерстяной ткани.
- ⁷³ Епанча (япанча) – род накидки, плаща, широкое длинное верхнее платье без рукавов.
- ⁷⁴ Стамедь (стамед) – род шерстяной ткани.
- ⁷⁵ Опашень – мужская и женская верхняя летняя одежда свободного покроя с рукавами и на подкладке.
- ⁷⁶ Камка – китайская шелковая цветная узорчатая ткань.
- ⁷⁷ Дорога – восточная шелковая ткань.
- ⁷⁸ Ферезь – мужское длинное платье без воротника.
- ⁷⁹ Летник – род женской одежды.
- ⁸⁰ Однорядка – верхняя одежда из шерстяной ткани без подкладки.
- ⁸¹ Дылея – род длинной одежды.
- ⁸² Шувай – род кофты с рукавами.
- ⁸³ Мисюрка – род плема с железной верхушкой и сеткой.
- ⁸⁴ Надолонки – род военного доспеха для защиты ладоней.
- ⁸⁵ РГАДА, ф. 141, оп. 3 (1657 г.), д. 43, л. 33–35. Документ указан П.А. Прудовским.
- ⁸⁶ Там же, л. 6.

© 2010 г. А. С. МАЙОРОВА *

КУЛЬТУРА И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДВОРЯНСТВА САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ в конце XVIII – первой половине XIX века

Дворянская культура в общем социокультурном процессе в России на протяжении XVIII–XIX вв. занимала очень важное, порой ведущее место, что не вызывает сомнения у современных историков. Но если обратиться к региональному аспекту этой

* Майорова Алла Степановна, кандидат исторических наук, доцент Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

проблемы, то можно предположить, что доминирующее значение культуры дворянства не могло быть характерно для всех регионов России. Ведь дворянское землевладение существовало не везде. Кроме того, сама по себе сословная культура дворянства в такой обширной стране, как Россия, не могла быть абсолютно однородной. Данное исследование посвящено выяснению особенностей дворянской культуры на территории Саратовской губ., а также той роли, которая принадлежит местному дворянству в формировании культурного пространства губернии с конца XVIII в. до 1861 г. Нижней хронологической гранью является 1780 г. – дата образования губернии. Это событие повлекло за собой довольно быстрое увеличение количества помещичьих имений и способствовало численному росту дворянства. Л.Н. Юровский пишет, что в середине XIX в. Саратовскую губ. уже можно было назвать помещичьей¹. Верхняя хронологическая граница определяется кардинальным изменением условий существования помещичьего хозяйства, что повлекло за собой перемены в сословной культуре дворянства. Изучаемый период интересен также тем, что он включает десятилетия, которые в масштабах всей России считаются временем расцвета усадебной культуры (конец XVIII – начало XIX в.). Вопрос о том, была ли Саратовская губ. затронута этим явлением, требует особого внимания.

Специалисты в области регионоведения указывают на необходимость изучения культуры России с целью обретения региональной идентичности. Например, И.Я. Мурзина подчеркивает: «Введение понятия “региональная культура” позволяет расширить границы исследования и охарактеризовать специфику отдельных региональных общностей»². Основным направлением изучения она считает осмысление их этнокультурных различий. Но здесь важен не только этнокультурный, но и социокультурный аспект. Он дает возможность использовать современный системно-функциональный подход к области культуры. В связи с этим необходимо обратиться и к проблеме повседневной жизни определенного сословия, в данном случае дворянства. Особые черты повседневности позволяют оценить условия, в которых существовала духовная культура, и определить направления ее развития.

Формирование поместного и вотчинного землевладения в Саратовском Поволжье началось еще в XVII в., но до последних десятилетий XVIII в. оно протекало медленно. В конце XVIII в. этот процесс значительно интенсифицировался, что было связано с изменением геополитической обстановки в Северном Причерноморье и на Кавказе. В результате успешного завершения русско-турецких войн конца XVIII в. границы Российской империи продвинулись до Кубани. В соответствии с Кючук-Кайнарджийским мирным договором в ее подданство на Северном Кавказе перешли Кабарда, Северная Осетия и другие районы. По условиям Ясского мира 1791 г. Турция брала на себя ответственность за вторжения в пределы России закубанских народов, что составляло ранее постоянную угрозу для Нижнего Поволжья³. Линия русских крепостей, входивших в состав Кавказского наместничества, стала средством действенной защиты для нижневолжского региона.

В связи с укреплением безопасности территории Нижнего Поволжья и в результате целенаправленной политики правительства с конца XVIII до середины XIX в. количество дворянских имений здесь многократно возросло по сравнению с предшествующим временем. Т.В. Платонова показала неравномерность распространения дворянских имений по уездам. Так, например, в Сердобском, Петровском, Аткарском, Балашовском, Кузнецком и Саратовском уездах дворянское землевладение преобладало. В Хвалынском, Камышинском и Царицынском уездах оно не получило развития⁴. В Заволжье, южнее и юго-восточнее Николаевского уезда Саратовской (с 1750 г. Самарской) губ., его почти не было⁵.

Степень влияния дворянства на преобразование культурного пространства определенной губернии зависела от численного состава и уровня благосостояния представителей этого сословия в данной губернии или области. В изучаемое время уровень благосостояния определялся числом душ крепостных крестьян, которыми владел помещик. Массовые сведения такого характера по Саратовской губ. были найдены и раз-

работаны М.В. Булычевым только за 1834 и 1858 гг. На основании его подсчетов Платонова определила удельный вес групп дворян Саратовской губ., различавшихся по этому признаку, в указанные годы. Исследовательница относит к группе крупных и крупнейших вотчинников владельцев 500–1 тыс. душ крепостных мужского пола, их было менее 10%. Среднепоместных дворян, владевших 100–500 душами – менее 25%. Численность мелкопоместных землевладельцев (менее 100 душ) доходила до 70% и более⁶. Таким образом, в Саратовской губ. в 1830–1850-х гг. значительное большинство дворян принадлежало к числу мелких землевладельцев. Они не обладали достаточными возможностями, чтобы оказывать влияние на культурную ситуацию в губернии, поскольку самые яркие атрибуты дворянской культуры требовали значительных затрат.

В наибольшей степени это проявлялось в устройении усадеб. Они представляют собой системообразующий элемент сословной культуры в изучаемый период. В «Очерках русской культуры XIX века» дается обоснование интереса к миру усадьбы: «Загородный усадебный ансамбль стал той социокультурной средой, которая во многом определила стиль жизни представителей господствующего сословия»⁷. О.С. Евангулова выделяет следующие типы усадеб конца XVIII – начала XIX в.: «чисто хозяйственные» (ориентированные на получение дохода); места летнего пребывания – дачи вблизи столиц; большие усадьбы «мемориального» характера; царские резиденции и усадебные комплексы богатейших вельмож, ориентированные на массовые увеселения с участием публики; усадьбы-«замки» и универсальные усадьбы. Последний тип усадеб был наиболее распространен⁸. Объектом внимания исследовательницы являются «художественно организованные» поместья, вопрос об уровне достатка их владельцев не затрагивается, но можно догадаться, что уделять внимание эстетической стороне своего быта или научным занятиям могли только богатые помещики.

Влияние дворянства на культуру города никем не оспаривалось, однако изучено пока недостаточно. Л.В. Кошман отмечает, что дворяне (а в пореформенный период и зажиточное купечество) составляли «небольшую часть городского населения, в основном, губернского города, являлись городской элитой и оказывали влияние на культурную ситуацию в городе»⁹. Однако, по ее мнению, культура провинциального города – это культура разночинская¹⁰.

Первые труды об усадьбах Саратовской губ. появились в начале XX в., когда дворянская усадьба переживала острый кризис. Революция 1905–1907 гг., выступления крестьян, которые зачастую сопровождалась погромами и даже сожжением усадеб, заставили историков рассматривать их как «исчезающую реальность». Особенно драматичной была ситуация в Саратовской губ., где крестьянское движение в тот период приобрело наибольший размах. Например, работа В. Верещагина об усадьбе Голицыных в Зубриловке появилась через 3 года после ее сожжения в 1905 г.¹¹ Еще через 3 года А.А. Голомбиевский написал о другой богатой и некогда знаменитой усадьбе Саратовской губ. – в Надеждино¹², которая ко времени появления статьи уже не принадлежала своим прежним владельцам князьям Куракиным. В настоящее время существуют 2 обобщающие работы о дворянских усадьбах Саратовской губ. – И.К. Ежовой и О.Б. Сокольской¹³. Авторы монографий изучили частично сохранившиеся и не сохранившиеся усадебные комплексы как памятники архитектуры и садово-паркового зодчества XVIII–XIX вв.

Значительный вклад в изучение темы представляет совместная статья Е.К. Савельевой и Л.В. Пашковой об усадьбах Саратовской губ., получивших известность как памятники культуры¹⁴. В ней дана характеристика художественной ценности ряда усадебных комплексов, а также сведения о собранных в них произведениях искусства. Комплекс проблем, связанных с особенностями усадебной культуры Саратовской губ., рассмотрен в публикации материалов II Боголюбовских чтений¹⁵. Среди статей, посвященных отдельным усадьбам, следует отметить работу Е.К. Савельевой об имении Нарышкиных Пады (Балашовский уезд Саратовской губ.)¹⁶. Усадебной культуре саратовского дворянства конца XVIII – первой половины XIX в. посвящен отдельный

параграф в диссертации Т.В. Платоновой¹⁷. Исследовательница пришла к выводу, что уровень развития усадебной культуры в Саратовской губ. был невысоким: «Блестящие загородные дворцы и огромные пейзажные парки нельзя считать неотъемлемой чертой социокультурного пространства Саратовской губернии». Усадебная культура там «носила довольно эфемерный характер», что было связано с отсутствием «давних культурных традиций»¹⁸. При этом губернский город был центром общения дворянства губернии, которое во многом способствовало формированию городской среды, являясь носителем высокой культуры¹⁹.

Круг источников, на основании которых можно изучать усадьбы землевладельцев Саратовской губ. конца XVIII – первой половины XIX в., не слишком обширен. Наиболее интересные сведения содержатся в мемуарах современников. Исследователи неоднократно обращались к воспоминаниям Ф.Ф. Вигеля, который подробно описал и городскую жизнь, и особые черты крупнейших и наиболее известных усадеб Саратовской губ.²⁰ О том, в каком состоянии находился дворцово-парковый комплекс в Надеждино в 1848 г., повествует очерк Д. Карташева²¹. Описания усадеб мелких землевладельцев Саратовской губ. встречаются в записках В.А. Инсарского²², очерке А.Н. Минха²³.

Культура господствующего сословия Саратова в рассматриваемое время была на самом видном месте. Она во многом определяла его облик и, в некоторой степени, даже ритм жизни. Конечно, Саратов не являлся исключением среди губернских центров России. Тема пребывания дворянства в городе ярко освещена в записках И.И. Мешкова²⁴, мемуарах А.С. Пишчевича²⁵, записках К.И. Попова²⁶. Определенные сведения о жизни саратовского дворянства содержатся в автобиографических заметках Н.Г. Чернышевского²⁷. Упомянутый выше А.Н. Минх в очерке «Саратов и его жизнь в 1853 г.» создал яркую картину жизни города²⁸. Он описал особенности местоположения, планировки и застройки Саратова, показал влияние природной среды и промышленно-торговой деятельности населения на городскую жизнь. Значительное внимание автор уделил культурным ресурсам, подробно осветил бытовые привычки и формы проведения досуга дворянства.

Рассматривая вопрос о месте дворянской культуры в жизни Саратова с конца XVIII до середины XIX в., следует обратить внимание на то, какие перемены произошли в городе после придания ему статуса центра губернии. Мешков сообщает, что после этого в Саратове появилось большое число дворянских семей. Он утверждает, что до создания губернии «из дворянства никто в нем не жил, а находились все по деревням, купечества было незначительно, а прочие обыватели все принадлежали к низшему сословию»²⁹. Автор не совсем точно передает особенности социальной ситуации в Саратове в XVIII в. Обычно в городе проживали дворяне, находившиеся на военной службе. Но до образования губернии дворянских имений вблизи Саратова действительно не было³⁰. После создания губернии, по словам Мешкова, Саратов «переродился». Наиболее впечатляющие перемены были связаны с появлением в нем многочисленного дворянства: «благородная публика в городе сделалась огромною, составившись из определенных членов (т.е. назначенных на службу в органы управления. – А.М.) и дворянства, на житье оставшегося, семейства этих лиц его умножали. Все стало великопнее, торговля начала распространяться, привоз всего умножался»³¹.

На основании имеющихся источников невозможно судить, насколько изменилась планировка и застройка Саратова в последние десятилетия XVIII в. Известно только, что преобладали деревянные здания, город часто горел, вследствие чего изменялась планировка улиц. Определенной стабилизации в этом отношении удалось достичь только после 1812 г., когда правительство утвердило план города³². О том, как формировалась система городской застройки в первой половине XIX в., содержатся сведения в воспоминаниях К.И. Попова. Дворянские усадьбы стали важнейшим структурным элементом застройки в Саратове. Во многом именно они определяли облик города. Мемуаристы не уделяли особого внимания описанию этих усадеб. Пишчевич упоминает, что в начале 1790-х гг., по крайней мере, некоторые из них имели «верхнее

жилье» (возможно, речь идет о мезонинах). В доме Линицкого на стенах комнат висели картины, в кабинете хозяина стояла модная мебель. Упоминается и другой богатый многокомнатный дом (без имени его хозяина), в котором квартировал полковник, и где была возможность устроить кабинет для полковницы и поместить ее библиотеку³³. «Лучшие в городе дома», конечно, имели залы для танцев. По словам Пишчевича, в начале 1790-х гг. в Саратове «дни в неделю были разобраны лучшими в городе домами», в которые съезжались, чтобы проводить вечера за картами и танцевать³⁴. (У дворянского общества тогда еще не было собственного дома, он был приобретен в 1804 г.³⁵)

Судя по воспоминаниям современников, 1780–1790-е гг. являлись временем, когда дворянское общество в городе было многолюдным, и его представители не отказывали себе в удовольствиях. Позднее произошел отток дворянства в деревни. Платонова обратила внимание на замечание саратовских краеведов о том, что в первой четверти XIX в. образ жизни саратовцев был более скромным, чем в других губернских городах, что объясняется малочисленностью дворянства³⁶. Как видим, характеристика образа жизни в городе напрямую связывается с составом дворянского общества. Платонова приводит также впечатления Я.В. Сабурова, который посетил Саратов в 1830-х гг. Сабуров писал, что дворянское общество в городе, ранее многочисленное и богатое, утратило прежний облик, помещики разъехались по деревням. Он объясняет это экономическими трудностями, которые переживали помещики³⁷. Все это могло быть одним из последствий тяжелой эпидемии холеры, которая охватила Саратов в 1830–1831 гг.³⁸ Позднее, вероятно, начался новый приток населения в город, в том числе, и представителей дворянского сословия. В начале 1850-х гг. дворяне в городе снова заняли самое видное место. Минх красочно и не без удовольствия повествует: «К зиме съезжается снова саратовский “beaumonde”, начинаются балы, маскарады, театры; город снова оживляется... По улицам несется отличный рысак в щегольских санках, мелькает белая шляпка, и из-за вуали блеснет пара черных глаз губернской красавицы; или промчится губернский франтик в цилиндре, перегнувшись на сторону и любуясь бегом своего вороного; щегольская карета на лежачих рессорах, зимних полуколесах и парой кровных серых в упряжи; появится и тяжелый четырехместный возок с семейством А-ва, влекомый четверней огромных лошадей»³⁹.

Значительное место в мемуарах занимают описания развлечений саратовского «благородного общества». Несмотря на впечатление масштабности, всеобщего веселья, непритворного увлечения участников этих вечеров, праздничных обедов, балов и маскарадов, не следует забывать, что они были доступны только определенному кругу жителей города. К участию в них допускались и чиновники, но, видимо, не все. К.И. Попов упоминает, что губернатор А.Д. Панчулидзе (был губернатором с 1808 г. по 1826 г.) приглашал на балы чиновников своей канцелярии. Те из них, кто не могли участвовать в бале «по бедности», наблюдали за танцующими с хоров, на которых сидели музыканты⁴⁰. Формы увеселений дворянского общества в Саратове были те же, что и в других губернских городах, поскольку все они ориентировались на столицы.

В то же время дворяне не ограничивались развлечениями замкнутого, сословного характера, они принимали участие и в народных праздниках. В воспоминаниях Попова есть описание празднования Пасхи в Саратове в первой четверти XIX в. Он сообщает, что в городе было «исстари заведено в неделю Пасхи устраивать для удовольствия жителей качели на Театральной площади, палатки, столики для распродажи разных закусок, сластей и балаганы для фигляров». Посмотреть на него и принять в нем участие съезжались представители городской верхушки – «семейства почетных дворян, чиновников и купцов». Они приезжали в каретах и различных экипажах. Мемуарист особо отмечает «пышные наряды» женщин и девушек, которые хотели «людей посмотреть и себя показать». Богатые гости праздника объезжали вокруг площади. Экипажей было много, они выстраивались «ряды в три»⁴¹.

Наши представления об образе жизни дворян в Саратове, об их влиянии на праздничную культуру города дополняют сведения о загородной усадьбе губернатора Панчулидзева. Она является наиболее известной саратовской усадьбой изучаемого периода.

Внимание современников она привлекала своими масштабами, особенностями благоустройства и необычной удаленностью от города. Новым для своего времени являлось и то, что «дача Панчулидзева», как ее называют авторы мемуаров, была открыта для публики в праздничные дни и выполняла функцию городского общественного сада. «Сюда, – пишет Попов, – в весеннее и летнее время в праздники и торжественные дни саратовцы всех сословий сходились гулять, пользоваться приятным воздухом и благотворным запахом цветов». Вход в сад был бесплатным: «запрещения не было никому, только бы прилично были одеты и держали себя пристойно»⁴². Можно усомниться в том, что в сад допускали «все сословия», оговорка насчет приличной одежды и пристойного поведения свидетельствует о реальном наличии ограничений для посещения сада. И все же дача Панчулидзева фактически была первым общедоступным садом в Саратове. Устраивая его, Панчулидзева следовал определенной моде. Существование подобных частных садов было характерно для Санкт-Петербурга и Москвы. О.С. Евангулова отмечает, что в конце царствования Екатерины II дачи А.А. и А.Л. Нарышкиных в окрестностях Санкт-Петербурга, а в Подмоскovie имения Кусково и Останкино «были предназначены не только для личного пользования и приема небольшого числа знакомых, но и для более широкого круга посетителей и участников празднеств»⁴³.

Усадьба Панчулидзева была создана позднее, чем знаменитые дачи столичных вельмож. Вначале был насажден сад (к 1812 г. он уже несколько лет существовал)⁴⁴. Усадебные постройки были возведены, как считают саратовские исследователи, в 1821 г.⁴⁵ Территория, на которой находилась усадьба, в середине XIX в. вошла в черту города. Усадебные постройки не сохранились, в 1854 г. на их месте было возведено здание Мариинского института благородных девиц⁴⁶. Дача Панчулидзева занимает в истории Саратова особое место – ничего, равного ей по масштабам, впоследствии не построили. Дело в том, что к 1820-м гг. создание подобных комплексов в России утратило актуальность⁴⁷.

Описания сада, принадлежавшего Панчулидзеву, оставили К.И. Попов и Н.Г. Чернышевский. Попов сам бывал в этой усадьбе, а Чернышевский опирался на «рассказы бабушки и бабушкиной компании». Существенных расхождений у двух мемуаристов не наблюдается. Чернышевский отмечает, что усадьба Панчулидзева представляла собой «огромный (пропорционально тогдашнему саратовскому размеру) дом, с флигелями, службами, с другим домом, поменьше, но тоже большим, под боком, и у этого дома флигеля и службы, – все это тянулось, быть может, на целую треть версты, если считать по длине каменного забора»⁴⁸. Попов пишет, что из гостиной дачного дома «был выход на терраску в цветник. От цветника были проведены три аллеи, разделявшиеся разного рода деревьями: вишнями, бергамотами, дулями⁴⁹, сливами и местами сиренью и акациями». По сторонам от аллей располагался яблоневый сад. Аллеи тянулись до пруда, который разделял рощу на две части. В саду, на пруду и в роще были сооружения малых архитектурных форм: «по саду разбросаны были хорошо устроенные беседки..., чрез пруд проведены мосты лучшего устройства; около пруда и в самой роще были сделаны разных форматов и архитектуры беседки, скамейки и столики». Дорожки, окружавшие рощу, были расчищены и обсажены кустарником. Пруд тоже представлял зрелище благоустроенного уголка природы, там «были лодочки, плавали лебеди, гуси лучшей породы и разных пород утки»⁵⁰. Чернышевский передает восторг смотрящего издали наблюдателя, у которого захватывает дух от сказочного зрелища: «Сад с прудами, пруды с островами и мостами, острова с киосками, киоски с цветными стеклами, цветные стекла с – нет, уже ни с чем больше, только сами с собою. По прудам плавали люди в лодках и лебеди без лодок, в роще и в саду, на мостах и на прудах и островах бывали иллюминации и фейерверки, в домах бывали балы и банкеты»⁵¹. Следует отметить, что элементы обустройства сада были ориентированы на «столичные стандарты». На основании описаний некоторых дач петербургских вельмож, составленных в конце XVIII в. И.Г. Георги, видно, что «водные аттракционы» были популярны в окрестностях столицы⁵².

Устройство таких масштабных комплексов, как усадьба Панчулидзева, было возможно только при наличии у владельцев солидных доходов. Даже в губернском городе такая усадьба являлась исключением, а в уездных городах Саратовской губ. ничего подобного не наблюдалось. Во многих из них в конце XVIII – первой половине XIX в. дворянство было представлено слабо или даже совсем отсутствовало⁵³.

На основании мемуаров можно составить представление о дворянских усадьбах в имениях. Интерес со стороны современников и потомков вызывали, в первую очередь, наиболее богатые усадьбы знати. А.А. Голомбиевский отмечал, что представления о «грандиозных роскошных усадьбах» чаще всего связаны с подмосковными имениями или дачами вблизи Санкт-Петербурга. Но бывали и исключения: «недовольные дипломаты, администраторы, обломки прежних царствований, экс-фавориты и потерявшие “кредит” любимцы удалялись в свои деревни и строили там себе дворцы». В Саратовской губ. были 2 усадьбы, которые появились именно таким образом – Зубриловка в имении князей Голицыных на реке Хопер и Надеждино, принадлежавшее князьям Куракиным⁵⁴. Описания этих усадеб и быта их владельцев, сделанные Ф.Ф. Вигелем, дополняются сведениями Верещагина и Голомбиевского.

«Самые роскошные» усадьбы Саратовской губ. начали формироваться с 1780-х гг. Начало устройства других знаменитых усадеб, которые существовали к середине XIX в., приходится уже на 1820–1830-е гг. К ним относятся усадебные комплексы в имениях Львовых – Бобылевке, Устиновых – Беково, Орловых-Денисовых – Шиханы⁵⁵. Владения Голицыных и Куракиных находились в крайних западных частях Саратовской губ., где дворянское землевладение появилось еще до создания самой губернии. Уровень благосостояния владельцев этих усадеб был намного выше, чем у соседних помещиков. Вигель пишет, что в начале XIX в. Зубриловка и Надеждино «красовались и славились... не только во всем околотке, но и во всех соседних губерниях»⁵⁶.

Основатели усадебных комплексов в Надеждино и Зубриловке оказались «отлученными» от императорского двора в самом конце эпохи, когда процветал фаворитизм. Кн. А.Б. Куракин, блестящий придворный, в 1782 г. был вынужден покинуть Петербург. Современники считали, что императрица не желала его видеть в столице из-за его искренней привязанности к наследнику Павлу Петровичу. После этого Куракин обосновался в своем имении Борисоглебском Сердобского уезда, переименованном им в Надеждино⁵⁷. Здесь по его распоряжению был построен сначала большой деревянный дом и разбит парк. Куракин тогда еще возлагал большие надежды на скорое возвращение в столицу. Об этом, кстати, говорит и новое название имения. Но надежды не оправдались, и спустя 9 лет после водворения владельца в Надеждино был выстроен каменный дом, который окрестные жители называли дворцом⁵⁸. Лишь в 1796 г., когда на престол вступил Павел I, князь получил возможность вернуться в Санкт-Петербург. Куракину был пожалован чин тайного советника, он стал государственным вице-канцлером. Однако при дворе Павла никто, даже искренне привязанный к нему с детских лет кн. Куракин, не мог долго оставаться в фаворе. В октябре 1798 г. князь был уволен от должности и вернулся в Надеждино. На сей раз его удаление от двора оказалось не столь длительным: в 1801 г., после воцарения Александра I, князь снова стал занимать придворные должности⁵⁹. Бывал ли князь в своем саратовском имении после возвращения к активной политической жизни, Голомбиевский не указывает. Унаследовавший имение племянник А.Б. Куракина и его потомки до конца 1860-х гг. не уделяли внимания этому владению⁶⁰.

Если имение Куракина в Сердобском уезде являлось наследственной вотчиной, то имение С.Ф. Голицына Зубриловка в Балашовском уезде было куплено им в 1780-х гг. Голицын был тогда генерал-майором и бывшим флигель-адъютантом Екатерины II⁶¹. Он не принадлежал к «знаменитой ветви» Голицыных, но смог сделать карьеру благодаря родственным связям: он был племянником президента военной коллегии З.Г. Чернышева и супругом племянницы Г. Потемкина⁶². Впоследствии потомки С.Ф. Голицына рассказывали, каким способом новый владелец имения сумел его благоустроить. Роскошный барский дом, красивая церковь, парк, цветники и оранжереи

были созданы трудом солдат Смоленского драгунского полка, который стоял в Зубриловке⁶³. Первые сведения о пребывании Голицына с семейством в этом имении относятся ко времени после 1797 г., когда он был отправлен Павлом I в отставку. Но тогда Голицыны не остались надолго в Саратовской губ. и вскоре уехали на Украину⁶⁴. При вступлении на престол Александра I С.Ф. Голицын был назначен инспектором Лифляндской инфантерии и генерал-губернатором Прибалтийского края, но в 1804 г. по собственному желанию вышел в отставку и «поехал жить на зиму, как все тогдашние бояре, в Москву, а на лето в свою Зубриловку»⁶⁵. Этот образ жизни он вел в течение нескольких лет, затем вновь был призван на военную службу и в 1810 г. погиб. Имение перешло по наследству его сыну Ф.С. Голицыну, который потратил много сил и средств на его благоустройство. После его смерти в 1826 г. Зубриловка ненадолго стала владением его брата Давыда (он вскоре погиб), а затем – сына Александра до его смерти в 1863 г., после чего хозяином имения стал, в свою очередь, его сын⁶⁶. Зубриловка, как в изучаемый период, так и позднее, была обитаема и являлась предметом забот владельцев.

В отличие от усадьбы Голицыных, «дворец» Куракина уже в середине XIX в. выглядел заброшенным. Тем не менее и тогда он привлекал внимание соседних помещиков, которые могли его посетить. Усадебный комплекс в Надеждино поражал своей красотой, живописным сочетанием построек с окрестным пейзажем и сохранившимися интерьерами, которые «переносили воображение лет на 30 назад». Впечатления от посещения усадьбы и парка описаны сердобским землевладельцем Д. Карташевым, который побывал в Надеждино летом 1848 г. Он подчеркивает «изящную простоту» в убранстве комнат и зал, чувство ностальгии по прошедшим временам и с грустью констатирует: «Надворные здания приходят в разрушение, прекрасные фасады их кое-где обезображены лубочными заделками окон, местами солома покрывает каменные стены; колонны склоняются на стороны... А давно ли все это было построено?»⁶⁷. «Седой дворецкий» мог провести по комнатам желающего увидеть ее внутреннее убранство. Разумеется, впускали во «дворец» людей, одетых не по-крестьянски. А в те годы, когда в Надеждино жил хозяин, в усадьбу часто съезжались гости. Здесь бывали пензенские и саратовские губернаторы, представители уездной администрации Сердобска Огаркин и Каракозов⁶⁸ и менее значительные лица из числа местных помещиков. Передавая впечатления своего отца, Вигель отмечает, что гости Куракина бывали поражены «изобилием и пышностью», неожиданно встреченными «в глуши»⁶⁹.

Гостеприимными хозяевами были и первые владельцы Зубриловки – С.Ф. и Ф.С. Голицыны, что также подчеркнуто в воспоминаниях Вигеля. Две богатейшие усадьбы, которые существовали в Саратовской губ. с конца XVIII в., не только демонстрировали роскошно устроенный дворянский быт. Это были дворцово-парковые ансамбли, созданные по образцам императорских и великокняжеских загородных резиденций, что было сразу же отмечено современниками. Вигель пишет, что Ф.С. Голицын, получив по наследству Зубриловку, начал переделывать усадьбу, «чтобы замок его походил на Павловский дворец», и проявлял бурную деятельность по устройству аллей в парке и водоемов⁷⁰.

Владельцы Зубриловки и Надеждино собрали коллекции произведений изобразительного искусства, прежде всего, портретов. В усадьбе Куракина интерьеры были украшены также гравюрами, которые создавались по заказу владельца, правда большая часть этих ценностей к середине XIX в. была вывезена наследниками в другое имение⁷¹. Предметы мебели, частично сохранившейся в усадьбе на протяжении полувека, в свое время дорогой и очень модной, превратились в музейные экспонаты⁷². В Зубриловке кроме галерей портретов была ценная коллекция произведений прикладного искусства – «фарфора, мрамора и бронзы», собранная, в основном, Ф.С. Голицыным. Все это оставалось в усадьбе до ее разгрома в 1905 г.⁷³ Таким образом, в изучаемый период усадьбы Куракина и Голицыных, являясь образцами дворцово-парковых комплексов, одновременно были дворцами-музеями для дворян-соседей.

Возможно, именно на них ориентировались наиболее состоятельные землевладельцы Саратовской и других соседних губерний, когда создавали собственные усадьбы, коллекционировали произведения искусства, собирали библиотеки. К середине XIX в. начали формироваться усадебные комплексы в Бобылевке Балашовского уезда, в Беково Сердобского уезда, в Шиханах Вольского уезда. Их можно отнести к числу «художественно организованных» поместий, но более скромных, чем имения Куракина и Голицыных. Расцвет усадебной культуры в Саратовской губ. относится ко второй половине XIX в.

Большинство имений Саратовской губ. принадлежало малосостоятельным дворянам. Мемуарист В.А. Инсарский происходил из среды таких землевладельцев, его саратовские родственники тоже были «маленькими помещиками». Инсарский описывает поездки в село Глядовку, в имение, полученное в приданое двоюродным братом мемуариста И.И. Пловым⁷⁴. (Глядовка относилась к Саратовскому уезду и была довольно большим селом, но она разделялась между несколькими собственниками⁷⁵.) Дом Пловых в Глядовке был настолько мал, что в нем не могли разместиться все приехавшие гости: «Маленький господский дом поступал в распоряжение старших, все остальные на походную ногу располагались по амбарах, сараям, сеновалам и т.п.»⁷⁶. Основным развлечением для мужчин в таких поместьях была охота.

Особые черты социокультурного облика саратовского дворянства связаны с рядом факторов. Дворянское сообщество Саратовской губ. сформировалось довольно поздно – в конце XVIII в. – и в короткие сроки. Здесь не было традиций усадебной культуры в том виде, в каком они существовали в регионах России с давней историей дворянского землевладения. Дворянские усадьбы не были распространены повсеместно в губернии. Уровень обеспеченности помещичьего хозяйства крепостными крестьянами был невысоким, поэтому местные землевладельцы постоянно занимались переселением крестьян в свои саратовские имения. Наиболее интенсивно этот процесс шел в 1820–1830-х гг.⁷⁷ От наличия достаточного числа рабочих рук зависели возможности помещиков создавать усадьбы, от уровня их доходов – затраты на удовлетворение собственных культурных потребностей и на участие в осуществлении мероприятий губернского масштаба. В Саратовской губ. контраст между мелкопоместными землевладельцами и богатейшими дворянами в социокультурном плане заметен очень ярко. В связи с этим необходимо сказать, что усадьбы Куракина и Голицыных, созданные в конце XVIII в., сыграли особую роль в культурном пространстве губернии. Они были своего рода трансляторами высоких достижений дворцово-паркового искусства и образами дворцовых музеев для окрестных помещиков, которые туда приезжали. Бедные дворяне зачастую не имели другой возможности увидеть своими глазами дворцы и пейзажные парки. Более состоятельные землевладельцы видели в богатейших усадьбах образцы, которым стремились подражать.

Несмотря на трудности, которые возникали при налаживании хозяйства на новых местах, саратовские дворяне стремились участвовать в культурном процессе, как в масштабах Саратовской губ., так и в масштабах всей России. Однако это участие ограничивалось определенными сферами. К ним не относился литературный труд. Среди выдающихся русских писателей XIX в. нет представителей саратовского дворянства. Они не смогли реализовать свои художественные вкусы и в области архитектуры. Ввиду отсутствия у местных дворян необходимых средств, этот вид искусства в рассматриваемый период не получил в Саратовской губ. массового развития. Дворяне не смогли украсить репрезентативными постройками губернский город. Из особняков, возведенных с конца XVIII до середины XIX в., которые считаются украшением Саратова, местным дворянам принадлежали только дом М.А. Устинова (второе десятилетие XIX в.)⁷⁸, дом П.И. Иванова (1810-е гг.)⁷⁹, дом кн. Баратаева (1830-е гг.)⁸⁰ и дом С.А. Скибиневского (завершен в 1847 г.)⁸¹. В описанной выше загородной усадьбе губернатора Панчулидзева было 2 дома. Но ни один из них не вызвал восторга мемуаристов своей архитектурой. В середине XIX в. А.Н. Минх писал: «Саратов не отличается красотой зданий и улиц, это обширный город со множеством деревянных старых строений и заборов»⁸². Выдаю-

щиеся памятники архитектуры в изучаемый период были возведены в Надеждино и Зубриловке (хозяева этих имений в Саратове не проживали). В 1830 г. в с. Беково Сердобского уезда начал формироваться третий усадебный комплекс, который отличался «несомненными достоинствами как памятник архитектуры», но по масштабам уступал усадьбам Куракина и Голицыных. Беково тогда принадлежало М.А. Устинову⁸³.

Большинство саратовских дворян, не обладая солидными доходами, «подстраивались» под вкусы наиболее состоятельных землевладельцев и участвовали в организуемых ими мероприятиях, если это не требовало больших затрат. Отчасти следствием этого можно считать успешное развитие в Саратовской губ. театрального искусства, как в изучаемый период, так и позднее. Увлечение театром, ставшее модой в среде русской аристократии со второй половины XVIII в., в значительной степени затронуло и верхушку саратовского дворянства. В конце XVIII – начале XIX в. театральное искусство в Саратовской губ. было атрибутом богатых дворянских усадеб, владельцы которых создавали труппы крепостных актеров. В имениях Куракина, Голицыных, Столыпиных, Бахметевых существовали крепостные театры; некоторые из них давали представления и тогда, когда в Саратове уже действовал общедоступный театр⁸⁴.

В городской усадьбе Панчулидзева на рубеже XVIII–XIX вв. силами крепостных тоже ставились спектакли. Первый общедоступный театр в губернском городе был открыт в 1803 г. помещиком Г.В. Гладковым в специально построенном здании, но через 4 года хозяин перевел труппу в Пензу⁸⁵. В 1810 г. А.Д. Панчулидзева построил на Хлебной площади в Саратове деревянное здание для своего театра. Так же, как и гладковский театр, он был общедоступным, и основу его труппы составляли крепостные актеры. Но уже к середине 1820-х гг. владелец стал приглашать на работу гастролеров, а затем сдал свой театр в аренду⁸⁶. Можно считать, что с этого времени антреприза заменила в Саратове крепостной театр. В город, сменяя друг друга, приезжали различные труппы актеров⁸⁷.

К середине XIX в. театральное искусство в Саратове стало доступным для широких кругов населения, театр пользовался большой популярностью. В то время Саратов уже считался одним из «театральных» городов провинции, в этом качестве он упоминается в произведениях А.Н. Островского. Репертуар театральных трупп, которые работали в городе, говорит о взыскательном вкусе местной публики. О том же свидетельствуют неоднократно предпринимавшиеся попытки добиться разрешения постановки в Саратове комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». Например, в 1861 г. разрешения поставить запрещенную комедию просили влиятельный саратовский дворянин, попечитель театра А. Столыпин и губернатор А.Д. Игнатьев (запрет на постановку был снят позднее, произведение Грибоедова было поставлено в саратовском театре в 1864 г.)⁸⁸. В дальнейшем театральное искусство успешно развивалось, и до настоящего времени Саратов продолжает сохранять репутацию одного из «театральных» городов России.

Увлечение музыкой также было распространенным явлением в среде саратовских землевладельцев. Богатейшие из них могли позволить себе содержание оркестров из крепостных крестьян. У кн. Куракина в Надеждино было 2 оркестра, один из них – роговой (он был создан, очевидно, чтобы показать изысканность вкуса его владельца)⁸⁹. В семье Бахметевых увлечение театром и музыкальным искусством, можно сказать, передавалось по наследству. Один из представителей этого рода Н.И. Бахметев (1807–1891) сам был хорошим музыкантом и дирижером. Он получил образование в Пажеском корпусе и одновременно обучался игре на скрипке. В 1842 г. Бахметев вышел в отставку и приехал в свое имение Бахметевку Аткарского уезда. Очевидно, к тому времени в его поместье уже существовали оркестр и хор из крепостных, потому что уже в сезон 1842–1843 гг. он привез своих певцов и музыкантов в Саратов и давал в городе концерты. Репертуар его крепостных музыкантов включал сложные произведения, требующие серьезной профессиональной подготовки – исполнялись отрывки из опер и ораторий⁹⁰. В 1848–1851 гг. прошел еще ряд концертов оркестра Бахметева, в которых он выступал не только как руководитель, но и как скрипач-солист⁹¹. После 1861 г. судьба Бахметева уже была связана с Санкт-Петербургом, ему удалось добиться всемирной известности в качестве музыканта и композитора.

Не все саратовские дворяне могли содержать собственные оркестры, но некоторые из них сами увлекались музицированием. Минх в своем очерке отмечает, что в городе много любителей музыки и что в доме Цеклинских каждую неделю бывают музыкальные вечера, на которые собираются музыканты-любители⁹². Речь идет, конечно, о представителях дворянского общества, так как Минх основное внимание уделяет этому слою городского населения. Звучала музыка и в дворянских усадьбах в исполнении их владельцев. Известно, что хозяин усадьбы Беково А.М. Устинов хорошо играл на виолончели, интересовался теорией и историей музыкального искусства⁹³.

В Саратове бывали не только музыкальные вечера. В 1853 г. в зале дворянского собрания любители музыки организовали большой концерт, имевший, по словам автора статьи в «Саратовских губернских ведомостях», «блестательный успех»⁹⁴. На концерте звучала симфоническая и хоровая музыка. Здесь наряду с профессиональными музыкантами выступили и любители, высокий уровень их мастерства был отмечен особо. В газете названо общее число выступавших – 63 музыканта и 33 певчих (т.е. хористов). Содержание статьи показывает владение ее автора приемами музыкальной критики. Таким образом, саратовские дворяне были компетентными ценителями музыкального искусства и сами могли выступать на сцене. Увлечение серьезной музыкой в их среде можно назвать массовым явлением, поскольку на концерте присутствовали около 300 слушателей⁹⁵. Ценители музыки из среды дворянства и в дальнейшем способствовали развитию в Саратове этого искусства. В 1873 г., по ходатайству губернатора М.Н. Галкина-Враского, саратовцы получили разрешение создать отделение Императорского русского музыкального общества⁹⁶. Это начинание имело благотворные последствия для города и всей губернии. Одним из результатов деятельности общества было открытие в 1912 г. в Саратове консерватории, которая стала первым в российской провинции высшим музыкальным учебным заведением.

Таким образом, своеобразие духовной культуры Саратовской губ. формировалось при активном участии представителей местного дворянского общества. В то же время, его влияние на культурное пространство региона в период с конца XVIII до середины XIX в. не было всеобъемлющим. Несмотря на разницу, порой весьма существенную, в материальной обеспеченности, все дворяне обладали общими сословными привилегиями и ценностными установками. Это способствовало поддержанию обособленности их культурных традиций.

Одним из преимуществ дворян перед прочими сословиями была доступность для их детей качественного образования. Поэтому среди деятелей русской культуры XVIII–XIX вв. дворяне занимают столь значительное место. Некоторые представители саратовского дворянского общества уже в первой половине XIX в. играли заметную роль в культурной жизни своей губернии. Среди них встречаются также личности, которые вошли в историю русской науки и культуры. Одним из них был И. А. Стемпковский (1789–1832), сын дворянина Саратовской губ., один из основоположников археологии античности в России. По мнению А.А. Формозова, записка Стемпковского «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае» – это «программный документ для русской археологии начала XIX в.»⁹⁷. Научные достижения Стемпковского были известны его зарубежным коллегам – он являлся членом Парижской академии надписей и словесности и Парижского азиатского общества⁹⁸. Стемпковский родился в Саратовской губ. и до 15-летнего возраста жил в Саратове⁹⁹. К сожалению, личность Стемпковского и его судьба пока не привлекали внимания саратовских историков.

Современник Стемпковского А.С. Кайсаров (1782–1813) уже давно находится в поле зрения краеведов, как человек, связанный «самыми тесными родственными и духовными узами с Саратовской землей»¹⁰⁰. Он родился в Саратовской губ., в Саратове прожил около 2 лет, с конца 1808 г. и примерно до августа 1810 г. Результатом его пребывания в губернском городе стал цикл стихотворений «Саратовские безделки»¹⁰¹. Весной 1811 г. он приступил к чтению курса лекций в Дерптском университете, в котором был избран на должность профессора. Кайсаров вошел в историю науки как автор 2 замечательных трудов: докторской диссертации на тему об освобождении крепост-

ных в России и сочинения «Мифология славянская и российская». Он считается одним из первых исследователей в области славянской филологии. Кайсаров был не только талантливым ученым, он известен своим участием в Отечественной войне 1812 г., погиб во время заграничного похода русской армии¹⁰².

Владелец усадьбы Беково А.М. Устинов (1802–1883), о котором уже было сказано как о музыканте-любителе, знаменит в истории Саратовской губ. тем, что поддерживал дружеские связи и знакомство со многими замечательными людьми своего времени. Он был знаком даже с А.С. Пушкиным¹⁰³. Кроме того, Устинов достиг значительных успехов в области садоводства и цветоводства. В 1835 г. он был избран членом Российского общества любителей садоводства.

Как видим, представители саратовского дворянского общества уже в первой половине XIX в. активно участвовали в процессе развития русской культуры. Сословная культура саратовского дворянства была включена в общий поток русской дворянской культуры и обладала ее особенностями. Будучи целостной, она не отличалась однородностью. Главной причиной существования в ней разных уровней была неодинаковая материальная обеспеченность дворян. Богатые и богатейшие семьи составляли меньшинство, основная же масса имела очень низкий уровень доходов. Но все они обладали общими сословными привилегиями и ценностными установками, относительно более высокой и стабильной материальной обеспеченностью по сравнению с другими слоями населения. Это давало возможность дворянам не только поддерживать обособленность своих культурных традиций, но и оказывать влияние на развитие культуры своего региона.

Облик губернского города, его планировка и застройка во многом зависели от уровня достатка и от представлений дворянства о комфорте и о красоте архитектурных форм. Усадьбы в имениях и построенные помещиками церкви придавали неповторимые черты сельским ландшафтам. Расширение культурных ресурсов губернии также происходило под влиянием дворянского общества. Создание учебных заведений, библиотек, театров, музейных собраний, организация выпуска периодических изданий в губерниях часто являлись результатом инициативы состоятельных и образованных дворян. Если же подобные начинания осуществлялись под давлением со стороны правительства, то дворянское общество в административном порядке было обязано их финансировать. Гимназия в Саратове была открыта в 1820 г., при этом местное дворянское общество приняло участие в покупке для нее здания. Правда, сам процесс был осложнен из-за недоверия благородного общества к финансовым махинациям губернатора А.Д. Панчулидзева¹⁰⁴. На создание публичной библиотеки, которая была открыта при саратовской гимназии в 1831 г., дворянское общество специально выделило 100 руб. «из процентной суммы дворянского капитала»¹⁰⁵.

Причиной масштабного влияния культуры дворянства на общее развитие русской культуры в изучаемый период было не только доминирующее положение сословия в русском обществе и сосредоточение в его руках материальных богатств. Дворянская культура обладала способностью к интенсивному саморазвитию. Эта способность была следствием ее двойственности, внутренней противоречивости, которые придавали ей особую напряженность. Природа этой двойственности была всегда на виду – русское дворянство, с одной стороны, не могло отказаться от своей национальной культуры (хотя в его среде были личности, которые пытались осуществить это на практике), а с другой – испытывало сильнейшее воздействие культур европейских народов. О.Ю. Солодянкина отмечает, что для русских дворян в XVIII в. было характерно «стремление европеизоваться, утратить собственную русскую идентичность, заменив ее космополитизмом или даже стремлением обрести какую-то иную (например, французскую) идентичность. Для XIX в. характерно обратное стремление русифицироваться, реализуемое “космополитами от воспитания” – воспитанниками иностранных гувернеров (как граф С.С. Уваров и сам император Николай I)»¹⁰⁶.

Русские дворяне, получившие «хорошее воспитание», производили впечатление европейцев – об этом свидетельствуют отзывы иностранцев, которые побывали в Рос-

сии в конце XVIII – начале XIX в. Тем не менее представители этого сословия, даже те, кто родился и воспитывался в столицах и путешествовал по европейским странам, были приобщены с раннего детства к русской культуре. Первыми воспитателями детей в дворянских семьях были русские кормилицы и нянюшки, которые учили их родному языку и приобщали к фольклору. В домашнем быту любой дворянин был окружен слугами и дворовыми, постоянно слышал русскую речь, наблюдал за русскими обычаями и часто сам им следовал. В ведении своего хозяйства владелец имений должен был учитывать народные традиции, незнание или пренебрежение которыми могло обернуться крупными убытками. Таким образом, и бытовая сторона жизни, и материальное благополучие дворянина крепко связывали его с народной культурой.

Отношение дворянской элиты к народному искусству, к русской культуре было предметом интереса писателей и публицистов. Во второй половине XIX в. ученые-этнографы обратили внимание на то, что определенные стороны народной культуры оказали неизгладимое воздействие на бытовую и духовную культуру дворянства. Минх в одном из своих очерков пишет: «Когда я смотрю на кружок взрослых парней и девок, собравшихся около старика рассказчика, послушаю его небылицы, то мне является перед глазами другая картина: старушка няня или мамка в недавнее прошлое время, окруженная маленькими барчатами, рассказывающая разные страсти – как схожи эти дети с теми взрослыми, которые собрались около старика: то же внимание, та же безусловная вера в сверхъестественное. Вера эта и предрассудки эти еще до сих пор встречаются и в нашем *барском* быту... Еще и теперь молодежь гадает на святки, старички верят картам и раскладывают по ним будущее или прибегают к ворожеям: при многих болезнях, имея даже под руками докторов, мы прибегаем к *симпатическим* средствам, которые, в сущности, то же, что *умывание с уголька при глазе* и т.п. средства, употребляемые деревенскими ворожеями, только под иностранными фирмами (курсив А.Н. Минха. – А.М.)»¹⁰⁷. Минх обращает внимание на черты помещичьего быта, характерные для основной массы дворянства. Интерес и тяга к русским традициям не были чужды и аристократическим кругам. Об этом свидетельствует, в частности, замечание Д. Каргашева, который описал усадьбу Надеждино. Со слов очевидцев он сообщает: «Князь часто устраивал здесь крестьянские праздники, особенно в день Бориса и Глеба, во имя коих освящена церковь в Александровской слободе, и в Троицын день, празднуемый в домово́й церкви»¹⁰⁸. Следует вспомнить, что князь был воспитан вместе с наследником престола Павлом и путешествовал по Европе для завершения своего образования. И для этого рафинированного аристократа, по воле которого был построен настоящий дворец и разбит парк в соответствии со столичной модой, зрелище русского престольного праздника было приятным развлечением. Это было возможно только потому, что он с детства приобщался к русским обычаям, хотя никто из его окружения, да и он сам, не задумывались об этом.

Генетические связи с традиционной народной культурой и динамизм развития, который был характерен для культуры дворянства, обеспечили долговечность ее определенным достижениям. На примере Саратовской губ. можно отметить, как отдельные ее стороны актуализировались в культурном пространстве уже в XX в. Удивительную метаморфозу претерпела усадьба. К началу прошлого столетия она утратила свое значение как социокультурная среда дворянства, но продолжила свое существование уже в другом измерении. Усадьба Голицыных в Зубриловке вошла в историю русской живописи как поэтический образ, воссозданный художником В.Э. Борисовым-Мусатовым в его полотнах «Гобелен», «Водоем», «Призраки», «Сон божества», «Прогулка при закате». Роль усадьбы оказалась значительной в создании музеев Саратовской обл. В них были переданы после революции отдельные произведения искусства и другие музейные предметы, которые ранее хранились в усадьбах¹⁰⁹. Однако сами по себе усадебные комплексы Саратовской губ. не получили статуса музеев. В настоящее время только один из них продолжает свое существование – усадебный комплекс в селе Пады в Балашовском районе (бывшее имение Нарышкиных), который сформировался в конце XIX в.

Примечания

¹ *Юровский Л.Н.* Саратовские вотчины: Статистико-экономические очерки и материалы по истории крупного землевладения и крепостного хозяйства в конце XVIII и в начале XIX столетия. Саратов, 1923. С. 27.

² *Мурзина И.Я.* Методологические аспекты изучения региональной культуры // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 62.

³ История внешней политики России. XVIII век. (От Северной войны до войн России против Наполеона). М., 2000. С. 124, 134.

⁴ *Платонова Т.В.* Провинциальное дворянство в конце XVIII – первой половине XIX века (по материалам Саратовской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2002. С. 92.

⁵ *Юровский Л.Н.* Указ. соч. С. 4.

⁶ *Платонова Т.В.* Указ. соч. С. 96–97.

⁷ *Марасинова Е.Н., Каждан Т.П.* Культура русской усадьбы // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 265.

⁸ *Евангулова О.С.* Художественная «вселенная» русской усадьбы. М., 2003. С. 33–40.

⁹ *Кошман Л.В.* Город в общественно-культурной жизни // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. С. 55.

¹⁰ Там же. С. 16.

¹¹ *Верецагин В.* Разоренное гнездо // Старые годы. 1908. Март. С. 133–149.

¹² *Голомбевский А.А.* Покинутая усадьба: Село Надеждино. Бывшее имение князей Куракиных // Старые годы. 1911. Январь. С. 3–25.

¹³ *Ежова И.К.* Дворцово-парковые ансамбли в Поволжье конца XVIII – начала XIX века. Саратов, 1979; *Сокольская О.Б.* «Зеленое зодчество» Саратовского Поволжья. Саратов, 1993.

¹⁴ *Савельева Е.К., Паишкова Л.В.* Отзвук славного былого // Памятники Отечества: Иллюстрированный альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: Вольная губерния. 1998. № 40 (3–4). С. 174–189.

¹⁵ Дворянские усадьбы Саратовской губернии: Материалы вторых Боголюбовских чтений. 29–31 марта 1995 г. Саратов, 1998.

¹⁶ *Савельева Е.К.* Пады // Русская усадьба: Сборник общества изучения русской усадьбы. Вып. 11 (27). М., 2005. С. 461–471.

¹⁷ *Платонова Т.В.* Указ. соч. С. 126–152.

¹⁸ Там же. С. 150–151.

¹⁹ Там же. С. 152–179.

²⁰ [Вигель Ф.Ф.] Воспоминания Ф.Ф. Вигеля. Ч. 1–4. М., 1864.

²¹ *Карташев Д.* Село Надеждино (в Сердобском уезде) // Иллюстрация. 1848. № 30. С. 86–88.

²² *Инсарский В.А.* Половодье: Картины провинциальной жизни прежнего времени. СПб., 1875. В.А. Инсарский (1814–1882), сын небогатого пензенского дворянина; по материнской линии имел родственников в Саратовской губ., неоднократно бывал у них в гостях.

²³ *Минх А.Н.* Коленская волость Аткарского уезда // Саратовский сборник: Материалы для изучения Саратовской губернии. Т. 1. Саратов, 1881. С. 65–176. А.Н. Минх (1833–1912), дворянин Саратовской губ., общественный деятель и один из наиболее активных исследователей ее истории (*Сафронов Ю.А.* Минх Александр Николаевич // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 515).

²⁴ [Мешков И.И.] Записки Ивана Ивановича Мешкова 1767–1832 гг. // Русский архив. 1905. Кн. 2. Вып. 5–6.

²⁵ [Пишчевич А.С.] Жизнь А.С. Пишчевича, им самим описанная: 1764–1805. М., 1885. А.С. Пишчевич, дворянин сербского происхождения (родился в 1764 г., дата смерти неизвестна). После окончания частного училища в 1782 г. был записан в Санкт-Петербургский драгунский полк, с которым был в Крыму и на Кавказе. В 1792 г. получил чин капитана и перешел на службу в Ростовский карабинерский полк, местом квартирования которого после русско-турецкой войны была назначена Саратовская губ. Пишчевич с удовольствием писал о «саратовских веселостях», о местных красавицах и весьма проницательно – о губернаторе, чиновниках и торговцах.

²⁶ [Попов К.И.] Записки о Саратове К.И. Попова // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1983. К.И. Попов (1810–1877), титулярный советник, служивший в канцелярии губернатора.

- ²⁷ Чернышевский Н.Г. Из автобиографии // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. В 15 т. Т. 1. М., 1939. С. 566–713.
- ²⁸ Минх А.Н. Саратов и его жизнь в 1853 г. // Земли родной минувшая судьба: Саратовская ученая архивная комиссия и документальное наследие края. Саратов, 2007. С. 226–243.
- ²⁹ Мешков И.И. Указ. соч. С. 182.
- ³⁰ Гераклитов А.А. Мелочи из прошлого Саратовского края. (Из архивных документов) // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 28. Саратов, 1911. С. 7.
- ³¹ Мешков И.И. Указ. соч. С. 185.
- ³² Терехин С.О. Развитие Саратова по плану 1812 г. // Четыре века: Сборник статей, посвященный 400-летию Саратова. Саратов, 1991. С. 104.
- ³³ Пишчевич А.С. Указ. соч. С. 162–165.
- ³⁴ Там же. С. 159.
- ³⁵ Платонова Т.В. Указ. соч. С. 74.
- ³⁶ Там же. С. 158.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Попов К.И. Указ. соч. С. 195–201.
- ³⁹ Минх А.Н. Саратов и его жизнь... С. 240.
- ⁴⁰ Попов К.И. Указ. соч. С. 167.
- ⁴¹ Там же. С. 170.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Евангулова О.С. Указ. соч. С. 36.
- ⁴⁴ Шенк К.Х.Л. Сообщения из жизни французского подполковника, содержащие историю его пленения в битве при Бородине в России 7-го сентября 1812 года, его перевозки к границам Азии, а также его пребывания и содержания там в качестве военнопленного в 1813 и 1814 годах // Доклады Академии военных наук: Военная история. 2004. № 12. С. 89.
- ⁴⁵ Сокольская О.Б. Указ. соч. С. 54.
- ⁴⁶ Там же. С. 54–55; Миловидова И.Б. Приусадебные парки – памятники природы, истории и культуры // Дворянские усадьбы Саратовской губернии. Саратов, 1998. С. 72.
- ⁴⁷ Марасинова В.П., Каждан Т.П. Указ. соч. С. 273.
- ⁴⁸ Чернышевский Н.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 648–649.
- ⁴⁹ Бергамоты и дули – сорта групп.
- ⁵⁰ Попов К.И. Указ. соч. С. 170.
- ⁵¹ Чернышевский Н.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 649.
- ⁵² Евангулова О.С. Указ. соч. С. 33.
- ⁵³ Платонова Т.В. Указ. соч. С. 152.
- ⁵⁴ Голомбиевский А.А. Указ. соч. С. 3.
- ⁵⁵ Максимов Е.К. Усадьба Устиновых Беково // Дворянские усадьбы Саратовский губернии... С. 10–11; Савельева Е.К., Пащикова Л.В. Указ. соч. С. 182–183; Самохвалова Н.В. Бобылевка – родовое гнездо Львовых // Гений вкуса: Н.А. Львов. Материалы и исследования. Тверь, 2005. С. 331.
- ⁵⁶ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. Ч. 2. С. 78.
- ⁵⁷ Голомбиевский А.А. Указ. соч. С. 12.
- ⁵⁸ Там же. С. 14.
- ⁵⁹ Куракин Александр Борисович // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 386–287.
- ⁶⁰ Голомбиевский А.А. Указ. соч. С. 23.
- ⁶¹ Верецагин В. Указ. соч. С. 133.
- ⁶² Вигель Ф.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 128–129.
- ⁶³ Верецагин В. Указ. соч. Ч. 1. С. 133.
- ⁶⁴ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 122, 124.
- ⁶⁵ Там же. Ч. 2. С. 75.
- ⁶⁶ Верецагин В. Указ. соч. С. 137–141.
- ⁶⁷ Карташев Д. Указ. соч. С. 8.
- ⁶⁸ Голомбиевский А.А. Указ. соч. С. 19.
- ⁶⁹ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 204.
- ⁷⁰ Там же. Ч. 4. С. 97.
- ⁷¹ Голомбиевский А.А. Указ. соч. С. 10, 13, 19, 21.
- ⁷² Карташев Д. Указ. соч. С. 86.
- ⁷³ Верецагин В. Указ. соч. С. 141–143.

- ⁷⁴ *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 222.
- ⁷⁵ Списки населенных мест Саратовской губернии: Саратовский уезд. Саратов, 1912. С. 34.
- ⁷⁶ *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 225.
- ⁷⁷ Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1. С древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов, 1993. С. 132.
- ⁷⁸ *Терехин С.О.* Века и камни (Памятники архитектуры Саратовской области). Саратов, 1990. С. 25.
- ⁷⁹ Городские этюды. Саратов. Литье,ковка: Альбом. Тексты В. А. Давыдова. Самара, 2009. С. 74.
- ⁸⁰ *Терехин С.О.* Указ. соч. С. 32.
- ⁸¹ Городские этюды... С. 34.
- ⁸² *Минх А.Н.* Саратов и его жизнь... С. 232.
- ⁸³ *Савельева Е.К., Пашкова Л.В.* Указ. соч. С. 179.
- ⁸⁴ *Дьяконов В.А.* Театральное искусство // Энциклопедия Саратовского края... С. 533.
- ⁸⁵ *Платонова Т.В.* Указ. соч. С. 166.
- ⁸⁶ *Дьяконов В.А.* Лицеден, певчие, музыканты: Из истории саратовских театров. Саратов, 1991. С. 75.
- ⁸⁷ Там же. С. 76.
- ⁸⁸ Там же. С. 108–109.
- ⁸⁹ Там же. С. 16–17.
- ⁹⁰ *Демченко А.И.* Два столетия музыкальной культуры Саратова. Саратов, 2006. С. 5.
- ⁹¹ *Ямпольский И.М.* Бахметьев Николай Иванович // Музыкальная энциклопедия. Т. 1. М., 1991. С. 366.
- ⁹² *Минх А.Н.* Саратов и его жизнь... С. 242.
- ⁹³ *Максимов Е.К.* Указ. соч. С. 13–14.
- ⁹⁴ Саратовские губернские ведомости. 1853. 17 января.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ *Самохвалова Н.В.* Первая в провинции // Ученые – свет (Кем быть или образование в Саратовской губернии). Саратов, 2006. С. 129.
- ⁹⁷ *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 40.
- ⁹⁸ *Стемпковский Иван Александрович* // Русский биографический словарь: Смеловский–Суворина. СПб., 1909. М., 1999 (Репринт). С. 380.
- ⁹⁹ Государственный архив Саратовской области (далее – ГА СО), ф. 19, оп. 1, д. 1205, л. 56.
- ¹⁰⁰ *Левин С.В., Тотфалушин В.П.* Жизнь и деятельность Кайсарова // Четыре века: Сборник статей, посвященный 400-летию Саратова. Саратов, 1991. С. 190.
- ¹⁰¹ *Шиленко М.А.* «Саратовские безделки» А.С. Кайсарова // Краеведение и архивное дело в провинции: исторический опыт и перспективы развития: Материалы межрегиональной научной конференции к 120-летию Саратовской губернской ученой архивной комиссии. Саратов, 2006. С. 202.
- ¹⁰² Там же. С. 202–204, 207.
- ¹⁰³ *Максимов Е.К.* Указ. соч. С. 12–15.
- ¹⁰⁴ *Майорова А.С.* Учебные заведения в повседневной жизни Саратова в первой половине XIX века // Городская повседневность в России и на Западе: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2006. С. 116–120.
- ¹⁰⁵ ГА СО, ф. 19, оп. 1, д. 601, л. 132, 137 об.
- ¹⁰⁶ *Солодянкина О.Ю.* Феномен иностранного гувернерства в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Отечественная история. 2008. № 4. С. 19.
- ¹⁰⁷ *Минх А.Н.* Коленская волость... С. 104–105.
- ¹⁰⁸ *Карташев Д.* Указ. соч. С. 87.
- ¹⁰⁹ *Савельева Е.К., Пашкова Л.В.* Указ. соч.

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ КУПЕЧЕСТВА УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX – начала XX века

Историческая наука сегодня стремится выйти из традиционного для нее амплуа рассказа о политических и экономических событиях или о неотвратимости действия «объективных» сил и закономерностей, стоящих над человеком. Она старается проникнуть глубже лежащих на поверхности фактов, за идеологическую сферу, присутствующую в каждом историческом памятнике, проникнуть в социально-психологический мир его создателей, выраженный бессознательно и даже иррационально. Люди живут «во времени», «в своей эпохе», т.е. в конкретной и живой действительности – и только в этой среде они могут быть поняты, т.е. может быть объяснен смысл их поступков. Поэтому неизбежным условием любого исторического исследования является расшифровка символического языка ментальности.

Актуальность изучения менталитета российского купечества связана с тем, что данная социальная группа фокусировала через себя культурные изменения исторических эпох нового и новейшего времени. Важным моментом является также введение историко-краеведческого материала в культурологический контекст. Исследователь сибирского купечества В.П. Бойко рассматривает менталитет как характеристику человеческой общности, «которая определяет весь строй мышления человека, в эту общность включенного, и опирается, в свою очередь, на основные положения социальной психологии, на образ жизни, традиции и обычаи этой общности»¹. На мой взгляд, наиболее полное и последовательное концептуальное изучение понятия менталитета предприняли историки-медиевисты, представители французской школы «Анналов» М. Блок и Л. Февр². Один из их последователей, представитель отечественной школы «новой исторической науки», специализирующейся на изучении менталитета, А.Я. Гуревич считал, что ключевым в концепции ментальной истории является понятие «картина мира». Картина мира – это продукт культуры в антропологическом смысле этого понятия. Каждый человек, принадлежавший к данному обществу, не мог не разделять определенный взгляд на мир и не усвоить ту сетку координат, которая заложена в человеческое сознание³. Эти координаты достаточно статичны для общества в целом в рамках ограниченного хронологического периода, но могут иметь определенные отклонения, связанные с социальным или экономическим статусом тех или иных групп людей.

Определяя координаты «картины мира» для уездного купечества Вятской губ. XIX – начала XX в., я остановилась на следующих показателях: семья и брак, приемы воспитания детей и уровень образования, ценностные ориентиры в предпринимательстве, религиозное сознание и социальные навыки мышления, культура повседневности и стереотипы поведения, общественная и благотворительная деятельность, организация досуга и развлечений. Каждая из названных координат определяет направление исследования отдельной черты социально-психологического мира уездного купечества, а в совокупности позволит выявить целостную картину купеческого менталитета.

Большая часть из названных координат, так или иначе, становится предметом изучения отдельных отраслей знаний: социологии, педагогики, культурологии. Исклю-

* Маслова Инга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент Елабужского государственного педагогического университета.

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта № П319 «Концептуализация микроисторических исследований при изучении российского провинциального города» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

чение, пожалуй, составляет проблема изучения форм и приемов организации досуга и развлечений отдельных сословий, которая рассматривается исследователями поверхностно, либо как дополнительный штрих при изучении культуры в тот или иной хронологический период. Вместе с тем анализ приемов проведения праздников и организации досуга, с одной стороны, отражает характерные социально-психологические черты сословной группы, с другой – позволяет выявить точки соприкосновения менталитета различных сословий.

Значительную роль в быту купеческой семьи играло участие в религиозных обрядах: посещение церкви, прием священника, крестные ходы. «Календарь Вятской губернии» за 1880 г. сообщает: «В нравственном отношении вятчане считаются честнее жителей фабричных губерний... Население Вятского края щедро на пожертвования и какое-нибудь доброе дело. И отличается набожностью и благочестием, которое выражается в строгом соблюдении постов, сред, пятниц и даже часто понедельников, а также в оделении нищих милостынею. Набожность народа Вятского края может служить образцом для других губерний: нигде нет таких богатых церквей и в них украшений; крестные ходы совершаются во многих местах губернии по несколько раз в год»⁴.

Каждое воскресенье купцы с семьями ходили к заутрене, обедне или вечерне. Эту сторону жизни купечества описал сын елабужского 1-й гильдии купца Д.И. Стахеев: «Приказчики задвигают железные запоры хозяйских лавок и, исполняя хозяйское приказание, тоже тянутся толпами в церковь. Вот и купцы с семьями подъехали на пыхтящих лошадях к церковной паперти и оделяют грошиками нищую братию. Духовенство всем собором служит вечерню, потом читает акафист Спасителю с коленопреклонением. Служба вообще торжественна. Зажженные свечи отражаются в ризах икон, в алтаре виден серебряный блестящий престол. Акафист читают поочередно все священники, а по окончании его парами подходят к образу Спасителя, кладут три земных поклона и целуют образ»⁵.

Обязательным атрибутом каждого купеческого дома был «красный угол», уставленный многочисленными иконами. У состоятельных купцов были специальные комнаты, в которых порой размещался целый иконостас, священные книги и другие предметы культа. Не совершив молитву, купцы не начинали никакого дела. Иконы в числе первых описывались в перечне имущества, передаваемого по духовному завещанию. Текст завещания начинался обращением к Богу: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь»⁶. Даже в описи имущества парохода «Пион», принадлежавшего торговому дому «Иван Григорьевич Стахеев», значились 2 иконы⁷. Уездные купцы часто избирались в церковные старосты. Например, купец 2-й гильдии А.К. Стахеев с 1896 г. исполнял обязанности церковного старосты в Пантелеймоновской домово́й церкви при богадельне Елабуги. Г.В. Стахеев являлся церковным старостой церкви Александрийского детского приюта⁸. Купец 1-й гильдии Н.В. Смагин в течение 8 лет служил церковным старостой Покровской церкви г. Сарапула⁹.

Показательным для отношения представителей третьего сословия к церкви является практика приема причта в купеческих домах в дни важнейших религиозных праздников. Такие дни – Рождество, Пасха и др. – были самым популярным временем проведения развлекательных мероприятий и торжеств. На Святочной неделе проводились балы-маскарады с ряжеными, организовывались народные гуляния. Неотъемлемой частью Святка были гадания, устраиваемые молодыми девушками. На страницах газеты «Вятский край» сообщалось: «Елабуга. Святки. 29 декабря состоялся бал-маскарад... Завсегдатаи общественного собрания все налицо»¹⁰.

На Пасху было принято наносить друг другу визиты. Нередко индивидуальные посещения заменялись проведением коллективного праздника. В 1897 г. жители г. Котельнича в первый день Пасхи в 12 час. собрались в клубе. На торжество съехалось более 80 человек. Такие мероприятия особым образом объединяли представителей различных сословий: «Здесь совсем ступевались чины и звания, а явились лишь граждане, проникнутые одним желанием по-людски встретить праздник»¹¹. По подписке были собраны средства для разговенья, остатки от которого были розданы бедным. Нередко

на подобных мероприятиях инициировались разного рода благотворительные проекты. В данном случае председатель земской управы Кошурников предложил учредить в Котельниче благотворительное общество для содержания дома трудолюбия¹². Религиозные праздники нередко заканчивались поступками, чуждыми идее «христианского смирения». В январе 1897 г. корреспондент «Вятского края» из Сарапула писал: «Местного 1-гильдии купца перед Рождеством сильно побили в “благородном собрании” за то, что, играя в карты и проиграв несколько сот рублей, он шутя выразил своему партнеру сомнение насчет правильности его игры, за что последний, защищая свою честь, ударил его так сильно, что тот слетел с ног с окровавленным лицом»¹³.

Купеческие развлечения XIX в. имели народные корни. Кулачные бои и единоборства стали популярной забавой горожан и любимым зрелищем уездных купцов. В 1863 г. В. Кудрявцев на страницах «Вятских губернских ведомостей» описал, как проходили кулачные бои в Елабуге: «Место для боя обыкновенно выбиралось где-нибудь на мосту среди города, чтобы удобно было драться и побеждать противников, сваливши их под мост. Елабужане бились друг с другом: пришедшие со спасской стороны составляли партию спасских, а пришедшие от николаевской церкви становились и держали сторону николевских... Мещане-бойцы с нетерпением ожидали начала боя, купцы как зрители и ценители боевых успехов с приближением масляной (недели. – *И.М.*) оставляли свою торговлю и всего более интересовались вопросом: чья партия одержит верх – николевская или спасская? Чтобы поспешествовать успешному бою, они обыкновенно выставляли своим пиво и вино»¹⁴. К началу XX в. кулачные бои остались скорее отголоском прошлого, чем стержневым зрелищем народных гуляний. Более того, состязательность и спортивный дух этого народного развлечения уступили место жестокости и желанию доказать свое физическое превосходство, даже путем нанесения увечий противнику. Упоминание о подобном виде организации досуга в 1909 г. в Сарапуле содержится на страницах газеты «Прикамская жизнь»: «Почти каждое воскресенье или праздничный день по вечерам выходят две партии: одна старцевгородская, другая кладбищенская. И как та, так и другая вооружается палками, ножами, некоторые револьверами, таким образом, получается уже не борьба, а серьезная драка»¹⁵.

Распространенной забавой купечества были конские бега и катание на лошадях. На Масленицу катания приобретали массовый характер, и купцы могли продемонстрировать роскошь своих экипажей и резвость лошадей. В Елабуге «в большом ходу лошадиный спорт... излюбленное катание производится по ночам и измеряется количеством загнанных лошадей»¹⁶. В начале XX в. в уездных городах для организации подобных развлечений стали строить ипподромы. Отмечу, что в купеческой среде зрелищность состязаний всегда брала верх над спортивным азартом. Например, в 1909 г. в Сарапуле на ипподроме не состоялись заранее объявленные лыжные гонки из-за отсутствия желающих принять в них участие. Вместе с тем назначенные на тот же день состязания в «призовой садочной стрельбе» не только состоялись, но и вызвали неподдельный интерес публики. По условиям состязаний, соревнующиеся должны были стрелять в голубей, выпускаемых из садков. Число участников достигло 20 человек, на каждого из них выпускали 4 голубей. Выигрывал тот, кому удавалось подстрелить наибольшее число птиц. «Звук медного рожка прорезывал воздух, голубь взвизывался над ямой, где сидели “спортсмены”, раздавалось глухое щелканье выстрела, и птица камнем падала на сверкающий снег. Платные и бесплатные зрители, с возбужденными лицами, точно опьяненные кровью, следили за каждым выстрелом. Особенно было больно смотреть на детей. Облепившие забор ребятишки, начиная с 7 лет, громко смеялись, кричали и хлопали в ладоши»¹⁷. Непременными участниками, и, как правило, призерами подобных состязаний были купцы. В указанных соревнованиях пальма первенства досталась купцу Ф.И. Устимову, подстрелившему 3 голубей. Большой популярностью в Сарапуле пользовались и состязания по атлетической борьбе¹⁸.

Говоря о купеческой среде, нельзя обойти вопрос о пьянстве, которое отягощало жизнь многих семей. Купечеству были свойственны кутежи, разгул, дебоширство. Ни религиозность, ни общественная деятельность не могли защитить большую часть

уездного купечества от этого порока. На заседании городской управы г. Слободского сообщалось: «Большое распространение получила “бражка”, которая находит весьма большой контингент потребителей. “Бражка” захватила и детей»¹⁹. На страницах газеты «Камско-Волжский край» в 1897 г. корреспондент из Елабуги сообщал: «Елабужцы не живут, а прозябают, и обычную спутницу подобного существования скуку прогоняют рюмочкою»²⁰. В. Магницкий в 1883 г. на страницах «Календаря Вятской губернии» опубликовал собранные им поверья и обряды Уржумского уезда, часть из которых иллюстрировала пагубное пристрастие горожан к спиртному. При этом автор возлагал вину «за массовое пьянство» на владельцев и служащих питейных заведений: «Сидельцы питейных домов, для привлечения большего числа посетителей, угощают последних напитком под названием “кумышка”, приготовленным следующим способом. В опорожнившуюся из под вина бочку выливают ведро или два воды и шкалик или косушку вина; смесь эту держат в бочке неделю или две, каждый день взбалтывая ее перекачиванием бочки; затем смесью угощают посетителей. По рассказам, кумышка приятная, и в незначительной дозе действует крайне опьяняюще»²¹. Котельнический уездный врач А. Себеряков, выступая в 1898 г. перед обществом врачей, сообщал: «Нитью, связующей горожан между собою, была водка. Водку пили все сословия во всякое время дня и ночи... В городе богачи пили сами, пили и угощали своих клиентов, агентов и адептов; среднего достатка человек пил с товарищами “из безделья”, чтобы лучше уснуть потом»²².

На купца не только ложился штамп «любителя спиртного», его зачастую считали главным виновником распространения пьянства среди населения, поскольку именно купцы были владельцами винокуренных заводов, многочисленных винных лавок, ренсковых погребов и трактиров. В качестве примера рассмотрим жалобу поверенного из среды крестьян О.Е. Гоголева на купца Стахеева, поданную на имя Вятского губернатора. Вызывает удивление пафосный стиль жалобщика, благодаря которому прошение из официальной делопроизводственной бумаги превращается в обличительный памфлет против купечества. Столкнулись «две равные в стремлении силы: с одной стороны, монополист и многомиллионный капиталист Елабужской 1-й гильдии купец И.Г. Стахеев, с другой – власть местной администрации от правительства»²³. Автор прошения противопоставляет купца официальным властям и, не скупясь на отрицательные эпитеты, заявляет: «Неужели живой человек может молчать безропотно, позволить себе запускать змею за пазуху? А такой дракон как Стахеев высосет все жизненные соки. Недаром в елабужском уезде ходят легионы нищих потому, что миллионер Стахеев, начиная от мануфактурной торговли до продажи калачей, отнял всякую возможность к пропитанию уездов. Его мельничные заводы, пароходоуправления, его повсеместно распространенная винная торговля с многочисленными подставными личностями убивают всю народную жизнь»²⁴. Возникает вполне закономерный вопрос: почему экономическое процветание края, а ведь именно об этом ведет речь крестьянский поверенный, говоря о заводах и пароходствах, о развитии торговли, вызывает ухудшение положения народа? Словосочетанием «подставные личности» назван огромный штат приказчиков, которым Стахеев не только предоставлял рабочие места, но и достойное вознаграждение за труд.

Что касается нищих, то это была проблема Российской империи в целом, а не конкретного уезда. Более того, именно в Елабуге вопросам оказания социальной помощи населению уделялось большое внимание. На средства того же И.Г. Стахеева в 1884 г. был построен дом призрения для лиц, просящих милостыню, а его дядя И.И. Стахеев основал благотворительный комитет, со счетов которого ежегодно выделялись средства на поддержание неимущего населения. При участии Стахеевых содержались 29 бесплатных народных столовых. В неурожайные годы организовывались десятки специальных пунктов, где нуждающимся выдавались пшено и мука²⁵.

Вернемся к сути инцидента, вызвавшего недовольство крестьян. В 1883 г. И.Г. Стахеев с разрешения сельского общества построил в деревне Ижевское Устье дом «для питейной продажи». При этом предприниматель обязался выплачивать за предостав-

ленную под строительство землю 250 руб. в год. Еще одним условием выделения земли было то, что питейная торговля в этом доме должна была осуществляться не более 1.5 лет. По истечении указанного срока «тот дом, со всеми к нему строительными приспособлениями будет передан нашему (крестьянскому. – *И.М.*) обществу безвозмездно»²⁶. Жители деревни планировали разместить в этом добротном строении приходское училище. Таким образом, когда крестьяне давали согласие на строительство питейного заведения, они, прежде всего, думали о выгодах, которые принесет эта сделка их селению. Но итогом соглашения с купцом, по мнению селян, стало распространение пьянства. «Кабак и табак испортили нравственность нашей молодежи, ее боязнь старших членов семьи побудила укрываться по задворникам и сеновалам, где курение табаку произвело пожар, истребивший зараз 39 домов»²⁷. Косвенную вину за происшедшее крестьяне возложили на купца-виноторговца. Более того, крестьяне подчеркивали, что деятельность предпринимателя нанесла прямой ущерб государству: «Конечно, виновных следствием не обнаружено, но упадок хозяйственный сделался причиной неоплатности казенных податей, и накопилась большая недоимка»²⁸.

И.Г. Стахеев действительно нарушил часть ранее оговоренных условий. В частности, продажа алкогольных напитков продолжалась и после оговоренного срока, но теперь кабак разместился в доме местного жителя М.А. Белоусова. Возмущение общественности вызвало также то, что становой пристав встал на сторону Стахеева. Не найдя поддержки в среде местных властей, крестьяне подали жалобу на имя министра внутренних дел. Но исход дела был решен в пользу купца: «Виноторговлю купца Стахеева в означенной местности, разрешенную Елабужским по питейным делам присутствием, признать правильной»²⁹. Согласно законодательству, открытие винных лавок разрешалось с таким расчетом, чтобы на каждые 500 душ населения приходилось не более одной винной лавки.

Тем не менее представление о купце как о гуляке и пьянице было бы неверным. Купцы, чрезмерно увлекавшиеся спиртным, быстро разорялись и выбывали из сословия. В источниках нередко указывается, что наиболее именитые и богатые гильдейцы ведут размеренный образ жизни. Более того, купечество осознавало пагубность пристрастия к спиртным напиткам, поэтому с готовностью откликалось на общественные мероприятия, направленные на искоренение подобных явлений. В начале XX в. в уездных городах стали появляться общества трезвости. Они устраивали летние клубы, инициировали проведение «безалкогольных» народных гуляний. В отчете о проведении одного из таких мероприятий в Александровском саду Елабуги в 1901 г. сообщалось, что праздник организован на благотворительные пожертвования. Предварительно по городу были развешены афиши с программой предстоящего мероприятия и указанием места и времени его проведения. Во время гуляний были устроены соревнования и конкурсы с призами, играл городской оркестр, из напитков гостям предлагался только чай с сахаром³⁰. Учитывая ранний возраст лиц, подверженных пагубной привычке, общества трезвости стали организовываться даже в школах. В 1915 г. Сарапульское общество трезвости выступило с инициативой создания детского народного сада, где были созданы условия не только для общения и отдыха детей, но и проводились занятия по труду для мальчиков и рукоделью для девочек³¹.

В большинстве уездных городов Вятской губ. существовали купеческие собрания или клубы, в которых проводились танцевальные вечера, театральные представления, празднования знаменательных событий и дат. Членство в городских собраниях было почетно и престижно, а отказ в приеме или исключение из клуба переживались болезненно. В собрании купечество избавлялось от клейма сословности и находило для себя новые, буржуазные формы общения. На вечера в купеческий клуб съезжались и купцы из прилежащих к городу селений. Например, нолинские купцы Коробковы имели имение с мельницей за городом, но «в длинные зимние вечера запрягали выездную лошадь и ехали коротать время в купеческом клубе или в гостиной одного из друзей»³². В течение 50 лет, с 1860-х гг., в Сарапуле существовал клуб «Общественное собрание». Клуб имел собственный большой оркестр, благодаря которому музыкальные и

танцевальные вечера привлекали купцов и членов их семей³³. Семейно-танцевальные вечера проводились и в елабужском общественном собрании³⁴.

Колоритный образ одного из вечеров в общественном собрании в г. Слободском рисует неизвестный корреспондент «Вятской незабудки»: «Вот они сошлись в клуб на танцевальный вечер или маскарад; сначала все идет довольно чинно, хотя и вяло и безжизненно... но, благодаря частым посещениям буфета, мужчины начинают понемногу оживляться и лезут в ссору с кем-нибудь, сводят старые счета... Смотришь – купец Пакшин уже честит городского врача “жидом” и “подлецом”... Крики и шум, пьяный говор, в буфете положительно давка и впереди всех 18-летний купчик, угощающий шампанским единственного представителя здесь военного сословия»³⁵. Как видим, корреспондент с сарказмом описывает развлечения в купеческой среде, стараясь подчеркнуть негативные стороны. Такое отношение к купечеству было общероссийской тенденцией. Купцов, в отличие от родовитых дворян, согласно сложившимся в обществе установкам, считали выскочками, нажившими капитал на коммерческих операциях. Их стремление приобщиться к дворянскому образу жизни высмеивалось. Не буду отрицать, что купеческий менталитет действительно был далек от дворянского, но это отнюдь не принижает достоинства данного сословия, а лишь подчеркивает его самобытность и специфичность. Кроме того, далеко не каждый дворянин российской империи XIX в. являлся достойным примером для подражания.

Среди уездного купечества были любители музыки и театрального искусства. В 1870-х гг. в Слободском, в доме известного купца городского головы Платунова, проводились музыкальные вечера³⁶. В Елабуге действовал любительский общественный театр, в котором играли купцы и мещане города³⁷. Большая часть средств, собранных от театральных постановок, шла на благотворительные нужды. В Уржуме любимым местом развлечения был квартал на Воскресенской улице, расположенный недалеко от моста через р. Уржумку. Здесь был организован прокат лодок. Город имел собственный театр, в котором играла любительская труппа. Вниманию зрителей предлагали 4 спектакля в год. Особой популярностью пользовались комедии и водевили. Например, в 1866 г. в театре шли 3 водевиля: «Мотя», «Провинциальный братец», «Утка в стакане воды». 2–3 раза в год устраивались общественные балы, средства для проведения которых собирались по подписке³⁸. В числе постоянно действующих развлекательных учреждений был городской клуб, где можно было поиграть в бильярд и в карты. «Иногда в клубе играл оркестр мальчиков, организованный в 1904 г. Виктором Медведевым, внуком купца И.В. Бердинского. Б.П. Стасский играл в этом оркестре на мандолине и рассказывал, что однажды кому-то из гостей так понравилась игра оркестра, что он заказал в буфете мясные пирожки для оркестрантов»³⁹.

Однако в целом общественная жизнь уездного купечества проходила весьма однообразно и монотонно. Доказательством служат многочисленные цитаты из статей местных периодических изданий того времени. Приведу сообщение 1895 г. из Слободского: «Вяло и безжизненно идет у нас общественная жизнь. Каждый из нас, да вероятно и в других уездных городах, живет по своему, и для личного удовольствия. Сегодня в клуб, завтра у кого-нибудь на именинах и так для нас изо дня в день»⁴⁰. Та же картина представлена в статье нолинского корреспондента: «Уныло и тихо переживает недавнюю славу Вятский Монако. Нолинский клуб одичал и замолк... До масленицы обыватели развлекались свадьбами, теперь наслаждаются именинами. Сойдутся, поговорят, выпьют, для разнообразия поругаются, глядишь вечер-то прошел»⁴¹. Сарапульский корреспондент замечает: «Промелькнули святки – завтра серые будни»⁴².

В начале XX в. вопрос об организации досуга горожан стал предметом оживленных дискуссий в местной прессе. По инициативе редакции сарапульской газеты «Кама» перед читателями были поставлены вопросы: необходимо ли организовывать развлечения для горожан и какие из них предпочтительнее. Ответы читателей были различны, но все они объединялись общей мыслью, что для поднятия народной нравственности местным властям необходимо уделять больше внимания организации досуга горожан. Епископ Сарапульский и Елабужский Амвросий считал, что «наиболее желатель-

ным развлечением могли быть народные чтения, со световыми картинками и пением церковно-религиозных и патриотических песнопений»⁴³. Заведующий сарапульским книжным складом П.И. Коротов выделил среди «развлечений, подлежащих немедленному осуществлению... спектакли, общедоступные лекции и народные чтения; на втором плане можно поставить концерты и кинематограф»⁴⁴. Вопрос об организации досуга горожан нередко поднимался на заседаниях органов городского самоуправления. В 1915 г. на заседании слободской городской управы было принято решение о создании Народного дома с целью «предоставить населению возможность посвящать свой досуг разумному развлечению»⁴⁵. Городская дума в свою очередь материально поддержала эту идею, выделив на устройство юбилейного Народного дома 7 500 руб.⁴⁶

В организации досуга уездного купечества проявился причудливый альянс народных традиций и светских забав по европейскому образцу. С одной стороны, купцы, следуя заветам предков, неукоснительно чтили религиозные обряды, с другой – проявляли пристрастие к европейским развлечениям, характерным для дворян, – музыке, театру, карточной игре. Отмечу, что развлечения уездного купечества Вятской губ. были значительно ближе к быту средних городских слоев, чем в центральной части страны, где объектом для подражания купечества было, в первую очередь, дворянство.

Примечания

¹ *Бойко В.П.* Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в.: Очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. Томск, 2007. С. 339.

² *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973; *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991.

³ *Гуревич А.Я.* От истории ментальности к историческому синтезу // Споры о главном. М., 1993. С. 26.

⁴ Календарь Вятской губернии 1880 г. / Сост. Н. Спасский. Вятка, 1880. С. 35–36.

⁵ *Стахеев Д.И.* Духа не угашайте. Казань, 1992. С. 381.

⁶ Домашнее духовное завещание елабужского купца 1-й гильдии потомственного почетного гражданина Д.И. Стахеева. (РГИА, ф. 799, оп. 4, д. 761, л. 3–4).

⁷ Национальный архив Республики Татарстан, ф. 351, оп. 2, д. 1, л. 9.

⁸ Там же, ф. 346, оп. 1, д. 980, л. 96, 123.

⁹ *Лигенко Н.П.* Купечество Удмуртии: Вторая половина XIX – начало XX веков. Ижевск, 2001. С. 294.

¹⁰ Вятский край. 1898. 13 января.

¹¹ Там же. 1897. 29 апреля.

¹² Там же.

¹³ Там же. 1897. 30 января.

¹⁴ *Кудрявцев В.* Кулачные бои в Елабуге // Вятские губернские ведомости. 1863. 2 февраля.

¹⁵ Кулачные бои // Прикамская жизнь. 1909. 13 сентября.

¹⁶ Вятский край. 1898. 1 января.

¹⁷ Садовая стрельба // Прикамская жизнь. 1909. 17 марта.

¹⁸ К организации народных разумных развлечений // Кама. 1915. 27 февраля.

¹⁹ Государственный архив Кировской области (далее – ГА КО), ф. 862, оп. 1, д. 2833, л. 186.

²⁰ Что для нашего общества нужно? // Камско-Волжский край. 1897. 31 января. С. 3.

²¹ Календарь Вятской губернии 1884 г. Високосный. Вятка, 1883. С. 99.

²² Очерк пьянства в быту горожан // Протоколы заседаний общества врачей г. Вятки за 1898 г. Вятка, 1899. С. 1.

²³ ГА КО, ф. 582, оп. 95, д. 117, л. 1.

²⁴ Там же, л. 2.

²⁵ *Маслова И.В.* Купеческая династия Стахеевых. Елабуга, 2007. С. 107–108.

²⁶ ГА КО, ф. 582, оп. 95, д. 117, л. 1.

²⁷ Там же, л. 1 об.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, л. 21.

³⁰ Камский листок объявлений. 1901. 9 сентября.

³¹ О детском народном саде в Сарапуле // Кама. 1915. 4 сентября.

³² Соловьева Р. Усадьба Ивана Коробкова // Сельская новь (Нолинск). 1993. 11 ноября.

³³ Сарапульское общественное собрание // Прикамская жизнь. 1910. 6 февраля.

³⁴ Елабужские вести. 1906. 2 апреля.

³⁵ Общий очерк Слободского за 1876 г. // Вятская незабудка: Памятная книжка Вятской губернии 1877 г. СПб. 1877. С. 73–74.

³⁶ Там же. С. 76.

³⁷ Театральная афиша елабужского городского общественного театра // Фонды Музея елабужского купечества.

³⁸ Из Уржума // Вятские губернские ведомости. 1866. 25 февраля.

³⁹ Пентина Н. Уржум на старых открытках: Южная часть главной улицы // Уржумская старина: Краеведческий альманах. Вып. 4. Уржум, 1991. С. 15.

⁴⁰ Слободской // Вятский край. 1895. 24 октября.

⁴¹ Письмо из Нолинска // Вятский край. 1898. 26 марта.

⁴² Наброски // Кама. 1915. 6 января.

⁴³ К организации народных разумных развлечений // Кама. 1915. 27 февраля.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ ГА КО, ф. 862, оп. 1, д. 2833, л. 187.

⁴⁶ Там же.

© 2010 г. Д. А. ЛЯПИН*

К ВОПРОСУ О «ГОРОДСКИХ ВОССТАНИЯХ» В РОССИИ в середине XVII века (по материалам южнорусских уездов)

Социальные конфликты – революции, бунты, восстания – всегда были предметом для дискуссий. Изучая ход событий, исследователи реконструировали их содержательную сторону: даты, место, движущие силы, материальные ресурсы, вооружение. Несомненно, это главная составляющая. Однако есть и другая сторона конфликта. Важно понять, что происходило в головах людей, как они осознавали свои действия. В данной статье городские восстания середины XVII в. рассматриваются без какой-либо заранее выбранной теории; это попытка взглянуть на события глазами современников, участников и очевидцев, самих жителей городов.

В дореволюционной историографии волнения в городах в начале правления Алексея Михайловича назывались «мятежами». Этот термин был взят из документов XVII в. Изучение событий носило описательный характер, и все сводилось к выводу о том, что мятежи были направлены против злоупотреблений «сильных людей»¹. В.О. Ключевский видел причины городских мятежей в финансовом кризисе Московского государства, который стал итогом политики властей после Смуты². В 1913 г. вышла статья П.П. Смирнова «О начале Уложения и Земского собора 1648–49 гг.». В ней автор сделал вывод об особой роли дворянства в этих событиях³. В 1917 г. в сборнике статей памяти М.К. Любавского была опубликована статья С.В. Бахрушина о мятеже 1648 г.⁴ В 1919 г. вышла отдельным изданием дипломная работа ученика С.В. Бахрушина М.Н. Тихомирова⁵. Тихомиров продолжил заниматься изучением народных движений в допетровской России. Именно его труды сформировали официальную точку зрения советской исторической науки на события 1647–1650 гг. и другие народные волнения XVII в.⁶ В 1934 г. ученый работал над специальным сборником, посвященным народным движениям на Юге России, а также в Пскове и Новгороде⁷. В дальнейшем исследования Тихомирова продолжили такие советские историки как П.П. Епифанов, В.И. Буганов, Е.В. Чистякова и др.⁸

В 1934 г. была опубликована статья Г.А. Новицкого о событиях в Курске, где автор писал о масштабном антифеодальном восстании⁹. В 1936 г. вышел сборник документов по истории волнений в России в середине XVII в.¹⁰ Итогом многолетних исследований русского города стал 2-х томный труд П.П. Смирнова «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века»¹¹. Смирнов считал, что главной силой волнений были посадские люди и примыкавшее к ним мелкое служилое население, но свою роль сыграло и дворянство. Восстания середины XVII в., по мнению Смирнова, завершили многолетнюю борьбу горожан с крупными феодалами, благодаря чему городам удалось перейти под власть государства и избавиться от угнетения со стороны крупных вотчинников. Эти выводы подверг критике С.В. Бахрушин¹². В советской историографии народные волнения начала правления Алексея Михайловича назывались «городскими восстаниями». Все социальные потрясения XVII в. были систематизированы. Народные движения до 1649 г. выделялись в первый этап «классовой борьбы». Сюда

* Ляпин Денис Александрович, кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 10-0-73101а/Ц.

входили: «крестьянская война» начала века (Смутное время), проявления народного недовольства в 1620-х гг. и «балашовщина» (движение в период Смоленской войны). Восстания после 1649 г. открыли новый этап в истории классовой борьбы.

Народные движения в России изучаются и зарубежными исследователями. Это, прежде всего, В. Кивельсон, М. Перри, П. Бушкович, Н. Колманн¹³. Например, Кивельсон рассматривала мятежи середины XVII в. как народное возмущение, вызванное несоответствием традиционного поведения монарха в России и ростом влияния на него ближних людей¹⁴. Перри отмечала «народный монархизм», присущий русскому обществу, влиявший на особенности взаимодействия власти и общества в России. Следует отметить также работу о народных волнениях в Козлове американского исследователя Б. Девиса¹⁵.

Наиболее интересным для изучения «городских восстаний» середины XVII в. является юг Российского государства – регион с повышенной социальной активностью (во многом благодаря своему геополитическому положению). Это территория современного Центрального Черноземья. Среди крупных городов выделялись Курск, Воронеж, Елец. Регион окончательно вошел в состав Российского государства только в конце XVI в., но и тогда еще в местных документах встречается фраза «поехать на Русь», что означало отправиться севернее, в район Средней Оки и далее¹⁶. Несмотря на умеренно-континентальный климат и черноземные почвы, полноценно заниматься земледелием здесь можно было только 4 месяца в году.

Социально-экономическая ситуация в городах юга России накануне волнений отражена в целом комплексе разнородных документов. Это материалы Разрядного приказа 1630–1640-х гг.: десяти, данные книг переписи 1646 г., сохранившиеся практически по всем городам. Ход волнений, социальный состав, участники и итоги мятежей зафиксированы в материалах Белгородского стола, где сохранились расспросные речи и сыскные дела, челобитные, а также переписка воевод с Разрядным приказом по поводу текущих событий. Ряд документов хранится среди комплекса материалов Белгородского стола 1647–1651 гг.; по некоторым городам документы о волнениях составляют отдельные дела.

Города юга России начинали свою историю как пограничные крепости, население которых составляли служилые люди по отечеству (дети боярские) и по прибору (стрельцы, городовые казаки и проч.). Свою нишу в социальной структуре занимали поместные казаки. Дети боярские и поместные казаки владели крупными земельными участками, размер которых обычно составлял 100–200 четвертей, хотя условный земельный оклад мог быть и выше. Поместное землевладение основывалось на принципе обязательной службы.

В 1620-х гг. южные уезды активно заселяли помещики и крестьяне¹⁷. А.А. Новосельский зарегистрировал незаконное бегство на юг 546 крестьянских семей. Большинство из них были выходцами со средней Оки: из Орловского, Брянского, Волховского, Калужского и ряда других уездов. По подсчетам историка, в Курском уезде оставались 290 семей, в Елецком – 149, в Ливенском – 71 семья, всего 93% от общей численности бежавших. Остальные 36 семей разместились в Белгородском, Веневском, Оскольском, Лебедянском и Воронежском уездах¹⁸. Татарская опасность и стремление России ускоренно колонизировать степные пространства на юге привели к росту численности служилых людей, прежде всего детей боярских. При этом крестьянские дворы в южных уездах располагались неравномерно и были немногочисленны. Общее количество помещиков Елецкого уезда, явившихся на смотр в 1648 г., составило 1 805 человек, из них только 307 имели на своих землях крестьян¹⁹. Большинство же помещиков, 83%, были вынуждены обрабатывать землю собственными силами, т.е. являлись однодворцами.

Привязанность помещика к деревне, к хозяйству отрывала его от военной службы. Серьезный удар по помещикам, имевшим владения средних размеров, был нанесен в 1630-х гг. Большой урон хозяйству нанесли Смоленская война с Речью Посполитой и постоянные набеги крымских татар. Российское государство пыталось загородиться от

татарских ударов «живым щитом», основу которого составляли служилые люди южных уездов. На плечи местного населения государственная оборонительная политика ложилась тяжелым грузом. В числе обязанностей служилых людей были также строительство крепостей, укреплений, валов, летние и зимние службы (посылка по вестям, патрулирование степи и проч.), десятинная пашня, государственный оброк («на государев обиход»), сопровождение послов до Азова и обратно, сменная служба в пограничных крепостях, доставка хлеба и овса в пограничные остроги и крепости²⁰. Тяжелым бременем было струговое дело. Жители городов-крепостей должны были за свой счет нанимать плотников, делать струги, погружать на них выращенный хлеб, делать для него рогожные мешки, сопровождать его до места назначения. Все эти обязанности исполнялись одновременно с полковой, вестовой и городской службой. Почти все местные служилые люди несли тягло, выплачивая его государству в основном хлебом и незначительную часть деньгами²¹. Это увеличивало бремя тягла, поскольку хлеб надо было не только собрать, но и отвезти за несколько сотен верст в степные крепости, где с зерном было плохо из-за татарских набегов.

Однако несмотря ни на что количество новых городов росло, колонизация края продолжалась. Служилые люди строили укрепления, насильно переселялись в новые крепости и остроги. В 1646 г. жители Мценска делали земляной вал в Белгороде, а орловцы – в Карпове. Ельчане строили и заселяли город Коротояк, ливенцы – город Царев-Алексеев (Новый Оскол), участвовали в строительстве Коротояка и других крепостей²².

К середине XVII в. социальный состав местного населения отличался от старых замосковных городов. Смета русского войска, составленная в 1651 г., позволяет определить социальную обстановку, сложившуюся в регионе²³. Чем южнее располагался уезд, тем больше отличий он имел от центральных и замосковных уездов. Заметные отличия наблюдались уже в Новосиле, Черни и Епифани. Здесь не было выборных детей боярских, которые считались местной элитой, своеобразным низшим слоем государева двора. В Орле из 749 человек выборных было 4 человека. В Козлове располагалась довольно значительная группа детей боярских – 2 047 человек, поместных и сторожевых казаков было 210 человек, черкас – 68, драгун – 155 человек. Большинство местных детей боярских были переведены сюда недавно, во время заселения города и уезда.

Специфическая особенность местных землевладельцев – присутствие в их рядах черкас и поместных казаков. Например, в Курске детей боярских было 1 368 человек, кроме того, 26 беломестных (донских) казаков, 172 полковых и 17 черкас. В Воронеже число казаков, включая атаманов, составляло 163 человека, все они являлись помещиками (общее число детей боярских – 255 человек). Поместные казаки в южных уездах составляли часто до 40% от всех служилых землевладельцев. Своеобразие региона – в многочисленности уездных корпораций детей боярских. Однако в экономическом плане местные помещики были гораздо менее обеспеченными, чем помещики центра России. Лишь в Брянске и Орле существовало разделение детей боярских на выборных, дворовых и городских, в то время как в других городах дети боярские почти не отличались от поместных казаков. Наиболее сложная ситуация сложилась в Воронеже, Курске, Козлове, Белгороде²⁴.

Служилые люди по прибору были обязательным элементом социальной структуры южных городов. Число их было велико. В Курске размещались 156 стрельцов и 194 казака, в Белгороде – 152 стрельца и 162 казака. Примерно столько же городских казаков и стрельцов было в других городах. Правительство разрешало набирать на службу в качестве стрельцов и служилых казаков южных городов «тутошних людей, кто похочет: от отцов – дети, от братьев – братия, от дядь – племянники, и соседи, и пососедники, и всякие вольные люди»²⁵. Поэтому в служилые по прибору записывались представители различных слоев общества, часто беглые крестьяне и холопы, а также «гулящие люди».

Специфика мелкого служилого населения в регионе была весьма разнообразна. Так, в Белгороде служили 45 человек посадских людей с пищальями и 39 с рогатиной

ми²⁶. Служили посадские люди и в Курске²⁷. Службу в Брянске несли крестьяне местных слобод, вооруженные пищалями, а также ямщики с рогатинами²⁸. Некоторые города юга России представляли собой сугубо военные поселения, пограничные крепости, где нельзя было заниматься полноценной хозяйственной деятельностью (Белгород, Оскол, Валуйки). Это обстоятельство справедливо позволило М.Ю. Зенченко выделить их в отдельную группу из городов южного пограничья²⁹.

Недовольство местного населения сложившимся положением было велико, и это ставило в непростое положение представителя центральной власти – городского воеводу. Воевода нуждался в поддержке не только со стороны Москвы, он искал опору в уезде, так как знал, что выполняя свои обязанности, вызывает протест и недовольство у большинства местных жителей. При этом воевода, как правило, старался «выслужаться», он усиленно «радел о государевом деле», надеясь на повышение и продвижение по службе. Иногда в уезде находились люди, готовые помочь воеводе организовать «зимние и летние службы», обеспечить выполнение государственных повинностей, сбор хлеба и денег, ремонт крепости. За это они получали льготы и привилегии, и в 1630–1640-х гг. в уезде сложились так называемые правящие группы, которые занимали важные посты и ответственные должности. Однако «правлящие группы» возникли не во всех уездах, и поэтому их значение не стоит преувеличивать.

Итак, сложившаяся обстановка способствовала возникновению и развитию конфликта. Рассмотрим города юга России, где в 1646–1648 гг. произошли волнения.

Елец. В Ельце в начале 1640-гг. сложилась «правлящая группа». Ее члены принадлежали к различным слоям общества: 4 сына боярских, 2 рядовых священника, поместный казак и дьячок. Лидером елецкой группы был Дмитрий Снетин³⁰. Последний приехал в Елец в 1630-х гг.³¹ Он поначалу мало отличался от большинства своих сослуживцев, «на службе был» на коне с самопалом и саблей, его земельный оклад составил 250 четвертей. К 1646 г. Снетин стал выделяться среди своих соседей: на его земле проживали 19 крестьян и бобыль, а сам он получил чин дворового сына боярского³². Второй участник группы, Иван Иванович Перцев – представитель елецких помещиков, его предки приехали сюда еще в начале XVII столетия. Материальный достаток И. Перцева был средним. В 1630 г. он владел небольшим поместьем в 35 четвертей, а на его землях проживали трое крестьян³³. К 1640 г. его земельный оклад увеличился до 200 четвертей³⁴, он пользовался авторитетом у сослуживцев и доверием властей: Перцев составлял мерные записи для распределения пустошей³⁵. На его землях теперь проживали 8 крестьян, размер его поместья – 150 четвертей. Он также имел чин дворового³⁶. Третьим представителем елецкой «правлящей группы» был Василий Никитич Козлов, фигурирующий в документах как житель Курска. Он появился в Ельце в 1646 г., в 1648 г. был послан в Крым³⁷. Четвертый участник группы Михаил Третьякович Сухинин по десятне 1622 г. – сирота и недоросль 7 лет, за ним числилось поместье в 100 четвертей без крестьян. К 1640-м гг. на его земле жили уже трое крестьян³⁸. Поместный казак Степан Никитич Долгий в десятне 1648 г. значился служилым «новиком». Он имел поместье в 30 четвертей и 4 крестьян³⁹. Про других участников «правлящей группы» сказать что-либо сложно. Это два «вдовых попа» Трофим и Алексей и «казачий дьячок» Мартинов. Таким образом, представители елецкой «правлящей группы» с точки зрения государства были вполне благонадежными. В документах есть также упоминания о «советниках» «правлящей группы». Это около 10 человек местных детей боярских.

Членам «правлящей группы» воевода давал различные поручения, связанные с организацией службы: ремонт городских стен, сбор хлеба и его посылка в новые крепости Усерд, Корочу и Яблонов, изготовление рогожных мешков, сбор денег, поставка спиртного и продуктов к царскому двору и проч. Члены правящей группы были ответственны перед воеводой за выполнение служилыми и посадскими людьми всех этих многочисленных поручений, за что имели льготы и пользовались своим положением в личных интересах («для своей бездельной корысти»). Вероятно, для них был занижен

размер податей, они забирали себе часть кабацких сборов, лес, свезенный в город для ремонта стен.

К концу 1630-х гг. в среде горожан и жителей Елецкого уезда выросло недовольство местной властью и «правлящей группой». Лидером недовольных выступил сын боярский Василий Насонов. В 1640 г. Насонов и «товарищи» решили направить в Москву челобитную с жалобами на свое тяжелое положение. Елецкий воевода Федор Алябьев приказал стрельцам арестовать челобитчиков. Арестованные были посажены в тюрьму и «биты батогами нещадно»⁴⁰. Оппозиция местной власти была невелика и большой силы не имела, жители города не оказали поддержки арестованным.

В 1646 г. ельчане подали новую «заводную» челобитную. В ней говорилось, что они якобы всем городом и уездом, «поговорив промеж себя», решили «полюбовно» выбрать людей «для государева и для городского всякого дела». Далее прилагался список из 24 имен, а затем еще один список с 22 именами, который предваряли слова, что ельчане уже просили об этом и раньше царя, бояр и воевод, и «всяких начальных людей». Ельчане обещали «во всем их (выбранных детей боярских. – Д.Л.) слушать и не в чем не подавать, и протор в государеве деле и в челобитье не ставить... и на них не пенять». В документе определялись права и обязанности выбранной группы. Смысл этой челобитной, на мой взгляд, сводится к ограничению власти воевод и к попытке устранить «правлящую группу»⁴¹. После рассмотрения челобитной в Москве Д. Снетина и членов правящей группы было приказано отправить в Царев-Алексеев. Оттуда они написали челобитную, где изложили свою точку зрения на проходящие события⁴², согласно которой, они добросовестно выполняли «государеву службу» и вызвали зависть. Вскоре Снетина «со товарищи» было приказано вернуть в Елец. Противостояние продолжилось.

В июне 1647 г. группа недовольных снова появилась в городе. Здесь несколько человек собрались на совет в Новосильской башне⁴³. Среди них были Василий Насонов с детьми боярскими, 3 служилых казака и казачий дьячок Григорий Белозеров. Они читали челобитную на имя царя, которая, видимо, была написана заранее. Тогда же все собравшиеся клялись на кресте, что «от той челобитной им не отступаться». Однако не все челобитчики были единомышленны. Дьячок Григорий Белозеров решил донести о челобитной казачьему и стрелецкому голове Ивану Буженинову. Голова сообщил воеводе Григорию Даниловичу Долгорукому, и тот велел арестовать челобитчиков и провести допрос. Это вызвало недовольство у некоторых казаков, потребовавших освободить Насонова «с товарищи»⁴⁴. Воевода это сделать отказался. Ответив ему «невежественными словами», казаки разошлись. Г. Белозеров донес на собравшихся, делая упор на то, что они целовали крест. В 1647 г. воевода отнесся к этому особенно внимательно. В 1645 г. царем стал молодой Алексей Михайлович, и по стране поползли слухи, что он не настоящий царь, власти боялись неповиновения. Поэтому слова дьячка о целовании креста в башне могли означать измену.

Результаты допроса челобитчиков показали, что измены царю они «не замыслили». Василий Насонов говорил, что единственное, чего они хотели, «бить челом о своих нуждах» государю, а также «вверяли промеж себя, чтоб заодно стоять и друг друга не выдать»⁴⁵. Г.Д. Долгорукий отослал результаты допросов, которые могли успокоить центральную власть, но в Разрядном приказе потребовали провести допрос всех жителей города по этому делу. На допросе мнения жителей города по поводу злоупотребления «правлящей группы» разделились. Большинство ссылалось на неосведомленность, другие считали, что «сельчане наносят на них во всем неправду». Однако подтвердили обвинения только несколько казаков и кузнецы. Единомышленны ельчане были лишь в утверждении того, что «креста никому не целовали, а целовали только... Алексею Михайловичу» в 1645 г.⁴⁶ На этом «восстание» в Ельце закончилось.

В 1648 г. никаких серьезных выступлений в городе не было, хотя в этом году произошел конфликт воеводы А.В. Хрущева и сына боярского П. Пилюгина. Рассмотрим это дело. Некоторые дети боярские считали, что на смотре 1648 г. им была занижена статья и жалованье. Один из недовольных, Павел Пилюгин, открыто оскорбил Хру-

щевы в съезде избу, считая его виновником занижения своей статьи⁴⁷. Хрущев приказал провести следствие. Следственная комиссия из числа дворян обвинения против воеводы не подтвердила; наказания Пилюгин не получил. Летом 1648 г. Хрущев поручил Пилюгину сопровождать переселенцев на Коротояк. Тот отказался. Тогда к нему были посланы приставы, которые убедили Пилюгина исполнить поручение, но, отправившись в Коротояк, он все равно уехал с полдороги к себе в поместье. Только после этого Пилюгин был арестован и бит батогами. Этот конфликт не может считаться восстанием, он никак не связан с тем, что происходило в Ельце ранее. Таким образом, большинство жителей Ельца смотрели на волнения в городе как на попытку обратить внимание царя и его окружения на тяжелое положение служилых людей. Слова «бунт» или «мятеж» в отношении участников волнений не употреблялись.

Воронеж⁴⁸. Воронежский уезд сильно страдал от ежегодных татарских набегов. Это обстоятельство тормозило его хозяйственное развитие. Татары, как правило, захватывали людей и скот, вытапывали зерновые культуры, поджигали и разрушали деревянные постройки. Большим бедствием для Воронежа стал набег 1647 г. К счастью, воронежский воевода Василий Тимофеевич Грязной сумел отбить татарский удар⁴⁹. Частые татарские набеги вынуждали правительство принимать дополнительные оборонительные меры. В 1647 г. воронежцы строили дубовые надолбы по берегу реки Воронеж на протяжении более 7 км, рыли рвы, сооружали укрепления. Обширное строительство велось за счет местного населения. Жители Воронежа понесли большие убытки и решили обратиться к царю с челобитной, в которой просили о льготах и смягчении налогового бремени. Вероятно, воевода Грязной не одобрил этой инициативы, но и не мешал отправке челобитной.

Кроме того, воронежцы решили собрать с горожан на общественные нужды 400 руб. Это вызвало недовольство полковых казаков⁵⁰. Казаки обвинили воеводу в бездействии и решили, что собранные деньги пойдут на личные нужды богатых воронежцев, прежде всего, представителей «правлящей группы». Во время очередного татарского набега полковые казаки отказались выезжать на защиту города и уезда. Тем самым они вызвали возмущение воеводы Грязного, который вообще не отличался гибкостью и тактичностью в управлении городом⁵¹.

Полковые казаки обосновали свой отказ от службы тяжелым материальным положением и составили челобитную, в которой просили выплатить им жалованье. Челобитную в Москву повез их сослуживец Герасим Кривушин. Перед своей поездкой в Москву Кривушин получил задание от представителей местного дворянства, недовольных воеводой. Воронежские дворяне Прокофий Шишкин и Богдан Конинский предложили казачьему посланнику вместо просьбы о жаловании просить сменить воеводу от имени всего города. За выполнение просьбы Кривушину обещали вознаграждение. В Москве Кривушин заявил, что приехал от всех воронежцев с жалобой на воеводу Грязного. Воронежский воевода, узнав о действиях Кривушина в Москве, послал письмо, где недоумевал по поводу обвинений казака. Действительно, никакой коллективной челобитной от воронежцев с жалобой на воеводу не было. В итоге Кривушин был посажен в Москве в тюрьму, однако волнения в Москве, вспыхнувшие в начале июня, способствовали его освобождению. Вернувшись в Воронеж (по дороге он отсидел 4 дня в елецкой тюрьме за рассказы о бунте в столице и убийстве представителей власти), Кривушин первым делом отправился к местным дворянам Шишкину и Конинскому⁵². Поручение посылавших его казаков Кривушин не выполнил, и те потребовали от него денег, собранных для поездки. Но денег у него не оказалось, и тогда он решил начать в городе «смуту», призывал грабить богатых воронежцев. Кривушин понимал, что воевода Грязной обязан поддерживать порядок, и потому призывы казака первым делом были обращены против воеводы. Кривушин начал рассказывать воронежцам, что привез царский указ, в котором говорится о смене воеводы. Указ якобы спрятан где-то в лесу⁵³.

Кривушин предлагал исполнить царский указ самим жителям: прогнать воеводу и его сторонников. По задумке казака, только в этом случае можно было безнаказанно

разорять богатые дворы жителей Воронежа. Кривушина поддержали дворяне Шишкин и Конинский, которые тоже были заинтересованы в смене воеводы. 25 июня на торгу Конинский затеял ссору со стрелецким головой Толмачевым, сторонником воеводы. Между делом он заявил, что Толмачева хотят убить первым. Толмачев истолковал это так, что вторым хотят убить воеводу. Зная о московских убийствах знати, воевода Грязной и голова Толмачев покинули город, чего и добивался Кривушин. В Воронеже начались погромы («смертное убийство и грабеж»)⁵⁴. Большинство жителей города решительно осудили начавшееся «восстание», которое вылилось в безнаказанный грабеж. 29 июня воевода вернулся в город. Состоялся сход жителей для выявления зачинщиков беспорядков. Доказать вину Шишкина и Конинского было сложно, хотя очевидно, что именно они стояли за действиями Кривушина. Грязной не посмел отдать приказ об их аресте, так как прямых свидетельств против них не было.

Как видим, воронежские события были связаны с недовольством местного дворянства воеводой и его окружением. Двое представителей местного дворянства использовали в своих интересах тяжелое положение, сложившееся в городе из-за татарских набегов и тягот службы. Зачинщик волнений полковой казак Кривушин меньше всего напоминает «борца за справедливость» или «героя из народа». Это был человек авантюристского склада, низких моральных качеств, искавший свою материальную выгоду. Вот какую характеристику дал Кривушину историк В.Н. Глазьев: «Кривушин был смелый, склонный к игре «ва-банк» человек, но мотивы его действий оказались вполне прозаичны»⁵⁵. Показательно, что большинство жителей города поддержали воеводу и в волнениях не участвовали. Когда события в Воронеже называются «восстанием», то под этим термином стоит понимать «смуту, разбой и грабеж», сведение личных счетов, желание обогатиться. Именно так оценивали «восстание» очевидцы.

Козлов. Народные волнения в городе Козлове привлекали внимание историков чаще, чем в остальных городах. Положение населения здесь было одним из самых тяжелых в регионе. Город был основан в 1637 г., его жители – мелкие служилые люди, которые переселялись сюда по распоряжению правительства. В 1647 г. козловцы составили челобитную, в которой жаловались на злоупотребления стрелецкого головы Михаила Останина и двух священников. Недовольство рядовых козловцев вызывали их более предприимчивые соседи, занимавшиеся торговлей и административными делами⁵⁶. Местный воевода Роман Боборыкин был непопулярен среди населения. Проводивший сыск по челобитной князь Лобанов-Ростовский вскоре убедился, что мнение жителей по поводу злоупотреблений неоднозначно. Тем не менее по итогам сыска воевода Боборыкин был оштрафован на 50 руб., а Останин бит кнутом⁵⁷. Открытое недовольство большинства козловцев на этом закончилось.

В Козлове образовалась оппозиционная группа, в которую вошли сын боярский Ю. Толмачев (лидер группы), стрельцы О.К. Дружинин, Н.А. Невезнев, полковые казаки С.М. Кобузов, В.Я. Баранников⁵⁸. Они решили подать в Москву челобитную, в которой жаловались на свое тяжелое материальное положение и просили выплатить жалованье полковым казакам и части стрельцов⁵⁹. Отвезти челобитную в Москву было поручено полковым казакам во главе с Кобузовым. Челобитчики находились в Москве в начале июня 1648 г. во время московского бунта, в ходе которого были убиты представители власти. Легкость и безнаказанность, с которой действовали москвичи, произвели большое впечатление на козловских казаков, и, вернувшись в Козлов, они решили улучшить свое материальное положение за счет грабежа богатых соседей. Воевода Боборыкин покинул город с отрядом драгун и детей боярских. Вероятно, узнав о событиях в Москве, он испугался физической расправы со стороны группы Толмачева. Воспользовавшись отъездом воеводы, Толмачев и его сторонники начали «во всех людях смуту и мятеж, и ослонный бой». Оказывавших сопротивление казаки избивали ослопами, стараясь не убить. Никаких требований бунтовщики не выдвигали. Их главная цель была очевидна: «поднять смуту» и начать грабеж.

Один из местных детей боярских вспоминал в своей челобитной, «как было в городе Козлове смутное время, многих людей били, и дворы и лавки грабили... да ра-

зоряли и всякий живот наш (имущество. – *Д.Л.*) и товары пограбили без отстатку»⁶⁰. Ни о каких политических или экономических призывах следственные материалы не упоминают. Показательно описал мятеж в Козлове священнослужитель Яков: «156 [1648] году июня в 11 день умысля тот Юшка (Юрий Толмачев. – *Д.Л.*) с товарищи своими воровски, в Козлове у многих людей дворы и лавки с товары грабили, и торговых и всяких многих людей побивали и метали в ров; и того ж числа тот Юшка Толмачев с заговорщиками своими... замки сбили и двери выбили и из той лавки... всякую рухлядь (имущество. – *Д.Л.*) пограбили»⁶¹. Все опрошенные лица сообщили, что казаки грабили «многих людей». Речь не шла о богатых и знатных лицах, что ставит под сомнение классовую сущность мятежа. К грабежам группы Толмачева присоединились и местные пушкари. Они избili двух своих сослуживцев, ограбили их дома. На очной ставке во время разбирательства по этому делу пушкари грабеж отрицали, но в избиении сразу сознались⁶². Мятеж в Козлове продолжался всего 1 день, все остальное время грабители прятали имущество и укрывались сами. Очевидно, что большинство людей были недовольны мятежом, поскольку он оказался по сути открытым грабежом без различий социального происхождения и имущественного положения. Фраза «Юшка Толмачев с заговорщиками своими» указывает, на то, что действия группы Толмачева были спланированы заранее, а не являлись проявлением стихийного недовольства.

Тем временем воевода Боборыкин, узнав о происходящем в Козлове, решил не спешить с наведением порядка. Вместо того чтобы отправиться в Козлов, Боборыкин выехал в Рязьк к новому воеводе Волынскому, направляющемуся к нему на смену. Действия воеводы объяснимы: понимая, что вина за грабежи ляжет на него, он решил воспользоваться тем, что срок его воеводства в Козлове подошел к концу. Боборыкин хотел показать, что волнения случились уже не в его воеводство, или, во всяком случае, в его отсутствие. На этой почве между Волынским и Боборыкиным произошел конфликт⁶³. К приезду в город нового воеводы мятеж прекратился. Вскоре в Москву посыпались жалобы жителей города, пострадавших от грабежей.

Воевода Боборыкин вызывал недовольство, в первую очередь, своими активными действиями по привлечению местного населения к выполнению разного рода повинностей. В своей отписке он указывал на то, что не успел в сроки выполнить царский указ о строительстве укреплений. В этом, по словам воеводы, виноваты жители города: «А козловцы, государь, всяких чинов люди, делали негораздо». Многие отказывались строить вал и укрепления. Недовольство козловцев воеводой было связано с тяжелыми условиями службы. Боборыкин в своей отписке так определял причины бунта в Козлове против него и его сторонников: «За то, что я, холоп твой, и те дети боярские тебе, государю, служили и во всем многую прибыль учинили»⁶⁴. В Козлове, как и в других городах региона, находились дворы представителей столичной знати – бояр Никиты Ивановича Романова и князя Алексея Никитича Трубецкого. Никто из людей знатных особ в ходе мятежа не пострадал, не пострадали и дворы «сильных людей».

Курск. События в Курске в советской историографии описывались как «крестьянское восстание». Тяжелое материальное положение заставляло многих местных стрельцов и казаков бросать военную службу и идти в крестьяне к местным землевладельцам. Однако по указу правительства бывших стрельцов и казаков надлежало возвращать обратно в службу. Особенно важен этот указ был для местного стрелецкого головы Константина Теглева. Он был настроен очень решительно, поскольку многие его бывшие подчиненные бежали в крестьяне.

Многие крестьяне из числа бывших стрельцов жили на землях курского Троицкого девичьего монастыря. Игуменья монастыря Феодосия, желая сохранить своих крестьян, в июне 1648 г. с группой приверженцев отправилась в Москву. Им удалось получить грамоту, по которой сыск беглых стрельцов передавался в компетенцию местного воеводы Федора Лодыженского. Более того, для подтверждения крепости на крестьян достаточно было иметь на них грамоты⁶⁵. Указ был прочитан 4 июля в курской съезжей избе в присутствии воеводы, стрелецкого головы, представителей духовенства, возле избы собрались монастырские крестьяне. Стрелецкий голова Теглев, прослушав

указ, пришел в ярость. Он начал ругаться с протопопом Григорием, которого считал инициатором поездки игуменни в Москву. «Переперхнешься ты и будешь без скуфьи!» – кричал он на Григория. Протопоп отвечал: «Ты меня сделаешь без скуфьи, а я тебя без головы»⁶⁶. Протопопа поддерживали крестьяне, бежавшие от стрелецкой службы. Узнав, что Теглев собирается ехать в Москву за новой грамотой, по которой им грозит возвращение в службу, крестьяне решили действовать немедленно. Они выбили бревном дверь в съезжей избе и убили Теглева. Как выяснилось позже, к этому их подстрекали игуменья и протопоп Григорий. Игуменья, побывавшая в столице во время июньского бунта, рассказала крестьянам о легкости, с которой можно расправиться с представителями власти. «На Москве и лучше его убили», – говорил участник поездки в Москву Воденицын. После убийства стрелецкого головы крестьяне кинулись грабить его двор. Воевода Лодыженский тщетно пытался утихомирить крестьян.

Пользуясь безнаказанностью, крестьяне начали грабить дворы жителей Курска, затем отправились в кабаки, которые были закрыты по распоряжению воеводы, но это не остановило мятежников, «восставшие» начали устраивать драки между собой. Когда пыл бунтовщиков утих, Лодыженский велел арестовать некоторых участников грабежей и драк. Большинство жителей Курска, посадские и служилые люди, осуждали грабительские действия крестьян, пострадавшие требовали возмещения ущерба.

Ливны. События в Ливнах иногда также интерпретируются как восстание. Ливны мало отличались от соседних городов по экономическому положению и социальному составу. Интересно, что по официальным источникам в 1645 г., узнав о смерти царя, ливенцы «все люди плакали, а как прослышали, что Бог дал на государство государя Алексея Михайловича, все обрадовались»⁶⁷.

В 1647–1648 гг. воеводой в Ливнах был Федор Абросимович Лодыженский, представитель старинного рода. Однако большого авторитета он не имел. За неудачный местнический спор Лодыженскому пришлось сидеть в ливенской тюрьме⁶⁸. 3 сентября 1648 г. в ливенскую воеводскую избу пришел сын боярский Прокофий Руднев, который заявил воеводе, что события в Москве и волнения в городах изменили политическую ситуацию в стране. Обругав воеводу, он заключил: «И ныне власть ваша закончилась!». Воевода велел арестовать Руднева, но тот вышел на улицу и стал кричать: «Суда ливенцы не дайте!». Но ливенцы, собравшиеся на улице, за Руднева заступаться не спешили, и он был арестован. Сразу после этого к воеводе пришел товарищ Руднева, сын боярский Сидор Зубцов. Он «с большим невежеством» стал заступаться за арестованного и даже грозил воеводе расправой при многих свидетелях. Зубцов был посажен в тюрьму. Воевода всерьез испугался, «чтоб лихацеств и какое дурно не учинилось»⁶⁹.

О случившихся событиях Лодыженский подробно описал в Москву. В столице к сообщениям о событиях в Ливнах отнеслись с большой настороженностью. Воеводе было велено разузнать обстановку в городе и настроения среди местного населения и выяснить, «сам ли он (Руднев. – Д.Л.) себе приходил или прислали ливенцы городом». Вскоре выяснилось, что население Ливен лояльно к власти и не поддерживает Руднева и Зубцова. Следственное дело было начато по поводу оскорбления воеводы, а не по причине бунта. Вели дело окольничий князь Дмитрий Петрович Львов и дьяк Анисим Трофимов. Они прибыли в Ливны сразу после случившегося инцидента. Руднев и Зубцов были допрошены «порознь», опрошены были также свидетели оскорбления воеводы⁷⁰. В итоге Руднев и Зубцов были биты кнутом и отпущены. Таким образом, недовольство ливенцев местной властью и тяжелыми условиями службы не приняло форму бунта и восстания. В 1649 г. в Ливнах случился конфликт во время выборов кабацкого и таможенного головы⁷¹. Этот случай не имел отношения к мятежам или бунтам и являлся обычным явлением русской провинциальной жизни.

Новосиль. 30 июня 1648 г. новосильский ямщик Василий Бочок, придя к стрелецкому и казачьему голове, поинтересовался: правда ли по государеву указу в городах приказных людей надо бить камнями? Вероятно, он что-то слышал о событиях в

столице. Никакого наказания он не получил и был отпущен, однако спустя месяц его отыскивали и били кнутом⁷².

Талецкий острог. На востоке Елецкого уезда служилые люди, узнав о том, что их переселяют в Коротояк после окончания жатвы, выказывали свое недовольство воеводе Красникову. Воевода велел бить 4 «заводчиков» ослопом. Несколько человек бежали со службы⁷³. Никаких антиправительственных выступлений, разбоев и грабежей не происходило.

Кроме Воронежа, Ельца, Козлова и Курска (Ливны, Новосиль и Талецкий острог в список «мятежных» городов вносить необъективно) волнения на юге больше нигде зафиксированы не были. В целом в регионе в середине XVII в. было 50 городов, и говорить о том, что юг России активно участвовал в волнениях, на мой взгляд, неуместно. Волнения в Курске и Ельце не отличались, по сути, от подобного рода явлений в другие годы. Например, в конце XVII в. в Ельце произошел конфликт между воеводой Н.Р. Городецким и местным губным старостой Р. Дяттеревым. В городе образовались 2 противоборствующие группы⁷⁴. После долгого спора, взаимных обвинений и рукоприкладства воевода Городецкий дело проиграл, спор сопровождался драками, стрельбой и разбоем⁷⁵. В Данковском уезде в 1692 г. местные однодворцы отказались выплачивать хлебные подати. Они дважды избивали цепами и палками посылаемых к ним служилых людей воеводы⁷⁶. В 1657–1659 гг. группа воронежских служилых людей боролась с местным воеводой И. Кушелевым. Его обвиняли в многочисленных злоупотреблениях «для своей корысти». Дело дошло до открытого столкновения сторонников воеводы с группой недовольных⁷⁷. Список конфликтов местного уровня, сопровождавшихся драками и грабежом, можно продолжить. Отличие бунтов середины XVII в. от других подобных явлений эпохи заключалось во влиянии московских событий, которые вдохновляли уездную оппозицию на открытые столкновения с местной властью.

В большинстве же уездов тяжелое положение, которое сложилось в регионе, не вызвало открытых антиправительственных выступлений. Служилые люди демонстрировали недовольство игнорированием службы, а также жалобами друг на друга и на злоупотребления властей. Так, помещики Затруцкого стана Ливенского уезда отказывались ездить на конную службу (на сторожи для патрулирования степи и на посылки в соседние города). Они также прятали хлеб, который были обязаны отдавать в государеву житницу для отправки в пограничные города⁷⁸. Елецкие дети боярские в 1649 г. игнорировали просьбы и требования воеводы А. Хрущева по службе. Воевода А. Бутурлин, приехав в Елец на смену Хрущеву, решил провести смотр елецких помещиков, чтобы выяснить «кто на чем на государевой службе будет». Но на его приказы явиться в Елец «тотчас» никто не поехал⁷⁹. В рассмотренных городах недовольство воеводами напрямую было связано с их активностью на посту, заботой о «государевом деле». Именно эта активность ложилась на плечи служилых людей тяжелым бременем, от которого они хотели избавиться. Возникало недовольство местной властью, которое выливалось в открытые мятежи.

Участники восстаний не имели четких требований и программ. Цель их сводилась к запугиванию местной власти, грабежу и разбою, которые служили своеобразной формой социального протеста. Очевидная цель восставших – личное обогащение, решение своих проблем за счет грабежа соседей, сведение личных счетов. Местное общество требовало от центральной власти, прежде всего от царя, наведения порядка, «тишины», возмещения убытков, отстранения от власти «сильных людей».

Таким образом, борьба различных группировок за влияние негативно сказывалась на общественном порядке, наиболее ярким следствием этого стали погромы и разбой в столице и некоторых уездных городах. В качестве традиционной меры для наведения порядка и стабильности правительство пошло на созыв Собора, следующим шагом стало создание нового свода законов – Соборного Уложения 1649 г. С этого момента политика государства в отношении южнорусской провинции стала более гибкой. В наказе воронежскому воеводе В. Еропкину 1649 г. говорилось: «Людам обид, и насильств, и никаких налог не делать, и воронежским всяким служилым и жилецким лю-

дям на себя изделия всякого делать не велеть»⁸⁰. В другом наказе от 11 декабря 1651 г. к воронежскому воеводе кн. В.П. Кропоткину звучало требование держать «ласку и привет добрый и расправу меж ими делать по нашему указу и по Соборному Уложению, в правду». За различные притеснения воронежцам, «посулы и поминки», неправедный суд воеводе грозила «великая» опала и наказание («велим на тебе доправить все сполна») ⁸¹.

Народные волнения в южнорусских городах были реакцией на борьбу различных придворных группировок за власть в первые годы правления Алексея Михайловича, при этом они способствовали формированию абсолютистских тенденций царской власти. На материалах южнорусских уездов мы видим, что местное общество не оставалось безучастным свидетелем негативных проявлений в различных эшелонах власти, поскольку прошедшая в России Смута «впервые поставила на повестку дня идею взаимной ответственности друг перед другом народа и государства»⁸².

Примечания

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 10. Кн. 5. М., 2001; Зерцалов А.Н. К истории мятежа 1648 г. в Москве и других городах // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1896. Кн. 1; Латкин В.Н. Лекции по истории русского права. СПб., 1912. С. 100–104.

² Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 3. М., 1988. С. 225–226.

³ См.: Бахрушин С.В. Послесловие // Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 2. М.; Л. 1947. С. 486.

⁴ Там же.

⁵ Тихомиров М.Н. Псковский мятеж XVII в. Из истории борьбы общественных классов в России // Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России. XVII в. М., 1969. С. 352–396.

⁶ Тхоржевский С.И. Народные волнения при первых Романовых. М., 1924.

⁷ Тихомиров М.Н. Содержание «Сборника материалов по истории классовой борьбы на юге русского государства в первой половине XVII в.» // Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России... С. 398–406. Сборник опубликован не был.

⁸ Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное Уложение 1649 г. М., 1961; Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В. Крестьянские войны в России в XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966; Чистякова Е.В. Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975.

⁹ Новицкий Г.А. Восстание в Курске в 1648 г. // Историк-марксист. Кн. 6. М., 1934.

¹⁰ Базилевич К.В. Предисловие // Городские восстания в Московском государстве XVII в.: Сборник документов. М., 1936.

¹¹ Смирнов П.П. Указ. соч. Т. 2. С. 160–161, 763.

¹² Там же. С. 481–489.

¹³ Kivelson A.V. The Devil Stole His Mind: The Tsar and the 1648 Moscow Uprising // American Historical Review. 1991. Vol. 98, № 3, Jun. P. 733–756; Perry M. Pretenders and popular monarchism in early modern Russia. Cambridge, 1995; Пеппи М. В чем состояла «измена» жертв народных восстаний XVII в.? // Россия XV–XVIII столетий: Сборник научных статей к 70-летию Р.Г. Скрынникова. Волгоград, 2001. С. 207–220; *ее же*. Народные мнения и слухи о царе (1630–1650 гг.) // Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X–XVIII столетия): Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Л.В. Черепнина. М., 2005. С. 22–24; Колманн Н.Ш. Соединенные чеством. Государство и общество в России раннего Нового времени. М.; 2001; Bushkovitch P. The Formation of a National Consciousness in Early Modern Russia // Harvard Ukrainian Studies. 1986. № 10. P. 355–376.

¹⁴ Kivelson A.V. Op. cit. P. 756.

¹⁵ Davies L.B. State Power and Community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635–1649. N.Y., 2004.

¹⁶ РГАДА, ф. 141 (Приказные дела старых лет), оп. 1, д. 1 (1592 г.), л. 95.

¹⁷ Там же, ф. 210 (Разрядный приказ), оп. 19, д. 9, ч. 1–2, л. 1–195.

- ¹⁸ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л. 1948. С. 297–299.
- ¹⁹ РГАДА, ф. 210, оп. 4, 1648 г., д. 88, л. 1–320.
- ²⁰ Акты Московского государства. Т. 2. СПб., 1894. С. 109–110.
- ²¹ Мацук М.А. Фискальная политика Русского государства и будущие государственные крестьяне Коми края, Севера и Юга России: общее и особенное (XVII век). Сыктывкар, 2007. С. 163.
- ²² РГАДА, ф. 210, оп. 1, д. 327, л. 197.
- ²³ Там же, л. 1–270.
- ²⁴ Для сравнения приведу данные по другим городам России. Так во Владимире количество выборных детей боярских в 1651 г. составило 88 человек, дворовых и городовых – 163. При этом дворовые и городовые не разделялись, что указывает на отсутствие сильной социально-экономической дифференциации в их среде. Интересно, что численное превосходство детей боярских над выборными было невелико. С новиками и недорослями общее число детей боярских во Владимире составляло 336 человек, из них примерно 25% были выборными. В Суздале ситуация была схожей: из 359 детей боярских 101 человек значился в выборных. В Муроме было 40 выборных из 180 детей боярских.
- ²⁵ РГАДА, ф. 210, оп. 1, д. 327, л. 66–67.
- ²⁶ Там же, л. 162.
- ²⁷ Там же, л. 193 об.
- ²⁸ Там же, л. 222.
- ²⁹ Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. М., 2008. С. 196.
- ³⁰ РГАДА, ф. 210, оп. 1, д. 229, л. 1–210.
- ³¹ Там же, д. 122, л. 11.
- ³² Там же, ф. 1209 (Поместный приказ), оп. 1, д. 135, л. 276 об.; ф. 210, оп. 4, д. 86, л. 8.
- ³³ Там же, ф. 1209, оп. 1, д. 133, л. 621 об.
- ³⁴ Там же, ф. 210, оп. 1, д. 122, л. 11.
- ³⁵ Котков С.И., Коткова Н.С. Памятники южного великорусского наречия: Отказные книги. М., 1977. С. 43, 86, 87, 101, 114.
- ³⁶ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 135, л. 117 об.; ф. 210, оп. 4, д. 86, л. 9.
- ³⁷ Там же, ф. 210, оп. 4, д. 86, л. 290.
- ³⁸ Там же, ф. 1209, оп. 1, д. 133, л. 99; ф. 210, оп. 4, д. 86, л. 140.
- ³⁹ Там же, ф. 1209, оп. 1, д. 133, л. 1324 об.; ф. 210, оп. 4, д. 86, л. 279 об.
- ⁴⁰ Там же, ф. 210, оп. 1, д. 275, л. 3.
- ⁴¹ Там же, л. 175–178.
- ⁴² Там же, л. 188.
- ⁴³ Там же, л. 199.
- ⁴⁴ Там же, л. 200.
- ⁴⁵ Там же, л. 206.
- ⁴⁶ Там же, л. 210.
- ⁴⁷ Там же, л. 214.
- ⁴⁸ Там же, д. 284.
- ⁴⁹ Глазьев В.Н. Воронежские воеводы в XVI–XVII вв. Воронеж, 2008. С. 100.
- ⁵⁰ Там же. С. 101.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² РГАДА, ф. 210, оп. 1, д. 60, л. 41.
- ⁵³ Там же, л. 40–41, 303.
- ⁵⁴ Там же, д. 167, л. 58–59.
- ⁵⁵ Глазьев В.Н. Указ. соч. С. 102.
- ⁵⁶ РГАДА, ф. 210, оп. 1, д. 570, л. 307–309.
- ⁵⁷ Там же, л. 375–376.
- ⁵⁸ Там же, д. 176, л. 38–39.
- ⁵⁹ Там же, д. 284, л. 204–208.
- ⁶⁰ Городские восстания... С. 104.
- ⁶¹ Там же. С. 106.
- ⁶² Там же. С. 108.
- ⁶³ РГАДА, ф. 210, оп. 1, д. 131, л. 422.
- ⁶⁴ Городские восстания... С. 119.

- ⁶⁵ РГАДА, ф. 210, оп. 1, д. 269, л. 569.
- ⁶⁶ Городские восстания... С. 111.
- ⁶⁷ Андреев И.Л. Алексей Михайлович. М., 2006. С. 64.
- ⁶⁸ Пясецкий Г. Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении. Орел, 1999. С. 122.
- ⁶⁹ РГАДА, ф. 210, оп. 1, д. 327; л. 36–38.
- ⁷⁰ Там же. л. 39–40.
- ⁷¹ Там же, д. 275, л. 326–328.
- ⁷² Там же, д. 268, л. 473.
- ⁷³ Там же, д. 567, л. 505.
- ⁷⁴ РГАДА, 1191, л. 53–120 об.
- ⁷⁵ Там же, л. 94, 116, 117. См. также: *Ляпин Д.А.* Дворянство Елецкого уезда в конце XVI–XVII веках. Елец, 2008. С. 193–200.
- ⁷⁶ РГАДА, ф. 210, оп. 1, д. 1837, л. 178–185.
- ⁷⁷ Там же, оп. 12, д. 478, л. 20–24.
- ⁷⁸ Там же, д. 327, л. 43.
- ⁷⁹ Там же, л. 462. Списков с десятины 1648 г. в Ельце не оказалось.
- ⁸⁰ РГАДА, ф. 210, Оп. 12, д. 1908, л. 33.
- ⁸¹ Там же, д. 333, л. 114–115 об. Ср.: Там же, д. 606, л. 34–35.
- ⁸² *Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М.* Россия после Смуты – время выбора // Отечественная история. 2008. № 5. С. 49.

© 2010 г. А. Ю. МИНАКОВ *

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ первой трети XIX века

Несмотря на очевидный и увеличивающийся с каждым годом рост интереса к истории русского консерватизма, подогреваемый политической конъюнктурой (на съезде в ноябре 2009 г. партия «Единая Россия» заявила о приверженности консервативной идеологии), экономические воззрения русских консерваторов первой трети XIX в. (Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, Ф.В. Ростопчина, С.Н. Глинки, А.С. Стурдзы, С.С. Уварова и др.) должным образом еще не исследованы. В то время русский консерватизм еще только начинал складываться в некую относительно стройную систему взглядов, и исследователь данной темы вынужден анализировать отдельные мнения, гораздо реже – публицистические статьи, заметки и проекты мыслителей, чьи убеждения можно классифицировать как консервативные. Сами они, как правило, не старались систематизировать свои идеи и зачастую не подозревали о существовании аналогичных подходов у других «консерваторов». Поэтому говорить о наличии некой целостной консервативной экономической доктрины в указанный период можно лишь с известной долей условности. К тому же русские консерваторы тех лет явно не считали экономические проблемы приоритетными (что является характерной особенностью большинства направлений русской консервативной мысли). Гораздо больше внимания они уделяли борьбе с галломанией, формированию программы «народного воспитания», осмыслению значения и роли самодержавия, отстаиванию интересов православной Церкви, борьбе с западноевропейским мистицизмом и масонством, политике в отношении цензуры и просвещения и т.д.

* **Минаков Аркадий Юрьевич**, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Воронежского государственного университета.

Позиции консерваторов определялись при этом отнюдь не абстрактными принципами, почерпнутыми из сочинений Э. Бёрка или Ж. де Местра, а необходимостью реагировать на конкретную политическую и экономическую ситуацию. Существенной особенностью экономического развития России первой трети XIX в. помимо аграрного характера экономики была крайняя узость потребительского рынка, вызванная преобладанием натурального хозяйства (крестьянского и помещичьего), обеспечивавшего себя почти всем необходимым. Во многом следствием этого являлась хроническая скудость финансовых средств и материальных ресурсов, необходимых империи, которая постоянно вела тяжелые войны, требовавшие колоссальных затрат. В этих условиях были неизбежны недоимки, периодически возникавший дефицит бюджета, острая потребность в иностранных займах, снижение курса бумажных денег¹. Несмотря на начавшийся во второй четверти XIX в. промышленный переворот, представление о том, что Россия – страна исключительно земледельческая, было тогда общепринятым². Соответственно и в размышлениях русских консерваторов об экономическом укладе империи аграрные отношения и крепостное право занимали центральное место³.

Одним из первых среди консерваторов сформулировал свою позицию по крестьянскому вопросу Г.Р. Державин, резко отрицательно оценивший указ о вольных хлебопашцах 1803 г.⁴ Державин владел несколькими имениями, насчитывавшими в общей сложности около 2 тыс. душ. Постоянно пребывая в долгах, он тем не менее, по словам В.С. Иконникова, «не позволял себе прибегать к суровым взысканиям с крестьян... заботился, чтобы повинности крестьян не были отяготительны... требовал, как чад, рабов любить». Державин «хлопотал об устройстве в имениях фабрик и заводов (полотняных заводов, винокуренных и конского) не с целью только прибыли, но чтобы приучить к тому, как для их пользы, так и для полезного изучения нового дела; поэтому он запрещал привлекать к тому насильно, но за плату, как чужим, так и своим крестьянам, настаивал на обучении грамоте (русскому языку, закону Божию, арифметике), церковному пению и музыке, посылал ноты и книги, необходимые для обучения и поучения в церкви»⁵. При этом он считал, что от освобождения крепостных крестьян «в нынешнем состоянии народного просвещения не выйдет... никакого блага государственного, а напротив того вред»: «чернь обратит свободу в своеволие и наделает много бед»⁶. Аппелируя к тому, что «хотя, по древним законам права владельцев на рабство крестьян нет, но политические виды, укрепив крестьян земле, тем самым ввели рабство в обычай», Державин подчеркивал: «Обычай сей, утвержденный временем, соделался столько священным, что прикоснуться к нему без вредных последствий великая потребна осторожность»⁷. Ему представлялось, что помещики в качестве выкупа будут требовать слишком много, а крестьяне не смогут заплатить всю сумму сразу, в результате начнутся бесконечные судебные тяжбы из-за неустоек. К тому же крестьяне, получив свободу, перестанут исполнять повинности, а от этого пострадают интересы государства⁸. Однако при всей категоричности суждений, Державина сложно назвать последовательным «крепостником»: в одном из вариантов своего завещания он выразил желание, чтобы все его крепостные крестьяне были обращены в вольных хлебопашцев. Впрочем, согласно окончательному варианту завещания, после его смерти на волю следовало отпустить лишь нескольких дворовых людей⁹.

Взгляды Державина были типичны для основной массы консервативно настроенного дворянства. Несколько более сложный путь решения крестьянского вопроса указывал в своей журнальной публицистике первых лет XIX в. Н.М. Карамзин. Его взгляды именно в эти годы приобрели отчетливо консервативный характер¹⁰. Карамзин, как и Державин, придерживался патриархальных представлений, согласно которым помещик являлся отцом-покровителем крестьян, кровно заинтересованным в их нравственности и благосостоянии. Этот патернализм, с точки зрения Карамзина, служил залогом процветания и зажиточности крестьян. В случае же освобождения они неизбежно должны были разориться. Карамзин создавал образ добродетельного помещика, который «смотрел не только за своими, но и за крестьянскими полями: хотел, чтобы и те и другие были хорошо обработаны – и в ... деревне хлеб родился лучше, нежели во

многих других; господин богател, и земледельцы не беднели». Получив волю, эти же крестьяне станут «в волю лениться и предаваться гнусному пороку пьянства», и свобода может обратиться «в величайшее зло»¹¹. Пьянство Карамзин считал едва ли не самой серьезной причиной, мешающей крестьянам добиться зажиточного состояния: «Они все могли бы разбогатеть, если бы гибельная страсть к вину не разоряла многих, страсть, которая в России, особливо вокруг Москвы, делает по крайней мере, столько же зла, как в Северной Америке между дикими народами»¹². Он обращал особое внимание на то, что самыми богатыми крестьянами были старообрядцы, которые не пьянствовали¹³. Выход из нищеты и невежества для крепостных крестьян Карамзин видел в их просвещении. В 1793 г. он писал о невиданной даже в более поздние времена идиллии: «Просвещенный земледелец!... Я поставлю в пример многих швейцарских, английских и немецких поселян, которые пахут землю и собирают библиотеки; пахут землю и читают Гомера и живут так чисто, так хорошо, что музам и грациям не стыдно посещать их»¹⁴.

В начале XIX в. среди помещиков Центральной России возникла мода на «английских фермеров», на современную по тому времени сельскохозяйственную технику и технологии. Однако она быстро прошла, и вскоре земельные собственники «возвратились на старый, но проверенный путь – к усилению эксплуатации крестьян»¹⁵. Тем не менее осмысление этого «эксперимента» дало серьезный толчок русской консервативной мысли. Один из «экспериментаторов» Ф.В. Ростопчин опубликовал в 1806 г. брошюру «Плуг и соха», в которой критически оценивал возможности применения в русских условиях западноевропейской агрокультуры¹⁶. Ростопчин сурово осуждал некоторых помещиков за стремление ввести в своих поместьях модные нововведения: то, что «сделалось в других землях веками и от нужды, мы хотим посреди изобилия у себя завести за год ... по склонности к новостям, и в подражание чужестранным, по множеству перемен в одежде, в строении, в воспитании, даже и в образе мыслей»¹⁷.

«Русские англичане», полагали, что «удобрение полей, содержание большого скотоводства, превосходные семена, обширные поля, превращенные в огороды», приведут к товарному изобилию и к обогащению, как их самих, так и их крестьян¹⁸. Действительность же оказалась иной: обзаведение хозяйством нового типа потребовало от помещиков непомерно больших затрат¹⁹. По подсчетам Ростопчина, рентабельность даже образцовых хозяйств была крайне невелика: «Если бы в существующих уже теперь в России английских фермах те, кому они принадлежат, хотели вычислить поверней все издержки на заведение, содержание людей, скота, строений, орудий, жалованья иностранным, и прежний доход, тогда бы, пожертвуй самолюбием истине, признались, что едва получают два процента на сто за сию модную перемену сохи на плуг»²⁰. Английское зерно быстро утрачивало свои свойства в русских климатических условиях: «Превосходство семян иностранных есть заманка ... от сильного жара, короткого лета и скороспелости, через два посева делаются зерном не крупней наших»²¹. Размеры земельных участков в России были чрезвычайно велики в сравнении с площадями английских ферм, что также порождало существенные проблемы с их обработкой: «В Англии отделение земли, называемое фермою, очень велико, когда в 50 десятин, а многие есть и в 10... Как возможно все оное число успеть обработать, посеять, убрать и свозить? Любовники англинского земледелия забывают всегда одно, что у нас и соха действует с конца апреля до конца августа»²².

Немаловажное значение имело и отсутствие квалифицированных специалистов. «При англинском земледелии, – отмечал Ростопчин, – должно непременно иметь англичанина и для смотрения. Сколь не трудно сыскать способных, знающих свое дело, не ветреных, деятельных и не падких на деньги; но полагая и сие возможным, всякое заведение сего рода не пойдет в ход, если господин сам не станет жить в том месте по крайней мере семь месяцев в году, дабы охранить иностранцев от насмешек, от происков, от хитростей, а иногда и от побоев. Но со всем тем первые два года пользы ждать не можно, потому что смотрители, не зная языка, не в состоянии ни толковать, ни приказывать порядочно; а когда они начнут хорошо говорить по-русски, работники

привыкнут к новой пашне, поля начнут приходить в порядок, тогда-то, заведший английскую пашню сделается совершенно сам из господина прикащиком англинского своего фермера и должен будет непременно решиться или ему угодать, или спустя видеть разрушение целого заведения с потерей времени и знатной суммы денег»²³. В своем трактате Ростопчин сформулировал признаки, которые, по его мнению, отличали русского крепостного и государственного крестьянина от западноевропейского фермера: «Фармер в Англии не что иное, как содержатель некоторой части земли, кою он нанимает, обрабатывает, и тем содержит себя и всю семью... Следственно фермер не есть крестьянин, а временный хозяин участка земли. Русской же мужик имеет казенный собственную землю, а помещичий определенную, с коей они платят повинности и достают себе содержание, обрабатывая все своею семьею»²⁴.

Положение крепостного крестьянина имело, с точки зрения Ростопчина, непреходящие достоинства. Так, он утверждал, что Россия не знала, что такое голод, и уверял, будто крепостной крестьянин почти идеально защищен от разного рода невзгод благодаря постоянному попечению со стороны помещиков и общинной взаимопомощи²⁵. Если же в России нищета и существовала, то исключительно в силу порочности человеческой натуры: «В Англии множество людей без пропитания ... у нас же во всяком крестьянском доме есть скот, птица, овощ и хлеб, в коем от старшего в семье до малого ребенка всякой имеет равное участие. Если в казенном селении обедняет мужик, то ему помогают миром. Помещичий же столь уверен в помощи барской, что многие ленятся от сего работать на себя, а чаще пропив хлеб, идут на господский двор просить одного. В таком случае и во всех тех, где крестьянин имеет нужду в помощи, он всегда оную находит, и помещики точно делаются для них отцами, большая часть по человечеству, некоторая по расчету; но из сего равно выходит то, что с голоду у нас люди не мрут»²⁶. Ростопчин привел аргументы в защиту черных изб и черного хлеба, как исконных атрибутов русской крестьянской жизни: «Иностранные маратели бумаг с ужасом кричат 200 лет в один голос, что народ наш живет в черных избах и ест черной хлеб; а того ни один еще не заметил, сколь нужно топить избу в зимнее время, что дым чистит воздух, истребляя испарения; что наши солдаты в походах, где они имели белой пшеничной хлеб, иногда приходили просить у начальников черного ржаного»²⁷.

Главный же довод Ростопчина против введения западноевропейских новшеств заключался в том, что они, по сути, отторгались всей системой крепостного хозяйства. Так, сложившаяся структура крайне низких цен на сельскохозяйственную продукцию и ее повсеместный избыток в крестьянской стране сами по себе исключали широкое внедрение фермерского хозяйства, делали его ненужной и дорогой помещичьей забавой: «Ежегодный ее (России. – *А.М.*) хлебный урожай достаточен не только на собственное продовольствие, но и на содержание других земель ... в половине почти России ржи, овсу, ячменю и сему нет совсем цены. Рожь сеется для собственного продовольствия, овес для своих лошадей, сено косится, сколько нужно для скота, ячмень для птиц, свиней и для дурного к празднику пива»²⁸.

В этих условиях, если и имело смысл заводить фермерское хозяйство, то исключительно вблизи столиц, для удобства их снабжения овощами, да и то со значительными оговорками: «Два или три подобных англинских заведений унижат на овощь до того цену, что не будет хозяину никакой прибыли, точно так, как в Москве нашлось от множества оранжерей с плодами»²⁹. На более же далеком от столиц расстоянии подобные хозяйства будут не просто нерентабельными, но и разорительными для помещиков и крайне обременительными для крепостных крестьян, поскольку резко увеличат уровень их эксплуатации: «Что там делать с дятлиной (клевером. – *А.М.*) где изобильно сена с овощами, коих никто не купит, и с большим урожаем коего убрать некогда и продать негде? На что искать излишнего при большом изобилии? Какая надобность сеять хлеб для птиц, для мышей, и чтоб он гнил в поле? Какой расчет в издержках, когда на хлеб и на мясо нет цен? Можно ли, не показав крестьянину очевидной пользы, решить его переменить вдруг образ его жизни и работу?... Когда у него земля без удобрения родит во многих местах в 10 раз, и он вырабатывает в 24 дни годовое свое содержа-

ние, на что и так трудную крестьянскую работу обращать в египетскую? Какая нужда переображать русского пахаря в английские и делать новое прибавление к Овидиевым превращениям»³⁰.

Ростопчин, будучи вполне эффективным хозяином для своего времени, отмечал, что положительный эффект в русских условиях может принести внедрение лишь некоторых западноевропейских сельскохозяйственных орудий, например, молотилки и плуга³¹. В целом же, по мнению Ростопчина, западноевропейские новшества скорее вредны, чем полезны, и являются легкомысленной модой русских помещиков, входящей «в число забав, свойственных богатству и роскоши, потому что от нее не более пользы, чем от роговой музыки, английского сада, скаковых лошадей, коллонад с фронтонами, псовой охоты и крепостного театра»³².

Надо полагать, что подобные оценки были в той или иной мере убедительны для сознания значительной части консервативно настроенных дворян-помещиков вплоть до 1861 г. Факторы, которые их обусловили, – относительная дешевизна сельскохозяйственной продукции в крестьянской стране, распространенность натурального хозяйства, узость внутреннего рынка – сохранялись очень долго. Ростопчин одним из первых заговорил о том, что русское сельское хозяйство должно развиваться с учетом гео-климатических и исторических особенностей России. Конечно, в этом Ростопчин был отнюдь не одинок, его единомышленником был известный поэт и драматург И.А. Крылов, который, по словам Н.С. Тихонравова, «по самой природе своей не терпевший теории, не чужд подобного же взгляда на английское хлебопашество, хотя он, разумеется, и не думал об опытах, а просто преследовал его как иноземщину... В произведениях Ростопчина и баснописца попадаетесь очень много общих черт и в самом взгляде их на дело много общего... в комедиях Крылова осмеиваются те же стороны русского общества, которые преследует и автор “Мыслей вслух на Красном крыльце”»³³.

В 1811 г. была опубликована на русском языке работа польского графа В. Стройновского «О условиях помещиков с крестьянами». В ней предлагалось произвести личное безземельное освобождение крестьян на основе добровольных договоров по взаимному согласию обеих сторон и с соблюдением интересов государства, землевладельцев и крестьян³⁴. Консерваторы получили весомый повод уточнить и публично высказать свои представления по крестьянскому вопросу. Откликом на книгу Стройновского стали «Замечания» Ростопчина. Главной мишенью своей критики последний избрал «вольность» или «свободу», которые он определял как «лестное, но не естественное для человека состояние, ибо жизнь наша есть беспрестанная зависимость от всего». Вольность же приводит к самовольству, непослушанию и восстанию против власти. Свобода «есть слово, пленяющее наши чувства обещанием независимости, и столько же опасно для человека и для общества, как прекрасные на взгляд плоды, содержащие в себе жестокий яд»³⁵.

Крепостное право, по словам Ростопчина, сложилось в России исторически: русские цари вынуждены были ликвидировать крестьянскую вольность, т.е. право переходить от одного хозяина к другому, поскольку «вольность обращалась в своеволие, производила расстройство имуществ помещичьих и разорение самих крестьян... вред ее – истина, доказанная опытами». Крепостной крестьянин, полагал он, «все имеет, пользуется собственностью, оставляет ее своим детям и располагает имением по своей воле». Помещичью произволу «препятствует человеколюбие, рассудок и закон, ибо разоряя крестьянина есть самый верный способ разорить себя». Кроме того, Ростопчин ссылался на екатерининское законодательство, согласно которому губернаторы получили право «отнимать власть у бесчеловечных помещиков, отдавая их имение в правление дворянской опеки»³⁶. Поэтому жестоких помещиков в России, по его мнению, было крайне мало.

Тезис об эффективности и предпочтительности свободного труда, составлявший главную идею книги Стройновского, «опровергался» Ростопчиным весьма своеобразно. Он настаивал на том, что «земледелие вольностию крестьян в России процвести не может, потому что русской крестьянин не любит хлебопашества и пренебрегает своим

состоянием, не видя в нем для себя пользы». Даже свободные государственные крестьяне, по утверждению Ростопчина, «едва имеют хлеб на пропитание от лени и дурного порядка в обрабатывании полей, истощая их безрассудно». Поэтому свободный труд всегда будет в России неэффективен. В итоге, Ростопчин фактически приходил к апологии подневольного труда: «Крестьянин к обрабатыванию земли и к приуготовлению чистого и хорошего хлеба должен быть доведен принуждением»³⁷.

Ростопчин предсказывал, что безземельное освобождение крестьян будет иметь многочисленные негативные последствия. Крестьяне захотят заниматься ремеслами и станут покидать свои хозяйства и семьи. Вдовы и бедные крестьяне останутся неженатыми, лишившись попечения помещиков. Все заведения, фабрики и заводы останутся за отсутствием рабочей силы и не имея возможности платить запрашиваемую работниками плату. Разорятся винные заводы, которые все почти помещичьи, что лишит казну существенного дохода. Осложнится сбор подушной подати, дворовые люди, ничего не умеющие делать, будут обречены на голодную смерть. Суды, состоящие из помещиков, в случае конфликтов между крестьянами и помещиками, будут решать дела в пользу помещиков. Между тем крестьяне вскоре впадут в новое рабство: «У них найдутся... богатые мужики, которые неприметным образом сделаются новыми помещиками, и станут заставлять работать бедных, давая им взаймы деньги и выговаривая вместо процентов работу, чем совершенно их закабалят»³⁸.

Впоследствии доводы Ростопчина едва ли не буквально повторил в своей «Записке о древней и новой России» Н.М. Карамзин. Исторически возникшее на Руси крепостное право представляло, по его мнению, «гордиев узел», поскольку лишь «одни вольные, Годуновым укрепленные за господами, земледельцы могут, по справедливости, требовать прежней свободы», выяснить же, кто из крестьян происходил от холопов, а кто от вольных, было уже практически невозможно. Карамзин был также солидарен с Ростопчиным и в том, что для пресечения произвола помещиков достаточно административных распоряжений: «Не лучше ли под рукою взять меры для обуздания господ жестоких? Они известны начальникам губерний»³⁹.

В своих размышлениях Карамзин признавал возможным только безземельное освобождение крестьян, так как земля, «в чем не может быть и спора, — есть собственность дворянская»⁴⁰. Как и почти все русские консерваторы той поры, он полагал, что «свобода» приведет к значительному увеличению эксплуатации крестьян, а «корыстолюбивые владельцы захотят взять с них все возможное для сил физических». Из-за свободы передвижения сократятся налоговые поступления: «Буде крестьянин ныне здесь, а завтра там, казна не потерпит ли убытка в сборе подушных денег и других податей? Не останутся ли многие поля не обработанными, многие житницы пустыми?». Вследствие упразднения вотчинной власти помещиков, «крестьяне начнут ссориться между собой и судиться в городе», «станут пьянствовать, злодействовать»⁴¹. Крестьянство, по мнению Карамзина, не было морально готово к освобождению: «Для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу, для которой надобно готовить человека исправлением нравственным, а система наших винных откупов и страшные успехи пьянства служат ли к тому спасительному приготвлению?»⁴². Именно представление о необходимости «нравственного исправления» крестьян отличало взгляды Карамзина от ростопчинских и формально, и по существу.

Известно, что С.С. Уваров во многом разделял взгляды Карамзина⁴³. Он исходил из того, что крепостное право было тесно связано с самодержавием, представляя как бы «две параллельные силы, кои развивались вместе», «у того и другого одно историческое начало; законность их одинакова». Поэтому, полагал он, к отмене крепостного права «должно приступать с величайшей осторожностью»: «это дерево пустило далеко корень, оно осеняет и Церковь, и престол. Вырвать его с корнем невозможно, надо постепенно. Довольно теперь пустить мысль эту в оборот, чтоб поколения приготовились постепенно к ее восприятию. Одно образование, просвещение может приготовить ее исполнение наилучшим образом»⁴⁴. Перспектива освобождения «непросвещенного» народа, лишённого основ правового сознания и уважения к чужой собственности, пу-

гала русских консерваторов и в николаевское царствование, когда большинство из них, подобно Уварову, были уже убеждены в необходимости создать условия для постепенной отмены крепостного права. Освобождение необходимо было подготовить, создав соответствующую систему образования, которая сделала бы крепостных крестьян законопослушными и просвещенными гражданами. Об этом и заботился Уваров, впрочем не вполне успешно.

Адмирала А.С. Шишкова традиционно и справедливо считают убежденным сторонником крепостного права⁴⁵. Известны слова, внесенные им в проект манифеста, изданного 30 августа 1814 г.: «Крестьяне, верный наш народ, да получают мзду свою от Бога»⁴⁶. В отличие от Ростопчина, Шишков не рассуждал о сословных экономических интересах. «Я стар, — писал он, — одержим болезнями, недолгий в здешнем свете гость; имение у меня самое малое; от рождения моего я не продавал и не покупал ничего. Итак, никакие виды или страсти не могут меня побуждать к защищению одной стороны больше, чем другой. Я говорю, как думаю, как мне кажется, горя единственно усердием к пользе и общему благу»⁴⁷. Однако он искренне считал крепостные порядки разумной и оптимальной формой социальных отношений, а помещиков — отцами-благодетелями для детей-крестьян.

В проекте манифеста 30 августа 1814 г. он утверждал от имени самодержца: «Мы уверены, что забота наша о их (помещичьих крестьян. — А.М.) благосостоянии предупредится попечением о них господ их. Существующая издавна между ими, на обоюдной пользе основанная, русским нравом и добродетелем свойственная связь, прежде и ныне многими опытами взаимного их друг к другу усердия и общей к отечеству любви ознаменованная, не оставляет в нас не малого сомнения, что, с одной стороны, помещики отеческою о них, яко о чадах своих, заботою, а с другой, они, яко усердные домочадцы, исполнением сыновней обязанности и долга, приведут себя в то счастливое состояние, в каком процветают добронравные и благополучные семейства»⁴⁸. Именно эта декларация вынудила Александра I заявить: «Я не могу подписать того, что противно моей совести и с чем я не мало не согласен». Либерального самодержца возмутила фраза, характеризующая отношения между крепостными крестьянами и помещиками как основанные «на обоюдной пользе». Шишков же, судя по его запискам, исходил из того, что «всякая связь между людьми, из которых одни повелевают, а другие повинуются, на сем токмо основании нравственна и благотворна; что самая вера и законы предписывают сие правило, и что помещики, не наблюдающие оного, лишаются власти управлять своими подчиненными»⁴⁹. Характерно, что Шишков патристично объяснял отрицательное отношение императора к его проекту тлетворным французским влиянием: «Сие несчастное государя предубеждение против крепостного в России права, против дворянства, и против всего прежнего устройства и порядка внушено в него было находившимся при нем французом Лагарпом и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанниками французов, отвращавшими глаза и сердце свое от одежды, от языка, от нравов и словом от всего русского»⁵⁰.

В октябре 1820 г. Шишков резко выступил против проекта закона о пресечении продажи дворовых людей и крестьян порознь и без земли, представленный Комиссией составления законов⁵¹. В своих возражениях он утверждал, что «данное в России над людьми право не есть ни беспредельное, ни насильственное, но огражденное законами, требующими, чтоб помещик сочетавал пользу свою с пользою своих подвластных, и купно с государственным благом, наблюдая между ими, как отец между детьми, благосостояние, порядок и устройство, в противном случае законы приемлют на него жалобы, отнимают от него власть и его самого наказуют»⁵². Иначе говоря, если помещики и допускают какие-либо злоупотребления против крестьян, то и наказывать их нужно за эти злоупотребления, но никак не ставить под сомнения сам принцип крепостного права. Ослабление власти помещиков над крестьянами могло привести, как ему казалось, к самым тяжелым последствиям: «Благо состоит в наблюдении правосудия, в равенстве каждого пред лицом закона, воспреещении сильному угнетать бессильных, а не в снятии с них должного повиновения и обузданности; ибо тогда, почувствовав силу

свою, они возложат иго на сильного и в неистовстве своем сами себе нанесут вред и погибель. Народ – есть река, текущая мирно в берегах своих; но умножь в ней воду, она выступит из пределов, и ничто не удержит ее свирепства. Благоденствие народа состоит в обузданности и повиновении. Божественное писание говорит: Повинуйтесь властям, начало премудрости страх Господень»⁵³. Именно незыблемость крепостного права, по мысли Шишкова, являлась залогом стабильности и безопасности Российской империи в отличие от сотрясаемой революциями и войнами Западной Европы: «В то время, когда мы слышим и видим, что почти все европейские державы вокруг нас метутся и волнуются, наше благословенное отечество пребыло всегда и будет спокойно. Единодушный гром на восставшего врага, далеко простерты победы и внутренняя среди неурядиц Европы тишина, не показывают ли, что оно больше благополучно, больше благоденствует, нежели все другие народы? Не есть ли это признак добродушия и не зараженной еще ни чем чистоты нравов? На что ж перемены в законах, перемены в обычаях, перемены в образе мыслей?... Мы явно видим над собой благодать Божию. Десница Вышнего хранит нас. Чего нам лучшего желать?»⁵⁴. Поэтому всякое публичное обсуждение возможности отмены крепостного права представлялось Шишкову опасным и вредным. Из-за этого «во многих местах крестьяне отлагались от повиновения своим помещикам, и тогда посылались воинские отряды для усмирения их»: «Отселе происходило, что с одной стороны слухами и разными внушениями поощрялись они к возмущению против господ, а с другой обуздывались силой оружия, наказаниями и ссылкой в Сибирь. Таким образом, новомыслие, вступаясь за человечество, отягощало оное бедствиями и обгаграло кровью!»⁵⁵.

В начале XIX в. консерваторы часто выступали в защиту земледелия и связанного с ним образа жизни, и не скрывали опасений, связанных с перспективами развития промышленности. К примеру, А.С. Стурдза одно время по нравственным и политическим соображениям возражал против роста мануфактур⁵⁶. В 1830-х гг. он развил теорию превосходства сельского образа жизни над городским. По его мнению, промышленность, торговля и города не имели, в отличие от земледелия, «постоянного, спасительного влияния... на судьбу, характер и нравственное развитие человечества»⁵⁷. Напротив, «земледельческая гражданственность» доминировала над «искусственным бытием, доставляемым одною торговлею»⁵⁸. Государства, основанные на земледелии, были, с его точки зрения, долговечнее и прочнее прочих, поскольку на земледелии «утверждается самобытность народов», а торговля и промышленность «могут занять в быту общественном не первое, но второе, подчиненное и, следовательно, условное лишь место»⁵⁹. В огромной степени зависящий от климата и погоды земледелец ближе к Богу, он чувствует над собою «десницу Всевышнего», учится смирению, «Страху Божию, покорности, младенческой вере и сыновнему упованию»⁶⁰. Земледелец – естественный патриот: «В народах, обреченных землепашеству, любовь к отечеству неискоренима»⁶¹. Россия же, с точки зрения Стурдзы, была одной из тех стран, которые, будучи преимущественно земледельческими, «приняли на сцене мира венец первенства нравственного, не подверженного быстрому увяданию и упадку, постигающему коммерческие государства»⁶².

Стурдза считал, что промышленность и торговля необходимы там, где земледелие не может прокормить население, только в этом случае «верховная власть, соображая обстоятельства времени и места, должна прибегнуть к заведению мануфактур, к усилению мореплавания или к правильной, зрело обдуманной системе повременных переселений»⁶³. Для городской цивилизации, по мнению Стурдзы, характерны «туманная атмосфера условного бытия», «яростное, мятежное состязание и злопамятство», «пагубное забвение близости Божией», «которыми обыкновенно заражены бывают сословия высшие, живущие в волшебном кругу вымышленных утонченных потребностей»⁶⁴. Он не жалел красок, чтобы описать «страдальческий образ жизни» «фабричного класса» в Англии, Франции, Голландии и Германии, приводивший его в «содрогание и ужас»⁶⁵. Но, как ему представлялось, «корень зла таится в самом образе жизни, в

свойствах изысканной, вынужденной промышленности, в ложном, донинде господствующем убеждении, что торговая промышленность есть душа государств»⁶⁶.

Впрочем, подобная позиция представляла все же некую крайность и отнюдь не отражала настроения большинства русских консерваторов. Так, в восторженно-патриотическом тоне писал о необходимости развития русской промышленности в своем журнале «Русский вестник» С.Н. Глинка⁶⁷. «Промышленность, – указывал он, – есть истинный и неиссякаемый источник богатства. Какая страна способнее к сему России? Не в недрах ли ее заключаются несколько различных народов и многообразных климатов? Там истекает золото и серебро; там леса для сооружения флотов; здесь обширные степи и тучные пажити для скотоводства; там все привольности для заводов»⁶⁸. Ремесла, фабрики и мануфактуры должны были стать источником не только изобилия, но и просвещения: «С умножением фабрик и мануфактур сопряжена еще другая выгода: распространение просвещения... необходимого для благополучия человеческого. Где будут фабрики и мануфактуры, там без сомнения, учредятся и училища для первоначальных познаний... искусство писать, читать и числить»⁶⁹.

В отличие от Стурдзы, Глинка стремился показать несомненные достоинства промышленного производства и торговли. Так, рост мануфактур, начиная с эпохи Петра Великого, «праздношатающуюся нищету употребил в пользу, малолетним преграждал путь к разврату, взрослым доставлял труд и пропитание»⁷⁰. Проблему излишнего количества дворовых, которые «разорительны и для деревенского хозяйства, и для личного имущества» дворянам-помещикам, Глинка предлагал решать, отдавая «людей своих для научения ремеслам, художествам и искусствам, готовя таким образом для фабрик и мануфактур полезных людей»⁷¹. Развитие промышленного производства сулило только пользу и государству, которое получало возможность обеспечить снабжение армии оружием и сукном. Впоследствии, как ожидал Глинка, горожане «научатся лучше строиться и приобретут новые сведения к жизни выгодной и приятной», конкуренция возбудит «дух благородной деятельности», крестьянство получит дешевые орудия и инструменты и начнут «вместо гнусного порока, то есть пьянства... заниматься тем, что усовершенствует семейственную и гражданскую жизнь». В целом, развитие промышленности, по мнению Глинки, вело к нравственному усовершенствованию человеческого общества: «Прилежание, умеренность и трудолюбие животворят природу, превращают дикость и мрачность в виды прелестные для взора и души; одушевляют человека чувствием его благородства и доставляют народам истинное понятие о щастии»⁷². Стимулом «к усовершенствованию искусств, ремесел и художеств» могли служить «ободрение, награды и уважение к трудам»⁷³. Глинка явно идеализировал последствия развития капиталистического производства, игнорируя или искренне не замечая его негативные стороны. Очевидно, к тому времени в России они проявились еще не столь остро, как на Западе.

Обычными для консерваторов начала XIX в. были призывы развивать собственную промышленность, ограничивая внешнюю торговлю в интересах производства внутри страны⁷⁴. Для них это было верным способом достичь состояния относительной экономической автаркии, «чтобы неприхотливое свое, заменяло прихотливое чужое», «чтобы свое не пропадало в своем отечестве»⁷⁵. При этом надо было «только отыскивать и совершенствовать все отрасли внутренней промышленности»⁷⁶. Естественно, что в основе таких предложений лежало стремление избавиться от реальной или мнимой зависимости от Европы и предоставление о способности России самостоятельно обеспечить все свои потребности. «То, что целая вселенная вмещает в отдельных пределах своих, – писал Глинка, – то она одна заключает в различных своих областях. К сохранению и приращению родных ее сокровищ нужны только рачение, усердие, опытность и убеждение, что Россия живет Россией»⁷⁷. Поскольку идеи протекционизма были отчасти реализованы в политике Николая I, в его лице консерваторам виделся, наряду с Петром Великим, «отец русской промышленности».

В консервативной публицистике часто осуждался разорительный для России импорт предметов роскоши, звучали даже призывы к «истреблению роскоши». Так, Глин-

ка приравнивал «выдумки моды» к «поддельным товарам»⁷⁸. Его единомышленником в этом отношении являлся Д.П. Рунич, считавший, что торговля естественна только тогда, когда представляет собой обмен товарами, необходимыми в повседневном обиходе, и категорически осуждавший торговлю предметами роскоши⁷⁹. Роскошь воспринималась Руничем как болезнь сердца и ума человека, который в силу греховной натуры стремится к плотским наслаждениям. Ее проникновение в Россию из Европы вместе с французскими нравами, модами и революционными идеями, грозило «общего гибелью и государствам, и народам»⁸⁰. Соответственно и промышленность должна была производить лишь самые необходимые для человека «продукты». Только учитывая столь своеобразные аскетические воззрения Рунича, сформировавшиеся под сильным влиянием масонства, можно адекватно понять его заявление: «Какой русский не обрадуется, обходя выставки отечественных произведений мануфактур»⁸¹.

При этом русские консерваторы вовсе не отрицали возможности заимствования с Запада «полезного» для российской экономики. «Заем полезного не есть обезьянство», и «умное подражание лучше неосновательных и затейливых вымыслов», полагал Глинка, ссылаясь на пример римлян, которые «заимствовали все полезное у соседних народов и потом, собственным оружием сих народов, побеждали и низлагали их»⁸². В частности, он призывал перенимать практику европейских торговых домов, чтобы «вековые торговые пользы переходили от одного поколения к другому, и чтобы вековые торговые дома служили всегда благотворным светильником для новых производителей отечественной промышленности и внутренней и внешней торговли»⁸³.

Консерваторы пытались внушить предпринимателям мысль о необходимости поставить свое дело на «нравственную почву» и руководствоваться прежде всего государственными интересами. Глинка развил учение о «нравственном основании купеческого сословия». «Отречение от личных выгод», «праводушие, добрая вера, совесть и честность», по мысли Глинки, «есть первое основание нравственности сословия купеческого», а «купец-гражданин есть первый удовлетворитель нужд общественных»⁸⁴. «Стыдно и упоминать, – добавлял он, – о той личной, о той ненасытной корысти, которая жадничая все захватить, мертва для себя и для общества»⁸⁵. Истинные «купцы-граждане» осторожны, расчетливы, «соображают даже и то, что может произойти, когда, по неизбежному жребию всем смертным, переходят они за пределы жизни», «страшится неустройства, они не хотят оставить семействам своим дел запутанных, или состояния, не укорененного трудом и не обеспеченного от долгов всепожирающих», «они передают детям своим в наследство свою правоту, свою честность и предохраняют потомство от несправного платежа»⁸⁶. «Речь о нравственном основании купеческого сословия, силе внутренней промышленности и наследственных добродетелях российского купечества», произнесенная 11 июля 1827 г. членом Общества любителей коммерческих знаний Глинкой на торжественном акте в Московской практической коммерческой академии, имела явный успех, и «министр финансов, граф Егор Францевич Канкрин, поручил обществу изъявить от его лица сочинителю благодарность»⁸⁷.

Подведем итоги. Часть русских консерваторов первой трети XIX в., причем весьма влиятельная (Г.Р. Державин, Ф.В. Ростопчин, А.С. Шишков), решительно выступала против отмены крепостного права, мотивируя это тем, что крепостное право представляет органически сложившуюся в течение длительного времени часть самодержавной государственности и уклада народной жизни. С особой настойчивостью они указывали на предполагаемые негативные последствия освобождения крестьян (возможность социального взрыва, крах фискальной системы, появление в деревне нового эксплуататорского слоя, поголовное пьянство и т.д.). Более сложным было отношение к крестьянскому вопросу тех консерваторов, которые испытали при становлении своих взглядов известное влияние либеральных идей (Н.М. Карамзин, С.С. Уваров) и не отрицали того, что крепостное право, являясь социально-экономическим и моральным злом, в перспективе должно исчезнуть из русской жизни. Однако в сложившейся ситуации они предлагали воздержаться от каких-либо серьезных изменений, поскольку отмена крепостного права должна была привести к обнищанию, как крестьянства, так и дворян-

ства и, в конечном счете, к социальной революции. Кроме того, логика консерваторов допускала возможность лишь безземельного освобождения крестьян и предусматривала постепенность осуществления столь радикального преобразования. Ему должно было предшествовать просвещение крестьян, формирование у них правового сознания и уважения к собственности.

Таким образом, некоторые ключевые идеи, например, необходимость просвещения крестьян, приоритет промышленного производства перед торговлей, экономическая автаркия и жесткий протекционизм, призывы к соблюдению нравственных принципов в экономической деятельности были присущи русской консервативной мысли уже на этапе ее становления. В рамках консервативной идеологии они были детально разработаны в более позднее время⁸⁸.

Примечания

¹ *Марней Л.П.* Финансовая политика России в первой четверти XIX века // *Экономическая теория*. Ежегодник: 2001. М., 2002; *Шацлло М.К.* Эволюция налоговой системы России в XIX веке // *Экономическая история*. Ежегодник: 2002. М., 2003.

² *Козлов С.А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-черноземные губернии). М., 2002. С. 52.

³ Подробнее о воззрениях консерваторов на крестьянский вопрос см.: *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII – первой половине XIX века. Т. 1. СПб., 1888; *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. М.; Л., 1946. Т. 2. М., 1958; *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957; *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989; *его же*. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990; *Козлов С.А.* Указ. соч.

⁴ О взглядах и деятельности Г.Р. Державина см.: *Альшиллер М.Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007; *Грот Я.К.* Жизнь Державина по его сочинениям, письмам и по историческим документам. СПб., 1880; *Коришнова Н.В.* Общественно-политические взгляды Г.Р. Державина // Сборник материалов научных конференций: «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее», «Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время», «Правый консерватизм в России и Русском зарубежье в новое и новейшее время». Воронеж, 2005.

⁵ *Иконников В.С.* Г.Р. Державин в своей государственной и общественной деятельности. Пг.; Киев, 1917. С. 62–63.

⁶ Сочинения Державина. Т. VI. СПб., 1871. С. 816.

⁷ *Грот Я.К.* Указ. соч. С. 823.

⁸ *Державин Г.Р.* Записки М., 2000. С. 259.

⁹ *Грот Я.К.* Жизнь Державина. М., 1997. С. 662.

¹⁰ *Казаков Р.Б.* Крестьянство и власть в сочинениях Н.М. Карамзина: проблемы источковедения // Народ и власть: Исторические источники и методы исследования: Материалы XVI научной конференции (Москва, 30–31 января 2004 г.). М., 2004. С. 87–98. См. также: *Дегтярева М.И.* Два кандидата на роль государственного идеолога: Ж. де Местр и Н.М. Карамзин // Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь, 1998; *Ермашов Д.В., Ширинянец А.А.* У истоков российского консерватизма: Н.М. Карамзин. М., 1999; *Кислягина Л.Г.* Формирование общественно-политических взглядов Карамзина. М., 1976; *Китаев В.А.* Николай Михайлович Карамзин // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 171–195; *Лотман Ю.М.* Карамзин. СПб., 1997; *Погодин М.П.* Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Ч. II. М., 1866; *Предтеченский А.В.* Указ. соч.; *Пытин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I: Исторические очерки. СПб., 1908.

¹¹ Письмо сельского жителя // *Карамзин Н.М.* О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М., 2002. С. 218.

¹² Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре // Там же. С. 341.

¹³ Путешествие вокруг Москвы: письмо первое из Коломны от 14 сентября // Там же. С. 359.

¹⁴ Нечто о науках, искусствах и просвещении // Там же. С. 187.

¹⁵ Козлов С.А. Указ. соч. С. 43.

¹⁶ О Ф.В. Ростопчине см.: Кизеветтер А.А. Исторические отклики. М., 1915; Горностаев М.В. Федор Васильевич Ростопчин // Против течения: Исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 113–141; Мецзякова А.О. Ф.В. Ростопчин: у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007.

¹⁷ Плуг и соха, писанное степным дворянином. М., 1806. С. 5.

¹⁸ Там же. С. 6.

¹⁹ Там же. С. 25.

²⁰ Там же. С. 29.

²¹ Там же. С. 15.

²² Там же. С. 17–18.

²³ Там же. С. 26–27.

²⁴ Там же. С. 21–22.

²⁵ «Россия еще не знает, что такое настоящий голод, – писал Ростопчин, – а под сим названием разумеет иногда неурожай в некоторых губерниях, где в недородной год поселяне семь месяцев нуждаются продовольствием, но отнюдь не гибнут от голоду; ибо правительство и помещики всегда поспевают на помощь к страждущим» (Там же. С. 7).

²⁶ Там же. С. 23–24.

²⁷ Там же. С. 20.

²⁸ Там же. С. 7–8.

²⁹ Там же. С. 41.

³⁰ Там же. С. 27–28.

³¹ Там же. С. 41, 44.

³² Там же. С. 45.

³³ Тихонравов Н.С. Граф Ф.В. Ростопчин и литература в 1812 г. // Отечественные записки. 1854. № 7. Отд. II. С. 29–31. «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» – одно из основных политических произведений Ростопчина.

³⁴ См.: Семевский В.И. Указ. соч. С. 295–299.

³⁵ Замечание графа Ф.В. Ростопчина на книгу г-на Стройновского // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1860. Кн. 2. Пат. 5-я. С. 205–206.

³⁶ Там же. С. 207–210.

³⁷ Там же. С. 212.

³⁸ Там же. С. 213–216.

³⁹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 73–74.

⁴⁰ Там же. С. 71–72.

⁴¹ Там же. С. 72–73.

⁴² Там же. С. 73–74.

⁴³ О взглядах С.С. Уварова подробнее см.: Виттекер Ц.Х. Граф С.С. Уваров и его время. СПб., 1999; Шевченко М.М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003; его же. Сергей Семенович Уваров // Против течения. С. 344–411; его же. Записка С.С. Уварова о крепостном праве в России (1830–1831) // Русский сборник: исследования по истории России. Том II. М., 2006. С. 157–192; его же. С.С. Уваров в борьбе за новый курс внутренней политики России в 1826–1832 гг. // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 303–318.

⁴⁴ Цит. по: Виттекер Ц.Х. Указ. соч. С. 119–120.

⁴⁵ О А.С. Шишкове см.: Альтигуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007; Минаков А.Ю. Франкобесие // Родина. 2002. № 8; Файнштейн М.Ш. «И славу Франции в России превзойти...»: Российская Академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. М.; СПб., 2002; Martin A. Romanticism, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997.

⁴⁶ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка. Т. 1. Berlin, 1870. С. 306.

⁴⁷ Там же. Т. 2. Berlin, 1870. С. 131.

⁴⁸ Там же. Т. 1. С. 306–307.

⁴⁹ Там же. С. 308–309.

⁵⁰ Там же. С. 309.

⁵¹ Там же. Т. 2. С. 111.

⁵² Там же. С. 122–123.

⁵³ Там же. С. 128.

⁵⁴ Там же. С. 128–129.

⁵⁵ Там же. С. 133–134.

⁵⁶ Об А.С. Стурдза см.: *Мартин А. А.С. Стурдза и Священный союз* // Вопросы истории. 1994. № 11; *его же*. Александр Скарлатович Стурдза // Против течения. С. 308–343; *Лямина Е.* Новая Европа: Мнения «деятельного очевидца». А.С. Стурдза в политическом процессе 1810-х гг. // Россия/Russia. Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII – начало XX века. Вып. 3(11). М.; Венеция, 1999; *Домникова Г.М.* Александр Скарлатович Стурдза (опыт характеристики) // Христианство и русская литература. Сб. 4. СПб., 2002; *Парсамов В.С.* Жозеф де Местр и Александр Стурдза: Из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2004; *Martin A.M.* Op. cit.; *Chervas S.* Alexandre Stourdza (1791–1854). Un intellectuel orthodoxe face à l'Occident. Genève, 1999.

⁵⁷ *Стурдза А.С.* О влиянии земледельческих занятий на умственное и нравственное состояние народов. Одесса, 1834. С. 155.

⁵⁸ Там же. С. 158.

⁵⁹ Там же. С. 163.

⁶⁰ Там же. С. 164–165.

⁶¹ Там же. С. 169.

⁶² Там же. С. 159.

⁶³ Там же. С. 161.

⁶⁴ Там же. С. 165.

⁶⁵ Там же. С. 166.

⁶⁶ Там же. С. 167.

⁶⁷ О С.Н. Глинке см.: *Киселева Л.Н.* Система взглядов С.Н. Глинки (1807–1812 гг.) // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 513. Тарту, 1981; *Мартин А.* «Патриархальная» модель общественного устройства и проблемы русской национальной самобытности в «Русском вестнике» С.Н. Глинки (1808–1812) // Консерватизм в России и мире. Ч. 1. Воронеж, 2004; *Володина Т.А.* Сергей Николаевич Глинка // Против течения... С. 142–170; *Walker F.A.* Reaction and Radicalism in the Russia of Tsar Alexander I: The Case of the Brothers Glinka // Canadian slavonic papers. Vol. XXI. № 4. Dec. 1979.

⁶⁸ [Глинка С.Н.] О пользе в России ремесел, художеств и искусств // Русский вестник. 1808. № 3. С. 312.

⁶⁹ Там же. С. 308.

⁷⁰ Там же. С. 305.

⁷¹ Там же. С. 306.

⁷² Там же. С. 309–311.

⁷³ Там же. С. 314; [Глинка С.Н.] О промышленности отечественной // Русский вестник. 1810. № 3. С. 83.

⁷⁴ Консерваторы высказывали и другие точки зрения. Так, Карамзин до 1812 г. выступал за свободу торговли и невмешательство государства в частную жизнь (История экономической мысли в России. М., 1996. С. 36–37). Впрочем, в условиях, когда Россия была вынуждена примкнуть к континентальной блокаде, требование свободы торговли для консерваторов было более чем естественным.

⁷⁵ Глинка С.Н. Мысли по случаю выставки в Москве изделий русской отечественной промышленности. М., 1831.

⁷⁶ Речь о нравственном основании купеческого сословия, силе внутренней промышленности и наследственных добродетелях российского купечества, читанная на торжественном акте после открытых испытаний в Московской практической коммерческой академии июля 11 дня 1827 года почетным членом состоящем при оной Академии Общества любителей коммерческих знаний С. Глинкою. М., 1827. С. 4.

⁷⁷ Там же. С. 13.

⁷⁸ [Глинка С.Н.] Отрывки о внутренней промышленности и о сношении оной с нравственностью // Русский вестник. 1811. № 1. С. 49. См. также: Путеводитель в Москву, изданный Сергеем Глинкою, сообразно французскому подлиннику Г. Леконта де Лаво, с некоторыми пересочиненными и дополненными статьями. М., 1824. С. 309. Позже позиция Глинки несколько смягчилась. Он признал, что может быть и «роскошь полезная», т.е. приносящая прибыль внутреннему производителю. «Такая отечественная роскошь, – полагал он, – питает соотечественников, оживляет промышленность и способствует ходу и обращению денег. Следственно, умерен-

ное действие сей внутренней роскоши, существующей своими избытками, своими изделиями и не передающей звонкую монету в чужие руки, действие такой роскоши нельзя назвать действием пагубным. Чего же желал Петр Великий? Того, чтобы Россия имела все свое. А потому, еще раз повторяю, если по нынешнему образованию роскошь необходима, то будем же иметь и свою роскошь. При непосредственном существовании внутренней роскоши, если одни и разорятся от прихотей тщеславных, зато подкрепится состояние сословия трудолюбивого» // Речь о нравственном основании купеческого сословия... С. 16.

⁷⁹ О Д.П. Руниче см.: *Азизова Е.Н.* Государственная и общественно-политическая деятельность Д.П. Рунича // Консерватизм в России и мире. Ч. 1. Воронеж, 2004. С. 143–170; *Кандаков Ю.Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005. С. 45–81; *Минаков А.Ю.* Опыт типологии течений в русском консерватизме первой четверти XIX в. // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 267–280; *Рождественский С.В.* Первоначальное образование Санкт-Петербургского университета 8 февраля 1819 г. и его ближайшая судьба. Пг., 1919; *Martin A.M.* Op. cit.

⁸⁰ РО ИРЛИ, ф. 263, оп. 1, д. 111, л. 8.–8 об.

⁸¹ Там же, л. 12 об.

⁸² Речь о нравственном основании купеческого сословия... С. 6.

⁸³ Там же. С. 7.

⁸⁴ Там же С. 2, 3.

⁸⁵ Там же. С. 3.

⁸⁶ Там же. С. 4–5.

⁸⁷ *Федоров Б.М.* Пятидесятилетие литературной жизни С.Н. Глинки. СПб., 1844. С. 17.

⁸⁸ См.: *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.

© 2010 г. Е. А. КРЕСТЬЯННИКОВ*

«ПОДПОЛЬНАЯ АДВОКАТУРА» И КОНСУЛЬТАЦИИ ПОВЕРЕННЫХ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: из сибирского опыта

Возникновение самостоятельных адвокатских организаций стало естественным следствием судебной реформы 1864 г. Тогда же, одновременно с зарождением профессиональной легальной адвокатуры, предлагаемое иными лицами юридическое содействие приобрело характер незаконности («подпольности»). «Знахари юриспруденции», «аблакатура», «ходатаи по делам», «юриспруденты», «ходоки», «подпольная юриспруденция», «подпольная адвокатура» – так в Российской империи называли многочисленную, стихийно развивавшуюся, ничем не объединенную категорию лиц, малокомпетентных, незаконно оказывавших в корыстных и неблагоприятных целях юридические услуги населению. Схватка между ними и квалифицированными юристами, возможно, особенно напряженно велась в Сибири, где Судебные уставы, утвержденные Александром II 20 ноября 1864 г., были введены лишь в 1897 г.¹ На протяжении нескольких десятилетий сквозь архаичные порядки проникали туда начала прогрессивного судебного строя, понемногу появлявшиеся деятельные и образованные юристы новой генерации погружались в среду реликтовой юстиции и были вынуждены бороться с ее пороками. Правительство зачастую не замечало

* **Крестьянников Евгений Адольфович**, кандидат исторических наук, доцент Тюменского государственного университета.

Исследование выполнено в рамках реализации ФЦН «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., контракт № П661 от 10.08.2009.

проблем сибирской системы правосудия. До реформы 1897 г. сибиряки «изнывали» от бесправия и «юридического голода», не имея возможности удовлетворить элементарные правовые запросы и зачастую доверяясь поверенным-проходимцам.

Положения Судебных уставов 1864 г. о независимости суда, участии в судебных процессах присяжных заседателей, презумпции невиновности, состязательности, праве подсудимых на защиту и т.д. представляли собой крупнейший шаг на пути к правовому государству и становлению гражданского общества в дореволюционной России. Уставы, произведя настоящую революцию в судебных порядках, означали, как писал выдающийся дореволюционный юрист И.Я. Фойницкий, «поворот от порядка полицейского к порядку правовому, от правительственной опеки – к системе самостоятельности и самостоятельности народной»². Однако они были введены в Сибири в ограниченном виде, а недостатки местного судоустройства и судопроизводства не позволяли в полной мере использовать потенциал реформированных судов. Степень же развития незаконных юридических услуг отражала состояние официальной юстиции.

Широкому распространению «правового знахарства» и консультационных заведений способствовал ряд причин: объективная потребность подданных в правовой помощи, отсутствие возможности ее удовлетворения государственными учреждениями, несовершенство правосудия. Дореформенное судопроизводство основывалось на розыскных началах, принцип состязательности не действовал, и следовательно в нем не было места для адвокатуры. Николаю I принадлежит знаменитое высказывание: «Пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты, без них проживем»³. Элементарные юридические запросы подданных удовлетворяли, по классификации, предложенной известным юристом П.Н. Обнинским, «ходатаи по делам» и просто «ходоки»⁴.

В Сибири «черная банда», как назвала в 1884 г. «подпольную адвокатуру» одна из газет края⁵, включала в себя откровенных мошенников, которые в полной мере использовали пороки дореформенного суда в меркантильных, иногда преступных интересах. Год спустя, корреспондент «Восточного обозрения» писал, что они – «ловкие аферисты, профессия которых состоит в том, чтобы быть посредниками для взяток»: «Эти лица, безнравственные и ловкие представители местной казуистики, окончательно деморализовали местные суды и лишили правосудие всякого значения»⁶. В другой статье той же газеты говорилось: «В Сибири создалась целая стая ходатаев по делам, громко именующих себя местными адвокатами. Нравственных достоинств и качеств в представителе защиты никто не искал, общество привыкло видеть местного ходатая защитником неправды, не останавливающегося ни перед подлогом, ни перед покражей документа из дела, а нередко и всего дела»⁷.

О беспомощном положении обывателя перед лицом «знахарей юриспруденции» рассказывалось в опубликованном в «Сибирской газете» письме «Адвокатура для бедных». В ней отмечалось, что не знавшие законов сибиряки, были вынуждены «идти к одному из тех, обыкновенно адвокатов, которые принимают своих клиентов в кабаках». Тот за рубль, «пару пива» и «косушку водки» писал прошение, «но большей частью ободрать обдирал, а ничего не делал, потому что сам ничего не знал и не умел». «Про надувательство и обирание бедных такими адвокатами, – констатировал корреспондент газеты, – всякий может рассказать много самых возмутительных вещей»⁸. «Дежурства» «ходатаев» в кабаках были характерным явлением, именно эти заведения чаще всего использовали в качестве своих «офисов» нечистые на руку юристы-любители⁹.

Кроме «кабацких», известен еще один тип «аблакатов», названных современниками «хлестаковыми от правосудия». Не имея образования и юридических знаний, они всячески демонстрировали внешние атрибуты профессии: солидную наружность, благопристойную обстановку в кабинете, выставленную на показ в шкафах юридическую литературу. Такие лица имели состоятельную клиентуру и немалый доход, но именно их активность была более опасной для сибирского населения и нежелательной для квалифицированной адвокатуры¹⁰. Неудивительно, что при таких условиях деятельность «адвокатов» признавалась обществом постыдной и безнравственной.

Один из участников обсуждения «Основных положений преобразования судебной части в России», курганский мещанин, выступавший в роли защитника, говоря о своем «несчастье» принадлежать к «юристу-депутатам», называл своих собратьев по профессии «крючконосцами», «самозванцами-адвокатами», «труснями»¹¹.

Дореформенный суд только способствовал развитию «подпольной юриспруденции», он ее и порождал, поскольку судебная система действовала так, что вызывала потребность в своеобразном посредничестве. Например, в Тобольском губернском суде в 1876 г. сложилась ситуация, характеризующая состояние сибирского правосудия в целом. Исполняющий обязанности председателя главного в губернии судебного учреждения П.А. Волков, по сведениям генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова, «не ходил в суд по случаю пьянства, а если и бывал, то в самом пьяном виде, так что не в состоянии держаться на ногах, падал перед просителями». Посетители уходили ни с чем, некоторые из них больше не приходили, а тех, кто все-таки решался еще раз навестить суд, встречала та же картина. Члены суда, «пользуясь слабостью председателя», редко посещали место своей работы¹². Тут и возникала необходимость в специальных услугах и лицах, их оказывающих и умеющих вести дела с такими судебскими чиновниками.

25 февраля 1885 г. в сибирское судопроизводство были внесены законом элементы состязательности, что усиливало потребность в поверенных¹³. Однако официально вопрос об организации адвокатуры в Сибири не ставился, и роль защитников в суде продолжали играть случайные люди. Сотрудник «Северного вестника» Н. Арешев писал, что и после реформы среди них «преобладающим контингентом по-прежнему являлись разные проходимцы»¹⁴. Один из немногочисленных тогда в Сибири присяжных поверенных В.П. Картамышев подверг преобразование резкой критике, поскольку оно, по его мнению, мало изменило судебные порядки: следствие по-прежнему проводили безграмотные полицейские чиновники, судили постоянно пьяные заседатели, а население оставалось в плену бесчисленных «ходатаев», большинство которых являлись ссыльными преступниками¹⁵.

Состав «подпольной адвокатуры» в разных частях Сибири был примерно одинаков: уволенные за «плутни» канцеляристы, штрафованные чиновники, отставные военные, выгнанные со службы полицейские, завсегдашние кабаков, высланные по уголовным делам. Последняя категория представлялась наиболее многочисленной и влиятельной. Попавшие в Сибирь не по своей воле уголовники раскрывали здесь все свои способности и разворачивали бурную деятельность по оказанию «помощи» сибирякам, а новые условия этому благоприятствовали. Необходимость выживания в суровом крае, снисходительное отношение к сосланным со стороны местной администрации, опыт юридического характера, приобретенный во время предварительного следствия и скитаний по этапу – все это в союзе с «наглостью и страстью к кляузничеству», по мнению корреспондента газеты, являлось факторами, стимулировавшими занятия новоиспеченных «юристу-депутатов». Они быстро забывали свои прошлые дела и начинали заниматься поиском клиентуры, консультированием и написанием «гумаг»¹⁶.

В середине 1890-х гг. один из судебных следователей Тобольской губ. целенаправленно собирал информацию о «ходатаях» и пришел к выводу, что в основном в их состав входили ссыльные из числа бывших чиновников, которым закон вообще запрещал оформлять юридические документы¹⁷. Во всеподданнейшем отчете за 1893 г. томский губернатор сообщал о происхождении и деятельности «подпольных юрисконсультов». Оказавшиеся в Сибири представители интеллигенции, писал он, «не имея никаких средств к своему пропитанию, направляют всю свою преступную деятельность на эксплуатацию местных жителей путем шантажа, подпольной адвокатуры, подговором темного несведущего люда к подаче неосновательных, кляузных прошений и жалоб, а также посредством разного рода мошеннических проделок»¹⁸.

Активность «подпольных адвокатов», считали сибирские правоведы, сводила на нет престиж адвокатской профессии, способствовала формированию подозрительного

и презрительного отношения к легальным поверенным. «Знахари юриспруденции», по едкому замечанию корреспондента «Сибирского вестника», брались «толковать законы и толковали их так, как, может быть, старый деревенский дьячок истолковал бы учение Фихте о субъективности наших знаний»¹⁹. Судебный процесс с участием «аблакаты» сводился к следующему: «Ходатай торгует собой, перебегает с одной стороны на другую, два ходатая изобличают друг друга в плутовстве, в подлогах, и никто не может разобрать, кто из них чист, так как оба они – один другого чернее». Последствия деятельности «подпольных адвокатов» выражались в «разорении легковых, заключении безвинных в катажки и тюрьмы», в возбуждении ненужных уголовных и гражданских дел²⁰. О мошеннических операциях одного из «ходатаев по делам» докладывал в 1893 г. тобольскому губернатору Н.М. Богдановичу губернский прокурор С.Г. Коваленский. Этот «защитник», получив заранее установленную плату, на заседание суда не явился, а гонорар вернуть отказался. В другом эпизоде его клиентами стали и истец, и ответчик одновременно, и он, войдя в сговор с одним из них, действовал в ущерб другому²¹.

Архаичная сибирская юстиция не могла обеспечить истребление «подпольной адвокатуры». Так, в округе Ишимского окружного суда сложилось весьма вольно обращавшееся с правосудием сообщество из председателя суда Григорьева, заседателей (кстати, не имевших никакого образования) Решикова, Козяшева и Добромыслова, а также водившего с ними дружбу и обделяющего совместные «дела» «подпольного адвоката» из ссыльных Родзянко. Двое из трех заседателей суда не выходили из «запоев», являлись на службу пьяными, валялись на улицах. Один из заседателей прислуживал купцам во время ярмарок²². Окружной судья Григорьев заставлял подчиненных «совершенно голословно» составлять отчетные ведомости²³. Вскоре его обвинили в растрате и отстранили от должности. Новый судья Рожнов запретил Родзянко посещать суд, на что «аблакат» ответил доносами в вышестоящие инстанции. Ревизовавший судебные учреждения Сибири обер-прокурор Сената П.М. Бутовский в 1892 г. констатировал «безысходное положение, в которое поставлены свежие судебные деятели, попавшие в среду сибирских судов»²⁴. Правда, известны и случаи результативной борьбы с адвокатами-мошенниками. Одного особенно деятельного «ходатая по делам» выслали из Канска в Нарым, другого подвергли непродолжительному тюремному заключению²⁵.

В ходе распространения на Сибирь Судебных уставов была создана легальная адвокатура, суд стал более доступным для населения, упростилось судопроизводство. Конкуренцию «подпольной адвокатуры» стали составлять присяжные поверенные, их помощники и частные поверенные. Мировые судьи, предоставившие малограмотному населению возможность обращаться к ним в устной форме, лишали «ходоков» части своего дохода. Так, мировой судья второго участка Ялуторовского округа убеждал крестьян не пользоваться услугами «подпольной адвокатуры», предлагая им в ущерб своему времени подавать ему прошения в устной форме. Как считал судья, этими мерами он покончил с «ходатайством» на своем участке²⁶. Некоторые мировые судьи помогали крестьянам писать протесты на свои же решения²⁷. «Юристы» пытались отстоять свое право на существование любыми способами и интригами: посылали жалобы и доносы на судебных чиновников, пытались скомпрометировать суд и официальную адвокатуру. В 1900 г. «Сибирская торговая газета» сообщила о безосновательном обвинении одного из мировых судей Тюмени представителем сословия «ходатаев» во взяточничестве (этот «подпольный адвокат», по словам корреспондента газеты, был известен «озлобленностью против всего Министерства юстиции, в каждом представителе которого видел личного врага»)²⁸.

Несмотря на усилия судебных деятелей, «подпольная юриспруденция» продолжала действовать и в начале XX в. Об ее «технологиях» и степени распространения рассказывал на страницах журнала «Сибирские вопросы» один из нелегальных «адвокатов», филолог по образованию, которого обстоятельства заставили в течение нескольких лет выступать в качестве защитника на судебных процессах в небольшом

городке Западной Сибири. По его словам, в крае «царила подпольная адвокатура», состоявшая из лиц с «темным прошлым» и невысокими нравственными качествами²⁹. «Подпольная адвокатура, как в городе, так и в деревне обирает население, – говорил на публичном собрании томской юридической консультации, посвященном 40-летию Судебных уставов, присяжный поверенный А.А. Кийков, – втягивает его в кляузы и развращает, вселяя убеждение в продажности суда и адвокатуры»³⁰. Типичный пример из жизни и деятельности «юриста» начала XX в. запечатлен в метафоричной форме в рукописи небольшой поэмы томских юристов «Макариаде». «Аблакат» Макар – «жид, хотя крещеный», начинал с игры на скрипке в питейном заведении, однако скудные заработки заставили его сменить профессию, и «задумал дерзкий плут вылезть в адвокаты». Этому способствовало то, что жил он на участке мирового судьи, нечистоплотного в моральном отношении и падкого на взятки, который, к тому же, снимал у него дом. Бывший скрипач и служитель Фемиды стали взаимовыгодно сотрудничать. В результате, Макар «два подлога учинил», «обобрал вдову, сирот», наконец, «векселя он стал скупать»³¹.

Развитию незаконной «адвокатуры» содействовал недостаток присяжных поверенных и их перегруженность делами. К примеру, в Тюмени (крупнейшем городе Тобольской губ.) действовали один присяжный поверенный, один помощник присяжного поверенного и трое частных поверенных³². Неудивительно, что там, как сообщала в 1900 г. «Сибирская торговая газета», «развелось» много «подпольных аблакатов»³³. Квалифицированная адвокатура оставалась недоступной не только для сельского населения, но и для горожан. В дореволюционный период присяжные поверенные не решились избрать местом своего проживания западносибирские города Тару, Туринск, Тюкалинск, Березов, Сургут, Змеиногорск, Кузнецк и Мариинск³⁴. «Для низших слоев городского населения, особенно при мелких исках, обращаться к присяжному поверенному почти немисливо, – объяснял современник причину успеха незаконной “адвокатуры”, – хороший возьмет и хорошие деньги, но еще чаще просто откажется за обилием дел. А к заведомо плохому кому охота идти? Пусть “подпольный” тоже плох, но он, во-первых, дешев, во-вторых, обладает красноречием голодного, вполне достаточным, чтобы убедить клиента “подмахнуть” доверенность. Но на суде это красноречие, конечно, спасует, а прошение окажется никуда негодным»³⁵.

Распространению «подпольной адвокатуры» способствовало и недоверие правительства к организациям присяжных поверенных. До 1911 г. в округе Омской судебной палаты отсутствовал совет присяжных поверенных. При Иркутской судебной палате совет, учрежденный на основании закона 24 ноября 1904 г.³⁶, был закрыт в годы первой революции³⁷. В феврале 1912 г. закрылись просуществовавшие менее 3 месяцев томская и омская комиссии (организации) помощников присяжных поверенных³⁸. К тому же власть явно не приветствовала деятельность открываемых по инициативе присяжных поверенных неофициальных «юридических консультаций» (вопрос об их легализации так и не был решен)³⁹. Профессиональная адвокатура была разобщена, а ее самостоятельное развитие искусственно сдерживалось, что несомненно препятствовало искоренению «юридического плутовства».

Сибирское судопроизводство отличалось наличием многочисленных формальностей письменного характера. По «бумагомаранию» сибирский суд превосходил другие суды империи, чем и пользовались местные «ходоки». Кроме того, судебные учреждения были чрезвычайно обременены делами. Мировые судьи рассматривали в 2–3 раза больше дел, нежели предусматривалось высшими нормами. При этом в Сибири судебные учреждения постоянно перемещались: мировые судьи разъезжали в пределах участков, окружные суды – в рамках губерний и областей, судебные палаты – в границах своих округов. Поэтому проживание квалифицированного адвоката в селении, куда окружной суд заезжал для проведения сессий, скажем, четырежды в год, грозило бездеятельностью. Присяжные поверенные должны были переезжать вслед за выездными составами судов, что представляло существенные неудобства. Известны случаи,

когда они и их помощники не имели возможности сопровождать разъезжающие судебные учреждения⁴⁰.

На деле главным средством борьбы с «подпольной адвокатурой» в дореволюционной России являлись юридические консультации. Хотя создание юридических консультаций законом не предусматривалось, практика деятельности новых судов, принципы пореформенного судоустройства и судопроизводства, появление квалифицированной адвокатуры привели к возникновению этих организаций, а сама жизнь легализовала их право на существование. Первое такое учреждение открылось в 1870 г. в Санкт-Петербурге⁴¹. Образование консультаций отвечало острой потребности адвокатов во взаимодействии, самостоятельности, независимости, без которых успешное развитие их корпорации было невозможно. В известной мере данные условия обеспечивали формировавшиеся на основании Судебных уставов советы присяжных поверенных – официальные органы корпоративного самоуправления. Однако с середины 1870-х гг. учреждение советов там, где они еще не были образованы, приостановилось (их правами и обязанностями в этом случае временно наделялись окружные суды). В результате, в империи присяжные поверенные делились на две категории, права которых существенно различались. В губерниях, где действовали советы (округа Санкт-Петербургской, Московской и Харьковской судебных палат), как констатировали чиновники Министерства юстиции в 1890-х гг., «присяжные поверенные округа каждой палаты представляли из себя отдельное сословие, имеющее особый орган своего общественного самоуправления», тогда как в округах прочих судебных палат (Киевской, Одесской, Казанской, Саратовской, Виленской, Тифлисской и Варшавской) «присяжные поверенные являлись лишь совокупностью отдельных лиц одного и того же рода занятий, но не состоящих между собой ни в какой определенной связи и не пользующихся правами самоуправления»⁴². Этот порядок, как справедливо указывал И.Я. Фойницкий, «в корне нарушал независимость адвокатуры и задерживал ее последовательное развитие»⁴³. Разобщенные между собой поверенные стремились к различным формам объединения, одной из которых и становились быстро распространявшиеся юридические консультации. В 1900 г. они действовали в 30 городах⁴⁴, а через 5 лет – в 71 городе России⁴⁵. В Сибири в начале XX в. они появились в Омске, Томске, Барнауле и Иркутске⁴⁶. Входившие в их состав присяжные и частные поверенные, а также помощники присяжных поверенных оказывали помощь бесплатно или за весьма умеренную плату. Однако возможности консультаций были ограниченными. Простор для деятельности самозванных правоведов оставался.

Смелая для той поры идея консультационных учреждений, волновавшая умы наиболее прогрессивных адвокатов всей России, в Сибири начала получать воплощение в 1880-х гг. благодаря энергии общественного и судебного деятеля В.П. Картамышева, заслужившего репутацию юриста, желавшего улучшить сибирское правосудие путем распространения юридических знаний и внесшего весомый вклад в формирование правосознания местного населения. Он был одним из немногих, кто бесплатно оказывал юридическую помощь неимущим сибирякам, а в октябре 1883 г. предложил занимавшимся адвокатурой томичам объединиться в консультацию, наподобие киевской (сам Картамышев бывший киевлянин), которая могла бы оказывать юридические услуги местным жителям как за плату, так и безвозмездно, оградив их от «подпольных адвокатов». Некоторые юристы приветствовали этот почин, назвав его «добрым начинанием»⁴⁷, но были и скептики, сомневавшиеся в том, что наличие даже общедоступной квалифицированной юридической помощи будет способствовать правовому просвещению населения и защитит его от зла, распространяемого разными «ходатаями». В «Восточном обозрении» писали: «Мы не думаем, чтобы эта консультация помешала людям ловким обделывать дела. Они могут втереться даже сюда»⁴⁸.

Когда в Сибири были введены Судебные уставы 1864 г., советы присяжных поверенных, по общему правилу, не учреждались, и сразу же был поставлен вопрос о создании консультационных обществ. В 1898 г. томские адвокаты выработали первоначальный проект такого учреждения, но из-за неприятия данной инициативы тогдашним

председателем Томского окружного суда он пролежал «под сукном» 3 года. Следующий председатель суда, А.В. Витте, идею одобрил, и благодаря ему проект был весьма быстро рассмотрен: 30 мая 1902 г. присяжные поверенные внесли его в окружной суд, а уже 1 июня общее собрание суда разрешило открыть консультацию, утвердив ее правила⁴⁹. Целью организации провозглашалось «оказание общедоступной юридической помощи населению путем подачи словесных советов, составления деловых бумаг и письменных заключений». Предполагалось взимание платы за устные советы от 25 коп. до 3 руб., за оформление бумаг и заключений – до 25 руб., однако в правилах особо оговаривалось, что «бедные» освобождались от оплаты «по усмотрению консультанта»⁵⁰. На практике же платеж за услуги предоставлялся «доброй воле просителя»⁵¹.

Помимо решения своей непосредственной задачи, консультация должна была способствовать сплочению адвокатов. Ее учредители стремились возложить на нее часть функций отсутствовавшего совета присяжных поверенных. Так, ст. 14 составленного ими проекта правил предусматривала дисциплинарную ответственность участников организации: «Все случаи нарушения членами консультации профессиональных обязанностей или совершения деяний, несовместимых со званием поверенного, бюро (орган управления консультацией. – *Е.К.*), удостоверившись по тщательном расследовании в наличии инкриминируемого деяния, передает на обсуждение общего собрания членов консультации, которое разрешает их при закрытых дверях, но открытой баллотировкой лишь при наличии не менее $\frac{2}{3}$ общего состава членов консультации, находящихся в данное время в г. Томске, и большинством $\frac{2}{3}$ голосов. Такое собрание может, по заслушивании объяснений от лица, о котором идет речь, высказать ему товарищеское порицание или даже исключить временно или навсегда из состава консультации»⁵². По мнению члена консультационного бюро П.В. Вологодского, это была лучшая идея всего документа, но когда уже утвержденный окружным судом проект поступил на рассмотрение судебной палаты, данное положение изъяли из правил⁵³.

В начале деятельности томской консультации спрос на ее услуги неуклонно возрастал. За первый год она приняла 1 448 клиентов, за второй – 1 921, за третий – 4 385. Причем подавляющее число посетителей составляли ремесленники, чернорабочие, крестьяне, прислуга. Отмечалась тенденция роста количества бесплатных услуг и уменьшения платных. В первый год даром было обслужено 79% клиентов, во второй – 81%, в третий – 86.7%⁵⁴. Для сравнения, тогда же в Ростове-на-Дону безвозмездно получили помощь консультационных учреждений 68% клиентов, в Воронеже – 56.6%, в Екатеринославе – 51.5%, в Киеве – 49.9%, в Житомире – до 16% просителей, бесплатными консультациями помощников присяжных поверенных при Московском съезде мировых судей воспользовалось 55% просителей⁵⁵. В отчете консультации Армавира прямо говорилось о том, что клиенты не должны думать, будто «консультация – благотворительное учреждение, где им оказывают юридическую помощь из милости»⁵⁶. Томская же консультация за третий год своей работы собрала с клиентов мизерную сумму – 209 руб. 19 коп.⁵⁷, что соответствовало годовой стоимости освещения и отопления одной квартиры в Томске⁵⁸, т.е. ее деятельность во многом носила благотворительный характер. Некоторые лица явно злоупотребляли бескорыстием томской консультации. Как отмечали сотрудники консультационного бюро, многие из обратившихся за бесплатной юридической помощью, судя по их внешнему виду и характеру дел, были в состоянии оплатить совет или составление документа⁵⁹.

Уничтожение «подпольной адвокатуры» являлось одной из важнейших целей создания юридических консультаций. «Ввиду обнаружившейся значительной потребности малоимущего населения г. Санкт-Петербурга в помощи юристов-специалистов, которые могли бы своими знаниями и добросовестным отношением к делу заменить распространивших свою вредную деятельность среди бедного населения негласных ходатаев, и предполагается организовать на окраинах консультации», – указывали на рубеже XIX и XX вв. столичные присяжные поверенные⁶⁰. «Юриспруденты» не собирались сдаваться и действовали напористо и бесцеремонно. Например, в Житомире «подпольные ходатаи... со свойственной им дерзостью уводили под разными вымыш-

ленными предложениями из-под самых дверей» клиентов консультации⁶¹. И все же в борьбе с адвокатами-проходимцами консультационные заведения одерживали верх. Итогом работы консультации в Томске, по словам корреспондента «Сибирских вопросов», стало то, что «население вырвалось из цепких лап подпольных адвокатов»⁶².

Впрочем, значение консультаций не ограничивалось бескорыстной помощью малоимущим. В частности, при томской адвокатской организации сложился институт делопроизводителей, готовивших разного рода документы и набиравшихся почти исключительно из студентов-юристов Томского университета. В иных подобных учреждениях деловые бумаги составляли за определенную плату специально приглашенные для этого писцы, для студентов же такие занятия были отличной юридической школой, в которой они приобретали практический опыт⁶³. Другая особенность томской консультации была связана с известной изолированностью или удаленностью поверенных Сибири от российской адвокатуры и с отсутствием разобщенности между различными их категориями. В Томске, согласно ст. 2 правил, устанавливалось, что «присяжные поверенные входят в состав консультации по самому своему званию», «помощники же присяжных поверенных и частные поверенные принимаются в члены консультации лишь по закрытой баллотировке общего собрания членов консультации»⁶⁴. Между тем в Европейской части страны консультации обычно объединяли либо исключительно присяжных поверенных, либо одних их помощников.

Деятельность консультации позитивно сказывалась на развитии местной адвокатской корпорации. На общих собраниях в Томске зачитывались доклады, темами которых были насущные проблемы судебной практики, при консультации существовала библиотека с огромным фондом периодических изданий (прежде всего, юридических)⁶⁵. Томские поверенные рассылали отчеты своей консультации и другие сведения о ее деятельности во все аналогичные организации России, судебные палаты и окружные суды, а также некоторым авторитетным адвокатам, настойчиво прося присылать такие же материалы в Томск. К сожалению, поступало их очень мало⁶⁶. Поверенные-томичи активно поддерживали идею консолидации адвокатской корпорации и приняли участие во Всероссийском съезде представителей консультаций, организованном консультацией при Московском мировом съезде⁶⁷.

Общество положительно оценивало деятельность консультационных учреждений, но они плохо вписывались в систему авторитарного государства. После революции 1905–1907 гг. и повышения политической активности адвокатов правительство усмотрело в корпоративных организациях поверенных угрозу политическому режиму. 2 марта 1909 г. Сенат распорядился закрыть консультации, ссылаясь на то, что их юридический статус законодательно не определен. 22 сентября 1909 г. Томский окружной суд упразднил томскую юридическую консультацию⁶⁸.

Подобные меры наглядно свидетельствовали о противоречивости политики правительства. С одной стороны, в конце XIX – начале XX в. оно отчетливо осознавало, что деятельность «подпольной адвокатуры» в России, превратившись в настоящее бедствие, представляла серьезную угрозу общественной и государственной безопасности. Так, еще 17 июня 1898 г. циркуляр министра внутренних дел предписал губернаторам во избежание крестьянских волнений установить особое наблюдение за «сельскими адвокатами», которые приравнивались к «пришлым людям, не имеющим определенных занятий», «агитаторам», «порочным людям» и «буйным крестьянам»⁶⁹. Уголовное право начала XX в. пополнилось нормой об уголовной ответственности «подпольных адвокатов». С другой стороны, государство препятствовало усилиям общества, направленным на искоренение «юридического знахарства». Примечательно, что распоряжение о закрытии консультаций саботировалось самим же судебным и административным начальством: лишь часть из них была ликвидирована, а остальные продолжали действовать в разных концах империи «под прикрытием» местных чиновников, видевших в них бесспорную пользу в борьбе с «подпольной юриспруденцией»⁷⁰.

Примечания

- ¹ ПСЗ-III. Т. 16. № 12 932.
- ² *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. М., 1996. С. 42.
- ³ Цит. по: Старый суд. Очерки и воспоминания Н.М. Колмакова // Русская старина. 1886. № 12. С. 536.
- ⁴ *Обнинский П.Н.* Откуда идет деморализация нашей адвокатуры // *Обнинский П.Н.* Сборник статей. М., 1914. С. 195.
- ⁵ Восточное обозрение. 1884. 24 мая.
- ⁶ Там же. 1885. 6 июня.
- ⁷ Там же. 20 июля.
- ⁸ Сибирская газета. 1883. 18 сентября.
- ⁹ См.: *Попова А.Д.* Деятельность пореформенной судебной системы // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1999. № 5. С. 46.
- ¹⁰ Сибирский вестник. 1893. 16 декабря.
- ¹¹ Замечания о применении к Сибири основных положений преобразования судебной части в России. СПб., 1863. С. 107.
- ¹² Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (далее – ГУТО ГАТ), ф. 152, оп. 37, д. 750, л. 8; д. 751, л. 4–4 об., 9–10.
- ¹³ ПСЗ-III. Т. 5. № 2770.
- ¹⁴ *Арефьев Н.* В Сибири // Северный вестник. 1896. № 1. С. 55.
- ¹⁵ Сибирский вестник. 1885. 16 октября; 1886. 1 мая.
- ¹⁶ Восточное обозрение. 1888. 4 декабря; 1890. 16 сентября.
- ¹⁷ ГУТО ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 43, л. 124.
- ¹⁸ РГИА, ф. 1284, оп. 223, д. 113, л. 14.
- ¹⁹ Сибирский вестник. 1891. 13 января.
- ²⁰ Восточное обозрение. 1890. 16 сентября.
- ²¹ ГУТО ГАТ, ф. 479, оп. 2, д. 10, л. 12.
- ²² Там же, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 33–34.
- ²³ Государственный архив Тюменской области, ф. И-40, оп. 2, д. 386, л. 55–56, 109.
- ²⁴ ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 33–36.
- ²⁵ Восточное обозрение. 1890. 16 сентября.
- ²⁶ ГУТО ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 43, л. 124–128.
- ²⁷ Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде с 1 июля 1904 г. по 1 июля 1905 г. Томск, 1906. С. 12.
- ²⁸ Сибирская торговая газета. 1900. 1, 2 апреля.
- ²⁹ *И.Т.* На поприще адвокатуры // Сибирские вопросы. 1912. № 11–12. С. 23.
- ³⁰ Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... С. 12.
- ³¹ Государственный архив Томской области (далее – ГА ТО), ф. Ф-10, оп. 1, д. 115, л. 360–362.
- ³² Адрес-календарь Тобольской губернии на 1900 г. Тобольск, 1899. С. 9.
- ³³ Сибирская торговая газета. 1900. 2 июня.
- ³⁴ Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за второй год. С 18 мая 1912 г. по 18 мая 1913 г. Омск, 1914. С. 123–125; Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1913 г. Год третий. Омск, 1914. С. 102–103; Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1913 г. Год четвертый. Омск, 1915. С. 143–145.
- ³⁵ *Л.К.* Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1909. № 43. С. 16.
- ³⁶ ПСЗ-III. Т. 24. № 25414.
- ³⁷ См.: Хроника // Право. 1906. 23 апреля; *Шахерова С.Л.* Дореволюционная адвокатура Восточной Сибири (1885–1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001. С. 20.
- ³⁸ Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за первый год: С 18 мая 1911 г. по 18 мая 1912 г. Омск, 1913. С. 14; РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 203, л. 12–19.
- ³⁹ См.: *Гессен И.В.* Адвокатура, общество и государство (1864–1914) // История русской адвокатуры. Т. 1. М., 1997. С. 357–358; ГА ТО, ф. Ф-10, оп. 1, д. 27, л. 49–52.
- ⁴⁰ *И.Т.* Указ. соч. С. 22.
- ⁴¹ См.: *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство. Пг., 1916. С. 331.

⁴² Обсуждение вопроса об изменениях в устройстве адвокатуры // Высочайше учрежденная при Министерстве юстиции комиссия для пересмотра положений по судебной части. СПб., 1897. С. 118.

⁴³ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 489.

⁴⁴ Отчет о деятельности консультации помощников присяжных поверенных при Московском мировом съезде... С. 37.

⁴⁵ Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... С. 22–24.

⁴⁶ См.: Адоньева И.Г. Судебные преобразования в Западной Сибири конца XIX – начала XX в. в оценках местной юридической интеллигенции. Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. С. 187; Отчет о деятельности консультационного бюро присяжной адвокатуры при Житомирском городском комитете попечительства о народной трезвости за 1903 г. (С 7 января по 20 декабря 1903 г.). Житомир, 1904. С. 8; Отчет о деятельности консультации помощников присяжных поверенных при Московском мировом съезде за 1900 г. (С 1 января 1900 г. по 1 января 1909 г.). М., 1901. С. 37; ГА ТО, ф. Ф-10, оп. 1, д. 27, л. 1.

⁴⁷ Сибирская газета. 1883. 2 октября.

⁴⁸ Восточное обозрение. 1883. 17 ноября.

⁴⁹ Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... С. 6.

⁵⁰ ГА ТО, ф. Ф-10, оп. 1, д. 27, л. 1–1 об., 16, 17^а.

⁵¹ Л.К. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1909. № 43. С. 16.

⁵² ГА ТО, ф. Ф-10, оп. 1, д. 27, л. 17.

⁵³ Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... С. 6–7, 26.

⁵⁴ Там же. С. 4, 8, 17.

⁵⁵ Отчет о деятельности консультации помощников присяжных поверенных при съезде мировых судей Ростовского на Дону судебно-мирового округа за 1905–1906 гг. Ростов н/Д, [1907]. С. 8; Отчет консультационного бюро при Екатеринославском окружном суде за 1906 г. Екатеринослав, 1907. С. 9; Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... С. 8; Отчет о деятельности консультационного бюро присяжной адвокатуры при житомирском городском комитете попечительства о народной трезвости... С. 12; Отчет о деятельности консультации помощников присяжных поверенных при Московском мировом съезде... С. 14.

⁵⁶ Отчет консультации поверенных при Армавирском съезде мировых судей: В селе Армавир Кубанской области с 10 июня 1904 г. по 10 июня 1905 г. Армавир, 1905. С. 9.

⁵⁷ Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... С. 19.

⁵⁸ ГА ТО, ф. Ф-10, оп. 1, д. 139, л. 6–7.

⁵⁹ Сибирская жизнь. 1904. 27 октября.

⁶⁰ Цит. по: Гессен И.В. Указ. соч. С. 308.

⁶¹ Отчет о деятельности консультационного бюро присяжной адвокатуры при житомирском городском комитете попечительства о народной трезвости... С. 5.

⁶² Л.К. Указ. соч. С. 16.

⁶³ Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... С. 7–8, 30; Л.К. Указ. соч. С. 16.

⁶⁴ ГА ТО, ф. Ф-10, оп. 1, д. 27, л. 16.

⁶⁵ Там же, д. 115, л. 352, 359; Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... С. 6–17.

⁶⁶ Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... С. 5–6.

⁶⁷ ГА ТО, ф. Ф-10, оп. 1, д. 115, л. 18–19, 26 об.

⁶⁸ Там же, д. 27, л. 49, 50–52 об.

⁶⁹ ГУТО ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 31, л. 56.

⁷⁰ См.: Гессен И.В. Указ. соч. С. 357–358.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

© 2010 г. К. И. ШНЕЙДЕР*

РАННИЙ РУССКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Русский либерализм является неотъемлемой частью интеллектуальной и политической истории России и в настоящее время имеет обширную историографию. Однако специалист без труда обнаружит в ней пробелы, к которым можно отнести в частности ранний этап развития отечественного либерализма. Исследование любого исторического явления, в том числе и интеллектуального феномена, заставляет ученого обращаться к проблеме его происхождения. Когда и как шел процесс формирования либеральной традиции в России? Каким был первый вариант русского либерализма? Ответы на поставленные вопросы, скорее всего, следует искать в истории российской общественной мысли середины XIX столетия. Вместе с тем существуют интересные гипотезы о его появлении в эпоху царствования Екатерины Великой или Александра I. Анализ основных исследовательских версий начального русского либерализма, как в российской, так и в западной историографии и является основной задачей данной статьи.

В отечественной историографической традиции можно выделить 2 этапа. Первый из них продолжался с середины 1950-х до начала 1990-х гг. Общим местом в работах специалистов стало признание середины 1850-х гг. временем формирования русского либерализма как «крупного общественного течения»¹. Уже в первых трудах, посвященных генезису либеральной традиции в России, акцентировалось внимание на том, что после воцарения императора Александра II в «обстановке общественного возбуждения» происходило дальнейшее оформление «идеологии русского либерализма и складывание его политической программы»². Был определен и персональный состав «либерального лагеря». Либералами 1850-х гг. называли не только К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина, но и В.П. Боткина, А.В. Дружинина, П.В. Анненкова³. Одновременно в историографический оборот вводились различные факты, ставшие впоследствии общепризнанными среди специалистов. В частности, роль наиболее крупных центров либерального движения, формировавшегося в середине XIX в., закрепились за кружками А.В. Станкевича (Москва) и К.Д. Кавелина (Петербург)⁴. Важным событием в становлении русского либерализма принято считать появление рукописной литературы и ее публикацию в сборниках «Голоса из России» за границей, что обычно называют «первым открытым выступлением русских либералов»⁵. Главной особенностью развития либеральной мысли в России в середине XIX в., как отмечали советские исследователи, являлось соединение идеи свободы с «понятием о царской власти и законности»⁶. Они подчеркивали, что «в период революционной ситуации конца 50-х – начала 60-х годов завершен был процесс идейного размежевания либерализма и демократизма, начавшийся еще в 40-х годах»⁷. Вместе с тем ранний либерализм традиционно рассматривался в качестве объекта для бескомпромиссной критики.

В последующие 2 десятилетия изучение начальной истории русского либерализма не прекращалось. Советские историки 1970–1980-х гг. впервые предприняли попытку системного анализа программных заявлений ранних русских либералов. Наиболее пер-

* Шнейдер Константин Ильич, кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного университета.

спективным можно считать вывод о том, что либеральное движение, «объединившее сторонников буржуазно-реформистского переустройства России, не было однородным при этом как по своей классовой основе (дворянский и буржуазный либерализм), так и по идейно-политическому содержанию»⁸. Под «неоднородностью» известный советский историк В.А. Китаев имел в виду присутствие среди либералов не только западников, но и славянофилов, он также обратил внимание на различия в подходах к основополагающим общественным вопросам у ранних либералов. По мнению Китаева, в западничестве, «с одной стороны, шла дальнейшая разработка идей государственной школы с характерной для нее апологетикой абсолютистско-бюрократического государства, с другой – пробивало себе дорогу более оппозиционное по духу децентралистское начало. Утверждение второй тенденции в крупнейшем либеральном органе “Русском вестнике” определило его проанглийскую ориентацию»⁹. Таким образом, дискуссии в самом «Русском вестнике», а также между ним и другим либеральным изданием середины XIX в. «Атенеем» о роли государства и по вопросу об общине, скорее всего, отражали начавшийся процесс дифференциации в среде либеральных мыслителей. Распространение идей о доминирующей роли государства в историческом процессе, о полезности сохранения общинного миропорядка в деревне свидетельствовали о вариативном характере раннего русского либерализма. Эти различия Китаев объяснял сосуществованием в середине XIX в. «дворянского» и «буржуазного» либерализма. В частности, несовпадение взглядов на государство и административную централизацию между участниками дискуссии в журнале «Атеней» он относил к разряду «свидетельств внутренней дифференциации либерального движения» и считал, что за этими расхождениями «нельзя не увидеть отличий теоретических позиций одного из оттенков дворянского и буржуазного течений либеральной мысли»¹⁰. В итоге, по мнению автора, русский либерализм 1850-х – начала 1860-х гг. представлял собой сложносоставное явление, в рамках которого определились разные векторы развития либеральной мысли.

В 1970-х гг. в отечественной историографии утвердилась версия, объяснявшая наличие очевидных концептуальных особенностей раннего русского либерализма преобладанием «среди его носителей и сторонников дворян-землевладельцев, а также тесно связанных с ними представителей дворянско-помещичьей интеллигенции»¹¹. Поэтому для советских историков не было ничего удивительного в том, что между либерализмом и конституционализмом существовал разрыв, особенно на первом этапе, когда либералы отрекались от конституционализма, отвергали любые проявления радикализма и пытались соединить самодержавный режим со свободой¹². Все эти отличия русского либерализма от классического западноевропейского рассматривались в контексте политической истории России рубежа 1850-х и 1860-х гг.

В целом, в советской историографии не подвергалось сомнению не только существование русского либерализма в середине 1850-х гг., но и наличие либеральной концепции, в которой присутствовала утопическая идея «соединения самодержавия со свободой»¹³. Специалисты отмечали динамичное развитие отечественного либерализма в середине XIX в., особенно с 1858 г., когда в нем обнаружились «различные оттенки и течения»¹⁴. Активно поддерживался интерес к изучению теоретического наследия отдельных либеральных мыслителей в рамках биографического жанра¹⁵. Следует отметить, что ранний русский либерализм в исследованиях советских историков зачастую обозначался такими малосодержательными ярлыками, как «дворянский», «помещичий», «буржуазный», «западнический». И все же этот период в отечественной историографии способствовал формированию представлений о раннем либерализме как о самостоятельном интеллектуальном феномене в русской общественной мысли, который характеризовался неоднородностью и немалым количеством концептуальных особенностей.

В 1990-х гг. начался современный этап в изучении раннего русского либерализма. Этот период можно смело назвать «либеральной волной» в российской историографии, пик которой пришелся на середину – вторую половину десятилетия. Ситуация

изменилась в связи с появлением большого количества публикаций, посвященных либеральной традиции в России и новых вариантов ее интерпретации. Одной из центральных проблем оказалась начальная история либерализма. В очередной раз внимание профессионалов привлекли труды Грановского, Кавелина, Чичерина, Боткина, Анненкова. Постепенно складывалась новая исследовательская парадигма, и в первую очередь это относится к термину «ранний либерализм», который получил распространение благодаря работам Р.А. Арсланова¹⁶, Н.Г. Габидулиной¹⁷ и В.И. Приленского¹⁸. В 1995 г. Приленский попытался определить главные особенности раннего либерализма в России. К ним он отнес «отсутствие у либеральной мысли прочной социальной поддержки в обществе, ее антидемократический характер, принцип монархизма, сильное и ярко выраженное консервативное начало и отсутствие в первоначальный период гражданских свобод в российском обществе»¹⁹. Вместе с тем распространенными оставались попытки идентифицировать ранний русский либерализм с западничеством. В частности, они прослеживаются в работах Д.И. Олейникова: «Время появления западничества в общественном движении стало в либеральной традиции начальной точкой летоисчисления деятельного русского либерализма, временем рождения русской интеллигенции как особого общественного слоя»²⁰. Однако деятельность либерально-го крыла западников в 1840-х гг. не совпадала по времени с появлением раннелиберальной концепции.

Дискуссия о либерализме приобрела целенаправленный и достаточно острый характер в связи с выходом в свет в 1996 г. сборника «Либерализм в России»²¹. Попытки философского осмысления истории русского либерализма позволили обнаружить любопытную картину. Среди исследователей не было согласия в понимании содержательной основы либеральной концепции, порой диаметрально противоположными оказывались подходы к периодизации истории отечественного либерализма, различными оставались и представления о персональном составе «либерального семейства». Ярким примером может служить полемика, развернувшаяся вокруг «дворянского» либерализма. Так, Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская, настаивали на том, что «дворянский» либерализм «более полно выразил дух классического русского либерализма», и даже именно «в его парадигме осуществлялось наиболее плодотворное развитие либеральной доктрины». К отцам-основателям либеральной традиции они относили Кавелина и Чичерина, а появление либеральной идеологии считали «своеобразной рефлексией по поводу западничества и “приживления”! его на российской почве». Наконец, концептуальное содержание «дворянского» либерализма связывали с идеями свободы и ценности человека, а также критическим отношением к власти и взглядом на право как на гарант свободы²².

С другой стороны, один из редакторов сборника профессор В.Ф. Пустарнаков последовательно отвергал аутентичность «дворянского» либерализма и утверждал, что, несмотря на свое влияние, он «ненастоящий, нетипичный, неадекватный»²³. «Это наиболее близкая к настоящему либерализму форма, разновидность паралиберализма. Причем внутри дворянского либерализма разные индивидуальные его разновидности находятся на разном расстоянии от настоящего либерализма»²⁴, – доказывал Пустарнаков. Он предложил рассматривать эволюцию отечественного либерализма сквозь призму европейской модели и акцентировал внимание на том, что русская либеральная традиция появилась позже по сравнению с Европой, а значит, с самого начала приняла постклассическую форму и включила в себя этатизм. Основной недостаток в мировоззрении либералов круга Грановского, Кавелина, Чичерина, по мнению автора, заключался в сосуществовании экономического либерализма и политического консерватизма. Под классическим же русским либерализмом XIX в. он понимал «вышедший за рамки дворянского либерализм “Санкт-Петербургских ведомостей” (1863–1874) В.Ф. Корша, “Вестника Европы” М.М. Стасюлевича и “Русской мысли” В.А. Гольцева»²⁵. Пустарнаков относил последних к представителям «буржуазного» либерализма, также интенсивно формировавшегося на рубеже 1850-х и 1860-х гг., но в отличие от «дворянского», стремившегося к синтезу экономического и политического либерализ-

ма. Таким образом, полемика на страницах сборника в значительной степени разрушила советскую парадигму либерализма, но по некоторым сюжетам генетическая связь с предшествующим периодом сохранилась. В частности, это можно проиллюстрировать на примере идеи о «дворянской» и «буржуазной» составляющих русского либерализма середины XIX в.

Местом и временем новой дискуссии стала международная научная конференция «Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы», которая состоялась в 1998 г.²⁶ Наиболее спорной оказалась тема философии русского либерализма. Предлагались диаметрально противоположные варианты решения этого вопроса, от обсуждения особенностей историософии отечественного либерализма до резкого неприятия самого термина «философия русского либерализма». Профессор Пустарнаков в очередной раз вынес за рамки «настоящей» либеральной традиции мыслителей круга Кавелина и Чичерина²⁷. Дискуссия продолжилась в мае 2000 г. на конференции в Ростов-на-Дону. Внимание специалистов снова привлек дискуссионный доклад профессора Пустарнакова. Автор последовательно отстаивал точку зрения, согласно которой «дворянские» либеральные мыслители оказались пионерами либерального консерватизма в России. При этом ранняя стадия развития либерального консерватизма связывалась с именами Боткина, Анненкова и Грановского, а завершающая – с мировоззрением Кавелина и Чичерина. По мнению Пустарнакова, с аутентичным либерализмом «их связывают, прежде всего, общефилософские, философско-исторические и этические принципы, тогда как в сфере политической они остаются умеренными консерваторами, реформистами»²⁸.

Однако далеко не все отечественные специалисты согласились с такими выводами. В частности, в исследовании Арсланова о Кавелине, выполненном в жанре интеллектуальной биографии, главный герой позиционируется в качестве одного из отцов-основателей русского либерализма, который, в свою очередь, понимается как особый инвариант классического либерализма, приспособяемого к условиям неразвитого общества в канун модернизации²⁹. К этому следует добавить и мнение авторов статей в сборнике «Российские либералы»³⁰, связывающих привлекательность либеральной идеи и ее распространение в русском обществе с творчеством Кавелина и Чичерина. В итоге дискуссия обозначила 2 основных подхода к изучению ранней стадии российского либерализма – исторический и философский.

Особенностью современной историографии русского либерализма остается «европеизация» данного феномена. Однако по мнению В.В. Шелохаева, «к русскому либерализму едва ли применима типологизация, которая используется при изучении западно-европейского либерализма», так как сам русский либерализм «не был ни классическим, ни постклассическим». Автор характеризует его как «особый тип интеллектуального либерализма, возникший и формировавшийся, прежде всего, на теоретическом уровне в неадекватной среде»³¹.

В этой связи рельефно выделяется проблема изучения национальной специфики либерализма. Очень сложно спорить с тем, что в Западной Европе либерализм опирался на богатое историческое прошлое, имел значительную социальную поддержку, долговременные и прочные политические позиции, тогда как в России вместо этого существовала лишь интеллектуальная рефлексия по поводу либеральных ценностей и кратковременный опыт партийного строительства и политической борьбы. Кроме того, в странах с «догоняющей моделью» развития либерализм неизбежно окрашивался в национальные цвета. Не случайно А.Н. Медушевский отмечал, что в современной науке продолжается полемика о том, «является ли либерализм единым и более или менее постоянным социальным явлением или дело обстоит как раз наоборот, и следует говорить о множественности проявлений либерализма для разных эпох (традиционный и новый), стадий (ранний и поздний), регионов (западноевропейский и восточноевропейский), социальных слоев (буржуазный, дворянский, чиновничий) или течений (христианский, национальный, а в последнее время даже коммунистический)»³².

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. наступило время профессиональной рефлексии по поводу имевших место острых дискуссий. Появились работы, претендующие

на осмысление накопленного опыта изучения начальной истории русского либерализма. Среди них необходимо отметить исследование С.С. Секиринского, посвященное социокультурным аспектам становления отечественной либеральной традиции. Автор обозначил в качестве стартовой линии сложного процесса формирования русского либерализма рубеж XVIII–XIX вв. и обратил внимание на ключевую проблему его генезиса в России, которая заключалась в «обретении баланса между новациями и традициями, без которого, как показал опыт первой четверти XIX в., либеральный идеал был обречен на вырождение в рационалистическую утопию, чреватую либо относительным бездействием, либо бунтарским срывом»³³. Именно это обстоятельство, по мнению Секиринского, и заставляло русских либералов накануне Великих реформ искать у верховной власти поддержки и гарантий от непредсказуемых социальных последствий, что вполне объясняет наличие монархической составляющей и дворянской апологетики в раннелиберальной концепции или «либерализме для самодержавия».

Еще одна попытка расставить акценты в изучении генезиса русского либерализма предпринята в работе известного специалиста по истории отечественной общественной мысли Шелохаева³⁴. Автор совершенно справедливо отверг произвольное и методологически необоснованное жонглирование разнообразными терминами, маркирующими ту или иную особенность развития российской либеральной мысли в XIX в. Такие дефиниции, как «самодержавный», «бюрократический», «правительственный», «соборный» абсолютно несозвучны языку интеллектуальной истории. По его мнению, начальный этап формирования либерализма связан с временем от Екатерины II и до Великих реформ 1860–1870-х гг. Вместе с тем довольно туманным остается вывод Шелохаева о результатах первого периода в развитии отечественного либерализма. Автор полагает, что дореформенному дворянскому инициативному меньшинству так и не удалось «создать ни собственную либеральную теорию, ни собственную либеральную философию». Он предлагает также обратить внимание на появление в это время слабо различимых контуров «становящегося русского либерализма как самостоятельного направления общественной мысли и общественного движения», имевшего тенденцию к превращению в «узнаваемый русский национальный вариант либерализма, который пополнил общую “семью либерализмов”»³⁵.

Очень сложно вести дискуссию в условиях употребления столь приблизительных формул применительно к истории идей. И все же специалисты, в конечном счете, должны будут ответить на вопрос о времени формирования первого национально адаптированного варианта русского либерализма, объяснив все его многочисленные особенности. Попытки сделать это не прекращаются и в настоящее время. В частности Китаев в своей новой работе, посвященной русской либеральной мысли 1860–1880-х гг., продолжил отстаивать свой тезис о появлении российского либерализма в середине XIX в.: «Зародившись как дворянский и проявивший себя таковым в подходе к развязке крепостных отношений, либерализм в пореформенный период обнаружил способность к отрыву от своей первоначальной социальной основы»³⁶. Отмечая высокую исследовательскую культуру автора и его значительный вклад в историографию отечественного либерализма XIX в., следует отнести этот труд к числу удачных попыток уйти от стереотипов российского «либераловедения».

В целом, итоги изучения ранней истории русского либерализма современными отечественными специалистами приводят скорее к мысли об отсутствии системы координат, т.е. понятного и современного методологического языка. В данном случае речь идет не о «железном» единстве во взглядах и необходимости преодолеть различия в представлениях. Ощущается потребность в обоснованных подходах к таким важнейшим проблемам, как генезис русской либеральной традиции, ее периодизация и типологизация. Предлагаемые варианты зачастую грешат излишней приверженностью либо традиционным схемам, либо тотальной «вестернизации» русской истории. Конечно, очень непросто «примирить» и свести воедино либерализм, как некую идеальную мыслительную конструкцию и как мировоззрение тех, кого чаще всего относят к отцам-основателям русского либерализма, в первую очередь Кавелина и Чичерина.

Вместе с тем следует поддержать мнение о том, что во всех своих проявлениях «либерализм – это доктрина, утверждающая свободу личности. Русский либерализм отстаивал это кредо, может, даже больше, чем западноевропейский. Для русских либералов эта проблема имела не только теоретическое, но вполне конкретное и острейшее содержание, не замечать которое после Радищева просвещенной дворянской интеллигенции было уже невозможно»³⁷.

В западной историографии интерес профессионалов к истории раннего русского либерализма возник на рубеже 1950-х и 1960-х гг., т.е. одновременно с отечественными исследователями. Трудности, с которыми столкнулись западные специалисты на начальном этапе изучения раннего русского либерализма, были созвучны проблемам современной российской историографии. К ним, например, следует отнести вопрос о времени появления русской либеральной традиции. Вплоть до середины 1980-х гг. в западной историографии продолжалась дискуссия по основополагающим сюжетам истории русского либерализма, и были сформулированы различные подходы к его изучению. Одним из первых высказался известный исследователь Д. Фишер³⁸. По его мнению русский либерализм формировался уже в пореформенный период, начиная с 1860-х гг. вплоть до первой русской революции, и содержательно не только отличался от западных классических образцов, но и принадлежал к иному типу либеральной традиции. Автор упомянул о деятельности либералов и до Великих реформ, однако фиксировал внимание лишь на их антикрепостнических настроениях и отвлеченном характере размышлений. Таким образом Фишер может считаться одним из основателей целого направления в западной историографии, фактически отрицавшего серьезность рассуждений о русском либерализме XIX в. Это направление можно определить как «скептическое».

В 1962 г. было завершено исследование американского историка Д. Хаммера, посвященное политическим воззрениям Чичерина и Кавелина³⁹, которых автор относил к числу основателей либерализма и его главных идеологов. Особое внимание Хаммер уделил либеральной рукописной литературе, которая появилась благодаря организационной и интеллектуальной деятельности его героев. По мнению исследователя, восприятие российскими либералами европейского опыта не было институциональным и не выходило за рамки идейной рецепции. Хаммер справедливо утверждал, что многие из классических либеральных ценностей, таких, как свобода личности, гражданские права, равенство перед законом, имели в России иную, отличную от западной трактовку. В частности, свободу русские либералы не противопоставляли государству и даже надеялись с его помощью избежать исторических ошибок Европы. Тем не менее уверенность Хаммера в том, что 1850-е гг. стали временем формирования русского либерализма, позволяет отнести его к «оптимистическому» направлению.

На рубеже 1960-х и 1970-х гг. началось переосмысление прежних подходов к проблеме. В полной мере это относится к содержанию сборника очерков по истории русского либерализма, опубликованного в 1972 г.⁴⁰ Вступительная часть содержит интересные размышления Ч. Тимберлэйка о концептуальной природе либерального феномена в России⁴¹. Автор обратил внимание на методологические трудности идентификации русского либерализма через его сопоставление с западноевропейским аналогом, так как очевидны значительные различия между ними. Чуть позднее один из классиков американской русистики Н. Рязановский справедливо поставил под сомнение употребление малосодержательного термина «дворянский либерализм» применительно к интеллектуальной истории России. Более того, он отказался рассматривать западников в качестве сугубо российского феномена и предложил считать их неизбежным продуктом модернизации в развивающихся общественных системах⁴². Однако, размышления автора не привели его к противопоставлению истории русского и западноевропейского либерализма.

Новым доказательством интеграционной модели изучения русского либерализма стала дискуссионная работа А. Келли⁴³, посвященная политической философии Чичерина. Исследование мировоззрения одного из самых заметных отечественных мыс-

лителей XIX в. опиралось на сопоставление его взглядов с классической либеральной теорией западноевропейского образца. Автор отнесла Чичерина к правогегельянской философской традиции и пришла к достаточно категоричным выводам. По мнению Келли, уже в конце 1850-х гг. основные концептуальные положения чичеринской программы по своим родовым признакам не принадлежали либерализму. В то же время, Келли зафиксировала 2 важных положения: она поддержала традицию европеизации интеллектуальной истории России и обратила внимание на оживление творческой активности образованной части общества в середине XIX в. Таким образом, в 1970-х гг. ранний русский либерализм так и не стал объектом специального изучения в западной историографии. Исследование либеральной традиции в России было включено в европейский контекст, а ее начальный этап ассоциировался с деятельностью либеральных западников на рубеже 1850-х и 1860-х гг. и в период Великих реформ⁴⁴.

В середине 1980-х гг. историографическая картина радикально преобразилась. Появились первые работы, посвященные истории именно раннего русского либерализма, среди которых следует отметить исследование Д. Оффорда⁴⁵. Британский специалист фактически обозначил саму проблему и предложил свою версию ее изучения. По его мнению, либерализм в России формировался в 1850-х гг. усилиями умеренных западников, участвовавших в предшествующее десятилетие в знаменитой дискуссии со славянофилами. В персональный состав «раннего либерального семейства» были включены Грановский, Боткин, Анненков, Дружинин и Кавелин, что, однако, не исключило возможности привлечь к этому кругу и других, в частности, Чичерина. Оффорд обратил внимание на ряд особенностей в мировоззрении русских либеральных мыслителей середины XIX столетия. Никто из них не принадлежал к либертарианской традиции и, в отличие от западных либералов, все они «подчеркивали активный созидательный потенциал государства» и «стремились не столько ограничить власть своего самодержца, сколько убедить его использовать данную ему власть для достижения целей, которые казались им достойными»⁴⁶. Оффорд подчеркнул и типические черты, сближавшие русских либералов с классической европейской традицией. Наибольшей популярностью у них пользовались идеи индивидуальной свободы, привлекательности западного образа жизни и буржуазных эстетических норм, а также экономической свободы. Изучение взглядов отдельных представителей русской либеральной мысли, в частности Боткина, привело автора к выводу о появлении политического либерализма с апологией политической свободы и равенства всех перед законом. Однако в значительной степени европейский либеральный опыт воспринимался умозрительно и абстрактно. Например, англомания среди русских либералов в конце 1850-х гг. не способствовала распространению ценностей утилитаризма, а западные просветительские идеи уживались с трепетным отношением к политической стабильности. Оффорд обнаружил многочисленные противоречия в теоретических представлениях ранних русских либералов. Кавелин мог быть одновременно и сторонником уменьшения государственного вмешательства в производственную деятельность, и защитником интересов земельной аристократии. Все они восхищались достижениями европейской цивилизации и вместе с тем пытались обосновать претензии дворянства на роль ведущей общественной силы национального масштаба. Слабым местом в программе раннего русского либерализма была его политическая составляющая. В России в середине XIX в. сохранялся жесткий политический контроль, предполагавший высокую степень лояльности властям, что часто являлось главной причиной политического инфантилизма либеральных мыслителей. Кульминацией их общественного успеха стало участие в подготовительной работе и проведении Великих реформ, что, по мнению Оффорда, оказалось также и периодом наиболее эффективного интеллектуального влияния либералов в длительной исторической перспективе. Русские либеральные мыслители оставались последовательными сторонниками умеренных реформ и активными противниками распространявшихся радикальных настроений. Именно противодействие радикализму было одним из главных побудительных мотивов их апелляции к силе государства.

Работу Оффорда смело можно назвать этапной, так как впервые в западной историографии ранний русский либерализм стал объектом исследовательского интереса в качестве самостоятельного интеллектуального феномена. В последующих дискуссиях специалисты уже не ставили под сомнение этот факт и сосредоточили внимание на его особенностях. Все это говорит о доминировании «оптимистического» направления в англоязычной русистике. Прекрасной иллюстрацией подобных рассуждений может служить работа П. Рузвельт, посвященная жизни и творчеству Т.Н. Грановского⁴⁷. Автор пришла к выводу, что уже к концу «замечательного десятилетия» в первоначальном виде завершилось формирование основных течений в русской общественной мысли, которые впоследствии преобразовались в соответствующие политико-идеологические системы. Рузвельт высказала мнение о сходстве и различии классического либерализма и его русской версии. Например, либеральные мыслители середины XIX столетия в России, будучи англофилами, являлись рационалистами и предпочитали «честную игру»⁴⁸. Они делали ставку на просвещенного монарха и сильное государство, что, по мнению Рузвельт, объяснялось реалистичной оценкой ими уровня развития российского общества и влиянием традиции. Исследовательница обратила внимание на несовпадение ряда мировоззренческих позиций ранних русских либералов и европейских классиков либерального жанра за исключением, пожалуй, общего для них преклонения перед индивидуальной свободой.

Заметную роль в конце 1980-х гг. в продолжавшейся дискуссии о раннем русском либерализме сыграла работа А. Валицкого, авторитетного исследователя интеллектуальной истории России⁴⁹. Заслуживают внимания выводы, к которым автор пришел в результате изучения многообразного и сложного теоретического наследия Чичерина, отнесенного им к разряду типичных либералов. По мнению Валицкого, не следует сомневаться в приверженности Чичерина классическим идеям экономической свободы, широко распространенным в Европе. Гораздо труднее было определить политическую составляющую его либеральных взглядов, так как всем специалистам известно толерантное отношение Чичерина к самодержавной власти и сильному государству. Тем не менее Валицкий не согласился с Келли и предложил экспертам концентрировать свое внимание на ранних произведениях русского мыслителя, в которых отчетливо прослеживалась верность либеральным ценностям. Следует отметить предложение Валицкого разграничить понятия «либеральный демократ» и «либерал» применительно к анализу общественной мысли эпохи формирования русского либерализма. В середине 1850-х гг. либерализм и демократия могли даже противопоставляться друг другу, чем «грешили» авторы дискуссионных статей в журналах «Современник», «Русский вестник» или «Атеней». Большинство ранних русских либералов трактовали демократические идеи и институты как путь к диктатуре масс и считали его самой большой опасностью для будущего России. Поэтому Валицкий обоснованно считал Чичерина типичным либералом эпохи, для которого демократия скорее ассоциировалась с угрозой радикального общественного переустройства, нежели с постепенными и умеренными реформами. В целом, исследование Валицкого способствовало формированию методологических оснований изучения феномена раннего русского либерализма и тем самым определило его научную значимость.

Результатом возросшего профессионального интереса к истории русского либерализма в начале 1990-х гг. можно считать выход в свет книги Г. Гамбурга⁵⁰. По мнению автора, в середине 1850-х гг. завершился процесс формирования раннего русского либерализма, который был генетически связан и вырос из умеренного западничества. Политически появление нового интеллектуального феномена объяснялось реакцией на охранительные мероприятия Николаевской эпохи и ожиданиями части просвещенного общества в связи с началом царствования императора Александра II. Своим рождением либеральная мысль обязана деятельности столичной профессуры, а также салонам и кружкам, весьма популярным в образованной среде того времени. К первой либеральной программе Гамбург отнес рукописные работы, написанные в 1855–1856 гг. Чичериным и Кавелиным. В представлении американского исследователя это стало пово-

ротным пунктом в истории формирования либерализма, так как на смену философским абстракциям западников пришла политически ориентированная концепция с идеями освобождения крестьян и гражданскими свободами. Автор обратил внимание на размежевание раннего либерализма и социализма после 1856 г. и в качестве доказательства привел полемику Чичерина и Герцена. Именно радикальные мыслители середины XIX в. стали в России главными интерпретаторами демократических идеалов. Впервые в западной историографии Гамбург попытался объяснить идейные разногласия в среде ранних русских либералов. В соответствии с его гипотезой, уже во второй половине 1850-х гг. появились различные течения в отечественном либерализме, что вывело автора на проблему его типологии. Наряду с утопическим, пропитанным народническим содержанием либерализмом Кавелина он выделил конституционный вариант либеральной бюрократии и консервативную версию Чичерина. Таким образом, ранний русский либерализм уже в период своего рождения отличался внутренней неоднородностью и очевидным структурным разнообразием. Исследование Гамбурга продемонстрировало новые возможности в изучении начальной истории русского либерализма и несмотря на присутствие скептицизма в западной историографии существенно укрепило позиции «оптимистов».

Достигнутые западной русистикой результаты были закреплены в опубликованной в 1999 г. работе Оффорда⁵¹. Автор не только подтвердил свои выводы, сделанные в предшествующий период, но и расширил их доказательную базу. По его мнению, после Крымской войны можно говорить о расцвете либерализма в России, если под ним понимать «защиту свободы выражения, отмену или ослабление цензуры и осуществление реформы правительством в атмосфере стабильности и безопасности»⁵². Оффорд в очередной раз отметил консервативное начало в русском либерализме, проявлявшееся в лоббировании интересов дворянства и явных политических симпатиях к самодержавной власти. Очевидно и то, что монархизм либералов не вписывался в классические контуры европейской традиции, в которой государству отводилась весьма скромная роль. Оффорд убедительно показал бесспорные заслуги Чичерина в создании либеральной рукописной литературы, критике крепостничества, поддержке индивидуальных прав и свобод, а также правовых изменений в судебной системе. Все это было равнозначно «минимальной либеральной политической программе»⁵³.

Таким образом, с середины 1980-х гг. в западной историографии начался современный и самый плодотворный этап в изучении раннего русского либерализма. Кроме уже перечисленных авторов определенный вклад в расширение представлений о начальной истории русского либерализма внесли и те зарубежные ученые, которые в разное время создали целый ряд работ в жанре интеллектуальной биографии, посвященные основателям отечественного либерализма⁵⁴. К числу наиболее очевидных достижений западных экспертов следует отнести определение периода формирования и характера программных установок раннего русского либерализма. Однако в настоящее время популярность рассматриваемой проблемы среди западных специалистов резко снизилась.

В целом, ранний русский либерализм стал заметным историографическим явлением, которое невозможно игнорировать. Доминирующие позиции в его исследовании до сих пор принадлежат англо-американской русистике, что в значительной степени обусловлено временной форой, полученной в неблагоприятный для российских ученых советский период. Оглядываясь назад, стоит отметить интересный факт. До начала 1990-х гг. западные и советские специалисты пусть в разной степени, но все же были знакомы с работами друг друга. Это обстоятельство не сближало позиции сторон, однако не исключало возможности заочного диалога. Сейчас в российской историографии дискуссия ведется без учета всех достижений западной русистики, за исключением некоторых трудов Валицкого. В свою очередь, американские и британские коллеги не проявили еще должного интереса к полемике, развернувшейся на страницах ряда российских научных изданий в 1990-х – начале 2000-х гг.

Примечания

¹ Левин Ш.М. Очерки по истории русской общественной мысли: Вторая половина XIX – начало XX века. Л., 1974. С. 348; См. также: Зорькин В.Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX – начала XX в. (Б.Н. Чичерин). М., 1975. С. 7.

² Розенталь В.Н. Первое открытое выступление русских либералов в 1855–1856 гг. // История СССР. 1958. № 2. С. 114.

³ Сладкевич Н.Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века. Л., 1962. С. 43.

⁴ Розенталь В.Н. Идеиные центры либерального движения в России накануне революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1963. С. 373.

⁵ Сладкевич Н.Г. Указ. соч. С. 41.

⁶ Розенталь В.Н. Первое открытое выступление русских либералов... С. 127.

⁷ Сладкевич Н.Г. Указ. соч. С. 48.

⁸ Китаев В.А. От фронды к охранительству: Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века. М., 1972. С. 3.

⁹ Там же. С. 4, 136.

¹⁰ Там же. С. 106.

¹¹ Левин Ш.М. Указ. соч. С. 350.

¹² Там же. С. 359.

¹³ Там же. С. 403.

¹⁴ Розенталь В.Н. Общественно-политическая программа русского либерализма в середине 50-х годов XIX в. // Исторические записки. Т. 70. М., 1961. С. 222.

¹⁵ См., напр.: Овчинникова А.С. Из истории общественно-политической борьбы 1840–1860-х годов (общественно-политические взгляды К.Д. Кавелина). Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1973.

¹⁶ Арсланов Р.А. К.Д. Кавелин: человек и мыслитель. М., 2000.

¹⁷ Габидулина Н.Г. Социальная философия русского либерализма первой половины XIX в. Архангельск, 2000.

¹⁸ Приленский В.И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. Ч. 1. М., 1995.

¹⁹ Там же. С. 42.

²⁰ Олейников Д.И. Западничество в России на рубеже 30–40-х годов XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. С. 23; *его же*. Классическое российское западничество: Учебное пособие. М., 1996.

²¹ Либерализм в России. М., 1996.

²² Там же. С. 12, 214.

²³ Там же. С. 237.

²⁴ Там же. С. 368–369.

²⁵ Там же. С. 237–238.

²⁶ Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: Материалы международной научной конференции. М., 1999.

²⁷ Там же. С. 62.

²⁸ Либеральный консерватизм: история и современность: Материалы всероссийской научно-практической конференции. М., 2001. С. 27.

²⁹ Арсланов Р.А. Указ. соч. С. 105.

³⁰ Российские либералы: Сборник статей. М., 2001.

³¹ Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 36.

³² Медушевский А.Н. Политическая философия русского конституционализма. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1994. С. 57.

³³ Секиринский С.С. Русский либерализм: от 40-х к 80-м годам XIX века (идеи, люди, среда). Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. С. 112.

³⁴ Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. №5. С. 3–16.

³⁵ Там же. С. 11.

³⁶ Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов, 2004. С. 357.

³⁷ Либерализм в России. С. 214.

³⁸ Fischer G. Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia. Cambridge (Mass.), 1958.

- ³⁹ *Hammer D.P.* Two Russians Liberals: The Political Thought of B.N. Chicherin and K.D. Kavelin. PhD diss. Columbia University, 1962.
- ⁴⁰ *Essays on Russian Liberalism* / Ed. by C.S. Timberlake. N.Y., 1972.
- ⁴¹ *Ibid.* P. 1–17.
- ⁴² *Riasanovsky N.V.* A Parting of Ways. Government and the Educated Public in Russia, 1801–1855. Oxford, 1976.
- ⁴³ *Kelly A.* «What is Real is Rational»: The Political Philosophy of B.N. Chicherin // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. 1977. Vol. XVIII, № 3. P. 195–222.
- ⁴⁴ *Walicki A.* A History of Russian Thought: From the Enlightenment to Marxism. Stanford, 1979.
- ⁴⁵ *Offord D.* Portraits of Early Russian Liberals: A Study of the Thought of T.N. Granovsky, V.P. Botkin, P.V. Annenkov, A.V. Druzhinin and K.D. Kavelin. Cambridge, 1985.
- ⁴⁶ *Ibid.* P. 185–186.
- ⁴⁷ *Roosevelt P.R.* Apostle of Russian Liberalism: Timofei Granovsky. Newtonville, 1986.
- ⁴⁸ *Ibid.* P. XIII.
- ⁴⁹ *Walicki A.* Legal Philosophies of Russian Liberalism. Oxford, 1987.
- ⁵⁰ *Hamburg G.M.* Boris Chicherin and Early Russian Liberalism, 1828–1866. Stanford, 1992.
- ⁵¹ *Offord D.* Nineteenth-Century Russia. Opposition to Autocracy. N.Y., 1999.
- ⁵² *Ibid.* P. 50.
- ⁵³ *Ibid.* P. 53.
- ⁵⁴ См.: *Schapiro L.* Rationalism and Nationalism in Russian Nineteenth-Century Political Thought. New Haven, 1967; *Lichtenstein A.S.* T.N. Granovskii and the Roots of the Politics of Enlightenment, 1813–1844: A Psychohistorical Inquiry (PhD diss., Indiana University, 1971); *Field D.* Kavelin and Russian Liberalism // *Slavic Review*. 1973. Vol. 32, № 1. P. 59–78; *Racheotes N.S.* T.N. Granovskii: On the Meaning of History // *Studies in Soviet Thought*. 1978. Vol. 18, № 3. P. 197–221; *Racheotes N.S.* A Moderate Among Radicals: Timofei Nikolaevich Granovskii // *Studies in Soviet Thought*. 1982. Vol. 24, № 2. P. 117–146; *Liberty, Equality and the Market. Essays by B.N. Chicherin* / Edited and Translated by G.M. Hamburg. New Haven; L., 1998.

© 2010 г. М.А. ФЕЛЬДМАН*

ИСТОРИК НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЭПОХ: К 80-ЛЕТИЮ Ю.И. КИРЬЯНОВА

20 мая 2010 г. исполнилось 80 лет со дня рождения известного российского историка, доктора исторических наук Юрия Ильича Кирьянова (1930–2002). В 1953 г. он окончил истфак МГУ им. М.В. Ломоносова, затем в течение 5 лет был учителем средней школы, а с 1959 г. более 40 лет работал в Институте истории – Институте истории СССР АН СССР – Институте российской истории РАН, где прошел путь от младшего до ведущего научного сотрудника. Все, кто знали Юрия Ильича, хорошо помнят его поистине кипучую энергию, демократизм, общительность, доброжелательное отношение к людям, жизненный оптимизм, помнят его выступления на многочисленных научных конференциях по истории российского пролетариата, 6 серьезных, во многом новаторских для своего времени монографий¹ и десятки статей, огромный объем проделанной им организационной работы. Его заслуги были отмечены почетными званиями Заслуженного работника культуры Российской Федерации и Заслуженного архивиста СССР.

Юрию Ильичу выпало жить и работать в переломный для нашей страны период. Сначала были 3 последних десятилетия советской истории с последовательной сменой послесталинской «оттепели», брежневского «застоя» и горбачевской перестройки. Именно в то время Ю.И. Кирьянов сложился как ученый, защитив в 1962 и 1980 гг. кандидатскую и докторскую диссертации по истории рабочего класса конца XIX – начала

* **Фельдман Михаил Аркадьевич**, доктор исторических наук, профессор Уральской академии государственной службы.

XX в. Однако в начале 1970-х гг. он на несколько лет попал в опалу за «вольномудство» и принадлежность к так называемому новому направлению в исторической науке во главе с П.В. Волобуевым². Затем наступил постсоветский период с его коренной ломкой всего общественно-политического строя, полной сменой идеологии и историографических приоритетов, что заставило многих историков радикально изменить тематику своих научных исследований. Однако Юрий Ильич последовал их примеру только за несколько лет до смерти, занявшись подготовкой к изданию документов и двух своих последних монографий о русских черносоптенцах, потому что правомонархические настроения активно проникали и в рабочую среду, изучением которой он занимался на протяжении нескольких десятилетий. Но эта кардинальная ломка оказалась непосильной даже для его могучего организма, ускорив явно преждевременную смерть в 2002 г. В итоге путь Ю.И. Кирьянова в науку и судьба его как исследователя оказались довольно типичными для многих историков его поколения, что делает фигуру Юрия Ильича знаковой.

Настоящая статья не претендует на анализ всего научного наследия Ю.И. Кирьянова, и я попытался осветить – да и то кратко – в первую очередь его вклад в изучение истории промышленных рабочих России XIX–XX вв. В одной из своих последних работ, носящей историографический и до некоторой степени автобиографический характер, Кирьянов назвал среди своих предшественников академика А.М. Панкратову, возглавившую с конца 1920-х гг. группу исследователей истории российского пролетариата³. Труды этой группы «Русский рабочий в революционном движении» и «Рабочие завода “Серп и молот”» (1931) содержали правдивые данные об их реальном материальном положении и культурном облике. Однако утвердившиеся вскоре в СССР в приказном порядке явно завышенные представления о социально-политическом облике класса-гегемона носили откровенно пропагандистский характер и на долгие годы затормозили разработку данной проблемы, причем любое сопротивление этой линии безжалостно подавлялось НКВД.

Лишь после XX съезда КПСС в 1956 г. в этой области исторической науки наметились некоторые сдвиги, но сделано тогда было еще сравнительно немного, хотя на общем фоне заметно выделялись статьи молодого Ю.И. Кирьянова, опубликованные в первой половине 1960-х гг. в ведущих советских исторических журналах⁴. Настоящим событием для историков рабочего класса стала одесская конференция 1967 г. Она была очень представительна по составу участников (более 200 ученых) и интересна с точки зрения содержания представленных докладов, которые затем вошли в изданный в Москве в 1970 г. сборник «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония». Ю.И. Кирьянов выступил в нем с большой статьей «Об облике рабочего класса России»⁵, где, опираясь на многочисленные статистические материалы, привел вполне объективные, но малопривлекательные для тогдашних партийных чиновников из отдела науки ЦК КПСС данные о пьянстве, сравнительно невысокой квалификации, низком образовательном уровне и религиозности большинства дореволюционных рабочих. Правда, «для баланса» в статье были еще и некоторые шаблонные, «идеологически выдержанные» фразы, но они не меняли общего заключения работников отдела науки ЦК КПСС об опасном образе мыслей автора.

Но главным прегрешением Юрия Ильича считалось участие в составлении предисловия к этому сборнику, где члены его редколлегии⁶ замахнулись на одну из «священных коров» коммунистической идеологии – идею гегемонии пролетариата в российском революционном и в освободительном движении в целом. Они заявили об утрате этой гегемонии в 1906–1907 гг. и непосредственно после Февральской революции 1917 г., причем сделано это было со ссылками на соответствующие высказывания Ленина, которые члены редколлегии сборника истолковали столь неортодоксальным образом⁷.

Заметим, что сборник «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония», а также вышедший в 1970 г. сборник «Свержение самодержавия» стали предметом обсуждения на организованном 9–10 марта 1972 г. отделом науки ЦК КПСС и Отделением истории АН СССР представительном совещании историков Москвы и Ленинграда, где из 42 выступавших (в том числе 1 академик, 2 члена-корреспондента АН СССР и 27 док-

торов наук) большинство высказались в поддержку основных положений, выдвинутых в указанных сборниках. Однако что значила вся эта поддержка по сравнению с «волей партии» наказать слишком самонадеянных историков и самого директора Института истории СССР П.В. Волобуева? «Проштрафившиеся» историки получили взыскания, Волобуев был снят с должности, а группа по изучению истории пролетариата, где Кириянов несколько лет являлся ученым секретарем, ликвидирована. Более того, готовившуюся группой научную конференцию во Львове по вопросам экономического положения пролетариата в начале XX в. спешно отменили, а уже отпечатанные к ней материалы пустили под нож. «Репрессированы» были и тот сектор Института истории СССР, где работал Кириянов, и защищавшие участников «нового направления» другие сотрудники, части которых предложили радикально сменить тематику исследований.

Сегодня можно только порадоваться тому, что переработанная и обогащенная новым фактическим материалом кандидатская диссертация Кириянова «Рабочие Юга России: 1914 – февраль 1917 г.» увидела свет еще в 1972 г., т.е. накануне описанной выше административной грозы, разразившейся над автором и его коллегами по работе. Иначе работа Юрия Ильича могла вообще не выйти в свет. Между тем в этой небольшой книге было немало интересного. Мобилизовав огромный фактический материал, автор пришел к выводу об особой социальной неоднородности металлургов и шахтеров Юга России и незавершенности там к 1917 г. процесса формирования индустриальных рабочих современного типа. Юрий Ильич отметил, что на Юге России среди промышленных и горно заводских рабочих преобладали мигранты из других регионов России (в 1913 г. они составляли не менее $\frac{3}{4}$ южнорусских пролетариев). Отсюда вытекали устойчивая связь местных рабочих с землей и огромная текучесть кадров на заводах, шахтах и рудниках, что отрицательно влияло на рост их сознания и классовой сплоченности⁸.

Юрий Ильич не стал менять тематику своих исследований и в 1979 г. выпустил, пожалуй, самую ценную свою монографию «Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.)», защищенную им через год в качестве докторской диссертации. Здесь были рассмотрены в динамике продолжительность рабочего дня, заработной платы, жилищные условия и питание российских пролетариев на довольно длительном отрезке времени (конец XIX в. – 1918 г.), когда рабочие ярче всего проявили настоящие бойцовские качества в борьбе за улучшение очень нелегких условий своей жизни. При этом Кириянов стремился избежать обеих возможных в данном случае крайностей – приукрашивания повседневной жизни пролетарских масс и сгущения красок, что искусственно подводило бы читателей к более чем сомнительному с научной точки зрения выводу об абсолютном обнищании и тенденции к физическому вымиранию простых людей труда в условиях капитализма. Так, Юрий Ильич констатировал уменьшение доли рабочих, проживавших в фабричных казармах, причем уже к 1914 г. среди фабрично-заводского пролетариата по всей России преобладали рабочие, жившие на «вольных» съемных квартирах и даже в собственных домах (последние составляли, например, большинство на Урале и в Иваново-Вознесенской губ., тогда как в Петрограде и Москве их доля не превышала 1–2%). Вместе с тем автор не скрывал значительную скученность рабочих семей и размещение многих из них в холодных подвалах и полуподвалах. Юрий Ильич попытался уйти и от слишком прямолинейных выводов предшествующей историографии, указывая на известное увеличение реальных заработков некоторых групп рабочих (с указанием на негативное влияние на этот процесс роста цен), сокращение продолжительности рабочего дня и размера штрафов. Анализируя питание рабочих, Кириянов подчеркивал, что и здесь ситуация в различных регионах и отраслях промышленности, а также у рабочих разной квалификации складывалась по-разному: одни едва могли удовлетворить минимум своих физиологических потребностей, тогда как у других по праздникам на столе была даже черная икра⁹. В целом же монография Юрия Ильича в известной мере продолжила дело историков «нового направления» и создавала базу для последующих исследований, свободных в наше время от идеологической цензуры.

После защиты докторской диссертации Кириянов восстановил свое положение одного из перспективных сотрудников Института, и ему вместе с М.С. Волиным было

доверено руководство коллективной работой по подготовке 1-го из 3 томов по истории российского пролетариата дореволюционного периода. В 1983 г. книга «Рабочий класс России от зарождения до начала XX в.» объемом более 60 печатных листов увидела свет. Перу Юрия Ильича в ней принадлежала обстоятельная и многоплановая глава «Накануне первой революции эпохи империализма (1901–1904 гг.)». При этом автор объективно охарактеризовал характер стачечной борьбы пролетариата (преобладали в тот период экономические стачки) и степень влияния марксистов на рабочие массы, которое, по его мнению, не нужно было преувеличивать, хотя оно постепенно росло.

Через 4 года вышла в свет еще одна монография Кирьянова «Переход к массовой политической борьбе: Рабочий класс накануне первой русской революции», представлявшая собой расширенный вариант только что упомянутой главы в коллективном труде. Затем Юрий Ильич подключился к работе над уникальной крупномасштабной хроникальной серией «Рабочее движение в России: Хроника». Она создавалась совместными усилиями ученых Института истории СССР и многих архивных учреждений Советского Союза, отразив практически в полном объеме все сколько-нибудь значимые факты российского рабочего движения за 1895–1904 гг. Трудно переоценить объем проделанной участниками этого коллектива работы, результаты которой были реализованы в 1992–2008 гг. в более чем 10 выпусках данной серии. Ответственным редактором издания был Ю.И. Кирьянов, хотя последние выпуски «Хроники» выходили в свет уже после его смерти.

Посмертно была издана и последняя монографическая работа Ю.И. Кирьянова по рабочей истории «Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.)»¹⁰. Используя значительный комплекс новых источников, автор привел данные о количестве стачек и стачечников в годы войны, которые соответственно на 60 и 150% превышали укоренившиеся в советской историографии показатели, основанные на материалах фабричной инспекции. Юрий Ильич убедительно показал, что вплоть до осени 1916 г. протестное движение рабочих России носило в основном экономический характер, а затем стало стремительно уходить «в политику», переплетаясь с антиправительственными демонстрациями, хотя, с другой стороны, имели место и факты стихийного разгрома продовольственных магазинов и складов. Характерно при этом, что ¾ стачечников в годы войны составляли рабочие из крупнейших городов страны – Петрограда и Москвы.

В постсоветский период Юрий Ильич активно сотрудничал с зарубежными учеными в создании банка данных о рабочем движении XX в. в индустриальных странах Европы и США. В частности, в 1995 г. на международной конференции он сделал доклад о менталитете рабочих России в конце XIX – начале XX в., где убедительно показал, что у большинства пролетариев, особенно из низших и средних слоев, он оставался на уровне традиционных для того времени представлений, освященных религией и официальной монархической идеологией. Однако уже тогда начинался процесс их ломки и корректировки, сделавший затем резкий скачок в 1905 г. и в последующий период¹¹.

Стремясь к комплексному освещению истории российского пролетариата, Кирьянов в 1990-х гг. осознал необходимость освещения правого, черносотенно-монархического фланга рабочего движения. Ведь правые силы видели в рабочих-монархистах одну из своих социальных опор, а те, в свою очередь, рассматривали черносотенцев в качестве защитников своего устойчивого материального благополучия и сохранения пошатнувшегося в 1905 г. самодержавного строя. Как основательный и опытный исследователь Юрий Ильич начал с подготовки совместно с архивистами к изданию документов правых партий за 1905–1917 гг., затем выступил с пилотной статьей на эту тему в журнале «Отечественная история» и наконец в 2001 г. стал автором монографии, посвященной правому флангу общественно-политического движения в России в 1911–1917 гг.¹² Юрий Ильич показал, что правые партии постепенно теряли в России свои позиции. Дело в том, что многие предприниматели после окончания «революционной смуты» 1905–1907 гг. стали усматривать в правых потенциальную опасность в случае возникновения трудовых конфликтов на чисто экономической почве, а рабочие в годы

Первой мировой войны – одно из средств улучшить свое тяжелое материальное положение, что обусловило взаимное охлаждение обеих сторон друг к другу и сокращение количества правых организаций¹³.

В 2003 г. уже после смерти Ю.И. Кирьянова увидела свет еще одна его монография «Русское собрание. 1900–1917 гг.». Эта консервативная культурно-просветительная организация стремилась к объединению русской нации на основах православия и традиционных русских начал. Она выполнила определенную культурную и патриотическую работу, связанную с изучением национальной истории, культуры и быта, хотя по мере оттеснения культурно-просветительской деятельности «Русского собрания» политической активностью наблюдался постепенный упадок этой организации¹⁴.

Юрий Ильич Кирьянов был сыном своего времени и своей страны, в полной мере испытал на себе все зигзаги ее исторического пути во второй половине XX в. В своих работах он не избежал идеологических наслоений того времени, но честно стремился уйти от политизированных штампов и предоставить читателям объективную информацию по многим вопросам отечественной истории. Думаю, что будущие поколения российских историков будут не раз обращаться к работам Ю.И. Кирьянова, на примере которых видно, как невероятно трудно, но все-таки возможно было оставаться в России XX в. правдивым историком и писать не только о ее правителях, но и о простых людях труда.

Примечания

¹ См.: *Кирьянов Ю.И.* Рабочие Юга России: 1914 – февраль 1917 г. М., 1971; *его же.* Жизненный уровень рабочих России: Конец XIX – начало XX в. М., 1979; *его же.* Переход к массовой политической борьбе: Рабочий класс накануне первой российской революции. М., 1987; *его же.* Правые партии в России: 1911–1917. М., 2001; *его же.* Русское собрание: 1900–1917. М., 2003; *его же.* Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.). М., 2005.

² Подробнее о «новом направлении» см.: *Поликарпов В.В.* От Цусимы к Февралю. М., 2008. С. 11–158.

³ *Кирьянов Ю.И.* Изучение классового сознания и облика рабочих России конца XIX – начала XX в. // *Историк и время.* 20–50-е годы XX в. М., 2000. С. 58.

⁴ См., напр.: *Кирьянов Ю.И.* Влияние Первой мировой войны на изменение численности и состава рабочих // *Вопросы истории.* 1960. № 10; *его же.* Экономическое положение рабочих Юга России в годы Первой мировой войны // *Исторические записки.* 1962. Т. 72; и др.

⁵ Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 100–140.

⁶ Это были Л.М. Иванов (отв. ред.), М.С. Волин, Ю.И. Кирьянов и К.Н. Тарновский. Иванов являлся научным руководителем Кирьянова.

⁷ Российский пролетариат... С. 21.

⁸ *Кирьянов Ю.И.* Рабочие Юга России: 1914 – февраль 1917 гг. С. 30, 32–33, 40, 49, 52.

⁹ *Кирьянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России... С. 135–136, 139, 150–151, 230–233, 245, 249. Из современных исследований на эту и близкие к ней темы см.: *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009; *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004; и др.

¹⁰ *Кирьянов Ю.И.* Фактор мотивации труда в российском фабрично-заводском законодательстве: 1835–1917 гг. // *Экономическая история. Обзор.* 2000. № 4. С. 37.

¹¹ См. текст доклада в книге: *Кирьянов Ю.И.* Социально-политический протест рабочих... С. 158–180.

¹² Правые партии. Документы и материалы. В 2 т. М., 1998 (Кирьянов выступил здесь как составитель, автор введения и комментариев); *Кирьянов Ю.И.* Численность и состав правых партий в России в 1908–1916 гг.: тенденции и причины изменений // *Отечественная история.* 1999. № 5; *его же.* Правые партии в России: 1911–1917 гг.

¹³ См.: *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России: 1911–1917 гг. С. 96, 138, 331, 336, 340.

¹⁴ См.: *Кирьянов Ю.И.* Русское собрание: 1900–1917. С. 8–9, 196.

БЫЛ ЛИ РУССКИЙ СЕВЕР ВАРЯГИЕЙ В ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ?

Проблема, решением которой пожелала заняться Л. Грот (Швеция, г. Лулео), сводится к выяснению того, кто были первые насельники Русского Севера. В ее формулировке проблема звучит так: обоснование «дославянского периода в русской истории, сложившегося в лоне архаичных индоевропейцев Восточной Европы и не ставшего объектом внимания исторической науки» (с. 171)**. Почему временной отрезок («период») должен «складываться» в некоей этнической среде, в статье Грот не разъясняется, дело, видимо, в особом понимании слова «период». Зато научный замысел статьи грандиозен и гипердостаточен для того, чтобы попытаться его воплотить. Провозглашается, что русская история началась еще в дославянские времена «в лоне архаичных индоевропейцев». Об этих «архаичных индоевропейцах» можно будет поговорить ниже, а пока что следует отметить то обстоятельство, что в рассматриваемой работе Грот не определяется, о каких «русских» ведется речь. Если имеются в виду современные русские, то широко известно, что они принадлежат к славянам, составляя самый большой славянский народ. Свое наименование русские получили после распада общеславянского единства, когда это единство раздробилось на различные славянские племена. Однако о его первоначальном существовании свидетельствует совпадающая часть словарного состава современных славянских языков и их близкий грамматический строй. Что касается появления Руси и русских, то оно прямо зафиксировано средневековыми историческими источниками. Так, составитель Повести временных лет, написанной в Киеве во втором десятилетии XII в., отмечал: «Поляне, яже нынѣ зовомая Русь»¹, подчеркивая, что поляне, отнесенные им самим к славянам («Полянѣмъ же живущемъ особѣ, яко же рекохомъ, суще отъ рода Словѣньска»²), стали называться Русью, русскими позже существования «рода Словѣньска», к которому они принадлежали. В свете приведенных данных утверждения начальной части статьи «Праиндоевропейские корни населения на севере России» являются нелепыми и серьезно относиться к ним не имеет смысла.

Однако существует точка зрения, согласно которой названия Русь, русские первоначально носили не славяне. В частности, в финском языке сохранилось близкое к «Русь» слово Ruotsi, которым финны называют шведов³. Некоторые исследователи считают, что это название шведов было перенесено на восточных славян, когда в местах обитания последних в IX–XI вв. н.э. появились выходцы из Скандинавии, распространившие свою власть на славян. Данное объяснение встречает определенные возражения, но, принимая его, процитированные высказывания Л. Грот приобретают некоторый смысл, поскольку Русь-скандинавы появляются раньше, чем Русь-славяне. Однако и при этом, втором, понимании происхождения названия Русь нельзя говорить о том, что Русь-скандинавы существовали еще в дославянскую эпоху. Славяне сформировались раньше. Они выделились из части древних европейцев вместе с балтами и германцами. Исследователи относят такое обособление к середине I тыс. до н.э.⁴ Появление же Руси засвидетельствовано гораздо позже, источниками последней четверти I тысячелетия н.э.

* Кучкин Владимир Андреевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

** Здесь и далее ссылки на статью Л.П. Грот («Праиндоевропейские корни населения на севере России» // Российская история. 2010. № 3) приводятся в тексте.

Вернемся к утверждению, согласно которому «русская история» складывалась «в лоне архаичных индоевропейцев Восточной Европы». По современным данным, индоевропейцы появились в V тысячелетии до н.э. на территориях, прилегающих к Черному морю или близко от него расположенных. Что разумеется под определением «архаичные» индоевропейцы, в статье Л. Грот не раскрывается. Там же говорится о «связи летописных варягов с праиндоевропейским населением Севера России». Хотя своего понимания употребленного ею термина «праиндоевропейское население» Грот не дает и в данном случае, а потому неясно, идет ли речь о предках индоевропейцев, но тогда по каким признакам их можно отличить от других жителей земли, или речь идет о людях, говоривших не на индоевропейском языке, а на еще более древнем, общем, например, с языками уральской языковой семьи, одно из сказанного Грот делается очевидным: «праиндоевропейцы» существовали до индоевропейцев, т.е. до V тысячелетия до н.э. Но когда начал заселяться Русский Север? Грот совершенно не согласна с выводами современной науки о заселении севера и центральных областей Восточной Европы племенами не индоевропейской, а уральской языковой семьи в конце IV – начале III тысячелетий до н.э. (с. 175), противопоставляя этим выводам свое представление о существовании на Русском Севере «праиндоевропейцев», живших, исходя из ее высказываний, за 2 000 лет до «уральцев». Если согласиться со всем этим, то «праиндоевропейцы» должны были оставить после себя какие-то материальные остатки, свидетельствующие об их пребывании в данном регионе. Однако Л. Грот ни к каким археологическим и антропометрическим данным не прибегает, как и к современным исследованиям, использующим характеристики ДНК человека для определения места и времени расселения тех или иных этнических групп. Она только указывает ареал Русского Севера: современные Мурманская, Архангельская области и север Вологодской обл. Российской Федерации (с. 178). Географы же и историки относят к Русскому Северу помимо Мурманской и Архангельской областей всю Вологодскую обл., северные части Костромской и Кировской областей, республики Карелию и Коми, Ненецкий автономный округ. Изложив свой замысел, Грот тут же подчеркнула его новизну, попутно упрекнув прошлых и настоящих исследователей: ее замысел еще не стал «объектом внимания исторической науки». Думается, никогда и не станет. Наука не может и не должна решать задачи, сформулированные расплывчато, внутренне противоречиво и не принимая во внимание всего известного фактического материала.

Тем не менее некоторые данные в пользу своей «авторской рабочей гипотезы» Грот вынуждена привести. Она отталкивается от упоминаний варягов и Варяжского моря в цитировавшейся выше древнерусской Повести временных лет. Там сообщается, что «Ляхове же и Пруси, Чюдь пресѣдять к морю Варяжьскому, по сему же морю сѣдять Варязи сѣмо ко вѣстоку до предѣла Симова, по т[о]му же морю сѣдять къ западу до землѣ Агнянски и до Волошьски»⁵. «Имя варягов, – пишет Л. Грот, – как в русском летописании, так и в иностранных источниках выступает и в значении этнонима (варяги как потомки Иафета), и входит частью в топонимы (Варяжское море)» (с. 171). Хотя такую формулировку можно было бы и уточнить (варягами в Повести временных лет называлась определенная этническая общность, как можно судить по только что приведенной цитате из этого памятника, а не отдаленные якобы родственники мифического Иафета, название же Варяжское море правильное считать гидронимом, а не топонимом), автор из Швеции права в том, что название моря происходит от названия этноса. Грот подтверждает это и цитатой из другого источника – сочинения «Обучение началам астрономической науки», написанного в 1029 г. хорезмийцем аль-Бируни: «море варанков, а это народ на его берегу».

Однако в дальнейшем в статье о праиндоевропейских корнях населения Русского Севера начинает утверждаться совершенно противоположное: не название моря зависит от названия этноса, а название этноса зависит от названия моря. В лексеме *Варяжское*, по мнению Грот, корнем является *вар-*. Такое слово в индоевропейском языке, как сообщила Грот ее знакомая, правда, без какого-либо обстоятельного разъяснения, означало «вода». А раз под *варом* еще в отдаленные времена формирования индоевро-

пейской общности понималась водная стихия, в силу этого *вар-* «и входит как основа в наиболее архаичные гидронимы, такие, например, как Варяжское море» (с. 174). Последнее утверждение вызывает недоумение. Получается, что самое древнее название Балтийского моря зафиксировано древнерусским памятником 10-х гг. XII в. Это тем более удивительно, что Древнерусское государство и образовавшиеся после его распада княжества и земли не примыкали к Балтике, а Повесть временных лет писалась в далеком от морских пучин Киеве. А вот как называли Балтийское море жившие в том же XII в. другие европейские народы, в частности, населявшие его берега датчане, немцы, поляки, поморские славяне, пруссы, чудь, шведы, Грот не устанавливает, как не выясняет она и названий Балтийского моря во времена до XII в. Между тем в 98 г. н.э., за 1015 лет до появления Повести временных лет, римский историк Корнелий Тацит называл Балтийское море Свебским по имени жившего к югу от этого моря большого германского племени свебов⁶. Как же могло случиться, что через 1 000 с лишним лет Балтийское море вдруг приобрело свое «наиболее» архаичное, древнейшее название, которого раньше у него не было? Объяснение в работе Л. Грот отсутствует.

Не может быть приемлема и методика, на основе которой Грот устанавливает необходимые для воплощения ее замысла факты. Когда она пишет, что в слове «Варяжское» корнем является *вар-*, то формально она права. Это действительно так. Однако для определения того, как образовалось данное слово, какой имеет смысл, недостаточно установления, что означает корень *вар-* (согласно Грот и ее знакомой – «вода», «водная стихия»). А что же тогда такое оставшееся буквосочетание *яжское* (*Варяжское*)? В статье Л. Грот ответа на этот вопрос найти не удастся. Видимо, автор уверена, что выделение корня в слове сразу указывает на происхождение такого слова. Но в распоряжении Грот была книга о названиях рек Верхнего Поднепровья⁷. При более тщательном ознакомлении с нею можно было бы убедиться в том, что современная лингвистика при выяснении происхождения названий водных объектов и в итоге этнического определения насельников тех или иных территорий исходит из анализа всего слова, не только корневых основ, но и из анализа суффиксов и префиксов. Расшифровка древних географических названий по их корням (именно к такому исследовательскому приему прибегает Грот в своей статье), практиковавшаяся еще в античные времена и в средневековье, давала сбой. Например, в XVII в. название Москвы выводили от упоминаемого в Библии Мосоха⁸ (*Мос-* в одном слове и *Мос-* в другом слове совпадали), но это столь же верно, как в настоящее время утверждать, что наименование Москва произошло от МОСХа. Что касается названия *Варяжское море*, то первое слово этого названия произошло от основы не *вар-*, а *варяг*. Последнее же имеет корень *вар*, но этот корень происходит не от страшно древнего, существовавшего за много тысячелетий до н.э. и к XII в. н.э. прочно забытого в Европе индоевропейского слова *вар* – «вода», как пишет Грот, а от древнескандинавского *var* – «обет, порука, клятва», что принято самыми авторитетными учеными.

Правда, Л. Грот данное объяснение совершенно не устраивает. Большой раздел ее статьи посвящен разоблачению лингвистов и историков, которые корень слова *варяг* возводили сначала к древнескандинавскому *vargur* – «волк», а позднее к *var* – «клятва», и в том, и в другом случае разумея под словом *варяг* военного человека, свирепо нападавшего, словно волк, на своих врагов или же действовавшего в составе отряда, члены которого скрепляли свои отношения военной клятвой верности. Ошеломленным читателям Грот сообщает, что существуют две «концепции» этимологии слова *варяг*: «норманистская» и разработанная историком А.Г. Кузьминым. «В норманизме слово *варяг*, – пишет Грот, – рассматривается изначально не как этноним. *Варяги* – это группы военных наемников, т.е. их генезис профессионально-отраслевой. Эта позиция восходит к Г.-З. Байеру, который стремясь доказать шведское происхождение варягов, утверждал, что “Скандия от некоторых называется Вергион и что оно значит остров волков... что в древнем языке не всегда значит волка, но разбойника и неприятеля... Скандинавцы бо почти в беспрестанном морском разбое упражнялись, отчего варгами и отечество их Варгион, или Варггем, могло называться”» (с. 171–172). Назвав объяс-

нения Г-З. Байера «бессмыслицей», Грот заявила, что эта бессмыслица заимствована из сочинений шведского автора Улофа Рюдбека. Рюдбек был известным шведским ботаником и медиком, который интересовался также историей. Он написал большой 3-томный труд, изданный в 1675–1698 гг., где доказывал, будто упоминаемая Платоном Атлантида – это Швеция. В работе было немало фантастических доказательств и высокопарных восхвалений своей страны. Грот привела цитату из рюдбековской «Атлантиды», на которой, по ее мнению, основывался Байер: «Ю. Магнус в своей “Истории” неоднократно говорит, что некоторые называли остров Швеция как Вергион... Шведское море Эстершен (“Östersjön”, т.е. “Восточное море”. – Л.Г.) русские называют Варгехавет (Wargehafwet), как видно из русских записок Герберштейна (?! – Л.Г.), а шведов – варбар (Wargar), что показывает, что великокняжеское имя русской династии явилось из Швеции, когда мы туда пришли. Почему Швеция получила это имя, хорошо разъясняется О. Верелиусом в его примечании к Гервардовой саге: от великого разбоя на море, поскольку волки (Wargur) – это те, кто грабят и опустошают и на суше, и на море» (с. 172). Из приведенной Грот выдержки ясно следует, что никакой своей этимологии слова *варяг* Рюдбек не предлагал. Он сам следовал мнению О. Верелиуса, на которого и ссылался. Поэтому говорить, что свою этимологию Байер заимствовал именно у Рюдбека, а не у его предшественников или более поздних авторов, не приходится. Но далее Грот исходит из того, что трудившийся в России Байер следовал именно шведскому историку. Поскольку Рюдбек в своих писаниях проявил себя сочинителем и сверхпатриотом, то Грот оценила его очень низко. Эти отрицательные черты творчества шведского ученого XVII в. Грот распространила абсолютно на все, вышедшее из-под его пера. И если у последующих историков или лингвистов были какие-либо точки соприкосновения с Рюдбеком (рассматривались одинаковые события, назывались те же страны и народы, сходно толковались отдельные факты), то все это Грот объявляет рюдбекианизмом, преднамеренным искажением прошлого в угоду Шведскому королевству, а в самих таких ученых склонна видеть по меньшей мере «агентов влияния».

Поэтому проживший без малого весь XIX в. в России академик А.А. Куник, родившийся в России знаменитый немецкий языковед М. Фасмер, современные доктора исторических наук Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин названы Грот рюдбекианцами, норманистами и фальсификаторами, которые занимаются «тенденциозным передергиванием сведений из русских летописей» (с. 172). Отрицая их выводы и заключения, Грот решительно заявляет, что «в русских летописях нет никаких прямых указаний на то, что варяги – это скандинавы!» (с. 172), а далее утверждает, что нет не только прямых, но даже косвенных свидетельств об этом: «Ни малейшего намека нет об этом в приведенных летописях!» (с. 172). Однако такие оценки русских летописей летописями же и опровергаются. Например, под 1188 г. Новгородская первая летопись старшего извода, древнейшая из сохранившихся больших русских летописей, сообщает, что «рубоша новгородце Варязи на Гътъхъ»⁹, т.е. «ограбили новгородцев варяги на Готланде». Остров Готланд отстоит примерно на 80 км от балтийского побережья Швеции и давно освоен шведами. Его население прямо названо варягами. Немало и косвенных указаний, что жители Скандинавии назывались варягами. Когда в 1015 г. правивший в Новгороде Ярослав Мудрый отказался платить дань Киеву и потому поссорился с отцом, он, опасаясь ответных карательных действий, «посла за море, приведе Варягы»¹⁰. Из этого следует, что до варягов надо было плыть, а не ходить посуху. Три года спустя, в 1018 г. Ярослав потерпел поражение в битве на р. Западный Буг от польского короля Болеслава и своего брата Святополка. С остатком войска он примчался в Новгород и намеревался дальше «бѣжати за море» за варяжской помощью, но новгородский посадник Константин Добрынич не дал ему этого сделать, «растъкоша лодѣ Ярославлѣ»¹¹. При описании событий 1201 г. новгородский летописец отметил, что «Варягы пустиша без мира за море»¹² (речь идет о ссоре новгородцев с торговавшими в Новгороде варяжскими купцами и высылке их на родину. – В.К.). Сама Грот в своей статье отмечает, что саамы называют норвежский залив Варангер-фьорд «Варьят-вуода», и такое саамское название, по ее утверждению, «является явным заимствованием из русского»¹³

(с. 176). Здесь Грот столь же явно противоречит сама себе. Варангер-фьорд находится в нескольких десятках километров на северо-запад от российского города Печенга и омывает полуостров Варангер в Норвегии. Если этот фьорд на севере Европы обозначался русскими как «Варяг-вода», то это как раз и говорит о том, что варягами русские называли жителей Скандинавии, в том числе и самой северной ее части.

Л. Грот высмеивает общепризнанные суждения, что слово *варяг* первоначально обозначало военного человека, объявляя такие суждения «норманистскими», тенденциозными и противоречащими здравому смыслу. Но еще на заре столкновений русских «антинорманистов» с немецкими «норманистами» М.В. Ломоносов писал о происхождении названия *варяг*: «Неправедно рассуждает, кто варяжское имя приписывает одному народу. Многие сильные доказательства уверяют, что они от разных племен и языков состояли и только одним соединялись обыкновенным тогда по морям разбоем», т.е. варягами первоначально называли пиратов¹⁴. А вот мнение по этому поводу С.А. Геденова, которого сама Грот считает основоположником «антинорманизма» и возносит на высокий научный пьедестал: действовавшие на Балтике пираты «вендо-германские слыли в Помории под общим названием *varag*’ов (меченосцев, разбойников)... В этом смысле – пиратов-воинов... перешло слово *varag* от балтийских славян к восточным...»¹⁵. Следовательно, о происхождении слова *varag* – *варяг* (меченосец, разбойник) Геденов писал то же самое, что Куник, Байер и даже (как это ни покажется невероятным для Грот) У. Рюдбек. И из поздних «антинорманистов» не он один. Редактировавший «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера академик О.Н. Трубачев в своем примечании к статье «Варяг» этого словаря специально отметил «неудачную попытку опровергнуть скандинавскую этимологию» данного слова профессора П.Я. Черных в 1958 г.¹⁶ Совершенно очевидно, что «скандинавскую этимологию» *варяг* из **varang-* Трубачев признавал единственно соответствующей научным данным.

Из сказанного следует, что противоречий между «норманистами» и «антинорманистами» в вопросе о происхождении слова *варяг* просто-напросто не существует. Кстати говоря, утверждение Грот, что «в норманизме слово *варяг* рассматривается изначально не как этноним. *Варяги* – это группы военных наемников, т.е. их генезис профессионально-отраслевой», свидетельствует не только о том, что в ее статье проявляется весьма смутное представление о разнице между «норманистами» и «антинорманистами», но и о том, что в ней не отличаются исследования по этимологии слов от исследований по их семантике. С точки зрения Грот слово *варяг* должно было с самого своего возникновения обозначать этнос. Увы, даже «антинорманисты» пишут совсем иное.

Но Л. Грот указала на исследователя, которого она присоединила к «антинорманистам», но который не был согласен ни с «норманистами», ни с «антинорманистами». Речь идет об историке А.Г. Кузьмине. Не имея специальной лингвистической подготовки, Кузьмин тем не менее постарался внести свою лепту в изучение происхождения слова *варяг*. Он производил это слово от кельтского *vor*, или *mor* – «море»¹⁷, хотя в другом месте своей работы принимал трактовку кельтского *vor* как «большой», «великий», причем давал собственный комментарий к такой трактовке: «Объяснение последнего компонента весьма вероятно (*vor* – это лишь вариант *mor*)»¹⁸. Если верно последнее, то делается непонятным, почему появилось вариативное слово *варяг* (по сказанному Кузьминым должно быть *воряг*), а не основное *моряг*. Усмотрев в лексеме *варяг* некий корень, связанный со значением «море», Кузьмин постарался показать, что это закономерно, потому что варяги жили на берегу моря.

Согласно ранним историческим источникам таким морем было Варяжское. Кузьмин указал и на источник более поздний, где встречается данное название, свидетельствующий, по его мнению, о широком распространении определения *Варяжское*. Речь идет о «Записках о Московии» («Записках о московитских делах») Сигизмунда Герберштейна, посла в Москву императора Священной Римской империи Максимилиана I и эрцгерцога Фердинанда. Герберштейн побывал в Русском государстве в 1517 и в 1526 гг. В 1549 г. на латинском языке были впервые изданы его «Записки». Понятно, что речь

идет о источнике, весьма отдаленном по времени от начальных варяжско-славянских контактов. Кузьмин писал по поводу упоминания Варяжского моря С. Герберштейном следующее: «Русские летописи называют Балтийское море “Варяжским”. По сообщению Герберштейна, аналогичное название сохранялось еще и в XVI в. у балтийских славян: подобно русским московским, “русские” из северной Германии именовали море “Варецким”. У других народов оно называлось “Немецкое”, “Прусское”, “Венетское”. Этот факт не раскрывает этнической природы варягов, но он указывает на прямые связи восточных славян с балтийскими»¹⁹. В русском издании 1908 г. «Записок» Герберштейна, которым пользовался Кузьмин, действительно встречается название Балтийского моря как моря «Варецкого». Наблюдательный и обстоятельный имперский посол сообщал, что Балтийское море и залив, отделяющий немецкие земли от датских, «доселе еще удерживают у русских свое название, именуясь Варецкое (Vuaretzokoie) море, т.е. Варяжское море»²⁰. Ни о каких «балтийских славянах» – «“русских” из Северной Германии» речи у Герберштейна не ведется, под «русскими» он понимает именно русских. В другом месте своих «Записок», пересказывая древнерусскую легенду об апостоле Андрее и описывая его путь из Греции в Рим, Герберштейн отметил, что Андрей достиг «моря, которое они (русские. – В.К.) именуют Варяжским (Vuaretzkoie)»²¹. Очевидно, что *Варецкое море* – это не какой-то особый вариант названия *Варяжское море*, бытовавший у «балтийских славян», а просто не вполне удачная запись латинскими буквами распространенного у русских названия Балтики²². Комментарий же Кузьмина – плод явного недоразумения.

Обратил А.Г. Кузьмин внимание и на статью 1201 г. новгородской летописи, где, как уже говорилось, упоминались варяги, и сделал вывод, «что только из южных областей Прибалтики они могли прийти в 1201 г. в Новгород “горою”, то есть сушей»²³. Историк основывался на заключительном известии статьи 1201 г. новгородской летописи: «А на осѣнь придоша Варязи горою на миръ, и даша имъ миръ на всѣи воли своеи»²⁴. Замечание Кузьмина относительно того, что в 1201 г. варяги пришли в Новгород сушею («горою») вполне справедливо. Но из констатации данного факта отнюдь не следует, что они могли прийти в Новгород «только из южных областей Прибалтики». Ранее приводилось сообщение той же статьи 1201 г. о высылке варягов из Новгорода «без мира за море». Это сообщение помещено в статье 1201 г. после известия о том, что в новгородских землях «ста всѣ лѣто дъжево», т.е. высылка имела место летом или в конце лета 1201 г. Возвращение же пожелавших примириться с новгородцами варягов произошло «на осѣнь», т.е. в конце лета – начале осени, очевидно, спустя совсем немного времени после их изгнания. В таком случае покинувшие Новгород варяги могли даже не отправляться к себе за море, а просто переждать смягчения политической ситуации в северных прибалтийских городах Ливонии. К этому следует добавить, что само указание на путь в Новгород «горою» в принципе не дает возможности определять места поселений самих путников, их географическую родину. В заключенном в 1323 г. Новгородом со Швецией знаменитом Ореховецком договоре, на долгое время урегулировавшем отношения сторон, помещена статья, которая гласит: «Гости гостити бес пакости изъ всеи Нѣмьциной землѣ: из Любка, из Готского берега, и Свѣиской землѣ по Невѣ в Новгородъ горою и водою»²⁵. Согласно этой статье, даже купцы с окруженного морем острова Готланда («Готского берега») могли добираться до Новгорода «горою», т.е. переплывая море, высаживаясь где-то в устье Невы и далее продолжая путь не только по воде, но и по суше. Очевидно, что историкам не следует утверждать, что путь «горою» до Новгорода непременно исключал путь «водою», а места временного пребывания представителей определенного этноса принимать за места постоянного обитания такого этноса.

Для доказательства расселения варягов в южной Прибалтике Кузьмин привлек один редкий и любопытный источник. Речь идет о тексте, помещенном в окончании Ермолаевского списка Ипатьевской летописи. Там сообщается об убийстве польского короля Пшемисла II и поясняется, что «богъ сотворилъ отмщение ему, понеже онъ прежь же ноу свою именемъ Лукерию оудави ради другое, которая просися оу него, да въ единой

рициѣ пустить ю въ домъ: она бо бѣ рода князей Сербскихъ зѣ Кашубъ, отъ Поморія Варязкаго, отъ Старога града за Кгданскомъ»²⁶. Кузьмин так прокомментировал данное известие: «Прямое указание на “варяжское Поморье” как южный берег Балтики имеется в Ермолаевском списке Ипатьевской летописи. Говоря об убийстве польского короля “Премышлява” (Пшемисл II был убит в 1296 г.) западнорусский летописец отмечает, что король был таким образом отмщен за смерть своей первой жены Лукерьи, которая “бо бе рода князей Сербских, с Кашуб, от поморія Варязкаго, от Старога града за Кгданском”. Запись эту норманисты игнорируют, возможно, из-за недоверия к Ермолаевскому списку как относительно позднему. Но если допустить, что обозначение Поморья как “варяжского” принадлежит переписчику XVII в., то это будет указывать на живучесть традиции, а никак не на ее отсутствие»²⁷. Как теперь выясняется, текст, представленный Ермолаевским списком начала XVIII в., был составлен между 1621 и 1651 гг. В окончании Ермолаевского списка в помете на поле, одновременной списку, есть прямая ссылка на издание 1595 г. «Польской истории» М. Бельского: «о семь Бѣлский листъ 370», а к основному тексту Ермолаевского списка, передающему в перепечатке текст Ипатьевской летописи, доводящей изложение событий русской истории до 1292 г., есть приписка, содержащая ссылку на опубликованную в 1582 г. «Хронику Польскую, Литовскую, Жмудскую и всей Руси» М. Стрыйковского: «Стрыйковский о томъ пишетъ, листъ 336»²⁸. Очевидно, что в приписках были использованы сведения не западнорусского летописца, а труды польских историков XVI в., которые о географии и народах прошлого имели иное представление, чем древнерусские летописцы XII–XIII вв. Поэтому наименование *Поморіе Варязкое* нельзя относить к раннему времени. К тому же определение *Варязкое* происходит не от названия этноса *варяг*, *варяги*, как без каких-либо разъяснений молчаливо принимал Кузьмин, а от названия *Варяжское море*. Именно поэтому насельники «Поморія Варязкаго» названы в анализируемом источнике не варягами, а кашубами.

Неубедительна попытка Кузьмина объяснить смену раннего названия *Русское море*, упоминаемого в источниках X–XIII вв., на современное *Черное море*. По его мнению «весьма вероятно, что “Черным” море стало называться по недоразумению. В действительности оно называлось “Чермным”, то есть “Красным”. Так оно именуется еще в русских источниках XVI–XVII вв. и только с XVIII в., когда утратилось древнерусское значение слова, выпала и буква “м”, отличавшая два разных цвета. Следовательно, эквивалентом “русскому” в славянском языке было слово “красный”. Замечательным подтверждением такой этимологии является название моря в... саге “Гойдель Глас”: “скифский” период ирландской предыстории протекает у берегов Красного моря (Mara Ruad)»²⁹. Следует, однако, заметить, что наименование Черного моря Чермным не сохраняется с раннего времени «еще в русских источниках XVI–XVII вв.», а впервые появляется в них лишь в XVI в. До этого Черное море называлось у русских Евксинским понтом, Русским морем, просто морем, понтом и даже Понтийским морем³⁰. Отнюдь не в XVIII в., как утверждает Кузьмин, считающий, что слово «чермный» исчезло к тому времени из русского языка (на самом деле оно в значении «червлёный, багровый, тёмнокрасный; мутного красного цвета; рыжий» зафиксировано «Толковым словарем живого великорусского языка» В.И. Даля), а в том же XVI в. вместо наименования *Чермное море* появляется название *Черное море*, которое вскоре становится единственным. Только оно в конце XVI в. было внесено в государственную географическую карту – Большой Чертеж – и отразилось в составленной в 1627 г. Книге Большому Чертежу³¹. Конечно, какой-нибудь невнимательный писец, работавший в Русском государстве XVI в., мог, переписывая тексты, «потерять» букву «м» в слове *Чермное* и написать вместо него *Черное*, как, впрочем, и добавить букву «м» в слово *Черное*. Но подобными потерями или добавлениями на бумаге нельзя объяснить изменение фонетики слова, ведь его не читали, а слышали и произносили тысячи разноязычных людей, плававших по Черному морю и живших на его берегах. Они-то как все одновременно вдруг потеряли звук «м», приняв иное по своему значению определение *Черное* вместо *Чермное* («красное»)? И каким образом появившееся во второй четверти XVI в. в

русских источниках при описании всего двух исторических сюжетов название *Черное море* сумело повлиять на ирландскую сагу о далеких «скифских» временах кельтской истории, упоминаящую *Mara Ruad*? Кстати говоря, в другом месте своей статьи Кузьмин, имея в виду ту же сагу «Гойдель Глас», написал, что «в ирландских сагах вспоминается о том, что их предки владели землями “Скифии” вплоть до Каспийского моря»³². Так о Черном или о Каспийском море идет речь в этой саге о всеевропейском кельтском прошлом, из которого, по Кузьмину, вышли приморские варяги?

Не будем утверждать, что все лингвистические сопоставления и объяснения Кузьмина такого же качества, что в приведенном примере. Тщательный разбор и разносторонняя оценка его изысканий в области лингвистики – дело языковедов. Но эти изыскания занимают основное по объему место в его статье «Об этнической природе варягов». В итоге он приходил к выводу, что в русском языке существует масса заимствований из кельтского языка и варягами являются кельты, а не скандинавы. «Процесс оформления древнерусской цивилизации был весьма интенсивным, и его ускорению способствовала возможность соединения опыта многих народов, издревле проживавших на территории нового государства. Определенный вклад в эту цивилизацию, по-видимому, внесли и кельты, в том числе их последняя славянизированная волна – варяги», – так заканчивал свою статью Кузьмин³³.

Если говорить о его труде в целом, то совершенно очевидно, что подчеркивание им его несогласия с «норманистами» не является главной целью написанной им работы. Суть борьбы «норманистов» с «антинорманистами» в русской исторической науке может быть сведена к тому, что в любой стране мира отличает «изоляционистов» от их оппонентов, которых условно можно назвать «глобалистами». «Изоляционисты» полагают, что их собственные страна и народ могут развиваться самостоятельно, без привлечения опыта и помощи других стран и народов; «глобалисты» признают взаимодействие стран, влияние одного народа на другой вплоть до преобразования общественного строя, изменения культуры и религиозных представлений. В истории России с момента появления отечественной исторической науки признавалась роль варягов в становлении княжеской власти, формировании ее окружения, в освоении территории, внесении в культуру некоторых обычаев. Варягов, упоминаемых уже в самых ранних древнерусских письменных памятниках, принимали сначала за финнов, затем за славян, потом за шведов, а считая шведов потомками германцев, говорили о «немецком начале» в русской истории. Это вызывало возражения со стороны «антинорманистов». Научная полемика, ведшаяся со второй трети XVIII в., существенно подпитывалась политической борьбой, которую вели «русская» и «немецкая» партии при императорском дворе за власть в стране. В годы правления Анны Иоанновны и Екатерины II благосклонно относились к ученым трудам немецких историков, писавших о древней Руси. В царствование Елизаветы Петровны выводы таких трудов замалчивались, а то и прямо запрещались и поощрялись работы русских историков, отвергавших наличие немецкого (варяжского, норманского) элемента в развитии ранней Руси. Работа Кузьмина заменяла норманов на кельтов, возрождая старые утверждения С. Шелухина³⁴, и в этом отношении она была антинорманистской, поскольку являлась прокельтской. Однако главную, основную проблему – о значении иноземного начала в русской истории – Кузьмин по сути дела решал так же, как и «норманисты». Впрочем, выявление этнического облика варягов, похоже, и не являлось главной целью разысканий Кузьмина. По ходу этих разысканий настойчиво проводилась мысль о расселении кельтов-варягов по южному побережью Балтийского моря, хотя конкретные места, которые они там занимали, не указывались. В заключении же своей работы Кузьмин делал вывод о вкладе кельтов в «оформление русской цивилизации», относя их к числу народов, «издревле проживавших на территории нового государства». Иными словами, этому государству должны были «издревле» принадлежать и земли на южной Балтике. Статья Кузьмина появилась в ноябрьском номере журнала «Вопросы истории» за 1974 г., когда шла подготовка к подписанию заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшемуся 30 июля – 1 августа 1975 г. в Хельсинки. В акте Сове-

щения декларировалась незыблемость европейских границ, в том числе измененных в 1945 г. границ СССР в южной Прибалтике. Своей работой Кузьмин пытался доказать давнюю принадлежность Руси земель по южному берегу Балтийского моря.

Л. Грот в работе Кузьмина привлекает прежде всего его идея о связи происхождения слова *варяг* со словом, обозначающим воду (согласно Кузьмину, это кельтское *vor*). Автор из Лулео приписывает ему толкование данного слова «через анализ древнеиндоевропейского значения корня *вар-* как вода, водная стихия, что свидетельствует о более древней дославянской природе варягов»³⁵ (с. 173), хотя толкование это принадлежит самой Грот, Кузьмин же исходил из совсем других данных. Впрочем, через несколько страниц выясняется, что тот же «водянистый» результат можно получить, изучая другие корни: «К гидронимам с корнем *вар-/вор-* можно было бы добавить еще ряд гидронимов с корнем *вер-*» (с. 182). Теперь читатели могут делать выбор при написании слова *варяг*: согласно Грот, и *вар-*, и *вер-*, *вор-* – все оказывается водой.

Другую заслугу А.Г. Кузьмина Л. Грот усматривает в том, что он обратил внимание на обитавшее на берегах Балтийского моря племя варинов. Она утверждает, что «западноевропейские источники хорошо знают этническую общность, именуемую вариными / варнами / вэрингами, тождество которых с летописными варягами в российской науке было хорошо обосновано Кузьминым. Благодаря этому Кузьмин смог ввести в отечественную науку материал, накопленный при изучении южнобалтийских варинов, и развил на этой основе этимологию имени «варяг», учитывающую, в соответствии с источниками, связь как с гидронимикой, так и с этнонимикой» (с. 174). Однако ни западноевропейские, ни какие-либо другие источники никакой этнической общности с тройным названием варины / варны / вэринги не знают. Сама Грот далее пишет, что «А.Г. Кузьмин полагал, что варины/варяги – это только географические обозначения жителей приречной или приморской полосы» (с. 178). Это разрушает как ее собственную оценку достижений Кузьмина, так и представление об этнической тождественности трех народов, живших в разные времена и на разных территориях. Что касается варинов, названных первыми в тройственной «этнической общности», то о них известно, что они представляли собой небольшое германское племя, существовавшее в I в. н.э. и населявшее южную часть Ютландского полуострова (теперь территория Дании)³⁶. Варины жили на западном и отчасти на юго-западном берегах Балтийского моря, а не на южном. Для «накопления материала» об отсутствовавших там вариных надо проявлять чудеса находчивости и изобретательности. Если Кузьмин обосновал тождество варинов с варягами, то Грот следовало бы объяснить превращение германцев в кельтов, ведь Кузьмин, как свидетельствуют приведенные выше выдержки из его статьи, идентифицировал варягов с кельтами. Но принимая варинов I в. н.э. за варягов IX в. н.э., Грот продолжает осыпать Кузьмина комплиментами: «Выявив этимологию слова *варяг* от *вар-* (вода) из древней индоевропейской традиции, Кузьмин приходит к важному выводу о том, что варины/варяги – в прямом переводе «народы моря» или «поморяне» – относились к дославянскому и догерманскому населению Южной Балтики» (с. 174). Правда, прямой перевод варины/варяги должен быть не «поморяне», а «водяные», и тогда, следуя строгой логике жительницы Лулео, их надо помещать не около моря, а в самом море, но вот утверждение Грот, что варины относились к «догерманскому населению Южной Балтики», какой-либо логикой объяснить трудно. Тацит прямо и недвусмысленно называет варинов германским, а не догерманским племенем. «Представленные выше работы Кузьмина, – подводит итог Грот, – продолжают традицию В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, С.А. Геденова» (с. 175). Под пером Грот традиция обретает долговременность, основательность и безусловную верность выводов. Но так ли это? В главе «Варяги, какой народ и где был» первого тома «Истории российской» Татищев писал, что «подлинное ж пришествие их является из Финляндии от королей или князей финляндских, и сусе, мнится, от блиско сродных к Узону королю 14-му, потому что финны руссами, или чермными, назваться могут»³⁷. Иначе характеризовал варягов (варягов-россов) М.В. Ломоносов: «Итак, когда древний язык варягов-россов один с прусским, литовским, курляндским или летским, то, конечно, происшествие и

начало свое имел от славенского как его отрасль»³⁸. Следовательно, Ломоносов признавал варягов, действовавших на Руси, потомками славян, хотя их язык относил к языкам балтов. Геденов видел в варягах вендов. Кузьмин прямо заявлял, что варяги – это кельты. Все четыре автора, названные Грот, совершенно по-разному определяли этническое лицо варягов. Где уж тут говорить о «традиции»! Грот не слишком внимательно изучила труды ученых, фамилии которых она назвала.

Буквально вслед за страницей, где говорится о важном выводе Кузьмина относительно варяжского населения Южной Балтики, существовавшего еще до славян и до германцев, Грот признается пораженным читателям, что «с мыслью Кузьмина о южнобалтийском Поморье как исконной родине варягов я согласиться не могла. В обоснование этого представлю первые результаты моих исследований о варягах Русского Севера и Северного Поволжья» (с. 175). Но если следует отказ от ранее сказанного, то его необходимо строго обосновать, привести доказательства ошибочности чужих или собственных прежних суждений. Этого в работе Грот нет. Зато жирной чертой перечеркивается самое главное в построениях Кузьмина – выводы о обитании варягов на южном побережье Балтийского моря, и это при том, что не страницами, а всего лишь несколькими строчками выше все использованные им исторические свидетельства, все его ученые приемы признаются совершенно правильными, убедительными и традиционными. Последовательности в таких действиях у Грот обнаружить не удастся.

Как же Л. Грот доказывает существование исконной родины варягов на Русском Севере, а заодно и в неожиданно присоединяемом к нему северном Поволжье? «За точку отсчета в своих рассуждениях, – пишет Грот, – я приняла данные об этнообразующем корне *вар-* как древнейшем индоевропейском обозначении для водной стихии» (с. 176). Мысль, что при своем возникновении слово сохраняет одно и то же значение на протяжении нескольких тысячелетий, не покидает Грот. Возникает и иное соображение: если в названии этноса присутствует компонент *вар-*, то этот этнос говорил на индоевропейском языке. Поэтому варяги объявляются носителями «древнего индоевропейского языка» (с. 177). При этом даже не рассматривается возможность того, что варяги могли получить свое название от другого народа или народов. Причина ясна: стоит напомнить о подобном, и тогда утверждение относительно знания варягами индоевропейского языка превращается в фантазию.

И все же варяги – явление стародавнее, и Грот ставит в своей статье вопрос относительно их современных потомков. По ее мысли, если в названии варяг содержится, как уже говорилось, корень *вар-*, то варяги все время своего существования должны были жить у моря. Но тогда, по логике Грот, и их потомки должны жить у моря. А кто живет на Русском Севере у моря? На взгляд Грот – исключительно поморы. «Поморы, – утверждает Грот, – как особое имя, практически эквивалентное этнониму, известно только на Русском Севере» (с. 178). Но определения населения по месту проживания и по этническим признакам – вещи разные. К тому же поморы и помории, как места их обитания, известны не только на Русском Севере. «Помория Турьска и Сидоньска» упоминается в евангелии. «Слово о полку Игореве» называет Поморием территорию близ Азовского и Черного морей. Афанасий Никитин жителей африканского и индийского берегов Индийского океана определял как «помория Индийская и Ефиопская»³⁹. Наконец, в переделке Повести временных лет, сохраненной Летописцем Переяславля Суздальского, заканчивающимся описанием событий 1216 г., говорится, что «словѣни же инии, пробѣгше, сѣдоша на Вислѣ и прозвашася ляхове, потом прозвашася поляне, друзии же лютичи, инии мазовшане, инии поморяне»⁴⁰. Таким образом, Поморием назывались морские побережья, причем в раннее время главным образом на юге, а не на севере. Жители Поморий именовались поморянами, а обобщенно – помориями. Такие определения не указывали на этнос. Принадлежность поморян к какому-либо этносу определялась дополнительными характеристиками: помории индийские, эфиопские, поморяне славянские.

Что касается северных поморов, то поморянами, поморцами их начинают именовать в источниках только с XVI в., хотя Поморье как северный регион, принадлежащий

Новгороду Великому, упоминается раньше, во второй половине XV в.⁴¹ Есть грамоты, в которых фигурируют отдельные поморы. Так, сохранилась грамота 1565 г. царя Ивана IV, пожаловавшего «поморянина Ивашка Семенова сына Ондропова» местом «у Лопского Креста по морскому берегу»⁴², видимо, у места, где были тони лопарей (саамов), что свидетельствует о проживании у моря не одних поморов, как получается у Грот, но и саамов. Имя у поморянина грамоты 1565 г. типично русское, без следов объявленного Грот индоевропейским «поморского языка». Это неудивительно, потому что поморы и были русскими. Они являются потомками новгородцев, которые, как давно установлено наукой, в XI в. начали осваивать территории, прилегавшие к Белому морю⁴³. Все эти достаточно известные факты, к сожалению, оставлены Грот без внимания.

Тем не менее свои представления Грот пытается обосновать не только рассуждениями общего характера, но и фактическим материалом. Свое путешествие по северным гидронимам и топонимам она с севера и начинает: «Начну с самой западной точки области, окаймленной гидронимами с корнем *вар-*. Это известный Варангер-фьорд (Varangerfjord) / Варяжский залив / Варенгская губа в Баренцевом море. Большая часть этого залива находится на территории Норвегии. Идя к востоку от него, можно назвать реку Варз в бывшем Мурманском уезде Архангельской губ., реку Варзугу – там же, реку Варзугу в бывшем Пинежском уезде Архангельской губ., реку Варзенка в бывшем Сольвычегодском уезде Архангельской губ.» (с. 178). От Варангер-фьорда Грот отправляется на восток, к саамам Российской Федерации. Запад ее не интересует, хотя там проживает подавляющее большинство саамов, сохраняющих свое название рек, озер, возвышенностей, населенных пунктов. Но эти названия Грот не только не рассматривает, она их даже не упоминает. Это сразу превращает картину, рисуемую ею, в неполную, потому что на западе в Скандинавии обнаруживаются такие названия, как, например, Варде в Дании и Норвегии, Вара, Варкаус, Варберг, Варде-О. Их внешнее сходство не обязательно указывает на их общее происхождение, но оставлять без анализа подобные названия нельзя. Из восточных же гидронимов Грот выбирает те, которые имеют формант *вар-*. При этом не устанавливается, к каким языкам такие речные названия относятся: к языкам индоевропейским или к языкам уральским. К тому же из заимствованных Грот примеров из книги Н.Р. Гусевой видно, что все эти гидронимы имеют основу не *вар-*, а *варз-*. Наличие здесь «з» в статье Грот не объясняется. Совершенно не обсуждается утверждение Гусевой, что названия рек с формантом *варз-* связаны с санскритским *varh* («светиться»)⁴⁴.

Кроме стремления найти формант *вар-* в гидронимах Русского Севера, Грот ищет его и в других топонимических названиях. Делает она это следующим образом: «В книге А.А. Минкина о топонимии Кольского полуострова разъясняется, что слово “варака” означает скалу или гору у русских (не выделяя, что это слово поморское, согласно словарю В. Даля) и происходит от саамского “варрь”, “варрз”, “варь” с уменьшительной формой “варенч”, “варай”, “варыш”; у финнов это же слово существует в форме “вара”. Я отобрала из монографии А.А. Минкина несколько топонимов, которые содержат поморскую “варака” и саамские “варь”, “варрз”, “варенч”. Это сопка Порава-ракой, где первый компонент, согласно автору, саамский и означает “овод”, а второй – вариант поморской “вараки”. Далее, на берегу реки Чун указана сопка Куайвесьварь, название которой А.А. Минкин переводит как “Варака, где олени копали ягель из-под снега”, где компонент “варь” принадлежит саамскому языку. На левом берегу реки Туломы есть гора под названием Соколя варака – русское название с сохранением поморского обозначения для второй части топонима. Около Кислой губы озера Имандра стоит гора Лайтратенваренч, название которой у А.А. Минкина звучит как “Гора, где делали доски для лодок”. На берегу губы Кислой озера Большая Имандра стоит гора Пяссваренч, что толкуется с саамского как “Березовая варака”. У подножия этой вараки в реку Курковую впадает ручей Пяссварьвуой, который переводится на русский язык как “ручей Берестяной вараки” или “ручей Березовой вараки»» (с. 180). Это редкое место в статье Грот, где приводятся не отвлеченные рассуждения, а конкретные данные,

извлеченные самой Грот из работ других авторов. Как же такие данные анализируются и какие заключения из их анализа делаются?

Работа Минкина, которой воспользовалась Грот, сама по себе неплохая, но она написана не ученым, а популяризатором. Для научных исследований такая работа непригодна. Минкин отобрал несколько топонимов Мурманской обл. в качестве иллюстраций к нужным ему сюжетам и рассказал о происхождении их названий, не указывая, лица одного или нескольких этносов сохраняют в своих языках такие названия, в каких местах названия сосредоточены, в каких количествах и т.п. Грот в своей статье сделала выборку топонимов из выборки Минкина. Выбранными оказались 6 топонимов: Куай-весьварь, Лайтратенваренч, Пяссваренч, Пяссварьвуой, Пораваракой и Соколья варака. Следует вывод Грот: «Из приведенных примеров видно, что поморская *варака* и саамские *варь/варенч* на равных участвуют в образовании топонимов, относимых к саамскому языку» (с. 180). Однако ни о какой репрезентативности примеров, приведенных Грот, речи идти не может. Выборка слишком мала. Но даже из нее видно, что при существующем соотношении формантов (4 *вар-* и 2 *варак-*) об их равенстве в словообразовательном процессе говорить не приходится, тем более что топоним «Соколья варака» нельзя относить к саамскому языку. Важно также подчеркнуть, что северные топонимы с формантом *вар-* Грот извлекает не из индоевропейских, а из уральских языков, где *вар-* означает не «вода», а «гора».

Показательны также попутные замечания, сделанные Грот при пересказе материалов Минкина. Во-первых, она упрекнула Минкина за то, что он не выделил слово «варака» как поморское, на что указал В.И. Даль. Далее, уже опираясь на авторитет Даля, Грот стала характеризовать «вараку» в качестве поморского слова и даже нашла, что топоним «Соколья варака» (не забудем, что он «саамский») – «русское название с сохранением поморского обозначения для второй части топонима». Таким образом, делается попытка разделить русский и поморский языки. Но если они разные, то Грот следовало бы указать, как на поморский язык переводится русское слово «Соколья», что могло бы продемонстрировать читателям существование и принципиальную разницу двух языков. Однако в статье Грот этого нет. Зато там обнаруживается явное искажение свидетельства Даля. У последнего напечатано: «Варака ж. *арх.* крутой каменный берег, утес, береговая скала»⁴⁵, т.е. это слово встречается в Архангельской губернии. Никаких указаний на то, что слово «варака» поморское, у Даля нет. Это утверждение самой Грот, которую не смущает то обстоятельство, что значение слова «варака» она заимствует из «Толкового словаря живого великорусского языка», а не из «Толкового словаря живого великопоморского языка». Искажение преследует определенные цели. Грот уверяет читателей, «что использование поморского *варака* в саамских топонимах говорит о том, что слово “варака” должно было быть более древним, первичным по отношению к саамскому языку, иначе его присутствие сложно объяснить в означенном топонимическом комплексе» (с. 181). Но именно в саамских топонимах формант *варак-* не употребляется, там присутствует формант *вар-*. Никаких лингвистических показаний о старшинстве форманта *варак-* нет. Исторические данные говорят о его вторичном происхождении. Он составлен из саамского слова *варр* («гора») и русского (общеславянского) суффикса *-ак*. Утверждения обратного не имеют никакой фактической, следовательно, научной основы.

Некоторые конкретные данные Л. Грот извлекает из работы В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья», вышедшей в свет в 1962 г. Это действительно важное исследование, но Грот использует его, не оценивая значимости собранного в нем материала, примененных методических приемов и сделанных выводов. Так, в разделе «примеры интересующих нас гидронимов с корнем *вар-*» своей статьи она привела один из книги Топорова и Трубачева: «**Варлынка** п. п. Пони, п. п. Березины, ср. Ворлинка, Ворлянка на Друти, из балт. ср. Varlinis река, Варлупя, др.-прусс. Worlyne, ср. лит. varle – лягушка» (см. с. 181). Из данного примера видно, что гидроним с *вар-*, вопреки Грот, совсем не означает индоевропейскую «водную стихию». Он образовался от основы *варл-* и определяет реку

как «Лягушачья». Серьезные лингвисты строго различают объект (в данном случае река) и название объекта. В статье же Грот объект отождествляется с его названием и делается попытка доказать, будто название с формантом *вар-* всегда означает воду, затем с воды этот формант переносится на людей, тем самым определяя их этническую принадлежность во времена, когда до появления европейских этносов оставались тысячи лет. Все это противоречит имеющимся фактам и выводам, сделанным из их анализа современной наукой.

Другим материалом, использованным Грот, являются археологические данные, которые она расценивает как оставленные древним индоевропейским населением Восточной Европы. Речь идет о находках в районе «Прикамья и Приуралья – восточного региона территории, окаймляемой с севера и юга плотным скоплением гидронимов с корнем *вар-*» (с. 182). Следует напомнить, что Грот конкретно сумела указать 6 гидронимов на *вар-* (на самом деле на *варз-*) в пределах бывшей Архангельской губернии, затем еще 8 гидронимов на *вар-* в прежних Вологодской, Владимирской, Новгородской, Олонецкой губерниях; 6 оронимов на *вар-* (все они саамские) в пределах современной Мурманской обл. и 15 гидронимов на *вар-* в бассейне Верхнего Днепра. «Плотность скопления» оказывается мнимой. Но главное возражение вызывает утверждение, что эта «плотность» «с севера и юга» окаймляет район «Прикамья и Приуралья». До сих пор об этом не знали. Истину открыла Грот. При таком открытии остается только возмущаться современными картографами, которые и по сей день рисуют на своих картах верховья Днепра, Новгород Великий на запад от Прикамья и Приуралья, а Кольский полуостров – на северо-запад, причем на расстояниях в полторы тысячи километров.

Используя статью Р.Д. и Е.В. Голдиных вплоть до переписывания их ссылок на научную литературу⁴⁶, Грот попыталась нарисовать связи древней Перми с другими регионами от VIII в. до н.э. по IX в. н.э. Связи эти действительно неординарные. К местным насельникам в разные века до н.э. поступало оружие с Северного Кавказа, привозились изделия из древнего Египта и древней Греции, медные римские кастрюли, а в III–VII вв. н.э. – ближневосточные бусы, провинциальные римские фибулы, украшения и посуда из серебра из сасанидской Персии, Средней Азии, Хорезма и Византии, раковины моллюсков, обитавших в тропических водах Индийского и Тихого океанов, и многое другое. Грот привела заключение специалистов, исследовавших найденные при археологических раскопках перечисленные выше предметы: «из весьма отдаленных областей купцами поставлялись сюда крупные партии дорогих товаров...» (с. 183). Откуда такое обилие разнообразных и дорогих предметов в труднодоступной части Восточной Европы? Оказывается, Пермская земля с глубокой древности славилась добывавшейся здесь ценной пушниной, а также медом и воском⁴⁷. Этим она и привлекала иноземных купцов. Наряду с пушниной вывозились и предметы, изготовленные в пермских землях, в частности, так называемые неволинские пояса, экземпляры которых находят в Сибири близ Томска, а также в скандинавских странах. Последнее обстоятельство Грот прокомментировала следующим образом: «Появление здесь поясов неволинского типа объясняется развитием торговой деятельности купцов из Прикамья, освоивших торговые пути на Балтику на рубеже VII–VIII вв.» (с. 183). А что же странноватые и недалекие торговцы из отдаленных стран, которые не эпизодически появлялись в Перми, а в течение достаточно длительного времени поставляли туда дорогие товары, да еще крупными партиями? С облегчением избавлялись от привезенных товаров и с пустыми руками возвращались домой? Сначала Грот принимает мнение специалистов и даже приводит его, а затем пишет нечто совершенно противоположное выводам ученых.

Особое представление о прошлом заставляет Грот ставить новые вопросы и давать новые, казалось бы, логичные объяснения. Как добирались из Прикамья на Балтику? В представлении Грот единственными «транспортными артериями в Восточной Европе служили реки и речные системы» (с. 183). Воздушных путей тогда не было, а заодно, согласно Грот, и сухопутных. Только по каким рекам попали через Уральские горы неволинские пояса в Сибирь? Не останавливаясь на таких мелочах, Грот следует

далее. Если все-таки плавали по «речным системам», то кто мог хорошо знать водные «транспортные артерии»? И здесь все ясно: «только местные народы, жившие по этим рекам из поколения в поколение и накопившие благодаря этому знания о восточноевропейской гидросистеме, об особенностях режима рек, об оптимальных маршрутах, могли быть пользователями речных систем в качестве транспортных магистралей» (с. 183). К сожалению, не могли. Не следует в далекое прошлое переносить современные представления о режимах рек и оптимальных маршрутах. Плавать по гидросистеме древним корабельщикам помешали бы жившие по берегам рек другие, нередко враждебные племена, говорившие на иных языках и хотя бы по этой причине «об особенностях режима» хранивших полное молчание. По подобным сюжетам есть источники и специальные исследования. Но исходя из своего, как ей представляется, единственно возможного объяснения, Грот указывает, что для плаваний «требовалось наличие высокоразвитого судоходства – речного и морского» (с. 184). Поэтому возникает новый вопрос: «Кто, какой народ обладал в этом регионе (имеется в виду Восточная Европа. – В.К.) такой судоходной традицией, идущей из глубины времен?» (с. 184). Ответ у Грот напрашивается сам собой: стоит нам посмотреть «у какого восточноевропейского народа традиции древнего морского и речного судоходства сохранялись дольше всего, и мы опять придем к поморам» (с. 184). Но, например, по Черному морю население Восточной Европы плавало много раньше, чем по Белому. Археологи находят древние суда, затонувшие у северных берегов Черного моря близ городов – греческих колоний, возникших в VII–VI вв. до н.э., из которых, как упоминает сама Грот, доставлялись товары в Пермь. Много позже византийский император Константин Багрянородный подробно описал строительство и разнообразное оснащение кораблей в Новгороде, Смоленске, Киеве и других древнерусских городах⁴⁸. О тысячах кораблей, на которых приплывала в IX–XI вв. н.э. воинственная русь к Константинополю, сообщают византийские и древнерусские источники. И что же, такие флотилии создавались исключительно на верфях Кольского полуострова?

Непротиворечивость суждений – одно из обязательных требований, предъявляемых к авторам научных трудов. Но в статье о праиндоевропейском населении Русского Севера, с одной стороны, утверждается, что земля поморов «отмечена топонимией с корнем *вар-*», они живут там, где территория характеризуется «плотным скоплением гидронимов с корнем *вар-*». С другой стороны, в районе Прикамья и Приуралья таких топонимов и гидронимов, согласно самой Грот, нет. Но именно там она находит отважных рекоходов и мореходов, которые «на протяжении более полутора тысяч лет» или даже «на протяжении тысячелетий» (Грот чуть-чуть колеблется в определении временных периодов) осуществляли торговые связи «от Приуралья до Египта, Византии, Тихого и Индийского океанов», а потому были варягами-поморами⁴⁹ (с. 184). Следовательно, есть ли корень *вар-*, нет ли корня *вар-*, не это решает коренную проблему, которую поставила перед собой Грот – обоснование «дославянского периода в русской истории, сложившегося в лоне архаичных индоевропейцев Восточной Европы». Выясняется, что существование такого периода вообще обосновывать не надо. Как не нужно Грот доказывать и индоевропейское происхождение предков пермяков, которые на самом деле представляли собой совсем иной этнос.

По большому недоразумению (если, впрочем, не подозревать какого-то тонкого умысла) Грот старается представить северных поморов как отдельный народ со своим особым языком, восходящим непосредственно к индоевропейскому, с незапамятных времен населявший весь Русский Север еще до прихода туда уралоязычных племен и называвшийся варягами. Это, конечно, нонсенс. Но для появившихся после распада СССР на Русском Севере изоляционистов, стремящихся не к теоретическим дискуссиям, а к практическим действиям, сочинение из Лулео – манна небесная, позволяющая говорить о данных науки. Увы, науки здесь нет. Есть игра в прошлое, которая возникла давно и в наше время приобретает, к сожалению, все большие масштабы. По-английски она называется *fantasy* и довольно привлекательна, когда предстает в виде художественных произведений. Знакомясь с приключениями проворного янки, сумевшего

проникнуть в другое тысячелетие и оказаться при дворе короля Артура, можно забавляться и улыбаться. А как быть, если *fantasy* принимает облик ученого сочинения и претендует не на игру, а на некий реальный вклад в науку о прошлом? По-видимому, относиться к таким произведениям тоже с чувством юмора. Тем более что в индоевропейском языке при его возникновении «вода» обозначалась словом не *var*, а **uet'/*ut'*-, где «и» произносилось очень кратко⁵⁰, а потому со временем перешло в *v* (*vet-*), откуда в конечном итоге и произошли английское *water*, немецкое *Wasser* и русское *вода*, которая и стала строительным материалом концепции о праиндоевропейских корнях населения Русского Севера.

Примечания

¹ ПСРЛ. Т. I. Л., 1926–1928. Стб. 25–26.

² Там же. Стб. 12.

³ Геденов С.А. Варяги и Русь. М., 2004. С. 289.

⁴ Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 51.

⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 4. В статье Л. Грот цитата приведена в усеченном виде и с пропусками.

⁶ Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. I. Л., 1969. С. 372 (*Germania*, XLV).

⁷ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

⁸ ПСРЛ. Т. XL. СПб. 2003. С. 12. Согласно Библии, Мосох был сыном Яфета и внуком Ноя (Книга Бытия, X, 2).

⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950 (далее – НПЛ). С. 39.

¹⁰ Там же. С. 168.

¹¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 143.

¹² НПЛ. С. 45.

¹³ Впрочем, далее на с. 179 Грот утверждает, что «саамское название “Варяг-вуода” явно заимствовано из поморской традиции». Очевидно, что речь идет о поморском языке, который Грот называет «традицией». Этот язык Грот резко отделяет от русского и объявляет особым архаичным индоевропейским языком.

¹⁴ Ломоносов М.В. Древняя российская история // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. VI. М.; Л., 1952. С. 203.

¹⁵ Геденов С.А. Указ. соч. С. 160.

¹⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964. С. 276.

¹⁷ Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // Вопросы истории. 1974. № 11. С. 65.

¹⁸ Там же. С. 77.

¹⁹ Там же. С. 56.

²⁰ Герберштейн С. Записки о московитских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. СПб., 1908. С. 4.

²¹ Там же. С. 40.

²² В современном издании «Записок» С. Герберштейна данное место с учетом не только латинского издания «Записок» 1549 г., но и немецкого издания 1557 г. переведено точнее: море и залив «сохранили в русском языке название “Варяжское море”, т.е. “море варягов”» (Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 45).

²³ Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 58.

²⁴ НПЛ. С. 45.

²⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 68.

²⁶ ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Приложение, с. 81.

²⁷ Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 57–58. Кузьмин цитировал текст Ермолаевского списка Ипатьевской летописи по не вполне точному изданию 1843 г. (Там же. С. 57, примеч. 20).

²⁸ ПСРЛ. Т. II. Приложение, с. 81 и с. 83, приписка к тексту на стб. 859.

²⁹ Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 67–68.

³⁰ См. соответствующие статьи в кн.: Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей. Отдел второй. Указатель географический. СПб., 1907.

³¹ Книга Большому Чертежу. М. Л., 1950. С. 3–5, 49, 50, 87, 88, 92, 96, 111–113, 146, 147, 174, 182.

³² Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 62.

³³ Там же. С. 83.

³⁴ Шелухин С. Звідкіля походить Русь. Прага, 1929.

³⁵ Если характеристика работы А.Г. Кузьмина дана Л. Грот верно, то становится непонятно, почему Грот сообщает о том, что о значении слова *вар-* она узнала от своей знакомой, а не из работы Кузьмина, опубликованной еще в 1974 г.

³⁶ Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. I. С. 370 (Germania, XL).

³⁷ Татищев В.Н. История Российская. Т. I. М.; Л., 1962. С. 291.

³⁸ Ломоносов М.В. Указ. соч. С. 209.

³⁹ Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 16.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. XLI. М., 1995. С. 3.

⁴¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 296. С. 295. О датировке грамоты см.: Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 253–254.

⁴² Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988, № 278. С. 183.

⁴³ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 104–105.

⁴⁴ Гусева Н.Р. Славяне и арьи. Путь богов и слов. М., 2002. С. 313.

⁴⁵ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. СПб.; М., 1880. С. 164.

⁴⁶ Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н.э. // Шведы и Русский Север. Киров. 1997. Ссылки под номерами 80, 82, 83, 86, 87, 88, 90, 92, 94, 95, 97 статьи Грот на научные труды повторяют ссылки работы Р.Д. и Е.В. Голдиных (см. их статью, с. 21–23).

⁴⁷ Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Указ. соч. С. 5, 9.

⁴⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 45–51.

⁴⁹ Это положение Грот доказывает следующим рассуждением: «Но прямыми наследниками чьей древней традиции морского и речного судоходства являются поморы Русского Севера, земля которых отмечена топонимией с корнем *вар-*, воплощающим связь с водной стихией? В рамках рабочей гипотезы я предлагаю свой вариант ответа: поморы Русского Севера являются потомками древних *варягов*, в которых следует видеть и часть древнерусских дославянских предков, издревле владевших речным и морским судоходством в Восточной Европе» (с. 184). «Вариант ответа» прямо противоречит утверждению Р.Д. и Е.В. Голдиных о том, что археологические культуры I тыс. н.э. Прикамья и Приуралья, которые Грот представила как индоевропейские, принадлежали финно-уграм (Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Указ. соч. С. 5).

⁵⁰ Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. II. Тбилиси, 1984. Гл. 5, § 3 «обозначения “водных объектов”». С. 671.

Критика и библиография

А.Б. Мазуров, А.Ю. Никандров. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV в. М.: «Инлайт», 2008. 276 с., ил., карты.

Одна из главных тем отечественной истории – зарождение, становление и развитие российской государственности в XIV–XVII вв. Новая книга ректора Коломенского государственного педагогического института д.и.н., профессора А.Б. Мазурова и к.и.н., доцента кафедры истории этого же вуза А.Ю. Никандрова посвящена исследованию удельного строя периода собирания Руси. Для «удельного периода» или эпохи феодальной раздробленности XII–XV вв. ключевым является понятие княжеского удела. В отечественной историографии немало работ посвящено воссозданию политической истории, исторической географии, нумизматике, культуре конкретных уделов. Однако как целостный организм ни один из уделов так и не был описан и проанализирован. Не в последнюю очередь это обусловлено скудостью источниковой базы. Даже многие вопросы возвышения Москвы и великокняжеской политики являются дискуссионными в науке. Тем более это относится к периферийным центрам уделов, чье «бытие» нашло еще более скромное отражение в документах. Авторы выбрали объектом своего изучения Серпухов – один из древних городов Московской земли и центр древнейшего и крупнейшего удела Московского княжества с 1340 по 1456 г.

Успеху работы во многом способствовали несколько факторов, на первое место среди которых следует поставить вдумчивое и скрупулезное изучение источников. Авторы последовательно реализовали в своей монографии метод комплексного источниковедения (ранее этот подход был удачно применен Мазуровым в монографии «Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства» (М., 2001)). В результате немногочисленные и довольно мозаичные данные сложились в целостную масштабную картину.

Изучение истории Серпуховского удела, как справедливо отметили авторы, особенно благоприятно для понимания особенностей удельного строя. Сохранился уникальный по полноте комплекс актов по его истории (9 междукняжеских договоров и 2 специально изученных Мазуровым завещания). Чеканка

монет в Серпухове непрерывно велась более 70 лет, что не имеет аналогов в других уделах. На территории удела располагались крупные духовные корпорации: Троице-Сергиев и Высоцкий монастыри. На основании комплексного анализа летописных данных, актов, приписок к рукописям, археологических, эпиграфических, нумизматических, сфрагистических, изобразительных, картографических источников авторы воссоздали историческую географию Серпуховского удела, его политическую историю, духовную и культурную жизнь. Особое внимание уделено различным аспектам взаимоотношений серпуховских князей и московских правителей.

Серпуховский удел первоначально был одним из самых непривлекательных. Неслучайно его получил лишь третий сын Калиты Андрей Иванович (1340–1353 гг.). В этот период он занимал малонаселенные земли между реками Пахра и Ока (к югу от Москвы), ставшие его ядром. Стараниями Владимира Храброго (1359–1410 гг.) при поддержке великого князя московского Сепуховский удел превратился в крупнейший на Руси, соперничавший с самыми крупными самостоятельными княжениями. Князь вел упорную работу по освоению новых земель и привлечению населения, строил новые города, среди которых и сам Серпухов, основанный в 1374 г. К древнему ядру Дмитрий Донской пожаловал города Боровск и Лужу, а также Дмитров и Галич с их округами. Несмотря на чересполосность своих владений, удельный князь серпуховской занял одно из виднейших мест среди русских Рюриковичей. Летописцы упоминали его вместе с великими владетельными князьями. По желанию центральной власти Владимир вынужден был обменять Дмитров и Галич на Волоколамск и Ржев, которые в свою очередь были заменены на Городец на Волге, Углич и Козельск. Во втором десятилетии XV в. после смерти Владимира Храброго его сыновья потеряли Городец, Углич и Козельск. Василий Ярославич (1433–1456 гг.) получил в наследство лишь ядро своих владений. За службу Василий Темный наградил его Дмитровым, затем замененным Звенигородом и Бежецким Верхом. Авторы очень ярко продемонстрировали, как увеличивались размеры подвластных терри-

торий за счет великокняжеских пожалований при возрастании политического могущества. И наоборот, понижение политического статуса приводило к утрате земель, что, однако, не касалось исконного ядра удельных владений.

Основная часть монографии посвящена политической истории Серпуховского удела. Впервые научной общественности представлена ее полная и на сегодняшний день почти исчерпывающая версия, полная драматизма и непрестанных коллизий. В 1340–1353 гг. 3 брата-Калитича еще жили на началах семейного «братства» при старшинстве Семена Гордого. Великий князь уже тогда начал постепенно усиливать свои позиции, а после 1353 г. Иван Красный и вовсе установил контроль над Серпуховским уделом, наследниками которого стали малолетние дети Андрея Иван и Владимир. Правление Владимира Храброго явилось периодом расцвета Серпуховского удела. Блистательный полководец, решивший ударом Засадного полка исход Куликовской битвы, серпуховской князь за это сражение, точно так же, как и его двоюродный брат Дмитрий, получил еще одно прозвание – не только Храбрый, но и Донской. Мало кому известно, что именно Владимиру была поручена оборона Москвы в годину нашествия Тамерлана (1395 г.). Владимир Храбрый сумел сохранить белокаменный Кремль Москвы в нашествие Едигея (1408 г.). 5 сохранившихся договоров с великими князьями Дмитрием Донским и Василием I позволяют увидеть, как центральная власть постепенно нейтрализовала талантливого и поэтому опасного сородича. В середине 1360-х гг. двоюродные братья еще жили «в братстве, без обиды, безо всякие хитрости». «Брат молодой» Владимир верно служил Дмитрию, а тот обязывался его «кормить». В 1370-х гг. Владимир был отстранен от подготовки завещания Дмитрия Ивановича, а его политический статус понижен еще на один ранг («брата молодшего и сына») в пользу грудного младенца Василия I (тот провозглашался «братом»). Пожалования великий князь выделял неохотно, и для защиты своих прав Владимиру приходилось обращаться к митрополиту Алексию. В конце зимы 1389 г. между братьями вспыхнула ссора. Для обеспечения землями своих многочисленных наследников Дмитрий Донской без всяких объяснений конфисковал у Владимира Галич и Дмитров, а также арестовал его бояр. Центральная власть заставила серпуховского князя подписать 25 марта 1389 г. договор, еще более понизивший его статус до «сына» Дмитрия Донского и «брата молодшего» Василия I. После смерти Дмитрия Донского Владимир Храбрый вновь начал борьбу за свои законные интересы и добился существенного

улучшения своего статуса и новых пожалований. В начале 1400-х гг. сама центральная власть была заинтересована в серпуховских князьях, чтобы обеспечить наследование великого княжения после Василия I его сыном, а не Юрием Галичско-Звенигородским. Новый договор оформил союзнические отношения Василия I и Владимира, а последний получил новые пожалования. На страницах книги перед нами предстал многогранный и полный жизни портрет Владимира Храброго – человека благочестивого, воинственного и хозяйски основательного.

Заслугой авторов стало воссоздание истории Серпуховского удела после смерти Владимира в 1410 г., ранее почти неизвестной историкам. Раздробление Серпуховского удела между 5 сыновьями и супругой князя сильно ослабило его политический потенциал. Смерть всех Владимировичей в 1420-х гг. привела к потере многих территорий, пожалованных великими князьями. Впервые доказано, что между 1428–1433 гг. правительницей-регентшей Серпуховского удела при своем малолетнем внуке была вдова Владимира Храброго Елена Ольгердовна, которая сумела выдать за Василия II свою внучку Марию Ярославну.

Последний этап в истории княжества связан с Василием Ярославичем (1433–1456 гг.). Князь решительно поддерживал Василия II во время феодальной войны, за что был вознагражден несколькими городами. Именно он в самый тяжелый для Василия Темного 1446 г. возглавил сопротивление Дмитрию Шемяке из Литвы. Как полагают авторы, Василий Ярославич был человеком вспыльчивым и неуравновешенным. Статус последнего серпуховского князя постепенно повышался, и к концу феодальной войны удельный князь превратился в самостоятельную и сильную политическую фигуру. Как только военные услуги оказались не нужны, Василий II начал давление на прежнего союзника. Вначале он понизил его статус в пользу своего сына Ивана III и конфисковал Дмитров, а летом 1456 г. Василий Ярославич и вовсе без каких бы то ни было оснований был арестован и заточен в тюрьму. Целых 27 лет он томился в заточении, «в железах». Интересные страницы книги посвящены детальному воссозданию истории мятежа серпуховских дворян 1462 г., которые хотели освободить своего сюзерена. Заговор был жестоко подавлен, впервые в Москве прошли массовые казни политических противников.

Глава о духовной жизни княжества раскрывает отношения удельных князей и представителей Русской Православной Церкви. Особенно тесными личными контактами с митрополитами Алексием, Киприаном и Фо-

тием выделялся Владимир Храбрый. Он немало потрудился над обустройством первоначально удельной Троице-Сергиевой обители и фактически ввел Сергия Радонежского в круг политической элиты своего времени. Князь способствовал интенсивной культурной жизни. Особое лицо ей придавали византийские связи патронируемых им монастырей. Авторы проследили, как постепенно после смерти могущественного Владимира Андреевича братия Троице-Сергиева монастыря начала дрейфовать в сторону великокняжеской власти. Амбиции резко выросшей монастырской корпорации и растущее почитание пр. Сергия Радонежского уже не укладывались в удельные рамки. По мнению Мазурова и Никандрова, монастырь окончательно перешел под покровительство Василия II около 1433 г.

Самостоятельное значение имеют приложения к монографии. Это написанные в лучших традициях отечественной археографии источниковедческие работы Мазурова об удельном архиве Серпуховских князей, о датировке завещаний Владимира Храброго и Василия I (последняя работа совместно с Никандровым), о духовной грамоте Елены Ольгердовны. Никандров проанализировал «Татищевские известия», касающиеся удела. В генеалогическом очерке воссоздана полная история серпуховской ветви рода московских князей в XIV–XVI вв. Книга прекрасно иллюстрирована (почти 70 карт, планов, схем, рисунков монет и печатей, миниатюр рукописей, фресок, фотографий, документов и др.).

Анализируемая монография является ценным вкладом в изучение истории российской государственности. Многогранная картина истории конкретного удела позволила перейти к общеисторическим обобщениям. Так, весьма убедительно выглядит итоговый историко-юридический анализ прав и обязанностей великих и удельных князей (с. 214–216). Авторы показали, что все серпуховские правители поддерживали семейное дело собирания Руси под главенством Москвы и были верными союзниками великих князей. Они никогда не фрондировали, не плели интриг, не воевали

с центральной властью подобно герцогам Бургундским во Франции XV в., хотя и боролись за свои права в ходе конфликтов 1389, 1390 и 1410-х гг. Однако в целом на протяжении почти целого столетия великие московские князья постоянно стремились поставить под контроль своих сподвижников, мало-помалу отнимая у них старые права (военные, внешнеполитические, финансовые, судебные) и усиливая свою власть. Они понижали их статус для обеспечения наследования великокняжеского титула в пользу своих сыновей, контролировали чеканку, отбирали прежние пожалования, использовали политические неурядицы для увеличения своих собственных владений. После окончания феодальной войны великий князь Василий Темный перестал нуждаться в военной поддержке последнего серпуховского князя Василия Ярославича. Крепкие феодальные образования стали помехой. Серпуховской удел был ликвидирован и присоединен к великокняжеским владениям. В целом это логично завершало историю отношений старших Калитичей с их боковой серпуховской ветвью.

Особенно важно, что великокняжеская власть начала борьбу со своими удельными сородичами очень рано, уже с середины XIV в. Мазуров и Никандров продемонстрировали, что вначале борьба сосредоточилась вокруг признания Московского великого княжения достоянием исключительно семьи великого князя, для чего устранялись боковые ветви династии. И лишь затем, на следующем этапе, с середины XV в. началось новое наступление на удельные порядки. Фундаментальная монография А.Б. Мазурова и А.Ю. Никандрова убедительно доказывает, что начало борьбы с удельными князьями как носителями центробежных тенденций в Московском княжестве ведет свое начало с XIV в. Представленная авторами история Серпуховского княжества детально это иллюстрирует и тем самым позволяет понять логику исторического процесса централизации власти в России.

**Н.М. Рогожин, доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)**

Педер фон Хавен. Путешествие в Россию / Пер. с дат., вступл., примеч., коммент. В.Е. Возгрина. СПб.: Изд-во журнала «Всемирное Слово», 2007. 528 с.

Российская история XVIII в. всегда привлекала внимание историков и публицистов. Этот период, начавшийся «славными деяния-

ми» Петра Великого, во всем блеске раскрылся во времена правления «просвещенной императрицы» Екатерины II. События же эпохи

«дворцовых переворотов», получившие достаточно полное освещение в исторических трудах, отличает отсутствие полномасштабной источниковой базы. Среди источников по российской истории XVIII в. особое место занимают сочинения европейских путешественников, побывавших в России. В 1736–1739 гг. нашу страну посетил датский пастор Педер фон Хавен, который оставил потомкам свои путевые заметки. Особый, присущий только зарубежным наблюдателям, взгляд позволил ему подметить многие реалии России эпохи Анны Иоанновны, ускользнувшие от местных бытописателей. Рецензируемая публикация, подготовленная д.и.н. В.Е. Возгриным, впервые представляет российскому читателю возможность ознакомиться в полном объеме с данным памятником.

Публикация основана на издании, вышедшем на родине автора в середине XVIII столетия. К сожалению, более точные сведения составителем не указаны. Скорее всего, речь идет о первом издании, вышедшем в Копенгагене в 1743 г. (если это предположение верно, остается необъясненным, почему публикатор выбрал именно это издание, а не более поздние). Тексту памятника предшествует вступление Возгрина, аргументированно указывающее на ценность источника и описывающее особенности перевода. Некоторое недоумение, правда, вызывает подзаголовок «Историографический обзор», помещенный после первых 2 абзацев вступления. Проблема в том, что в предисловии отсутствует какое-либо описание как предшествующих публикаций, так и историографии «Путешествия...». Некоторую информацию о творчестве П. фон Хавена можно найти в его биографии, приводимой в конце издания. Однако и здесь речь идет только о прижизненных публикациях автора при полном отсутствии историографии проблемы.

Сам текст памятника разделен на 4 части («[Санкт-Петербург]», «Отъезд из Санкт-Петербурга и пребывание в Азове», «Дорога из Азова в Москву», «Моя жизнь в Москве и отправление из России») и включает в себя достаточно подробное изложение всех перипетий пребывания в 1736–1739 гг. в России датского теолога. Однако фон Хавен не ограничился стандартным описанием своих поездок. В «записках» можно найти и размышления над особенностями христианской веры в различных конфессиях, и исследования по истории, культуре и психологии поведения различных народов и этносов (крымские татары, калмыки, ногайцы, донские казаки), и экскурсы в географию Российского государства. Такое многообразие интересов молодого датчанина – на момент приезда в Санкт-Петербург ему

исполнился 21 год – объясняется не только задачами «познавать мир», характерной для большинства европейских путешественников. По мнению Возгрина, как «истинное дитя эпохи Просвещения и верный его адепт, он должен был разделить свои знания с окружающими, чтобы сделать их просвещенней, а значит – лучше» (с. 495).

События начавшейся в то время русско-турецкой войны привлекали значительное внимание современников. Не стал исключением и Педер фон Хавен, ценность свидетельств которого повышается в связи с его личной поездкой в Северное Причерноморье. В «Путешествии в Россию» можно найти описание хода боевых действий как на суше, так и на море, в том числе похода в Крым фельдмаршалов Б. Миниха и П. Ласси, подробную характеристику русских армий и флотов, своеобразный анализ политической и дипломатической обстановки. Так, например, датский пастор пишет о причинах конфликта: «Как только Персидская война подошла к концу, отчего Россия усилилась так же, как Турция ослабла, то императрица России решила объявить Турции войну – отчасти для того, чтобы отомстить за каверзы и жестокие набеги... отчасти для того, чтобы сделать новые захваты или, по меньшей мере, получить возможность прекратить дальнейшие разорения и вторжения» (с. 43).

Особое внимание в труде датчанина уделено характеристике различных конфессий, представителей которых Хавен встречал в России. Автор отмечает значительную свободу вероисповедания: «Свобода эта была всеобщей и распространялась на всех, кроме иудеев и иезуитов. Ни одной конфессии не отдавалось предпочтения перед другой» (с. 40). По его мнению, наиболее крупными общинами являлись лютеранские. Воздавая должное недостаткам русского народа, европейский путешественник помещает в текст и достаточно положительные характеристики: «Я должен здесь сообщить еще об одной вещи, которая, как я считаю, послужит к великой похвале всей нации. Среди них нет бродячих нищих. В Петербурге по праздничным дням у немецкого и шведского кладбищ можно видеть целые ряды иноземцев-нищих. Но что касается русских, то я не могу припомнить, чтобы я когда-либо видел кого-то, просящего милостыню, в том числе и в огромной Москве» (с. 54).

В своем «бытописании» Хавен предпринимает попытку систематизировать свои знания о России, изложив их по предметным областям. Описание физической географии включает в себя характеристику водных ресурсов страны, растительного и животного мира, полезных ископаемых. Как полагает автор, природные

условия являются одним из ключевых факторов, определяющих образ жизни местных жителей. Так, многочисленные густые леса в северо-восточных районах (до Архангельска) стали причиной, что «сельский житель в этих краях живет более дичью и рыбой» (с. 191).

В «политическое описание» вошли сведения о пограничных территориях и странах («на севере она окаймлена ужасающими снежными и ледяными горами... на юге она граничит с турецкими татарами и пустошами между Днепром и рекой Днестром» (с. 192), административном делении (губернии, провинции, уезды), системе управления государством, налогообложении, населении страны, его занятиях и промыслах («промышляет сеном, древесиной, льном, пенькой»), торговых связях и товарных особенностях различных регионов («В Карелии изобилие слюды. Казань может обеспечить всю империю хлебной продукцией. Икра идет из Астрахани») (с. 193). Хавен обращает особое внимание на значение коммерции для государства, «ибо торговля, собственно, суть артерии в теле политики». Отсутствие движения денег вызывает «смерть или, по меньшей мере, беспамятство», а их свободная циркуляция приводит к оздоровлению общества и предоставлению «средства к его существованию» (с. 195).

Заслуживают интереса отдельные критические замечания датского путешественника. По его мнению, вызывает недоверие большинство географических карт России, где лесные массивы указаны «прямоугольной формы». Он критикует всеобщий миф об исключительном «пьянстве» русской нации, исключивает обвинения в неопрятности: «До сих пор русским приписывают еще один порок, а именно нечистоплотность. Но в этом их обвиняют несправедливо... У благородных русских [дома] так же чистенько, как в других местах. А что касается крестьян, то могу заверить, что у многих из них я обнаружил больше чистоты, чем в других странах» (с. 53).

Текст снабжен обширными примечаниями, включающими «дотошное разъяснение российских и датских реалий», информацию о массе исторических событий и т.п. Такая «излишняя» скрупулезность обусловлена желанием публикатора предоставить возможность даже неподготовленному читателю разобраться во всех нюансах происходившего в описываемый период. Большинство примечаний имеют несомненную познавательную ценность. Но в некоторых из них находит отражение чрезвычайно специфический взгляд составителя публикации на события российской истории XVI–XVIII вв. Ряд примечаний вызывают недоумение. Например, в примеча-

нии 5 к с. 226 указано: «Сведения П. Хавена о том, что уже после овладения Очаковым убийства (в том числе, и прежде всего, гражданского населения) продолжались на улицах города, подтверждаются и другими современниками» (с. 310). Но такое утверждение не находит соответствия в тексте, так как у автора «Путешествия в Россию» в указанном месте написано, что «все, оказавшие сопротивление, были изрублены саблями, а остальные взяты в плен». Вызывает вопросы и примечание 2 к с. 245, касающееся упоминаемого в тексте «Владимира Восьмого». Данного исторического персонажа Возгрин соотносит с Владимиром I Святым. Но удивляет в тексте примечания даже не отсутствие попытки объяснения, почему князь назван «восьмым», а гипертрофированное авторское внимание к походу на Херсонес. Ровно половина текста биографической справки посвящена описанию «ужасов войны»: «умертил большую часть его жителей», «разграбил и разрушил христианские храмы Херсонеса, вывез иконы, мощи святых» (с. 315) и т.д.

В целом, создает ощущение неприязни публикатора к многим событиям русской истории, связанным с Крымским полуостровом. В этом плане весьма характерны сожаления о разгроме во время похода 1736 г. культурных центров крымских татар, в ходе которого «был нанесен труднопредставимый ныне урон и общеевропейской культуре» (с. 429). Походы самих крымчаков объясняются «крымскими оборонительными интересами» (с. 407), поскольку, видя неуклонное продвижение русских засечных черт на юг, крымские ханы были «вынуждены... предпринимать походы с единственной целью – разрушить эти городки ради собственной безопасности». Действия же российской стороны представлены как «планомерная агрессия на юг с целью захвата Крыма». По мнению Возгрина, к тому времени крымские татары уже «ничем не отличаются от других европейцев, в частности от своих христианских соседей», а их территория представляет собой «урбанизированное», «высококультурное» пространство (с. 410). Тенденциозность отдельных примечаний и комментариев публикатора вызывает порой сомнение в объективности его взглядов. Разумеется, это обстоятельство не станет препятствием для работы с источником специалистам, владеющим методикой научного анализа и развитым критическим мышлением.

Научно-справочный аппарат издания, помимо примечаний, комментарии биографии фон Хавена, включает список литературы и указатель имен. Остается сожалеть об отсутствии указателя географических объектов, хотя часть из них объясняется в примечаниях.

Среди недостатков издания можно также отметить отсутствие научного описания оригинала, с которого был осуществлен перевод на русский язык. Отсутствует даже формальная характеристика аппарата публикации, и поэтому о том, какой текст помещен в квадратных скобках, читатель должен догадаться самостоятельно. Остается непонятным четырехчастное деление памятника: сам ли автор разбил текст таким образом, или это инициатива публикатора. Вызывают сожаление периодически встречающиеся опечатки. Так, на с. 257 в описании биографии П.П. Ласси упоминается «шведская война 1742–1743 гг.», а на с. 260 уже «русско-

шведская война 1741–1743 гг.». На с. 507 в списке литературы в кратком описании книги, которое используется Возгриным для внутритекстовых сносок, ошибочно указано «Haven, 1957» вместо «Haven, 1757», что крайне прискорбно для документальной публикации, задача которой стать основой для последующих исторических исследований.

В целом же хочется отметить безусловную ценность издания, вводящего в научный оборот полный вариант источника о жизни России времен Анны Иоанновны.

**А.Г. Гуськов, кандидат исторических наук
(Институт российской истории РАН)**

П.Д. Николаенко. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России; «Европейский дом», 2009. 780 с., ил.

Книга доцента кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД П.Д. Николаенко – это первая научная биография одного из выдающихся представителей российской бюрократической элиты конца XVIII – первой трети XIX в., написанная хорошим литературным языком и выходящая далеко за рамки историко-юридического исследования. Автор задался целью максимально полно проследить жизненный путь В.П. Кочубея и, не поступаясь требованиями объективности, scrupulously изучить наиболее спорные моменты и недостаточно проясненные эпизоды его биографии. Следует признать, что ему удалось успешно решить поставленную задачу.

Работа Николаенко является итогом многолетних изысканий в архивах и библиотеках нашей страны и зарубежья. Ценные находки были сделаны им в РГИА, АВП РИ МИД РФ, РГАДА, РГА ВМФ, ГА РФ, а также в Центральном государственном историческом архиве Украины, Государственном архиве Черниговской области и Государственном архиве Полтавской области. Особо надо отметить тщательное изучение описи Диканьского архива Кочубеев, позволившее автору существенно уточнить отдельные моменты деятельности своего героя. Личный архив Кочубея пропал во время Великой Отечественной войны, и многие важные документы, хранившиеся в нем, едва ли когда-либо будут найдены, опись же Диканьского архива дает возможность в какой-то степени восполнить эту утрату. Характернейшая черта работы Ни-

колаенко – стремление максимально использовать все исследовательские возможности для углубленного и всестороннего анализа избранной темы. Трудно назвать такой предмет или сюжет, связанный с Кочубеем, который не получил бы всестороннего освещения в книге. Можно лишь пожалеть о том, что в ней отсутствуют предметный и именной указатели.

Хотя в конце жизни Кочубей занимал высшие посты в империи и стал канцлером по внутренним делам, в центре внимания автора – его деятельность на посту министра внутренних дел. Наиболее значимой является пятая глава, названная «Не было министра в России просвещеннее и способнее к его званию». Эти слова владимирского губернатора кн. И.М. Долгорукова вполне могли бы служить эпиграфом ко всей книге. Представляют немалый интерес и составленные Николаенко социальные портреты различных категорий служащих МВД. Автор исследовал формулярные списки чиновников этого ведомства, успешно применяя методы, разработанные в свое время П.А. Зайончковским и С.В. Мироненко. В итоге ему удалось с достаточной степенью полноты охарактеризовать личный состав МВД и основные тенденции кадровой политики Кочубея. В частности, Николаенко основательно разработал вопрос о роли и месте масонов в МВД. При этом автор использовал количественные методы для обработки материалов Особенной канцелярии МВД, содержащих сведения о принадлежности служащих в министерстве к «вольным каменщикам».

Следовало бы только оговорить изначальную неполноту содержащихся в этих документах данных, так как далеко не все «дети вдовы» считали возможным сообщать правительству о своих масонских связях (особенно это относится к розенкрейцерам). Но даже учитывая это, едва ли можно предположить, что масонов в МВД было намного больше, нежели указывал Николаенко.

Поднимая такую сложную тему, как «Кочубей и масонство», пожалуй, нельзя было не отметить тот факт, что будущий глава МВД вступил в ложу в тот период, когда уже довольно явственно обозначилось отрицательное отношение Екатерины II к масонам, а правительство, не прибегая к открытым гонениям, начинало смотреть на них подозрительно. Едва ли это можно объяснить лишь «увлечениями молодости», скорее всего, тут сказалось влияние дяди – А.А. Безбородко, если и не являвшегося масоном (во всяком случае, документально это не подтверждено), то сочувствовавшего «вольным каменщикам», ориентировавшимся на вел. кн. Павла Петровича¹. Это довольно интересная черта для характеристики Кочубея – прагматика и практика, избежавшего бесполезного риска, но умевшего рисковать для достижения намеченной цели. В этой связи следует указать на один известный и важный факт из его конспиративной жизни, о котором не упоминается в книге. В 1797 г. вел. кн. Александр Павлович отправил за границу Н.Н. Новосильцева, которому поручалось встретиться с Ф.Ц. Лагарпом и получить его наставления относительно реформ, необходимых в России. Новосильцев вез с собой письмо великого князя и должен был привезти ответ Лагарпа. Тем временем в руки Павла I попал донос подполковника П.Е. Батурина, вследствие которого Новосильцева по возвращении в Россию должны были арестовать, отобрав все находившиеся при нем бумаги. Именно Кочубей через русского посла в Лондоне гр. С.Р. Воронцова сумел предупредить Новосильцева о грозившей ему опасности и спасти наследника престола². Не сделай он этого рискованного шага, возможно, в российской истории не было бы не только Негласного комитета, но и императора Александра Павловича. К сожалению, Николаенко не смог восстановить во всей полноте тщательно скрытую от посторонних глаз конспиративную деятельность Кочубея как члена оппозиционного кружка наследника престола.

Отдельная глава посвящена взаимоотношениям Кочубея со своим бывшим подчиненным М.М. Сперанским в различные периоды их жизни. Тщательно анализируются и отношения Сперанского и Кочубея с всевышним

«визирем» А.А. Аракчеевым. Проявляя незаурядное чутье и интуицию, Николаенко психологически точно обрисовывает их неоднозначный характер. Он опровергает обвинения некоторых современников и исследователей, утверждавших, что Кочубей из карьерных соображений льстил и угождал временщику, и убедительно доказывает благородство действия сановника, вынужденного в сложных условиях, не поступаясь принципами, искать возможности для продолжения реформаторской политики. Деятельность Кочубея на посту председателя «Комитета 6-го декабря», Государственного совета и Комитета министров в царствование Николая I представлена в книге с такой же обстоятельностью. Кроме того, эта работа несомненно заинтересует политиков, дипломатов, политтехнологов, журналистов и всех, кто будет обращаться к политически актуальной истории российско-украинских отношений – судьба малороссийского дворянина, достигшего в Российской империи высших государственных постов, даст им богатую пищу для размышлений. «Хотя я по рождению и хохол, – писал Кочубей малороссийскому генерал-губернатору Н.В. Репнину, – но я более русский, чем кто другой и по моим принципам, и по моему состоянию, и по моим привычкам. Мое звание и занимаемый мною пост ставят меня выше всяких мелких соображений. Я смотрю на дела Ваших губерний с точки зрения интересов нашей страны. Микроскопические виды не мое дело» (с. 653–654).

Стремясь к объективному изображению деятельности Кочубея, Николаенко все же не сумел избежать некоторой идеализации своего героя, что свойственно едва ли не всем биографическим исследованиям. Особенно ярко это выразилось в сравнительной характеристике Н.С. Мордвинова, А.Б. Куракина и Кочубея (с. 632–633). Автор допустил и ряд мелких погрешностей и неточностей, впрочем, легко устранимых при дальнейшей работе. Так, говоря о событиях 1795 г. он называет А.А. Безбородко князем (с. 56), хотя данный титул тот получил позже. Кроме того, в 1794 г. он уже не являлся «фактическим управляющим внешнеполитическим ведомством России» (с. 89), уступив эту роль П.А. Зубову. Неверно объяснять причину охлаждения Павла I к Кочубею взбалмошным и неуравновешенным характером царя, а опалу Безбородко – интригами врагов и завистников (с. 101–103). Канцлер пытался затормозить расследование возникшего в Смоленске заговора, участники которого ориентировались на вел. кн. Александра. Это подорвало доверие к нему императора, что не могло не сказаться на положении его родственника и протеже Кочубея³. Поводом

для вызова П.А. Строганова из Франции в Россию послужило не вступление в клуб якобинцев, как полагает автор (с. 72), а участие в гражданских похоронах своего слуги Клемана⁴. Нельзя, кстати, согласиться с тем, что через 10 лет «от его французского якобинства осталась... склонность к осуществлению реформ (даже либеральных) радикальным путем» (с. 125). На самом деле Строганов был наиболее умеренным членом Негласного комитета и таковой склонности не проявлял, с иронией относясь к парижскому периоду своей жизни⁵. Сын Е.Р. Дашковой П.М. Дашков назван по ошибке Михаилом Михайловичем (с. 66). М.А. Милорадович в большинстве случаев именуется генерал-губернатором (с. 311, 313, 355, 362), и лишь однажды его должность названа правильно – «военный генерал-губернатор» (с. 341). По мнению Николаенко, Николай I «плохо разбирался в людях» (с. 563), между тем общение царя с декабристами во время следствия свидетельствует о том, что он был тонким психологом. Автор указывает, что только Н.С. Мордвинов не проголосовал за смертную казнь декабристам (с. 563), однако духовные члены Верховного суда также отказались подписывать смертный приговор.

Отмеченные недостатки не снижают высокой оценки исследования, представляющего

не только сугубо научный, но и историко-культурный интерес. Думается, что ценный труд П.Д. Николаенко займет достойное место в ряду современных биографических исследований о русских государственных деятелях первой трети XIX в.

М.М. Сафонов,
кандидат исторических наук
(Санкт-Петербургский Институт
истории РАН)

Примечания

¹ Его попытки защитить московских масонов от притеснений со стороны правительства подорвали доверие к нему императрицы. См.: Сафонов М.М. Завещание Екатерины II. СПб., 2002. С. 140–142, 181–182.

² Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 66; Архив кн. Воронцова. Т. 18. М., 1884. С. 161–162.

³ Сафонов М.М. Проблема реформ. С. 58–59.

⁴ Safonov M. L'histoire de mon temps de Pavel Aleksandrovitch Stroganov. (1803) // Les archives de l'Est et la France des lumières. Ferney-Voltaire, 2007. P. 623.

⁵ Safonov M. Op. cit. P. 679.

Первые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова

17–18 сентября 2009 г. на Историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова состоялась международная научная конференция «Русь, Россия: Средневековые и Новое время. Чтения памяти академика РАН Л.В. Милова»¹. Оргкомитет конференции возглавил академик РАН В.Л. Янин, в его состав вошли Н.С. Борисов, Л.Н. Вдовина, С.В. Воронкова, А.А. Горский, С.П. Карпов, Н.В. Козлова, В.А. Кучкин, Н.В. Пиотух, И.Е. Тришкан, Б.Н. Флоря, Д.А. Хитров и Е.Н. Швейковская. Чтения были приурочены к 80-летию выдающегося российского ученого Леонида Васильевича Милова (1929–2007), много лет заведовавшего кафедрой Истории России до начала XIX в. О значении научной и педагогической деятельности Милова и о созданной им концепции исторического развития России говорил, открывая конференцию член-корреспондент РАН *Б.Н. Флоря*. Участников конференции приветствовали заместитель декана исторического факультета *Л.С. Леонова* и заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук Российской академии наук *А.Е. Петров*. Собранным был представлен сборник статей, вышедший к 80-летию со дня рождения Л.В. Милова и посвященный его памяти².

На пленарном заседании и в ходе работы 3 секций, посвященных истории России до конца XVII в., XVIII в. и XIX – начала XX в., прозвучали 46 докладов, авторы которых представляли вузы и научно-исследовательские учреждения 16 городов России и Украины. Большинство ученых в своих выступлениях сосредоточились на вопросах, связанных с исследовательскими интересами Милова. Во многих докладах подчеркивалось исключительное значение его идей для понимания ключевых проблем российской истории. *А.А. Горский* указал на значение работ Милова для изучения «Слова о полку Игореве», и, в частности, для доказательства его древности. *Ю.С. Смирнов* размышлял о вкладе Милова в создание концептуального университетского курса отечественной истории, *Г.Н. Ланской* — о применении в его трудах историко-географического подхода.

Большое внимание на конференции было уделено политической истории Древней Руси и проблемам источниковедения русского средневековья. *П.В. Лукин* рассмотрел вопрос о существовании человеческих жертвоприношений у восточных славян. *К.С. Гвозденко*, проанализировав сведения источников о церемонии вступления князей на киевский стол в середине XII в., сделала предположение о том, что именно в это время в обряде интронизации появилась церковная составляющая. *Е.А. Шинаков* раскрыл особенности политического строя Брянского княжества в XIV в., а *А.Е. Тарасов* рассказал о формировании системы выкупа пленных во второй половине XV – первой половине XVI в. *В.А. Кучкин* подверг подробному источниковедческому разбору рассказ об основании Москвы, содержащийся в «Истории Российской» В.Н. Татищева, и пришел к выводу о недостоверности татищевской версии о построении московской крепости Юрием Долгоруким в 1147 г. *Е.Л. Конявская* отметила вклад тверских епископов конца XIII–XIV в. в развитие книжности и выявила следы ведения в этот период летописания при епископской кафедре. *П.С. Стефанович* остановился на так называемых русских известиях в сочинении польского хрониста конца XV в. Я. Длугоша, который, по мнению докладчика, использовал при описании событий 1117–1128 гг. не дошедшую до нас русскую летопись со сведениями галичского происхождения. *Т.А. Матасова* на основании летописных известий о приглашении на русскую службу Аристотеля Фиорванти предположила, что с зодчим был заключен подрядный договор, составленный по итальянскому образцу. *А.С. Усачев* констатировал, что адресатом «Степенной книги царского родословия» являлся Иван Грозный.

Многие участники обращались в своих выступлениях к социальной истории России XV–XVIII вв. *В.Д. Назаров* в докладе «Князья Микулиньские (конец XV – середина XVI в.)» подробно осветил положение тверских служилых князей на государевой службе. Социальное происхождение и статус дьяков и подьячих первой трети XVI в. были рассмотрены *А.Ю. Савосичевым*. *С.В. Черников* проследил процесс пополнения московских чинов в XVII в. представителями провинциального дворянства, а также формирование офицерского корпуса и административного аппарата в эпоху петровских реформ. *Н.В. Козлова* охарактеризовала первые отечественные работы по истории повседневной жизни российских городов XVIII в. *Е.Н. Наседкин* продемон-

стрировал возможности изучения казенных служб московского купечества в 1720–1730-х гг. В докладе *Д.А. Черненко* была представлена деятельность Вологодского городского магистрата петровского времени по рассмотрению судебных исков посадских людей. *М.А. Киселев* затронул вопрос о соотношении понятий «закон» и «указ» в XVIII в.

На конференции немало говорилось и о развитии внутреннего рынка и товарно-денежных отношений в России, чему в свое время было посвящено несколько крупных исследований Милова. *М.Б. Булгаков*, опираясь на результаты статистической обработки данных писцовой книги 1627–1628 гг., исследовал местный торг Вологды 1620-х гг., *Н.Н. Петрухинцев* – формирование системы монетных дворов в царствование Анны Иоанновны, *Д.А. Хитров* – организацию снабжения армии хлебом в 1720-х гг., в условиях отмены казенных регалий. *Л.Н. Вдовина* исследовала представления В.Н. Татищева о наиболее целесообразных способах организации помещичьего хозяйства при барщинной и оброчной системах (доклад «Краткие экономические до деревни следующие записки» В.Н. Татищева в контексте аграрного развития России второй четверти XVIII в.)). В докладе *В.Н. Никулина* «Структура и особенности дворянского помещичьего хозяйства северо-западных губерний России во второй половине XIX в.» обоснованно доказывалось, что в пореформенное время продолжалась концентрация земли в руках крупных и крупнейших помещиков-дворян, владения которых оставались важнейшей составляющей аграрного строя царской России. *А.Г. Иванов* показал динамику развития Козьмодемьянской лесной ярмарки во второй половине XIX – начале XX в.

Наиболее широко на конференции обсуждалась история крестьянства, являвшаяся одним из важнейших направлений исследований Милова. *В.И. Иванов* попытался проследить по Судебникам XV–XVI вв. постепенную утрату крестьянами владельческих прав на землю. *Е.Н. Швейковская* дала характеристику положения в северной сельской волости людей, по социальному статусу близких древнерусским «изгоям». В докладе *Н.В. Соколовой* говорилось об особенностях функционирования общины в монастырских вотчинах в XVII – первой половине XVIII в. и ее противодействии воздействию природно-климатических факторов и социальному гнету со стороны землевладельцев и государства. *Л.М. Артамонова* рассмотрела по наказам в екатерининскую Уложенную комиссию социальное и правовое сознание государственных крестьян Поволжья.

В нескольких докладах речь шла о проблемах исторической демографии и истории сельского расселения. Так, доклад *Л.Г. Степановой* содержал критику применения «структурно-демографической теории» отечественными исследователями истории Северо-Запада России XVI в. *М.С. Черкасова* установила, что монастырские половники существовали на Русском Севере не только в XVII, но и в начале XVIII в. *В.В. Каницев* охарактеризовал сеть сельских поселений Тамбовской губ. в XVIII–XIX вв. Правовое обеспечение деятельности межевых губернских и провинциальных учреждений анализировалось в докладе *А.И. Акманова*. В выступлении *А.А. Голубинского* развивалась методика проверки достоверности первичных материалов межевания (полевых записок). *А.Н. Анонасенко* исследовала заселение Ингерманландии от включения ее в состав России до середины XIX в. *В.П. Пушков* изучил данные о побегах крестьян на Урале в начале XVIII в. В докладе *Н.М. Александрова* «Плотность населения и аграрная культура в пореформенной России» указывались причины сохранения во второй половине XIX в. старых, архаичных систем землепользования. *Я.В. Бойко* раскрыл роль переселенцев в развитии товарного зернового производства в Северном Причерноморье в пореформенную эпоху. Итоги наиболее полного дореволюционного статистического обследования северо-запада Кавказа были подведены в докладе *В.Н. Ракачева* «Особенности социальной структуры Кубанской области по данным переписи 1897 г.».

Ряд докладов был посвящен исследованию правительственной политики по отношению к крестьянству в XIX – начале XX в. В докладе *К.М. Ячменихина* констатировалось, что всю систему военных поселений можно квалифицировать как социально-экономическую и социально-политическую утопию, затраты на содержание которой были переложены на плечи самих поселенцев – бывших крестьян и казаков. В докладе *И.М. Захаровой* «Роль губернаторов в деятельности губернских статистических комитетов в 1834–1860-х гг.» было показано значение исследования мнений губернаторов как исторического источника, позволяющего выявить основные направления деятельности органов местной статистики. В докладе *Н.В. Романковой* выявлялась специфика проведения выкупной операции в Смоленском уезде. *С.В. Беспалов* исследовал представления о будущем русской деревни сторонников превращения империи Романовых в парламентскую монархию. В докладе *Н.В. Токарева* «Проблемы интенсификации крестьянского хозяйства в условиях столыпинской модернизации» освещались изменения в жизни тамбовской деревни под влиянием аграрных преобразований начала XX в. *В.Б. Безгин*

обратил внимание на развитие правовой культуры русского села в пореформенное время, в которой старые нормы обычного права сочетались с положениями нового, «казенного», законодательства.

Не остались вне поля зрения участников конференции и процессы освоения окраин России и обеспечения безопасности ее границ. *Э.Л. Дубман* отметил особенности хозяйственного освоения юго-востока Европейской России – от Приуралья до Северного Кавказа – в конце XVI–XVII в. В докладе «Вхождение Башкирии в состав Русского государства – крупнейшее событие в истории Урало-Поволжья» *И.Г. Акманов* обосновал тезис о том, что присоединение башкир к России было мирным и происходило на договорной взаимовыгодной основе: башкиры получали защиту и значительную автономию, а Российское государство – серьезный прирост территории и новых подданных. *И.Л. Манькова* осветила становление приходской жизни в Западной Сибири в конце XVI–XVII в. и роль государства в этом процессе. *М.М. Зилькариаев* посвятил свое выступление заселению крепостей юго-востока России в первые годы деятельности Оренбургской экспедиции, а *Д.Ю. Арапов* – характеристике писем М.И. Кутузова как источника по истории русско-турецких отношений 1811–1812 гг.

Участники конференции не раз предлагали сделать Чтения памяти Л.В. Милова регулярным научным форумом исследователей отечественного Средневековья и Нового времени. Следуя их пожеланиям, оргкомитет предполагает провести вторые чтения в 2011 г.

Д.А. Хитров, кандидат исторических наук
(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

Примечания

¹ Тезисы докладов см.: Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к конференции. М., 2009.

² Особенности российского исторического процесса: сборник статей памяти академика Л.В. Милова. К 80-летию со дня рождения. М., 2009.

XVI Всероссийское научно-практическое совещание по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI–XX веков

10–11 сентября 2009 г. в Кириллове (Вологодская обл.) состоялось XVI Всероссийское научно-практическое совещание по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI–XX вв. Подобные совещания проходят с 1988 г., и Вологодская земля уже не раз становилась местом их проведения. Цель подобных конференций – обмен опытом и координация исследовательских усилий в деле изучения и публикации разнородных материалов поземельного кадастра России. Данное совещание было организовано как секция в рамках 5-й научной конференции «Культура Белозерья», посвященной 85-летию Кирилло-Белозерского музея-заповедника. В работе совещания приняли участие ученые, преподаватели, аспиранты и студенты из научно-исследовательских и образовательных учреждений Балахны, Вологды, Краснодар, Москвы, Мурманска, Нижнего Новгорода, Петрозаводска, Пскова, Санкт-Петербурга, Ростова Великого. На совещании было заслушано 27 докладов, 3 доклада были представлены на стенде. Их тематика группировалась вокруг трех направлений: источниковедческое изучение писцовых книг XVII в., массовые источники XVIII – начала XX в., изучение актуальных проблем истории России по писцовым книгам и массовым источникам XVII – начала XX в.

Итоги и перспективы издания документальных материалов из архива Кирилло-Белозерского монастыря проанализировала д.и.н. *З.В. Дмитриева* (Санкт-Петербург), а *М.Н. Румынская* (Санкт-Петербург) остановилась на вопросах составления научно-справочного аппарата к изданию его приходо-расходных книг. Вопросы археографической подготовки комплекса описей вологодских монастырей XVI–XVII вв. были рассмотрены в докладе д.и.н. *М.С. Черкасовой* (Вологда). Тему продолжили *А.П. Анишина* (Вологда), выступившая с обзором описей Спасо-Прилуцкого монастыря XVI–XVIII вв., и *Н.В. Башнин* (Санкт-Петербург), давший сравнительно-источниковедческий анализ комплекса описей Дионисьево-Глушицкого и Корнильево-Комельского монастырей XVII–XVIII вв. Немассовые сведения в писцовых книгах Сольвы-

чегодского уезда 1620-х гг. проанализировала д.и.н. *Е.Н. Швейковская* (Москва), показавшая возможности их историко-антропологического подхода и социокультурного микроанализа. Ее выступление было посвящено памяти академика РАН Л.В. Милова, вклад которого в дело изучения писцовых книг еще не оценен в должной мере.

Недостаточно разработанные вопросы валового описания России конца XVII в. были освещены в докладе к.и.н. *М.Ю. Зенченко* (Москва), обнаружившем подлинный указ об описании 1681/82 г. К.и.н. *Н.П. Воскобойникова* (Москва) проинформировала коллег о сравнительно новом источнике – переписной книге Устюжской епархии 1696/97 г., – показав возможности сравнения ее информации со сведениями о церковных приходах Яренского уезда из другой документации. Сложные вопросы подготовки к изданию обширного комплекса государевых указных грамот (более 900) из Устюжской четверти за 1613–1626 гг. затронул к.и.н. *И.В. Пугач* (Вологда). Комплекс прихода-расходных книг XVII – первой половины XVIII в. как источник по рыбному промыслу Крестного Онежского монастыря был проанализирован к.и.н. *С.А. Никоновым* (Мурманск). Численность и особенности состава приходского духовенства Карелии по писцовым и переписным книгам рассмотрела *Е.Д. Суслова* (Петрозаводск). Масштабный опыт изучения народонаселения устюжской волости Уфтьи по всему комплексу писцовых, переписных, метрических книг и материалов ревизий за XVII–XIX вв. представил *Д.А. Пшеницын* (Вологда).

Возможности топонимического материала писцовой книги Ростовского уезда 1629–1631 гг. для изучения процесса колонизации были раскрыты *А.Л. Каретниковым* (Ростов Великий). *А.Л. Грязнов* (Вологда) на примере Суздальской писцовой книги 1620-х гг. затронул проблемы реконструкции социального состава светских землевладельцев уезда. Монастырское землевладение Нижегородского уезда по данным переписных книг начала 1700-х гг. было рассмотрено в докладе к.и.н. *Н.В. Соколовой* (Москва), обратившей внимание в том числе и на обнаруженные ею описания нижегородских вотчин Троице-Сергиева монастыря. Отражение вытного обложения в писцовой документации Нижегородского края XVII в. было рассмотрено к.и.н. *В.Н. Филатовой* (Нижний Новгород). На недостаточно использованные возможности материалов Генерального межевания для изучения структуры дворянской земельной собственности обратил внимание к.и.н. *Д.А. Черненко* (Вологда), проанализировавший эти источники по Шуйскому уезду. Опыт сплошной обработки информации писцовых и переписных книг Вологды XVII – начала XVIII в. на предмет мобилизации дворов и другой недвижимости среди посадских людей представила *А.Г. Гуслистова* (Вологда).

Большим тематическим разнообразием отличались выступления докладчиков по проблемам изучения и использования массовых источников XVIII – начала XX в. С новыми материалами о характере крестьянских повинностей в начале XVIII в. на примере «конского сбора» в оброчных книгах 1704 г. познакомил коллег *Д.А. Хитров* (Москва). Судьбу офицеров Выборгского гарнизона в отражении данных послужных списков 1717 г. и материалов генерального смотра Военной коллегии 1719 г. рассмотрела *М.Е. Проскурякова* (Петрозаводск). Разновидности метрической документации Кубани XVIII–XIX вв. (книги, ведомости, экстракты) разобрал д.и.н. *В.И. Иванов* (Краснодар), обративший внимание на значение районных архивов для их выявления. Ведомости о монашествующих как источники для изучения русского духовенства Синодального периода проанализировал *С.Ю. Поземов* (Вологда). Массовые источники по сельским выборам в Тотемском уезде Вологодской губ. XIX в. охарактеризовал *Д.А. Мухин* (Санкт-Петербург). Виды массовой документации о пожертвованиях как источники по изучению традиций храмопопечительства проанализировала *Н.А. Шушвал* (Вологда). Данные подворных переписей 1880-х гг. для кустарно-промышленного районирования Европейской России рассмотрела *М.В. Карташова* (Балахна). Структура делопроизводственной документации по истории местных органов политического сыска в России начала XX в. была приведена *Е.Н. Пылаевой* (Вологда). Опытом контент-анализа церковных поучений рубежа XIX–XX вв. поделился *А.В. Матвеев* (Вологда).

В виде стендовых докладов были представлены исследования к.и.н. *Г.В. Демчук* (Архангельск) о землевладении в Устьянских сохах в XVII в., к.и.н. *Г.Л. Присенко* (Тула) об историко-географических источниках XIX–XX вв. в контексте тульской археографии и историографии и к.и.н. *Л.Г. Степановой* (Армавир) по общим проблемам структурирования массовых данных писцовых книг в свете учения об информации.

В заключение участники совещания обменялись мнениями по тематике прозвучавших докладов и перспективам дальнейшего изучения массовых источников XVI – начала XX в. С удовлетворением организаторы и участники отметили расширение тематического и хронологического разнообразия докладов и сообщений, активное участие в работе конференции молодых ученых

и аспирантов. По итогам работы были приняты решения: продолжить проведение подобных конференций и XVII совещание провести в 2011 г. в Москве, посвятив его памяти Я.Е. Водарского; подготовить электронную версию материалов конференции.

**М.С. Черкасова, доктор исторических наук,
И.В. Пугач, кандидат исторических наук
(Вологодский государственный педагогический университет)**

«Рабочий класс и рабочее движение в России в условиях трансформаций XX века»: Всероссийская научная конференция

Прокопьевский филиал Томского государственного университета стал местом проведения этого научного форума 24–25 сентября 2009 г. не случайно. Именно Прокопьевск 20 лет назад стал центром всекузбасской июльской забастовки, которая оказала значительное влияние на дальнейшее развитие нашей страны. В конференции приняли участие 50 ученых из России, Украины и Казахстана. На пленарном заседании речь шла о вопросах методологии изучения рабочего класса (*Т.В. Кисельникова*, Томский архитектурно-строительный университет), источниковедения и историографии протестного движения в Кузбассе в конце XX – начале XXI в. (*К.А. Заболотская*, Кемеровский государственный университет), о рабочих как объекте и субъекте радикальных трансформаций (*Б.И. Максимов*, Институт социологии РАН, Санкт-Петербургский филиал), о рабочем движении в системе общественных отношений в постсоветской России (*М.И. Воейков*, Институт экономики РАН), о взаимоотношениях шахтерского и украинского национально-демократического движения 1989–1991 гг. (*В.Л. Аганов*, Донецкий институт железнодорожного транспорта), о месте индустриального рабочего в будущем России (*А.В. Бузгалин*, МГУ им. М.В. Ломоносова).

В рамках секции «Российский рабочий класс в начале XX в. и в период советской модернизации» были заслушаны сообщения о положении рабочих частных железных дорог в начале XX в. (*Т.И. Андреева*, Барнаульский государственный педагогический институт), о положении крестьян-отходников на угольных копях Кузбасса того же времени (*М.В. Дорофеев*, Кузбасская государственная педагогическая академия), о влиянии социально-экономического развития на рабочих индустриальных центров Томской губ. в конце XIX – начале XX в. (*К.В. Фадеев*, Томский государственный архитектурно-строительный университет), о пролетарском и трудовом населении Сибири в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. (*Ю.П. Горелов*, Кемеровский государственный университет), о рабочем движении в Кузбассе накануне и в начале революции 1905–1907 гг. (*Г.В. Макачук*, Кемеровский государственный университет), о государственном регулировании цен в городах и рабочих поселках Сибири накануне и во время революции 1917 г. (*Е.Н. Косых*, Томский государственный архитектурно-строительный университет), о рабочих Сибири во время выборов во Всероссийское Учредительное собрание в 1917 г. (*М.В. Шиловский*, Институт истории СО РАН), о борьбе железнодорожников Кузбасса за свои права в условиях Гражданской войны (*С.П. Звягина*, Кемеровский государственный университет), о жилищных условиях рабочих Сибири в 1920–1930-х гг. (*В.И. Исаева*, Институт истории СО РАН), о формировании рабочих кадров Кузбасса в начале 1930-х гг. (*Р.С. Бикметов*, Кемеровский государственный технический университет), об особенностях формирования шахтерских кадров Прокопьевского рудника в годы предвоенных пятилеток (*С.П. Простак*, Сибирский государственный индустриальный университет), об интенсификации труда рабочего класса в 1930-х гг. (*Е.Э. Казакова*, Русско-немецкий университет), об условиях труда и быта рабочих на железнодорожных стройках Кузбасса в 1930-х гг. (*С.В. Андрюкова*, Томский государственный архитектурно-строительный университет), о протестных выступлениях рабочих Карагандинского угольного бассейна в 1930-х гг. (*М.Ю. Ким*, Томский университет систем управления и радиоэлектроники), о техническом прогрессе на промышленных предприятиях Западной Сибири в 1950–1960-х гг. (*П.И. Першиков*, Томский политехнический университет), о мотивации трудовой деятельности металлургов и других промышленных рабочих в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (*Т.Б. Соловьева*, *А.Н. Карсакова*, Сибирский государственный индустриальный университет), о повседневной жизни карагандинских шахтеров в послевоенные годы (*К.К. Абдрахманова*, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова), о парадоксах социального развития в позднем советском обществе (*С.Е. Мишенин*, Кемеровский государственный университет).

На секции «Рабочий класс и рабочее движение в конце XX – начале XXI в.» обсуждались вопросы отечественной историографии конца XX – начала XXI в. в связи с концепцией модернизации и ее значением в оценке развития СССР 1930-х гг. (*М.В. Казьмина*, Кемеровский государственный университет), историографические аспекты шахтерской забастовки 1989 г. (*А.Б. Коновалов*, Кемеровский государственный университет), а также проблемы развития шахтерского движения в Кузбассе в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. (*С.А. Величко*, Омский юридический институт; *В.Н. Казьмин*, Кемеровский государственный университет), взаимоотношений партгосноменклатуры и рабочего движения в Кузбассе (*Д.В. Воронин*, Прокопьевский филиал Томского государственного университета) и др.

Особенностью конференции стало проведение «круглого стола» «Российский госпатернализм на производстве: вчера, сегодня, завтра», в рамках которого был заслушан доклад «Советский рабочий на производстве: госпатернализм сверху, инфантилизм снизу» (*В.П. Андреев*, Томский государственный университет; *М.И. Воейков*). По результатам конференции было высказано предложение о создании центра по исследованию проблем современной структуры и положения рабочего класса и рабочего движения в индустриальном регионе с привлечением социологов, экономистов и юристов.

**Д.В. Воронин, кандидат исторических наук
(Прокопьевский филиал
Томского государственного университета)**

СОДЕРЖАНИЕ

Из истории политических партий и движений социального протеста: конец 1917 – начало 1930-х гг.

Андреев М.А. – Деятельность партии левых социалистов-революционеров в Наркомпросе РСФСР.....	
Чернов Д.И. – Анархо-универсалисты в Советской России начала 1920-х гг.	
«Мы бросили работу. Придите к нам на помощь...». Документы Центрального архива ФСБ России о забастовках московских текстильщиков в 1923 г. Публикация Л.В. Борисовой	1
Лозбенев И.Н. – Оппозиционные политические партии в регионах Центральной части Европейской России (1920-е гг.)	2
Саран А.Ю. (Орел) – Центральное Черноземье на рубеже 1920–1930-х гг.: оппозиция и повстанчество	2

Великая Отечественная война и демографическая ситуация в России

Жиромская В.Б. – Война и старение российского населения.....	4
Араловец Н.А. – Брак и семья в РСФСР в послевоенные годы	5
Репинецкий А.И. (Самара) – Война и образовательный уровень населения России	6
Исупов В.А. (Новосибирск) – Население Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: численность, состав, воспроизводство.....	6
Сивцева С.И. (Якутск) – Демографическая ситуация в Якутии в 1941–1945 гг.	8
Корнилов Г.Е. (Екатеринбург) – Население Свердловска в военные годы	9

Повседневная жизнь российской провинции в XVII – начале XX в.

Лаптева Т.А. – Повседневная жизнь провинциального дворянства в XVII в.	10
Майорова А.С. (Саратов) – Культура и повседневная жизнь дворянства Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.	11
Маслова И.В. (Елабуга) – Будни и праздники купечества уездных городов Вятской губернии XIX – начала XX в.	13

Статьи

Ляпин Д.А. (Елец) – К вопросу о «городских восстаниях» в России в середине XVII в. (по материалам южнорусских уездов)	14
Минаков А.Ю. (Воронеж) – Социально-экономические взгляды русских консерваторов первой трети XIX в.	15
Крестьянников Е.А. (Тюмень) – «Подпольная адвокатура» и консультации поверенных в дореволюционной России: из сибирского опыта	16

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Шнейдер К.И. (Пермь) – Ранний русский либерализм в отечественной и зарубежной историографии	17
Фельдман М.А. (Екатеринбург) – Историк на рубеже двух эпох: К 80-летию Ю.И. Кирьянова	18

Дискуссии и обсуждения

Кучкин В.А. – Был ли Русский Север Варягией в праиндоевропейское время?.....	19
--	----

Критика и библиография

Рогожин Н.М. – А.Б. Мазуров, А.Ю. Никандров. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV в.	20
---	----

Гуськов А.Г. – Педер фон Хавен. Путешествие в Россию	210
Сафонов М.М. (Санкт-Петербург) – П.Д. Николаенко. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России.....	213

Научная жизнь

Китров Д.А. – Первые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова	216
Перкасова М.С., Пугач И.В. (Вологда) – XVI Всероссийское научно-практическое совещание по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI–XX вв.	218
Боронин Д.В. (Прокопьевск) – «Рабочий класс и рабочее движение в России в условиях трансформаций XX в.»: Всероссийская научная конференция.....	220

CONTENTS

History of political parties and social protest movements: from the late 1917 to the late 1930s

Andreev M.A. – Activities of left social-revolutionaries in the Narkompros of the Russian Soviet Socialist republic	3
Chernov D.I. – The anarchists-universalists in Soviet Russia in the early 1920s	7
«We gave up working. Come to help us...». Documents from the FSB Central archive on the strikes among the textile-workers of Moscow. <i>Edited by L.V. Borisova</i>	14
Lozbenov I.N. – Oppositional political parties in the regions of Central Russia, the 1920s.....	23
Marjan A.Yu. (Orel) – Central Black-soil region in the late 1920s – early 1930s: opposition and guerillas	29

The Great patriotic war and demographic situation in Russia

Chironskaya V.B. – The war and the ageing of Russian population	46
Khalovets N.A. – Marriage and family in the post-war Russian Federation.....	55
Repinetsky A.I. (Samara) – The war and the educational level of Russian population.....	63
Supov V.A. (Novosibirsk) – The population of Western Siberia during the Great patriotic war: numbers, composition, and reproduction	69
Sivtseva S.I. (Yakutsk) – Demographic situation in Yakut republic in 1941–1945	84
Kornilov G.E. (Ekaterinburg) – The population of Sverdlovsk during the war	94

Everyday life in Russian provinces, 17th – early 20th centuries

Lapteva T.A. – Everyday life of provincial nobility in the 17 th century	107
Maierova A.S. (Saratov) – Culture and everyday life of nobility in Saratov province, late 18 th – early 19 th centuries	118
Maslova I.V. (Elabuga) – Merchants' weekdays and holidays in the uezd towns of Viatka province, 19 th – early 20 th centuries	134

Articles

Lapin D.A. (Elets) – A propos the «city mutinies» in Russia in the middle of the 17 th century (the case of southern towns).....	142
Minakov A.Yu. (Voronezh) – Social and economic views of Russian conservatives, first third of the 19 th century	154
Krestiannikov E.A. (Tiumen) – «The underground Bar» and the lawyers' consultations in pre-Revolutionary Russia (the case of Siberia)	167
	223

Historiography, Source studies, Methods of Historical Research

Shneider K.I. (Perm') – Early Russian liberalism in Russian and Western historiographies	17
Feldman M.A. (Ekaterinburg) – A historian on the verge of two epochs: the 80 th anniversary of Yu.I. Kirianov	18

Discussions

Kuchkin V.A. – Was the Russian North the Land of Varangians in pre-Indo-European times?.....	19
---	----

Book reviews

Rogozhin N.M. – A.B. Mazurov, A.Yu. Nikandrov. Russian appanage during the formation of the unified state: the Serpukhov principality, mid 14 th – first half of 15 th centuries	20
Gus'kov A.G. – Peder von Haven. The voyage to Russia	21
Safonov M.M. (Saint-Petersburg) – P.D. Nikolaenko. Prince V.P. Kochubey – the first Russian Minister of Interior	21

Academic life

Khitrov D.A. – The first readings in memory of the academician of RAS L.V. Milov	21
Cherkasova M.S., Pugach I.V. (Vologda) – XVI Research and practical conference on the studying and publishing of the ancient Russian cadastre books (<i>pistsoviye knigi</i>) and other sources on Russia's historical geography of 16 th –20 th centuries	21
Voronin D.V. (Prokopievsk) – «Worker class and workers' movements in Russia in the age of transformations of the 20 th century»: a research conference	22

Сдано в набор 01.04.2010

Подписано в печать 11.06.2010

Формат бумаги 70 × 100^{1/16}

Печать офсетная

Усл. печ.л. 14,0

Усл.кр.-отт. 14,8 тыс.

Уч. изд.л. 25,1

Бум.л. 7,0

Тираж 1042 экз.

Зак. 365

Свидетельство о регистрации № 0110244 от 8.02.1993 г.

в Министерстве печати и информации РФ

Учредители: Российская академия наук, Институт российской истории РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 8-499-723-69-10

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография «Наука», 121099 Москва, Шубинский пер., 6